

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

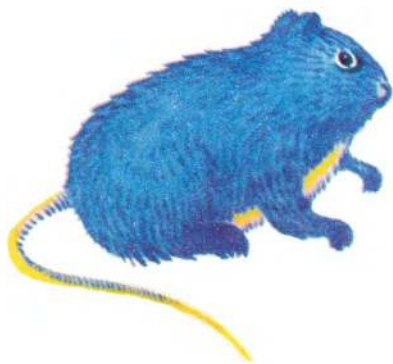
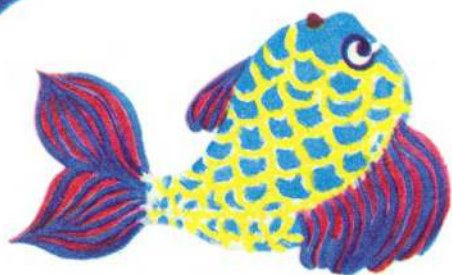

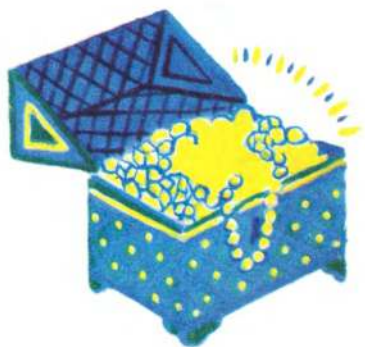
Фейерверк под Рождество

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЇ

Фейерверк под Рождество

Зимние сказки
и фантазии

1 9 9 3

Москва — Санкт-Петербург
«КИМОС-АРД» — фирма «РИТА» — «БИБЛИОПОЛИС»

Оформление серии
Владимира Волипца

Художник
Екатерина Рожкова

ISBN 5-86138-013-9

© Составление, оформление
«КИМОС-АРД», 1993.

В плену у Снежной Королевы

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

ЁЛКА

тояла в лесу этакая славненькая елочка; место у нее было хорошее: и солнышко ее пригревало, и воздуха было вдосталь, а вокруг росли товарищи постарше, ель да сосна. Только не терпелось елочке самой стать взрослой; не думала она ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе; не замечала и говорливых деревенских детишек, когда они приходили в лес собирать землянику или малину. Наберут полную кружку, а то нанижут ягоды на соломины, подсядут к елочке и скажут:

— Какая славная елочка!

А ей бы и вовсе не слушать таких речей.

Через год подросла елочка на один побег, через год вытянулась еще немножко; так, по числу побегов, всегда можно узнать, сколько лет росла елка.

— Ах, быть бы мне такой же большой, как другие! — вздыхала елка. — Уж как бы широко раскинулась я ветвями да выглянула макушкой на вольный свет! Птицы вили бы гнезда у меня в ветвях, а как подует ветер, я кивала бы с достоинством, не хуже других!

И не были ей в радость ни солнце, ни птицы, ни алые облака, утром и вечером проплывавшие над нею.

Когда стояла зима и снег лежал вокруг искрящейся белой пеленой, частенько являлся вприпрыжку заяц и перескакивал прямо через елочку — такая обида! Но прошло две зимы, и на третью елка так подросла, что зайцу уже приходилось обегать ее кругом.

«Ах! Вырасти, вырасти, стать большой и старой — лучше этого нет ничего на свете!» — думала елка.

По осени в лес приходили дровосеки и валили сколько-то самых больших деревьев. Так случалось каждый год, и елка, теперь уже совсем взрослая, всякий раз трепетала, — с таким стоном и звоном падали наземь большие прекрасные деревья. С них срубали ветви, и они были такие голые, длинные, узкие — просто не узнать. Но потом их укладывали на повозки, и лошади увозили их прочь из лесу. Куда? Что их ждало?

Весной, когда прилетели ласточки и аисты, елка спросила у них:

— Вы не знаете, куда их увезли? Они вам не попадались?

Ласточки не знали, но аист призадумался, кивнул головой и сказал:

— Пожалуй, что знаю. Когда я летел из Египта, мне встретилось много новых кораблей с великолепными мачтами. Помоему, это они и были, от них пахло елью. Я с ними много раз здоровался, и голову они держали высоко, очень высоко.

— Ах, если б и я была взрослой и могла поплыть через море! А какое оно из себя, это море? На что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать, — ответил аист и улетел.

— Радуйся своей молодости! — говорили солнечные лучи. — Радуйся юной жизни, которая играет в тебе!

И ветер ласкал елку, и роса проливалась над ней слезы, но она этого не понимала.

Как подходило рождество, рубили в лесу совсем юные елки, иные из них были даже моложе и ниже ростом, чем наша, которая не знала покоя и все рвалась из лесу. Эти деревца, а они, кстати сказать, были самые красивые, всегда сохраняли свои ветки, их сразу укладывали на повозки, и лошади увозили их из лесу.

— Куда они? — спрашивала елка. — Они ведь не больше меня, а одна так и вовсе меньше. Почему они сохранили все свои ветки? Куда они едут?

— Мы знаем! Мы знаем! — чирикали воробьи. — Мы бывали в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда они едут! Их ждет такой блеск и слава, что и не придумаешь! Мы заглядывали в окна, мы видели! Их сажают посреди теплой комнаты и украшают замечательными вещами — золочеными яблоками, медовыми пряниками, игрушками и сотнями свечей!

— А потом? — спрашивала елка, трепеща ветвями. — А потом? Потом что?

— Больше мы ничего не видали! Это было бесподобно!

— А может, и мне суждено пойти этим сияющим путем! — ликовала елка. — Это еще лучше, чем плавать по морю. Ах, как я томлюсь! Хоть бы поскорей опять рождество! Теперь и я такая же большая и рослая, как те, которых увезли в прошлом году... Ах, только бы мне попасть на повозку! Только бы попасть в теплую комнату со всей этой славой и великолепиям! А потом?.. Ну, а потом будет что-то еще лучше, еще прекраснее, а то к чему же еще так наряжать меня? Уж конечно, потом будет что-то еще более величественное, еще более великолепное!.. Но что? Ах, как я тоскую, как томлюсь! Сама не знаю, что со мной делается!

— Радуйся мне! — говорили воздух и солнечный свет. — Радуйся своей юной свежести здесь, на приволье!

Но она ни капельки не радовалась; она росла и росла, зиму и лето она стояла зеленая; темно-зеленая стояла она, и все, кто ни видел ее, говорили: «Какая славная елка!» — и под рождество срубили ее первую. Глубоко, в самое нутро ее вошел топор, елка со вздохом пала наземь, и было ей больно, было дурно, и не могла она думать ни о каком счастье, и тоска была разлучаться с родиной, с клочком земли, на котором она выросла: знала она, что никогда больше не видать ей своих милых старых товарищей, кустиков и цветков, росших вокруг, а может, даже и птиц. Отъезд был совсем невеселым.

Очнулась она, лишь когда ее сгрузили во дворе вместе с остальными и чей-то голос сказал:

— Вот эта просто великолепна! Только эту!

Пришли двое слуг при полном параде и внесли елку в большую красивую залу. Повсюду на стенах висели портреты, на большой изразцовой печи стояли китайские вазы со львами на крышках; были тут кресла-качалки, шелковые диваны и большие столы, а на столах книжки с картинками и игрушки, на которые потратили, наверное, сто раз по сто риксдалеров, — во всяком случае, дети говорили так. Елку поставили в большую бочку с песком, но никто бы ине подумал, что это бочка, потому что она была обернута зеленой материей, а стояла на большом пестром ковре. Ах, как трепетала елка! Что-то будет теперь? Девушки и слуги стали наряжать ее. На ветвях повисли маленькие сумочки, вырезанные из цветной бумаги, и каждая была наполнена сладостями; золоченые яблоки и грецкие орехи словно сами выросли на елке, и больше ста маленьких свечей,

красных, белых и голубых, воткнули ей в ветки, а на ветках среди зелени закачались куколки, совсем как живые человечки — елка еще ни разу не видела таких, — закачались среди зелени, а сверху, на самую макушку ей посадили усыпанную золотыми блестками звезду. Это было великолепно, совершенно бесподобно...

— Сегодня вечером, — говорили все, — сегодня вечером она засияет!

«Ах! — подумала елка. — Скорей бы вечер! Скорей бы зажгли свечи! И что же будет тогда? Уж не придут ли из леса деревья посмотреть на меня? Уж не слетятся ли воробьи к окнам? Уж не приживусь ли я здесь, уж не буду ли стоять разубранная зиму и лето?»

Да, она изрядно во всем разбиралась и томилась до того, что у нее прямо-таки раздуделась кора, а для дерева это все равно что головная боль для нашего брата.

И вот зажгли свечи. Какой блеск, какое великолепие! Елка затрепетала всеми своими ветвями, так что одна из свечей пошла огнем по ее зеленой хвое; горячо было ужасно.

— Господи помилуй! — закричали девушки и бросились гасить огонь.

Теперь елка не смела даже и трепетать. О, как страшно ей было! Как боялась она потерять хоть что-нибудь из своего убранства, как была ошеломлена всем этим блеском... И тут распахнулись створки дверей, и в зал гурьбой ворвались дети, и было так, будто они вот-вот свалят елку. За ними степенно следовали взрослые. Малыши замерли на месте, но лишь на мгновение, а потом пошло такое веселье, что только в ушах звенело. Дети пустились в пляс вокруг елки и один за другим срывали с нее подарки.

«Что они делают? — думала елка. — Что будет дальше?»

Свечи выгорали вплоть до самых ветвей, и когда они выгорели, их потушили, и дозволено было детям обобрать елку. О, как они набросились на нее! Только ветки затрещали. Не будь она привязана макушкой с золотой звездой к потолку, ее бы опрокинули.

Дети кружились в хороводе со своими великолепными игрушками, а на елку никто и не глядел, только старая няня высматривала среди ветвей, не осталось ли где забытого яблока или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к елке маленького толстого человечка, и он уселся прямо под ней.

— Так мы будем совсем как в лесу, да и елке не мешает послушать, — сказал он, — только я расскажу всего одну сказку. Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который с лестницы свалился, а все ж таки в честь попал да принцессу за себя взял?

— Про Иведе-Аведе! — кричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

И был шум и гам, одна только елка молчала и думала: «А я-то что же, уж больше не с ними, ничего уж больше не сделаю?» Она свое отыграла, она, что ей было положено, сделала.

И толстый человечек рассказал про Клумпе-Думпе, что с лестницы свалился, а все ж таки в честь попал да принцессу за себя взял. Дети захлопали в ладоши, закричали: «Еще, еще расскажи!» — им хотелось послушать и про Иведе-Аведе, но пришлось остаться при Клумпе-Думпе. Совсем притихшая, задумчивая, стояла елка, птицы в лесу ничего подобного не рассказывали.

«Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а все ж таки принцессу за себя взял! Вот, вот, бывает же такое на свете! — думала елка и верила, что все это правда, ведь рассказывал-то такой славный человек. — Вот, вот, почем знать? Может, и я с лестницы свалюсь и выйду за принца».

И она радовалась, что назавтра ее опять украсят свечами и игрушками, золотом и фруктами.

«Уж завтра-то я не буду так трястись! — думала она. — Завтра я вдосталь натешусь своим торжеством. Опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может, и про Иведе-Аведе». Так, тихая и задумчивая, простояла она всю ночь.

Поутру пришел слуга со служанкой.

«Сейчас меня опять начнут наряжать! — подумала елка. Но ее волоком потащили из комнаты, потом вверх по лестнице, потом на чердак, а там сунули в темный угол, куда не проникал дневной свет. — Что бы это значило? — думала елка. — Что мне тут делать? Что я могу тут услышать?»

И она прислонилась к стене и так стояла и все думала, думала. Времени у нее было достаточно.

Много дней и ночей миновало; на чердак никто не приходил. А когда наконец кто-то пришел, то затем лишь, чтобы поставить в угол несколько больших ящиков. Теперь елка стояла совсем запрятанная в угол, о ней как будто окончательно забыли.

«На дворе зима! — подумала она. — Земля затвердела и покрылась снегом, люди не могут пересадить меня, стало быть, я, верно, простою тут под крышей до весны. Как умно придумано! Какие они все-таки добрые, люди!.. Вот если б только тут не было так темно, так страшно одиноко... Хоть бы один зайчишка какой! Славно все-таки было в лесу, когда вокруг снег да еще заяц проскочит, пусть даже и перепрыгнет через тебя, хотя когда-то я этого терпеть не могла. Все-таки ужасно одиноко здесь наверху!»

— Пип! — сказала вдруг маленькая мышь и выскочила из норы, а за нею следом еще одна малышка. Они обнюхали елку и стали шмыгать по ее ветвям.

— Тут жутко холодно! — сказали мыши. — А то бы просто благодать! Правда, старая елка?

— Я вовсе не старая! — ответила елка. — Есть много деревьев куда старше меня!

— Откуда ты? — спросили мыши. — И что ты знаешь? — Они были ужасно любопытные. — Расскажи нам про самое чудесное место на свете! Ты была там? Ты была когда-нибудь в кладовке, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока, где можно плясать по сальным свечам, куда войдешь тощей, откуда выйдешь жирной?

— Не знаю я такого места, — сказала елка, — зато знаю лес, где светит солнце и поют птицы!

И рассказала елка все про свою юность, а мыши отродясь ничего такого не слыхали и, выслушав елку, сказали:

— Ах, как много ты видела! Ах, как счастлива ты была!

— Счастлива? — переспросила елка и задумалась над своими словами. — Да, пожалуй, веселые были денечки!

И тут рассказала она про сочельник, про то, как ее разубрали пряниками и свечами.

— О! — сказали мыши. — Какая же ты была счастливая, старая елка!

— Я вовсе не старая! — сказала елка. — Я пришла из лесу только нынешней зимой! Я в самой поре! Я только что вошла в рост.

— Как славно ты рассказываешь! — сказали мыши и на следующую ночь привели с собой еще четырех послушать ее, и чем больше елка рассказывала, тем яснее припоминала все и думала: «А ведь и в самом деле веселые были денечки! Но они вернутся, вернутся! Клумпе-Думпе с лестницы свалился, а все

ж таки принцессу за себя взял, так, может, и я за принца выйду?» И вспомнился елке этаким хорошенький молоденький дубок, что рос в лесу, и был он для елки настоящий прекрасный принц.

— А кто такой Клумпе-Думпе? — спросили мыши.

И елка рассказала всю сказку, она запомнила ее слово в слово. И мыши подпрыгивали от радости чуть ли не до самой ее верхушки.

На следующую ночь мышей пришло куда больше, а в воскресенье явились даже две крысы. Но крысы сказали, что сказка вовсе не так уж хороша, и мыши очень огорчились, потому что теперь и им сказка стала меньше нравиться.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только одну! — ответила елка. — Я слышала ее в самый счастливый вечер всей моей жизни, но тогда я и не думала, как счастлива я была.

— Чрезвычайно убогая история! А вы не знаете какой-нибудь еще — со шпиком, сальными свечами? Истории про кладовую?

— Нет, — отвечала елка.

— Так премного благодарны! — сказали крысы и убрались восвояси.

Мыши в конце концов тоже разбежались, и тут елка сказала, вздыхая:

— А все ж хорошо было, когда они сидели вокруг, эти резвые мышки, и слушали, что я им рассказываю! Теперь и этому конец. Но уж теперь-то я не упущу случая порадоваться, как только меня снова вынесут на белый свет!

Но когда это случилось... Да, это было утром, пришли люди и шумно завозились на чердаке. Ящики передвинули, елку вытащили из угла; ее, правда, больнехонько шваркнули об пол, но слуга тут же поволок ее к лестнице, где брезжил дневной свет.

«Ну вот, это начало новой жизни!» — подумала елка. Она почувствовала свежий воздух, первый луч солнца, и вот уж она на дворе. Все произошло так быстро; елка даже забыла оглядеть себя, столько было вокруг такого, на что стоило посмотреть. Двор примыкал к саду, а в саду все цвело. Через изгородь перевешивались свежие, душистые розы, стояли в цвету липы, летали ласточки. «Вить-вить! Вернулась моя женушка!» — щепетали они, но говорилось это не про елку.

«Уж теперь-то я заживу», — радовалась елка, расправляя

ветви. А ветви-то были все высохшие да пожелтевшие, и лежала она в углу двора в крапиве и сорняках. Но на верхушке у нее все еще сидела звезда из золоченой бумаги и сверкала на солнце.

Во дворе весело играли дети — те самые, что в сочельник плясали вокруг елки и так радовались ей. Самый младший подскочил к елке и сорвал звезду.

— Поглядите, что еще осталось на этой гадкой старой елке! — сказал он и стал топтать ее ветви, так что они захрустели под его сапожками.

А елка взглянула на сад в свежем убранстве из цветов, взглянула на себя и пожалела, что не осталась в своем темном углу на чердаке; вспомнила свою свежую юность в лесу, и веселый сочельник, и маленьких мышек, которые с таким удовольствием слушали сказку про Клумпе-Думпе.

— Конец, конец! — сказала бедное дерево. — Уж хоть бы я радовалась, пока было время! Конец, конец!

Пришел слуга и разрубил елку на щепки — вышла целая охапка; жарко запылали они под большим пивоваренным котлом; и так глубоко вздыхала елка, что каждый вздох был как маленький выстрел; игравшие во дворе дети сбежались к костру, уселись перед ним и, глядя в огонь, кричали:

— Пиф-паф!

А елка при каждом выстреле, который был ее глубоким вздохом, вспоминала то солнечный летний день, то звездную зимнюю ночь в лесу, вспоминала сочельник и сказку про Клумпе-Думпе — единственную, которую слышала и умела рассказывать... Так она и сгорела.

Мальчишки играли во дворе, и на груди у самого младшего красовалась звезда, которую носила елка в самый счастливый вечер своей жизни; он прошел, и с елкой все кончено, и с этой историей тоже. Кончено, кончено, и так бывает со всеми историями.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

СНЕГОВИК

— Так и хрустит во мне! Славный морозец! — сказал снеговик. — Ветер-то, ветер-то так и кусает! Просто любо! А ты что тарацишься, пучеглазое? — Это он про солнце говорил, которое как раз заходило. — Впрочем, валяй! Я и не моргну! Устоим!

Вместо глаз у него торчали два осколка кровельной черепицы, вместо рта красовался обломок старых граблей; значит, он был и с зубами.

На свет он появился под радостные «ура» мальчишек, под звон бубенчиков, скрип полозьев и щелканье извозчичьих кнутов.

Солнце зашло, и на голубое небо выплыла луна, полная, ясная!

— Ишь, с другой стороны ползет! — сказал снеговик. Он думал, что это опять солнце показалось. — Я все-таки отучил его паялить на меня глаза! Пусть себе висит и светит потихоньку, чтобы мне видно было себя!.. Ах, кабы мне ухитриться как-нибудь сдвинуться! Так бы и побежал туда на лед покататься, как давеча мальчишки! Беда — не могу двинуться с места!

— Вон! Вон! — залаял старый цепной пес; он немножко охрип — ведь когда-то он был комнатною собачкой и лежал у печки. — Солнце выучит тебя двигаться! Я видел, что было в прошлом году с таким, как ты, и в позапрошлом тоже! Вон! Вон! Все убрались вон!

— О чем ты толкуешь, дружище? — сказал снеговик. — Вон та пучеглазая выучит меня двигаться? — Снеговик говорил про луну. — Она сама-то удрала от меня давеча: я так пристально посмотрел на нее в упор! А теперь вон опять выползла с другой стороны!

— Много ты смыслишь! — сказал цепной пес. — Ну да, ведь тебя только что вылепили! Та, что глядит теперь, луна, а то, что ушло, солнце; оно опять вернется завтра. Ужо оно подвинет тебя — прямо в канаву! Погода переменится! Я чую — левая нога заныла! Переменится, переменится!

— Не пойму я тебя что-то! — сказал снеговик. — А сдается, ты сулишь мне недоброе! То красноглазое, что зовут солнцем, тоже не друг мне, я уж чую!

— Вон! Вон! — пролаяла цепная собака, три раза повернулась вокруг самой себя и улеглась в своей конуре спать.

Погода и в самом деле переменилась. К утру вся окрестность была окутана густым, тягучим туманом; потом подул резкий, леденящий ветер и затрещал мороз. А что за красота была, когда взошло солнышко!

Деревья и кусты в саду стояли все покрытые инеем, точно лес из белых кораллов! Все ветви словно оделись блестящими белыми цветочками! Мельчайшие разветвления, которых летом

и не видно из-за густой листвы, теперь ясно вырисовывались тончайшим кружевным узором ослепительной белизны; от каждой ветви как будто лилось сияние! Плакучая береза, колеблемая ветром, казалось, ожила; длинные ветви ее с пушистой бахромой тихо шевелились — точь-в-точь как летом! Вот было великолепие! Встало солнышко... Ах, как все вдруг засверкало и загорелось крошечными ослепительно-белыми огоньками! Все было точно осыпано алмазной пылью, а на снегу переливались крупные бриллианты!

— Что за прелесть! — сказала молодая девушка, вышедшая в сад с молодым человеком. Они остановились как раз возле снеговика и смотрели на сверкающие деревья. — Летом такого великолепия не увидишь! — сказала она, вся сияя от удовольствия.

— И такого молодца тоже! — сказал молодой человек, указывая на снеговика. — Он бесподобен!

Молодая девушка засмеялась, кивнула головкой снеговiku и пустилась с молодым человеком по снегу вприпрыжку, у них под ногами так и захрустело, точно они бежали по крахмалу.

— Кто такие эти двое? — спросил снеговик цепную собаку. — Ты ведь живешь тут подольше меня; знаешь ты их?

— Знаю! — сказала собака. — Она гладила меня, а он бросал косточки; таких я не кусаю.

— А что же они из себя изображают? — спросил снеговик.

— Паррочку! — сказала цепная собака. — Вот они поселятся в конуре и будут вместе глотать кости! Вон! Вон!

— Ну, а значат они что-нибудь, как вот я да ты?

— Да ведь они господа! — сказал пес. — Куда как мало смыслит тот, кто только вчера вылез на свет божий! Это я по тебе вижу! Вот я так богат и годами и знанием! Я всех, всех знаю здесь! Да, я знал времена получше!.. Не мерз тут в холоде на цепи! Вон! Вон!

— Славный морозец! — сказал снеговик. — Ну, ну, рассказывай, рассказывай! Только не греми цепью, а то меня просто коробит!

— Вон! Вон! — залаял цепной пес. — Я был щенком, крошечным хорошеньким щенком, и лежал на бархатных креслах там, в доме, лежал на коленях у знатных господ! Меня целовали в мордочку и вытирали лапки вышитыми платками! Звали меня Милкой, Крошкой!.. Потом я подрос, велик для них стал, и меня подарили ключнице, я попал в подвальный

этаж. Ты можешь заглянуть туда; с твоего места отлично видно. Так вот, в той каморке я и зажил как барин! Там хоть и пониже было, да зато спокойнее, чем наверху: меня не таскали и не тискали дети. Ел я тоже не хуже, если еще не лучше! У меня была своя подушка, и еще там была печка, самая чудеснейшая вещь на свете в такие холода! Я даже уползал под нее!.. О, я и теперь еще мечтаю об этой печке! Вон! Вон!

— Разве уж она так хороша, печка-то? — спросил снеговик. — Похожа она на меня?

— Ничуть! Вот сказал тоже! Печка черна как уголь: у нее длинная шея и медное пузо! Она так и пожирает дрова, огонь пышет у нее изо рта! Рядом с нею, под нею — настоящее блаженство! Ее видно в окно, погляди!

Снеговик посмотрел и в самом деле увидел черную блестящую штуку с медным животом; в животе светился огонь. Снеговика вдруг охватило какое-то странное желание, — в нем как будто зашевелилось что-то... Что такое нашло на него, он и сам не знал и не понимал, хотя это понял бы всякий человек, если, разумеется, он не снеговик.

— Зачем же ты ушел от нее? — спросил снеговик пса, он чувствовал, что печка — существо женского пола. — Как ты мог уйти оттуда?

— Пришлось поневоле! — сказал цепной пес. — Они вышвырнули меня и посадили на цепь. Я укусил за ногу младшего барчука — он хотел отнять у меня кость! «Кость за кость!» — думаю себе... А они осердились, и я оказался на цепи! Потерял голос... Слышишь, как я хриплю? Вон! Вон! Вот тебе и вся недолга!

Снеговик уже не слушал; он не сводил глаз с подвального этажа, с каморки ключницы, где стояла на четырех ножках железная печка величиной с самого снеговика.

— Во мне что-то так странно шевелится! — сказал он. — Неужели я никогда не попаду туда? Это ведь такое невинное желание, отчего ж бы ему и не сбыться! Это мое самое заветное, мое единственное желание! Где же справедливость, если оно не сбудется? Мне надо туда, туда, к ней... Прижаться к ней во что бы то ни стало, хоть бы пришлось разбить окно!

— Туда тебе не попасть! — сказал цепной пес. — А если бы ты и добрался до печки, то тебе конец! Вон! Вон!

— Мне уж и так конец подходит, того и гляди, свалюсь!

Целый день снеговик стоял и смотрел в окно; в сумерки

каморка выглядела еще приветливее: печка светила так мягко, как не светить ни солнцу, ни луне! Куда им! Так светит только печка, если брюшко у нее набито. Когда дверцу открыли, из печки метнулось пламя и заиграло ярким отблеском на белом лице снеговика. В груди у него тоже горело пламя.

— Не выдержу! — сказал он. — Как мило она высовывает язык! Как это идет ей!

Ночь была длинная, длинная, только не для снеговика; он весь погрузился в чудесные мечты, — они так и трещали в нем от мороза.

К утру все окна подвального этажа покрылись прекрасным ледяным узором, цветами; лучших снеговик и желать не мог бы, но они скрыли печку! Стекла не оттаивали, и он не видел больше печку! Мороз так и трещал, снег хрустел, снеговiku радоваться бы да радоваться, так нет! Он тосковал о печке! Он был положительно болен.

— Ну, это опасная болезнь для снеговика! — сказал пес. — Я тоже страдал этим, но поправился. Вон! Вон! Будет перемена погоды!

И погода переменилась, началась оттепель.

Зазвенела капель, а снеговик таял на глазах, но он не говорил ничего, не жаловался, а это плохой признак. В одно прекрасное утро он рухнул. На месте его торчало только что-то вроде железной согнутой палки; на ней-то мальчишки и укрепили его.

— Ну, теперь я понимаю его тоску! — сказал цепной пес. — У него внутри была кочерга! Вот что шевелилось в нем! Теперь все прошло! Вон! Вон!

Скоро прошла и зима.

— Вон! Вон! — лаял цепной пес, а девочки на улице пели:

*Цветочек лесной, поскорей распускайся!
Ты, вербочка, мягким пушком одевайся!
Кукушки, скворцы, прилетайте,
Весну нам красну воспевайте!
И мы вам подтянем: ай, люли-люли,
Деньки наши красные снова пришли!*

О снеговике же и думать забыли!

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

*в которой рассказывается о зеркале
и его осколках*

Ну, начнем! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем сейчас. Так вот, жил был тролль, злой-презлой, сущий дьявол. Раз был он в особенно хорошем расположении духа: смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось дальше некуда, а все дурное и безобразное так и выпирало, делалось еще гаже. Прекраснейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, будто стоят они кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались так, что и не узнать, а если у кого была веснушка, то уж будьте покойны — она расползалась и на нос и на губы. А если у человека являлась добрая мысль, она отражалась в зеркале такой ужимкой, что тролль так и покатывался со смеху, радуясь своей хитрой выдумке.

Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали всем, что сотворилось чудо: теперь только, говорили они, можно увидеть весь мир и людей в их истинном свете. Они бегали повсюду с зеркалом, и скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые не отразились бы в нем в искаженном виде.

Напоследок захотелось им добраться и до неба. Чем выше они поднимались, тем сильнее кривлялось зеркало, так что они еле удерживали его в руках. Но вот они взлетели совсем высоко, как вдруг зеркало до того перекорежило от гримас, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось на миллионы, биллионы осколков, и оттого произошло еще больше бед. Некоторые осколки, с песчинку величиной, разлетаясь по белу свету, попадали в глаза, да так там и оставались. А человек с таким осколком в глазу начинал видеть все наизусть или замечать в каждой вещи только дурное — ведь каждый осколок сохранял свойства всего зеркала. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце делалось как кусок льда. Были среди осколков и боль-

шие — их вставили в оконные рамы, и уж в эти-то окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, и худо было, если такие очки надевали для того, чтобы лучше видеть и правильно судить о вещах.

Злой тролль надрывался от смеха — так веселила его эта затея. А по свету летало еще много осколков. Послушаем же про них!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем хватает места хотя бы на маленький садик, а потому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, и садик у них был чуть побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители их жили в каморках под крышей в двух соседних домах. Кровли домов сходились, и между ними тянулся водосточный желоб. Здесь-то и смотрели друг на друга чердачные окошки от каждого дома. Стоило лишь перешагнуть через желоб, и можно было попасть из одного окошка в другое.

У родителей было по большому деревянному ящику, в них росла зелень для приправ и небольшие розовые кусты — по одному в каждом ящике, пышно разросшиеся. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперек желоба, так что от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Зелеными гирляндами спускался из ящиков горох, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями. Родители позволяли мальчику и девочке ходить друг к другу в гости по крыше и сидеть на скамеечке под розами. Как чудесно им тут игралось!

А зимой эти радости кончались. Окна зачастую совсем замерзали, но дети нагревали на печи медные монеты, прикладывали их к замерзшим стеклам, и сейчас же оттаивало чудесное круглое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимою надо было сначала

спуститься на много-много ступеней вниз, а потом подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчелки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик. Он знал, что у настоящих пчел есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают ее густым роем, но она больше их всех и никогда не присаживается на землю, вечно носится в черном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, вот оттого-то и покрываются они морозными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что все это сущая правда.

— А сюда Снежная королева не может войти? — спрашивала девочка.

— Пусть только попробует! — отвечал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки. Одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звездочек. Она была так прелестна и нежна, но из льда, из ослепительно сверкающего льда, и все же живая! Глаза ее сияли, как две ясные звезды, но не было в них ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Кай испугался и спрыгнул со стула. А мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день было ясно и морозно, но потом настала оттепель, а там и весна пришла. Заблестало солнце, проглянула зелень, строили гнезда ласточки. Окна растворили, и дети опять могли сидеть в своем садике в водосточном желобе над всеми этажами.

Розы в то лето цвели пышно, как никогда. Дети пели, взявшись за руки, целовали розы и радовались солнцу. Ах, какое чудесное стояло лето, как хорошо было под розовыми кустами, которым, казалось, цвести и цвести вечно!

Как-то раз Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с

картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг Кай. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он часто-часто моргал, но в глазу как будто ничего не было.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но это было не так. Это были как раз осколки того дьявольского зеркала, о котором мы говорили вначале.

Бедняжка Кай! Теперь его сердце должно было стать как кусок льда. Боль прошла, но осколки остались.

— О чем ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно! Фу, какая ты некрасивая! — вдруг крикнул он. — Вон ту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат.

И он пнул ящик ногою и сорвал обе розы.

— Кай, что ты делаешь! — закричала Герда, а он, видя ее испуг, сорвал еще одну розу и убежал от милой маленькой Герды в свое окно.

Принесет ли теперь ему Герда книжку с картинками, он скажет, что эти картинки хороши только для грудных ребят; расскажет ли что-нибудь старая бабушка — придерется к ее словам. А то дойдет даже до того, что начнет передразнивать ее походку, надевать ее очки, говорить ее голосом. Выходило очень похоже, и люди смеялись. Скоро Кай научился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Удивительно способный мальчуган!

А причиной всему были осколки, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже милую маленькую Герду, а ведь она любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудреными. Раз зимою, когда шел снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было так красиво!

— Видишь, как хитро сделано! — сказал Кай. — Гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если б только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Кто посмелее, привязывал свои санки к крестьянским саням и катился далеко-далеко. Это было куда как занятно. В самый разгар веселья на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее, затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и приветливо кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе все кивал ему, и он продолжал ехать за ним.

Вот они выбрались за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, и стало темно, хоть глаз выколи. Мальчик поспешно отпустил веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробы, перескакивая через изгороди и каналы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в больших белых кур. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замерз — полезай ко мне в шубу!

Посадила она мальчика в сани, завернула в свою медвежью шубу. Кай словно в снежный сугроб опустился.

— Все еще мерзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что еще немного — и он умрет... Но только на минуту, а потом, напротив, ему стало так хорошо, что он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

Санки привязали на спину одной из белых кур, и она полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю еще раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше не буду целовать тебя, — сказала она. — Не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее. Как она была хороша! Лица умней и прелестней он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему.

Он совсем не боялся ее и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что на самом-то деле он знает совсем мало.

В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на черное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и сушей; студёные ветры дули под ними, выли волки, искрился снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, а днем заснул у ног Снежной королевы.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Цветник женщины, которая умела колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто этого не знал, никто не мог дать ответа.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саям, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито по нему слез, горько и долго плакала Герда. Наконец решили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернется! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернется! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — отвечали они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки (Кай ни разу еще не видел их), — сказала она как-то утром, — да пойду спрошу про него у реки.

Было еще очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты вернешь мне его!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у нее было, — и бросила в реку. Но они упали у самого берега, и волны сейчас же вынесли их обратно — река словно бы не хотела брать у девочки ее драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от ее толчка отошла от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже совсем отплыла и быстро неслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее. Воробьи же не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая ее утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило все дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках: красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли догнать ее.

«Может быть, река несет меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишневному саду, в котором ютился домик под соломенной крышей, с красными и синими стеклами в окошках. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Герда закричала им — она приняла их за живых, — но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним еще ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала еще громче. Из домика вышла старая-престарая старушка с клюкой, в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедное дитяtko! — сказала старушка. — И как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку клюкой, притянула к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радешенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась незнакомой старухи.

— Ну, пойдем, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старушку, не видала ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, верно, пройдет, так что горевать пока не о чем, пусть Герда лучше отведает вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее, чем в любой книжке с картинками, и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, синих и желтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько угодно. А пока она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы с тобой проживем!

И она продолжала расчесывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше забывала Герда своего названного брата Кая — старушка умела колдовать. Только она была не злою колдуньей и колдовала лишь изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих, а там и о Кая да и убежит от нее.

Потом старушка повела Герду в цветник. Ах какой аромат тут был, какая красота: самые разные цветы, и на каждое время года! Во всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишне-

выми деревьями. Тогда ее уложили в чудесную постель с красными шелковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветок в саду, но как ни много их было, ей все же казалось, что какого-то недостает, только какого? И вот раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и самым красивым из них была роза — старушка забыла ее стереть, когда спроварила живые розы под землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала в сад, искала их, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы падали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они увлажнили землю, куст мгновенно вырос из нее, такой же цветущий, как прежде.

Обвила его ручонками Герда, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у нее дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Вы не знаете, где он? — спросила она у роз. — Правда ли, что он умер и не вернется больше?

— Он не умер! — отвечали розы. — Мы ведь были под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Вы не знаете, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о своей собственной сказке или истории. Много их наслушалась Герда, но ни один не сказал ни слова о Кае.

Тогда Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зеленой траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветли-

во светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой стене соседнего дома, и возле самой стены проглянул первый желтенький цветок, он сверкал на солнце, словно золотой. Во двор вышла посидеть старая бабушка. Вот пришла из гостей ее внучка, бедная служанка, и поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идет прямо от сердца. Золото на ее губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и все! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне и горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и его приведу с собой. Нечего больше и спрашивать цветы — толку от них не добьешься, они знай твердят свое! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три оглядывалась назад, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и осмотрелась: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень. Только в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один только терновник стоял весь покрытый вязющими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Долго смотрел он на девочку, кивая ей головою, и наконец молвил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Выговаривать по-человечески чище он не мог, но он желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька. Что такое «одна-одинешенька», Герда зна-

ла очень хорошо, сама на себе испытала. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть! Может быть!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона — так крепко она его расцеловала.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Думаю, это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда. — Как жалко!

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал все, что знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Прочла все газеты на свете и позабыла все, что в них прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидит она на троне — а веселья-то в этом не так уж много, как люди говорят, — и напевает песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать такого человека, который бы умел отвечать, когда с ним говорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созывают всех придворных дам, объявляют им волю принцессы. Уж так они все обрадовались! «Вот это нам нравится! — говорят. — Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — ручная ворона, от нее-то я и знаю все это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя непринужденно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберет в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ валом повалил во дворец, пошла давка и толкотня, да все без проку ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорят отлично, а стоит им перешагнуть дворцовый порог,

увидеть гвардию в серебре да лакеев в золоте и войти в огромные, залитые светом залы — и их оторопь берет. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют за ней ее же слова, а ей вовсе не это было нужно. Ну, точно на них порчу напускали, опаивали дурманом! А выйдут за ворота — опять обретут дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришел свататься?

— Постой! Постой! Вот мы дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо во дворец. Глаза блестят, как твои, волосы длинные, вот только одет бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его санки! — сказала Герда. — Он ушел из дому с санками.

— Очень может быть! — сказал ворон. — Я не особенно вглядывался. Так вот, моя невеста рассказывала, как вошел он в дворцовые ворота и увидел гвардию в серебре, а по всей лестнице лакеев в золоте, ни капельки не смутился, только головой кивнул и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, войду-ка я лучше в комнаты!» А все залы залиты светом. Тайные советники и их превосходительства расхаживают без сапог, золотые блюда разносят — торжественнее некуда! Сапоги его страшно скрипят, а ему все нипочем.

— Это, наверное, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, он был в новых сапогах. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они-таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошел к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры со слугами и слугами слуг, а у тех опять прислужники. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем выше задирали нос. На прислужника слуги, прислуживающего слуге и стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай все-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он завел с принцессой беседу и говорил не хуже, чем я по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он очень свободно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да еще с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — трудно сделать. Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решетки, — сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот хлебец. Она стащила его на кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки попадешь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода и где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда огни во дворце погасли, ворон провел девочку в полуотворенную дверь.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, и как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. А как обрадуется он теперь, когда увидит ее, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нем все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они на площадке лестницы. На шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего,

барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямою дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, за нами кто-то идет, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они являются сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой, так что было отчего прийти в замешательство. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела темно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь: принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для нее вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе. Они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде — больше он пока ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручки и подумала:

«Как добры все люди и животные!» — закрыла глаза и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, все это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и позволили ей оставаться во дворце сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадьёю и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного брата.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы: у кучера, лакеев, фореиторов — дали ей и фореиторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиною к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета была битком набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона — тоже. Через три мили простился с девочкой и ворон. Тяжелое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в темный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они просто не могли этого вынести.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Какой ужас!

— Ай! — вскрикнула она вдруг: ее укусила за ухо ее собственная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, свое хорошенькое платице и будет спать со мной в моей постели.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на месте. Разбойники захохотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Хочу в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своем — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и кочкам в чашу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее, слегка кивнула и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отерла слезы Герде, а потом спрятала обе руки в ее хорошенькую мягкую теплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка.

Он был весь в огромных трещинах, из них вылетали вóроны и ворóны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги, казалось, каждому из них нипочем проглотить человека, но они только высоко подпрыгивали и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над

огнем кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердях больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она и ткнула голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решеткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина бляшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Неужели ты и спишь с ножом? — спросила ее Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Мало ли что может случиться! Ну, расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды — в другой у нее был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют ее или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби прорывались:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в саних Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенцы, еще лежали в гнезде. Онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Наверно, в Лапландию — ведь там вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лед. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным сверкающим равнинам. Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и вздремнет, тогда я кое-что сделаю для тебя.

И вот старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, а маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Еще долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты уморительный, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Можешь бежать в свою Лапландию, но за это ты должен отвезти к дворцу Снежной королевы эту девочку — там ее названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень так и подпрыгнул от радости. А маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее для верности и даже подсунула под нее мягкую подушку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — ведь холодно будет! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мерзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей уродины матери.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая

разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе еще два хлеба и окорок, чтобы не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Были волки, каркали вороны.

Уф! Уф! — слышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнем.

— Вот мое родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит.

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой лачуги. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в нее на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам еще предстоит путь! Придется сделать сто с лишним миль, пока доберетесь до Финляндии, где Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушеной треске — бумаги у меня нет, — и вы снесете послание финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала несколько слов на сушеной треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у нее и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в ее жилье! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушеной треске.

Она прочла все от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, а потом сунула треску в котел — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазами, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина... — сказал олень. — Не изготовишь ли ты для девочки такое питье, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да много ли в том проку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: он был весь исписан какими-то удивительными письменами.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лед, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает ее сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Не видишь разве, как велика ее сила? Не видишь, что ей служат и люди и звери? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу, ее сила в ее сердце, в том, что она невинный милый

ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколок, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, обсыпанного красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без теплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Тут он спустил девочку, поцеловал ее в губы, и по щекам его покатились крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи. Навстречу ей неслись целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и в нем полыхало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились все крупнее и крупнее.

Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее и все живые.

Это были передовые дозорные войска Снежной королевы.

Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Однако Герда смело шла все вперед и вперед и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

*Что случилось в чертогах Снежной королевы
и что случилось потом*

Стенами чертогов были выюги, окнами и дверями буйные ветры. Сто с лишним зал тянулись здесь одна за другой так, как наметала их выюга. Все они освещались северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкаю-

щих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, на которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою, не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички.

Холодно, пустынно, грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было точно рассчитать, в какую минуту свет усилится, в какую померкнет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро. Лед треснул на нем на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера сидела Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по ее мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было все равно что кусок льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, — которая называется китайской головоломкой. Вот и Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, только из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала.

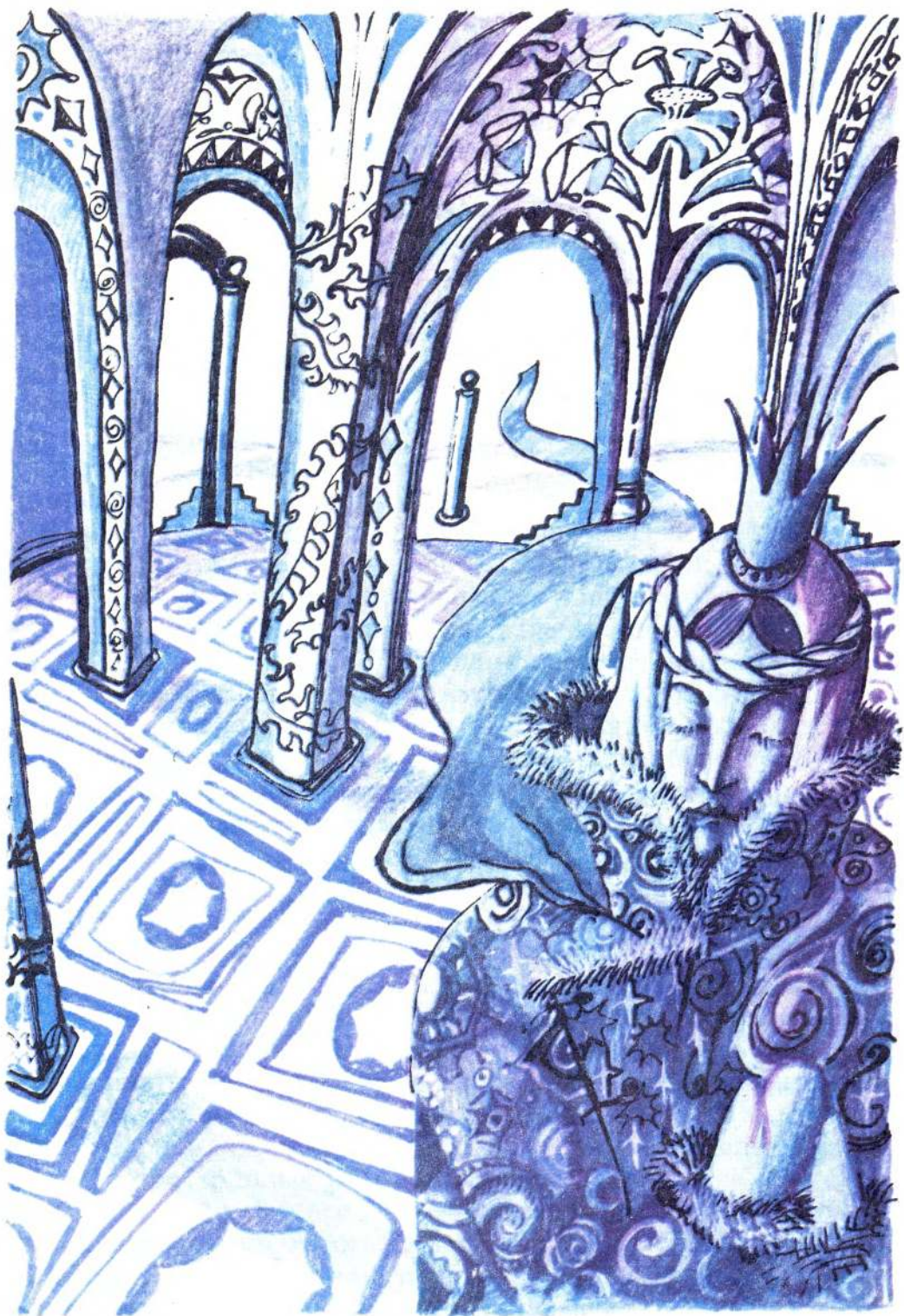
Складывал он и такие фигуры, из которых получались целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в теплые края, — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы.

Так она называла кратеры огнедышащих гор — Этны и Везувия.

— Побелю их немножко. Это хорошо для лимонов и винограда.

Она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у

него трещало. Он сидел на месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он совсем замерз.

В это-то время в огромные ворота, которыми были буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. И тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили ледяную кору, растопили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. А она смеялась и плакала от радости. И это было так чудесно, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зарделись, как розы; поцеловала его в глаза, и они заблестели; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. А когда дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал юных путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птицы, деревья покрылись зелеными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке с пистолетами за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотелось бы мне знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с черной шерстинкой на ножке и сетует на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот Расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет к ним в город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и на их пути расцветали весенние цветы, зеленела трава. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольный своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: часы говорили «тик-так», стрелки двигались по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали совсем взрослыми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой, взяли друг друга за руки, и холодное, пустынное величие чертогов Снежной королевы забылось, как тяжелый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло лето, теплое благодатное лето.

ПЕТЕР КРИСТЕН АСБЬЕРНСЕН

ПЕР ГЮНТ

Давным-давно, когда тролли ходили по земле, словно они тут хозяева, жил в Кваме охотник по имени Пер Гюнт. Круглый год бродил Пер Гюнт в горах, потому что в те давние времена горы были покрыты густыми лесами, а в лесах водилось всякое зверье.

И вот что случилось с ним однажды осенью.

Скотину с лесных пастбищ давно уже угнали вниз, в долину. Вместе со стадами ушел с гор и весь народ.

Пер Гюнт немало исходил крутых тропинок, выслеживая медведя, и ночь застала его недалеко от брошенной пастушеской хижины в Хевринге.

Тьма была такая, что он не видел даже собственной руки.

Когда Пер подошел к хижине, собаки его ни с того ни с сего принялись лаять, словно они учуяли медведя. Пер Гюнт прислушался. Кругом было тихо. Ни звука, ни шороха.

У самого порога хижины Пер вдруг споткнулся обо что-то большое, скользкое, холодное.

— Кто это? — спросил Пер Гюнт.

— Это я — Кривой, — ответил из темноты голос.

Пер Гюнт мало что понял. Но ему стало не по себе.

Он хотел было подойти к хижине с другой стороны, но едва сделал шаг — опять на что-то наткнулся.

Он наклонился к земле и стал шарить в темноте руками, чтобы узнать, кто же это мешает ему войти в хижину.

Рука его коснулась чего-то холодного, скользкого.

— Кто же это? — опять спросил Пер Гюнт.

— Да все я, Кривой, — раздался голос.

Тут Пер Гюнт догадался, что это тролль, который змеей улегся вокруг хижины.

— Кривой ты или еще какой, — смело сказал Пер Гюнт, — а посторонись-ка да пропусти меня в хижину.

Живое кольцо зашевелилось, раздвинулось, и Пер Гюнт, перешагнув через него, открыл дверь.

В хижине было не светлее, чем на дворе. Пер Гюнт пробирался ощупью, держась за стенку, и вдруг снова споткнулся обо что-то холодное, скользкое, влажное.

— Да кто это? — закричал Пер Гюнт.

— Все тот же Кривой, — услышал он в ответ.

«Нехорошо здесь оставаться, — подумал Пер Гюнт. — Но я сейчас выпрямлю этого кривого. Будет меня помнить».

Он снял с плеча ружье и вышел из хижины.

— Так ты говоришь, что ты Кривой?

— Я самый Старший Кривой из Этнедаля, — с гордостью сказал тролль.

По его голосу Пер Гюнт сообразил, где голова этого тролля, и, не мешкая, выстрелил ему в лоб три раза.

— Стреляй еще раз, — захрипел тролль.

Но Пер отлично знал, что, если он выстрелит еще раз, пуля вернется к нему и пробьет голову ему самому.

— Хватит с тебя и трех пуль, — сказал Пер Гюнт и вместе с собаками оттащил мертвое чудовище подальше от хижины.

А по горам со всех сторон прокатился гром, вой, визг.

На другое утро Пер Гюнт снова отправился на охоту. Взявшись на гору, он увидел девушку, которая гнала вниз стадо коров.

«Странно, что не весь скот еще увели», — подумал Пер.

Он пошел навстречу девушке, но она — прямо у него на глазах — вдруг исчезла, коровы тоже исчезли, а вместо них Пер увидел целое стадо медведей.

«Неужто я обознался? — подумал Пер Гюнт. — Медведей за коров принял. Да и не слышал я никогда, чтобы медведи ходили стадами».

Он подошел еще ближе, и тут стадо как сквозь землю провалилось, а прямо перед Пером, раскачиваясь из стороны в сторону, стоял один медведь — косматый, огромный, с оскаленной пастью.

В это время откуда-то из глубины горы послышался глухой голос:

— Смотри! Идет Пер Гюнт со своей огненной палкой. Спасай скорее теленка! Не то плохо ему будет!

— Плохо будет не теленку, а Перу, потому что он сегодня не мылся, — ответил такой же глухой голос из другой горы.

И сейчас же кругом все захохотало, как будто сами горы смеялись над Пером.

Не теряя времени, Пер Гюнт открыл свою фляжку с водой, наскоро вымыл руки и выстрелил. Медведь упал, а в горах опять застонало, загудело, загрохотало.

Когда все утихло, Пер Гюнт снял с медведя шкуру вместе с головой, тушу завалил камнями, шкуру взвалил на спину и пустился в обратный путь. Он шел, зорко поглядывая по сторонам. Ведь тролли могут прикинуться кем угодно — и зверем, и змеей, и человеком. На то они и тролли!

Не дойдя немного до хижины, Пер Гюнт увидел на дороге песка.

— Посмотри на моего ягненка, какой он откормленный, — сказал чей-то голос из-под земли.

— Лучше посмотри на Пера, — ответил другой голос. — Видишь, он опять поднял огненную палку?

И правда, Пер уже вскинул ружье. Выстрел — и мертвый песец растянулся на земле...

В горах снова зашумело, загрохотало, завывало. А Пер Гюнт снял с песка шкуру и пошел дальше.

Скоро он добрался до хижины. Головы медведя и песка он повесил над входом, накрепко закрыл за собой дверь, развел огонь в очаге и принялся варить суп.

Но дым от огня валил такой, что слезы ручьем текли у Пера из глаз. Пришлось ему открыть потайное окошечко — наверху, под самым потолком хижины.

И вот что случилось. Едва Пер отворил окошечко, как тролль просунул в него свой нос. А нос у него был такой длинный, как хороший багор.

— Как тебе нравится мой нос? — спросил тролль.

— А как тебе нравится мой суп? — спросил Пер и выплеснул весь горшок с похлебкой ему на нос.

Тролль завыл, застонал и отскочил от окошка.

А в горах так и покатались камни от громового хохота.

— Тролль с ошпаренным носом! Тролль с ошпаренным носом!

Наконец все стихло.

Только что Пер Гюнт принялся снова варить себе ужин, как вдруг через печную трубу хлынула вода и огонь погас.

— Теперь Перу придется не лучше, чем трем пастушкам, что остались в Вале, — сказал голос за стеной.

И опять стало тихо.

«Вот оно что! Значит, из Вале не все ушли», — подумал Пер.

Он выбрался из хижины, кликнул собак и пошел к северным склонам гор, туда, где в маленькой хижине жили вальские пастушки.

Ночь была черная, как мешок угольщика.

Пер Гюнт пришел как раз вовремя. Четыре тролля были уже у самых дверей хижины. Этих молодцов звали: Густ-Воздушный Вихрь, Валь-Горный Владыка, Тьестель-Водяной Поток и Рольф-Огненный Столб.

Пер вскинул ружье и, не целясь, выстрелил. На этот раз его пуля никого не задела. Но едва только раздался выстрел, как Густ-Воздушный Вихрь закружился на месте и помчался куда глаза глядят. Да и остальные тролли попятились назад.

А Пер тем временем бросился в хижину.

Девушки хоть и были живы, но от страха дрожали с ног до головы. Пока Пер Гюнт их утешал да успокаивал, тролли тоже набрались храбрости.

Рольф-Огненный Столб от злости совсем распался и готов был превратить хижину — вместе со всеми, кто там был — в пепел.

Но собаки Пера не дремали. Они бросились на Тьестеля-Водяной Поток и опрокинули его прямо на Огненный Столб. Оба тролля так и зашипели!

Тьестель-Водяной Поток пополз вниз по склону горы и под конец сорвался в глубокое ущелье.

А Рольф-Огненный Столб едва живой вырвался через печную трубу и, припадая на обе ноги, убрался восвояси.

Остался последний — Валь-Горный Владыка.

— Берегись, Пер! — закричал он, да так, что горы зашатались и каменный дождь забарабанил по хижине.

— Лучше ты берегись, — ответил Пер Гюнт и тремя выстрелами из ружья убил тролля.

Когда со всеми троллями было покончено, пастушки стали просить Пера Гюнта проводить их домой. Они не хотели оставаться в этих местах лишнюю минуту. Пер вместе с ними спустился в долину и довел до того самого селения, где они жили.

Там Пер Гюнт простился с вальскими пастушками.

Но с троллями ему пришлось встретиться еще раз.

Перед Новым годом Пер Гюнт услышал, что есть в Довре мыза, где в новогоднюю ночь любят собираться тролли. Ну, а людям, уж конечно, приходится от таких гостей уходить подальше.

И вот Петр Гюнт решил встретить Новый год на этой мызе. Очень ему хотелось еще раз проучить троллей.

Он вымазал лицо сажей, нарядился в какое-то рваное тряпье, так что его самого могли бы принять за тролля, взял с собой белого ручного медведя, целую свиную кожу, шило, дратву и отправился в путь.

Он постучался в дом, куда повадились ходить тролли, и попросил у хозяина приюта.

— Где же мы тебя приютим, когда тролли нас самих из дому выживают?

— А если пустите меня, я, может быть, выживу троллей из вашего дома, — сказал Пер Гюнт.

Так и порешили. Хозяева ушли, а Пер Гюнт остался у них в доме.

Медведь улегся за печкой, а Пер принялся шить из свиной кожи башмак. Такого большого башмака никто еще не видел. В дырочки Пер продернул просмоленную веревку, чтобы можно было крепко затянуть башмак, да еще вырезал из кожи хороший ремень.

В полночь явились тролли. Одни занялись приготовлением новогоднего ужина — жарили лягушек, ящериц, пауков и прочую дрянь, другие плясали и кувыркались. Словом, все чувствовали себя как дома. На Пера тролли и внимания не обратили: он был совсем им под стать — такое же страшилище.

И вдруг кто-то из троллей увидел башмак. Сейчас же все захотели мерить его. Каждый совал в него свою ногу, и когда все тролли были одной ногой в башмаке, Пер быстро затянул веревку. Тут и Мишка вылез из-за печки.

— Не хочешь ли отведать мясца, белая киска, — сказал один тролль и, изловчившись, бросил лягушку с раскаленной сковороды прямо медведю в пасть.

— Попробуй, попробуй их мясца! — сказал Пер и подмигнул медведю: принимайся, мол, за них!

А медведь и сам знал, что ему делать. Как начал он драть да полосовать троллей! И Пер от него не отстает — что есть силы лупит троллей кожаным ремнем.

Едва живые вырвались тролли из ловушки и убежали, проклиная и Пера, и его башмак, и его белую киску.

С той поры тролли даже не подходили к этому дому.

Много лет спустя, незадолго до Нового года, отправился хозяин в лес — запастись дровами на праздник.

И вдруг видит — идет ему навстречу тролль.

— Что, — спрашивает, — жива еще твоя белая киска? Может, хочет, чтобы мы опять ее угостили?

— Милости просим, — отвечает хозяин, — только побольше приносите угощения. У моей киски народилось семь детенышей, так они еще сильнее, чем сама белая киска. Да и нравом злее...

Услышал это тролль — и давай бежать.

— Нет уж, ты нас больше не увидишь! — кричит.

И верно, никто больше не видел здесь троллей.

ПЕТЕР КРИСТЕН АСБЬЕРНСЕН

ВЕЧЕР, ПРОВЕДЕННЫЙ В ОДНОЙ НОРВЕЖСКОЙ КУХНЕ

Ну и выдалась же погодка в этот вечер!

На дворе бушует метель. Ветер свистит и раскачивает голые ветки кленов и старых лип. На небе — ни звездочки. Пожалуй,

нигде небо не бывает таким мрачным, как в Норвегии в глухой декабрьский вечер.

Мы с хозяином дома сидим в его комнате, тускло освещенной свечой. В одном углу дивана устроился я с книгой, в другом углу — сам хозяин. Перед ним — целая кipa газет. Из номера в номер там печатается труд под затейливым названием: «Опыт выражения верноподданнических чувств на благо родины». Автор предпочел скрыть свое имя и скромно подписался: «Аноним».

Изучение этого глубокомысленного труда навело хозяина на столь же глубокомысленные размышления. А так как он, кажется, ни в чем не соглашался с автором и к тому же от природы был большой спорщик, то мало-помалу пришел в такой азарт, что вскочил с дивана и, размахивая руками, забегал по комнате. меховая шапочка слетела у него с головы, полы длинного сюртука взлетали точно крылья. От этого пламя свечи все время мигало, и читать стало почти невозможно. А гневные речи, которые хозяин обрушивал на невидимого автора, звенели у меня в ушах, словно рой майских жуков, и уже вовсе не давали читать.

Я знал наизусть все ядовитые реплики, уничтожающие сравнения, разящие наповал доводы, которые обрушивал на несчастного Анонима хозяин дома. Все это я слышал по крайней мере в сотый раз. Но деться мне было некуда: пол в моей комнате только что вымыли, и в ней было холодно и сыро.

Наконец я не выдержал и бросился бежать в кухню. Оттуда то и дело слышались взрывы веселого смеха. Это, наверное, кузнец Христиан рассказывал сказки.

А вслед мне неслись яростные выкрики хозяина:

— Детские игрушки!.. Ложь!.. Это позор для ученых!.. Милостивый государь, я как истинный патриот...

Больше я уже ничего не разобрал и поплотнее закрыл за собой дверь.

В просторной, чистой кухне было светло и весело. В очаге пылал яркий огонь, освещая все углы и закоулки. Тут сидела хозяйка, а возле нее устроились дети, служанки с рукодельем, соседки с веретеном.

Дети грызли орехи.

За длинным столом ужинами работники — кухарка поставила им миску молока и горшок густой каши.

Кузнец тоже был здесь. Он стоял, прислонясь спиной к

печке, и курил трубку. По его лицу, хоть оно и было перемазано сажей, легко было догадаться, что сейчас он рассказывал что-то очень интересное и пожинает плоды заслуженного успеха.

— Добрый вечер, кузнец, — сказал я. — Это ты веселишь тут всю компанию?

— Ну да, он! — закричали хозяйские сыновья. — Христиан рассказывал сказку о том, как кузнец черта провел!

— Да, — сказал Христиан, — черт нашего брата кузнеца побаивается. Конечно, бывает, что и кузнецу приходится поводить с чертом. Вот слышал я одну такую историю...

— Расскажи, расскажи, Христиан...

Кузнец не заставил долго себя просить.

— Дело вот как было, — начал он, посасывая свою трубочку. — Шел однажды по дороге паренек и грыз орехи, вот как вы их грызете! — сказал он, поворачиваясь к мальчикам. — И попался ему червивый орешек. Парень хотел было его бросить, да вдруг видит, идет ему навстречу черт. Самый настоящий черт — на голове рожки торчат, сзади хвост болтается. Все как положено.

Парень думает: «Дай-ка я проведу этого черта!»

И говорит ему будто невзначай:

— Скажи, пожалуйста, правда ли, что настоящий черт, если захочет, может маленьким-премаленьким стать, во всякую щель пролезет, сквозь игольное ушко и то пройдет?

— Конечно, правда, — отвечает черт.

— А вот через эту дырочку, что червяк проел, можешь влезть в орех? — спрашивает парень.

Черт только плечами пожимает.

— Конечно, — говорит, — могу. Для черта всюду места хватит.

А парень не унимается.

— Нет, — говорит, — ни за что не поверю, что ты в этом орешке поместишься!

— Не поверишь? Ну так гляди! — говорит черт.

И не успел парень глазом моргнуть, черта как не бывало, а из ореха голос слышен:

— Что, веришь теперь?

— Теперь верю, — говорит парень. А сам взял комочек земли да и залепил дырку в ореховой скорлупе.

Положил орех в карман и пошел прямо в кузницу.

— Послушай, дядя, — просит, — расколи мне этот орешек.

Кузнец усмехается:

— Ну, это дело пустяковое!

Положил кузнец орех на наковальню, взял самый маленький молоточек и ударил легонько. Смотрит — орех как лежал, так и лежит.

Взял кузнец молоток побольше, размахнулся посильнее, стукнул по ореху покрепче. Опять не берет! Тогда взял кузнец пудовый молот и так ударил, что искры кругом посыпались. Да только напрасно старался — ничего ореху не делается.

Тут уж кузнец рассердился не на шутку.

— Постой, сейчас я с тобой расправлюсь!

Взял он трехпудовый молот, размахнулся что было мочи — и как хватит по ореху! Орех вдребезги, да и кузница чуть не развалилась. Все кругом затрещало, стены зашатались, а крышу словно вихрем сорвало.

Кузнец только в затылке от удивления чешет.

— Да что же это такое? — говорит. — Черт в этом орехе сидел, что ли?

А парень ему:

— Ну да, дяденька, самый настоящий черт!

Христиан замолчал, очень довольный впечатлением, которое произвел на своих слушателей.

— Жаль, народ стал теперь больно ученый, не верит ни во что, — сказал кто-то. — Вот поэтому ни черта, ни других нечистых духов и не увидишь.

— Да, уж это верно, — сказал кузнец.

Я тоже поспешил согласиться с ним в надежде, что так мне удастся выманить у него еще какую-нибудь легенду или сказку. Пускаться в бесполезный спор и доказывать, что нечистая сила — это просто выдумка, у меня не было никакой охоты.

— Да, теперь мало кто верит в чертей и духов, — сказал я. — Или, может быть, притворяются, что не верят. Только мне сдается, что нечистая сила и теперь морочит людей, как и в прежние времена.

Мой расчет оправдался.

— А как же, — сказал кузнец и снова задымил трубкой. — Слышали про Пера Саннума? Как духи его лошадь держали на Асмирерском холме?

— Нет, не слышал, — сказал я.

— Ну так я вам сейчас расскажу. Пер Саннум был человек

известный, он какую хочешь болезнь заговорить мог не хуже нашей Берты. Что, разве не так, Берта? — сказал кузнец, поворачиваясь к старой Берте Туппенхаук. Она сидела вместе с другими женщинами возле очага и чесала шерсть.

— Конечно, он кое-что знал в нашем деле, — сказала Берта уклончиво.

— Ну так вот, — продолжал кузнец. — Однажды отправился Пер Саннум в город — судился он с кем-то. А надо вам сказать, что он был порядочный задира и спорщик, точь-в-точь как наш хозяин... — Тут кузнец точно поперхнулся дымом и долго откашливался, поглядывая на хозяйку. Но та словно и не слышала его последних слов. — Да, отправился он, значит, в город. А суд должен был состояться ровно в десять часов утра. Вот Пер Саннум и решил выехать из дому с вечера, чтобы ненароком не опоздать. Но только он поднялся на Асмирерский холм, лошадь его вдруг стала, точно к месту приросла. Как Пер ее ни бил, как ни стегал, лошадь — ни взад ни вперед, будто ее кто под уздцы схватил, да и держит. Асмирерский холм — место нечистое, это всякий знает. Кого только духи не морочили на Асмирерском холме. Очнется человек — и сам не знает, как он там оказался. И не помнит, что с ним было. Ведь правда, Берта? — снова обратился кузнец к Берте Туппенхаук.

— Истинная правда, — ответила старушка. — Уж если духи утащат кого на Асмирерский холм, тот человек ровно ничего не помнит...

— Вот я про то и говорю, — сказал кузнец. — Целую ночь Пер Саннум бился со своей лошадейю, а сделать ничего не мог. Стала — и стоит. Хоть плачь! Наконец спешился он и отправился к Ингебрету — тот прямо на Асмирерском холме дом себе выстроил. «Будь другом, — просит Пер, — возьми горящую головешку и брось в лошадь».

А сам опять на спину ей вскочил.

Ингебрет рад стараться — размахнулся посильнее да и запустил головней в лошадь. Понеслась она как бешеная. Пер едва в седле удержался... А в город прискакала — упала и сразу издохла. Вот что духи могут сделать... Это мне сам Ингебрет рассказывал, — закончил кузнец.

— Помню, помню, и я слышала про это, — сказала Берта Туппенхаук. — Да по правде говоря, не поверила. Неужто Пер Саннум был так глуп, что не сообразил, как от духов избавиться!

— Наверно, Пер должен был посмотреть через узду? Да, бабушка Берта? — спросил один из мальчиков, хитро подмигивая брату.

— Разумеется, — ответила старая Берта. — Тогда он и увидел бы, кто держит его лошадь. А духи не любят показываться людям на глаза — сразу бы разбежались.

— А вот я слышал, — вмешался один из работников, — что Пер Саннум просто загнал свою лошадь. Да и не кормил ее. Вот она и сдохла.

Но такое простое и понятное объяснение никому не понравилось, поэтому не удивительно, что никто не обратил на него внимания.

— Говорят, духи любят еще на мельницах жить, — сказал другой работник. — У нас в округе мельник один был, так у него мельница каждый год горела — и всегда в один и тот же день. И вот случилось, что однажды, как раз накануне этого самого дня, у мельника работал портной — шил ему и его жене новое платье.

— Неужто и в этом году духи мне мельницу спалят, — сокрушается мельник.

А портной ему и говорит:

— Дай мне ключ и позволь переночевать на мельнице. Я этих духов мигом разгоню.

Мельник и рад. Дал портному ключ, и отправился тот на мельницу — она только-только отстроена была.

Начертил портной на полу круг, а сам сел в середине. Теперь хоть сам черт приходи — ему нечего бояться! За круг никакая нечистая сила не переступит.

И что же вы думаете? В полночь дверь вдруг распахнулась и на мельницу ворвалась целая туча черных кошек. Поставили они на очаг большой котел и развели под ним огонь. Скоро в котле что-то заклокотало, закипело, а на мельнице запахло горячей смолой.

«Ах, вот оно что! — подумал портной. — Вот они что затеяли!» И верно. Видит он, одна кошка уже протянула лапу, чтобы опрокинуть котел с кипящей смолой.

Тут портной возьми да скажи:

— Берегись, кошка, обожжешься!

— Портной говорит: «Берегись, кошка, обожжешься!» — закричала кошка другим кошкам, и все они бросились скакать около портного. А через круг ни одна не смеет перескочить. Попрыгали они, попрыгали, и опять та — первая — кошка стала к котлу подбираться, опять норовит его опрокинуть.

— Берегись, кошка, обожжешься! — сказал портной.

— Портной говорит: «Берегись, кошка, обожжешься!» — закричала кошка другим кошкам. И снова все они принялись плясать, и скакать, и визжать. Мелькают они перед портным, крутятся все быстрее и быстрее, так что у портного все перед глазами поплыло. И видит он, словно в тумане, что одна кошка так и ловчит цапнуть его когтями, так и сует лапу через очерченный круг. Ну, тут уж портной не стал больше ждать. Вытащил из кармана свои портновские ножницы да и отхватил кошке лапу. Завизжала она диким голосом, и другие кошки завизжали, завыли, закричали. Потом бросились в дверь и — как не бывало их. А портной спокойно улегся в своем кругу и проспал до полудня. Выспался хорошенько и вернулся в дом мельника.

Тот не знает, как его благодарить.

— Спасибо тебе, — говорит, — уж такое спасибо! Спас ты мне нынче мельницу!

А мельничиха молчит, лежит на лавке — лицо белое как мел, одеялом до подбородка укрылась, точно ее трясет озноб.

Стал портной с ними прощаться. Мельник его обнимает, чуть не целует, а мельничиха протянула ему левую руку, а правую еще глубже под одеяло спрятала... Вот какие дела бывают...

— Значит, мельничиха сама и была ведьмой? — спросил один из мальчиков.

— Выходит, что так...

В это время открылась дверь, что вела из кухни в сени, и вошла скотница Стина с ведром молока.

— Уж не знаю, хозяйка, как мне быть, — сказала она. — Коровам сено нужно, а конюхи не дают даже охапки взять с сеновала.

— Да неужто ты не знаешь, что надо сделать, — сказал старший мальчик звонким веселым голосом. — Свари кисель из кислого молока и поставь в стойло, в четверг вечером, под ясли. Придет домовой, поест твоего киселя и поможет тебе унести сено так, что ни один конюх не увидит. Верно, бабушка Берта?

Старая Берта с самым серьезным видом кивнула головой, а скотница, тоже не догадываясь, что над ней посмеиваются, сказала:

— Да, хорошо, если бы у нас в доме был домовой! Только здесь я ни разу его не видела. Не то что в Нессе, когда я служила у капитана.

— Ах, Расскажи, Расскажи, как это было, — стали просить ее дети.

— Ну, слушайте. Было это воскресным вечером. Кучер наш торопился к своей невесте и попросил меня накормить лошадей. Я и согласилась. Дала овса сначала двум рабочим лошадям, а потом подошла к Гнедко — так звали коня, на котором наш капитан верхом ездил. Вот тут-то он и свалился мне на руки.

— Кто? Гнедко? — засмеялись кругом.

— Да не Гнедко! Домовой! Вот кто! Я потом сказала кучеру, что Гнедко не кормленный остался, а кучер и говорит: «Ну, про Гнедко не беспокойся. За ним сам домовой ходит — и кормит его, и поит». Домовые, если им еду выставлять и обходиться с ними ласково, очень услужливые. Это уж известно.

— А какой он был из себя, этот домовой? — спросила хозяйка.

Но скотница только плечами пожала.

— Ну, где там рассмотреть его! В конюшне темно. Да и вечер был вроде сегодняшнего. Я только и заметила — два глаза как уголья горят и сам весь шерстью оброс.

— Так это кошка была! — дружно закричали мальчишки.

— Как бы не так! Кошка! — презрительно сказала скотница.

— А по-моему, люди много всякого вздора несут, — важно сказал кузнец. — Видеть-то не видели ничего, а говорят... Неужто всему верить...

Сам-то кузнец верил всему, что бы ни говорили. Но сейчас он был оскорблен до глубины души тем, что его — лучшего рассказчика во всей округе — то и дело перебивали и не давали ему открыть рта.

— Вот, к слову сказать, в Эльштате, — начал было кузнец, — так там все своими глазами видели русалку. Не то что наша Стина...

— Христиан, Расскажи-ка, что было в Эльштате, — стали просить и дети и взрослые.

Кузнец только этого и ждал.

— Вот что там было. Справляли однажды там свадьбу. А пекли и жарили для свадебного пира в соседнем селе, потому что в Эльштате ни у кого и печки такой нет, чтобы на всех гостей наготовить.

Вечером посылают хозяева своего слугу за питьем-яствами. Поехал он. Нагрузил полные сани всякой снедью и вдруг слышит, над самым его ухом кто-то говорит:

— Скажи в Эльштате Дельде, что Дильд сгорел.

Слуга давай нахлестывать лошадь. Сани несутся так, что ветер свистит, а чей-то голос опять говорит, да настойчиво так:

— Скажи Дельде, что Дильд сгорел!

И опять:

— Скажи Дельде, что Дильд сгорел!

Вернулся слуга домой ни жив ни мертв от страха.

Хозяин ему говорит:

— Что-то очень уж скоро ты приехал. Черт тебя вез, что ли? Или, может, ты еще не ездил?

— Нет, уж съездил, — говорит слуга. — Только, по правде сказать, едва не загнал я лошадь. Всю дорогу кто-то мне в самое ухо твердил: «Скажи в Эльштате Дельде, что Дильд сгорел».

Да не успел он это произнести, как вдруг раздался страшный крик:

— Ах, это дитя мое сгорело!

И кто-то невидимый стал метаться по комнате.

Вдруг смотрят все — это русалка по дому мечется. В суматохе-то шапка-невидимка упала с нее, а она не заметила.

Бросились было ловить русалку, да где там! Вильнула она хвостом туда-сюда и скрылась.

А когда все успокоились, тут-то и оказалось, что самых лучших пирогов и жареной дичи, и самой большой бочки пива как не бывало. Все русалка унесла...

— А может, не русалка, а слуга, — робко заметил кто-то из слушателей.

Но в эту минуту дверь в кухню отворилась и на пороге появился сам хозяин.

— Что, ты все еще болтаешь свою чепуху? — накинулся он на кузнеца. — Мальчики, идите спать. Довольно вам слушать брехню и глупости, которыми набита голова этого пустомели.

— Должен заметить, — произнес кузнец с достоинством, — что мне лично пришлось слышать брехню и глупости только один раз в жизни, когда вы осчастливили жителей округа своей речью в городской ратуше.

— Бездельник! Проклятый болтун! — закричал хозяин и с треском захлопнул дверь.

На кухне наступило неловкое молчание.

— Однако, и верно, пора спать, — сказала хозяйка, складывая рукоделье.

— Нет, нет! Еще хоть одну сказку! Самую маленькую! Пожалуйста, Христиан, расскажи! — стали просить дети.

— Ну, так и быть, — сказал кузнец. — Раз уж меня зовут болтуном, так поболтаю еще. Слушайте. Сейчас я вам расскажу, как пастух клад нашел... Шел этот пастух однажды лесом и видит — на траве ларец лежит.

Поднял его пастух, дернул за крышку — не открывается. Постучал по замочной скважине — не поддается.

Пастух и так и этак вертел ларец, а открыть его не может.

«Ну, — думает, — в этом ларце, верно, спрятаны какие-то сокровища, иначе зачем бы его так крепко запирать?»

Взял он ларец под мышку и пошел дальше. Десяти шагов не прошел — видит, лежит в дорожной пыли ключик.

«Вот если бы этот ключик подошел к этому ларцу!» — думает пастух.

Поднял он ключик. Осмотрел со всех сторон. Потом подул на него. Потом в замочную скважину дунул. Приложил ключик к скважине — подходит. Сунул его поглубже — годится. Повернул ключик — а замочек как щелкнет! И ларец открылся.

И как вы думаете, что там было? Телячий хвост.

Вот и все. Если бы хвост был длиннее, тогда и сказка была бы длиннее.

Ну а теперь — спокойной ночи, мальчики!

Но мальчики не ушли до тех пор, пока кузнец не дал слова, что завтра он снова придет и будет опять рассказывать сказки. За это ему было обещано четверть фунта табаку.

Однако на другой вечер кузнец был мрачен, неразговорчив и, как дети его ни тормозили, он молчал и только жевал табак.

Служанки говорили потихоньку, что ночью его похитили духи и унесли на Асмирерский холм. Там кузнеца и нашли утром в сарае Ингебрета, а рядом валялась бутылка. Кузнец нес всякую нескладицу и решительно не мог вспомнить, как он здесь оказался.

Не иначе как над ним подшутили духи!

САКАРИАС ТОПЕЛИУС

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

В большом дремучем лесу далеко на севере Финляндии росли рядом две огромные сосны. Они были такие старые, такие старые, что никто, даже седой мох, не мог

припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками. Отовсюду были видны их темные вершины, высоко поднимавшиеся над чащей леса. Весной в густых ветвях старых сосен пел веселые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска поднимали свои головки и смотрели снизу вверх так робко, будто хотели сказать: «Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, насторожили лес.

Зимняя буря с шумом пронеслась по чаще, сметала с веток снег, обламывала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твердо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий — это что-нибудь да значит!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке уютилась хижина, крытая дерном, и двумя маленькими оконцами глядела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой. У них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшой огород. Вот и все их богатство. А зимой крестьянин работал в лесу — рубил деревья и возил бревна на лесопильню, чтобы скопить несколько монет на молоко и масло.

У крестьянина и его жены было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку — Сильвия.

И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слова «сильва» на древнем, латинском языке значит «лес».

Однажды — это было зимой — брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверек или птица.

И верно, в один силок попался белый заяц, а в другой — белая куропатка. И заяц и куропатка были живы, они только запутались лапками в силках и жалобно пищали.

— Отпусти меня! — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошел к нему.

— Отпусти меня! — пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда еще они не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

— Давай-ка и вправду отпустим их! — сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась осторожно распутывать силки.

Едва только заяц почувал свободу, как со всех ног поскакал в глубь леса. А куропатка полетела прочь так быстро, как могли нести ее крылья.

— Подопринебо!.. Подопринебо все сделает, о чем вы ни попросите! — крикнул заяц на скаку.

— Просите Зацепитучу!.. Просите Зацепитучу!.. И все у вас будет, чего только не захотите! — прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

— Что это они говорили? — сказал наконец Сильвестр. — Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

— И я никогда не слыхала таких странных имен, — сказала Сильвия. — Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронесся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

— Ну что, дружище, стоишь еще? — спросила одна сосна у другой. — Еще держишь небо? Недаром ведь лесные звери прозвали тебя — Подопринебо!

— Стою! Держу! — загудела другая сосна. — А ты как, старина? Все воюешь с тучами? Ведь и про тебя не зря говорят — Зацепитучу!

— Что-то слабею я, — прошелестело в ответ. — Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

— Грешно тебе жаловаться! Тебе ведь всего только триста пятьдесят лет. Ты еще дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

— Смотри, вон возвращается ветер, — прошептала сосна — та, что была помоложе. — Под его свист так хорошо петь песни! Давай-ка споем с тобой про далекую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чем вспомнить!

И под шум лесной бури сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!

Бушует и буйствует вьюга.

Под шум ее клонит нас, древних, ко сну,

И давнюю видим во сне старину —

*То время, когда мы, два друга,
Две юных сосны, поднялись в вышину
Над зыбкою зеленью луга.*

*Фиалки у наших подножий цвели,
Белили нам хвою метели,
И тучи летели из мгlistой дали,
И бурю рушило ели.
Мы к небу тянулись из мерзлой земли,
Нас даже столетья согнуть не могли
И вихри сломить не посмели...¹*

— Да, нам с тобой есть о чем вспомнить, есть о чем порассказать, — сказала сосна — та, что была постарше, — и тихонько заскрипела. — Давай-ка поговорим с этими детьми. — И одна ее ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

— О чем это они хотят с нами поговорить? — сказал Сильвестр.

— Лучше пойдем домой, — шепнула Сильвия брату. — Я боюсь этих деревьев.

— Подожди, — сказал Сильвестр. — Чего их бояться! Да вон и отец идет!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

— Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно! — сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну — ту, что была постарше, — но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.

— Батюшка, — стал просить Сильвестр, — не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

— Батюшка, и эту не тронь! — просила Сильвия. — Ее зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку...

— Чего только ребята не выдумают! — засмеялся крестьянин. — Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз уж вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошел дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, чтобы услышать, что скажут им эти лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно

---

¹ Стихи к сказкам Топелиуса даны в свободном переводе С. И. Хмельницкого

крутил мельничные крылья, что искры от жерновов дождем сыпались во все стороны. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизнь! — говорили сосны Сильвестру и Сильвии. — Просите же теперь у нас все, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

— Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! — сказала Сильвия. — Тогда и птицы снова запоют в лесу...

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны. — Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и слава — все было бы у вас!.. А вы просите то, что случится и без вашей просьбы. Но ничего не поделаешь, надо выполнить ваши желания. Только мы сделаем это по-своему... Слушай же, Сильвестр: куда бы ни пошел ты, на что бы ни взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твое желание, Сильвия, исполнится: куда бы ты ни пошла, о чем бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна и таять холодный снег.

— Ах, это больше, чем мы хотели! — воскликнули Сильвестр и Сильвия. — Спасибо вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки. А теперь прощайте! — И они весело побежали домой.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца, сверкая на ветках, словно золото.

— Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обе стороны тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко в синеве неба послышалась первая песня жаворонка.

— Ах, как весело! — воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленели трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Солнце всем светит, — сказала мать.

— А я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Ну, это каждый может, — сказала мать и засмеялась. Но прошло немного времени, и она увидела, что в доме что-то неладно. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них все блестело от яркого солнца. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это еще не все! Зиме конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый, засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своем насесте принялся петь во все горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.

— Послушай, отец, — сказала жена, — боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вот еще что придумала! — сказал крестьянин. — Ты лучше послушай, мать, какую новость я принес. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город придут собственными персонами король и королева. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

— Что ж, я не прочь, — сказала жена. — Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. По дороге только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всю дорогу солнечный луч бежал перед санями (хотя все небо было обложено низкими тучами), а березки кругом покрывались почками и зеленели (хотя мороз был такой, что птицы замерзали на лету).

Когда сани въехали на городскую площадь, народу там было уже видимо-невидимо. Все с опаской поглядывало на дорогу и тихонько перешептывались. Говорили, что король и королева остались недовольны своей страной: куда ни приедешь — повсюду снег, холод, пустынные и дикие места.

Король, как ему и полагается, был очень строг. Он сразу решил, что во всем виноват его народ, и собирался как следует всех наказать.

Про королеву рассказывали, что она очень замерзла и, чтобы согреться, все время топает ногами.

И вот наконец вдалеке показались королевские сани. Народ замер.

На площади король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей. Король сидел, сердито нахмутив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам — туда-сюда — и весело рассмеялся, совсем так, как смеются все люди.

— Взгляните-ка, ваше величество, — обратился он к королеве, — как приветливо светит солнце! Право, здесь не так уж плохо... Мне почему-то даже стало весело.

— Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо позавтракать, — сказала королева. — Впрочем, мне тоже стало как будто веселее.

— Это, вероятно, потому, что ваше величество хорошо выспались, — сказал король. — Но, однако, эта пустынная страна очень красива! Посмотрите, как ярко освещает солнце вон те две сосны, что виднеются вдалеке. Положительно это прелестное место! Я прикажу построить здесь дворец.

— Да-да, непременно надо построить здесь дворец, — согласилась королева и даже на минуту перестала топать ногами. — Вообще здесь совсем не плохо. Повсюду снег, а деревья и кусты покрываются зелеными листьями, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вертелся во все стороны — поэтому солнце так и сверкало вокруг; а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая рта, — поэтому даже сухие жерди старой изгороди покрылись свежей листвой.

— Что это за милые дети? — спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

— Послушайте, — сказала королева, — вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Благодарим вас, ваше величество, — сказала Сильвия, — но мы лучше останемся дома.

— Кроме того, во дворе мы будем скучать без наших друзей, — сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их тоже взять во дворец? — спросила короле-

ва. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно, — ответили Сильвестр и Сильвия. — Они растут в лесу. Их зовут Подопринебо и Зацепитучу...

— Что только не придет в голову детям! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что даже королевские сани запрыгали на месте.

Король приказал распрягать лошадей, а каменщики и плотники принялись тотчас строить новый дворец. Как ни странно, на этот раз король и королева были ко всем добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем по золотой монете. А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок крендель, который испек сам королевский булочник! Крендель был такой большой, что четверка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех детей, которые были на площади, и все-таки остался еще такой большой кусок, что он едва поместился на санях. На обратном пути жена крестьянина шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

— Это про колдовство-то? — сказал крестьянин. — Пустое!

— Да посуди сам, — не унималась жена, — где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказали? Уж поверь мне, тут не обошлось без колдовства!

— Все это бабьи выдумки! — сказал крестьянин. — Просто дети у нас хорошие — вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были веселы и приветливы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Все вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось.

Пустынные земли возле избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели весенние птицы.

Вскоре Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия — королевской садовницей.

Ни у одного короля ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада. Да и не мудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушаться его приказаний. А Сильвес-

тру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них все цвело так, что любо было смотреть!

Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих друзей.

В лесу бушевала буря, в темных вершинах сосен гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню:

*Стоим, как бывало, крепки и стройны.
То выпадет снег, то растает...
И смотрим, два друга, две старых сосны,
Как снова сменяется зелень весны
Снегами белей горносталя,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птички проносятся стаи.*

*Сосновая хвоя свежа и густа —
Завидуйте, вязы и клены!
Зима не оставит на вас ни листа —
Развеет наряд ваш зеленый!
Но вечная соснам дана красота,
В подземные недра ушла их пята,
А в небо — высокая крона.*

*Пускай непогода бушует кругом —
Сосну не повалит ни буря, ни...*

Но не успели они допеть свою песню, как внутри стволов что-то затрепало, заскрипело, и обе сосны повалились на землю. Как раз в этот день младшей исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей — триста девяносто три года. Что же тут удивительного, что ветры наконец их осилили!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом стволы мертвых сосен и такими добрыми словами помянули своих друзей, что снег кругом начал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под земли. И так много их было, что скоро они закрыли старые сосны от самых корней до самых вершин.

Давно уже я ничего не слышал о Сильвестре и Сильвии. Наверно, теперь они сами состарились и поседели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными дарами всех детей, что живут на свете? Может быть, и так.

Недавно, в пасмурный, ненастный день, мне встретились мальчик и девочка. И сразу в сером, тусклом небе словно замелькал луч солнца, все кругом посветлело, на хмурых лицах прохожих появилась улыбка...

Вот тогда среди зимы и наступает весна. Тогда и лед начинает таять — на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углу покрывается свежими листьями, на сухой изгороди расцветают розы, а под высоким сводом неба поют веселые жаворонки.

САКАРИАС ТОПЕЛИУС

САМПО-ЛОПАРЕНОК

Жили-были когда-то лопарь и лопарка, муж и жена.

А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут?

Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Живут лопари далеко на севере — севернее, чем шведы, норвежцы и финны.

Если ты взглянешь на большую карту, ты увидишь: как будто белый колпак надет на голову Финляндии. Вот это и есть страна, где живут лопари. Называется она Лапландия.

Удивительная это страна! Полгода там не заходит солнце, и тогда ночью, так же как днем, совсем светло. А потом полгода длится непрерывная ночь, и тогда даже днем на небе сверкают звезды.

Зима там тянется долгих десять месяцев — почти весь год, — а на весну, лето и осень остается всего только два месяца.

Но лопари не боятся зимы. Пусть хоть круглый год держится санный путь! Все они — и взрослые и маленькие — где угодно проедут в своих небольших, легких, похожих на лодочки санях. И в упряжке там ходят не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя? Он напоминает низкорослую лошадку, шерсть у него серая, шея короткая, а его голову с большими ясными глазами украшают ветвистые рога. И когда олень бежит, кажется, будто ветер проносится по горам и холмам, взметая снежные тучи.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из оленьих шкур.

Построить такой дом очень просто: надо взять несколько длинных, тонких жердей, воткнуть их в снег, потом верхние концы связать вместе и покрыть оленьими шкурами. Вот и все. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а чум. Вверху оставляют небольшое отверстие — оно заменяет в чуме печную трубу. Когда в очаге разводят огонь, через это отверстие дым вытягивает наружу. Внизу, с южной стороны, тоже оставляют отверстие — оно служит дверью, через него можно забраться в чум и выбраться из него.

Вот как живут лопари! Вот какая эта страна!

А теперь начнем сказку сначала.

Жили-были в Лапландии муж и жена, лопарь и лопарка. Они жили в местечке Аймио, на берегу реки Теноёки.

Место это пустынное и дикое, но лопарю и его жене оно нравилось. Они были уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звезд и такого красивого северного сияния, как в Аймио. Здесь они построили себе чум.

Чум получился очень хороший — так, по крайней мере, думали лопарь и лопарка. В нем было тепло и удобно, хотя спать надо было прямо на полу.

У лопаря и лопарки был маленький мальчик, которого звали Сампо. Но у него было еще другое имя.

Вот как это получилось.

Однажды к чуму подъехали какие-то чужие люди в огромных, неуклюжих шубах. Они привезли твердые белые кусочки снега. Такого снега лопари никогда раньше не видели. Этот твердый снег назывался сахаром. Он был очень вкусный и очень сладкий. Приезжие люди дали несколько кусочков сладкого снега Сампо, потрепали его по щеке и сказали: «Лопаренок! Лопаренок!» Больше они ничего не могли сказать, потому что никто из них не умел говорить по-лопарски. Потом они уехали. Старой лопарке очень понравились эти люди. Она часто вспоминала сладкий снег, который они привозили, и даже стала называть сына так же, как они, — Лопаренок.

Но старому лопарю это было не по душе.

— Разве Сампо плохое имя? — говорил он с досадой. — Помоему, это самое красивое имя. И оно еще принесет нашему сыну счастье и богатство. Вот увидишь, старуха, наш Сампо будет когда-нибудь первым человеком в Лапландии, повелителем пятидесяти чумов и хозяином тысячи оленей.

— Очень может быть, — говорила лопарка. — Но, по-моему, и Лопаренок неплохое имя.

И она называла сына Лопаренком, а отец называл его Сампо. Поэтому мы будем называть его Сампо-Лопаренком.

Сампо-Лопаренок был крепкий, коренастый мальчуган. У него были черные волосы, черные глаза и маленький вздернутый нос. Словом, он как две капли воды походил на своего отца, а старый лопарь слыл среди земляков первым красавцем.

Сампо-Лопаренку было всего семь лет, но не всякий и в пятнадцать бывает таким смелым и ловким. У него были свои собственные маленькие лыжи, на которых он, не задумываясь, съезжал с самого крутого холма, и свой собственный маленький олень, которого он запрягал в свои собственные сани.

Ты бы видел, какой поднимался снежный вихрь, когда Сампо неся на своем олене по высоким сугробам! Вниз — вверх! Вверх — вниз! Маленького Лопаренка совсем не было видно, и только изредка в снежных облаках мелькала прядка его черных волос.

— Нехорошо, что мальчик ездит один куда ему вздумается, — сказала как-то мужу старая лопарка. — Того и гляди, на него нападут в горах волки или, еще того хуже, золоторогий олень. Не было еще человека, который мог бы справиться с золоторогим оленем.

— Вот бы мне такого оленя! — воскликнул Сампо-Лопаренок. — На нем, наверно, даже на Растекайс можно взобраться!

А надо тебе сказать, что Растекайс — самая высокая, самая неприступная гора во всей Лапландии, и ее голая вершина видна далеко кругом.

— Перестань болтать глупости! — прикрикнула лопарка на сына. — Растекайс — пристанище всякой нечистой силы. Там живет сам Хийси.

— Хийси? А кто это такой? — спросил Сампо-Лопаренок.

«Ничего-то он не пропустит мимо ушей, — подумала старая лопарка. — Пожалуй, не нужно было говорить ему про Хийси... А может, это к лучшему! Не мешает немного припугнуть его, чтобы отбить охоту ездить на Растекайс. Очень уж он смелый!»

И она сказала:

— Хийси — это горный король, страшный, злой великан. Целый олень для него все равно, что для нас один кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает сразу пригоршнями. Я бы не советовала тебе взбираться на Растекайс.

Сампо ничего не сказал. Но про себя подумал:

«Вот бы посмотреть на этого Хийси! Издали, конечно!»

Было самое темное время года — ни утра, ни дня, ни вечера, всегда бесконечная ночь, всегда светит луна, всегда горят звезды, и на темном небе полыхает северное сияние.

Сампо так давно не видел солнца, что даже забыл, какое оно — солнце.

А когда отец и мать говорили о лете, он только и мог вспомнить, что летом очень много комаров и они такие злые, что готовы съесть его живьем.

«Пусть бы совсем не было лета, — думал Сампо, — только бы стало немного светлее! А то в темноте так трудно ходить на лыжах!»

И вот однажды в полдень (хотя темно было так же, как в полночь) старый лопарь позвал сына:

— Поди-ка скорей сюда, Сампо, я хочу тебе показать кое-что.

Сампо выполз из чума.

— Посмотри вон в ту сторону, — сказал отец и показал рукой на юг.

Далеко-далеко, на самом краю неба, Сампо увидел узенькую красную полоску, очень похожую на красноватые отблески северного сияния.

— Знаешь ли ты, что это такое? — спросил лопарь.

— Это южное сияние, — ответил Сампо.

Он прекрасно знал, где находится север и где юг, и сразу рассудил, что на юге не может быть северного сияния.

— Нет, — сказал старый лопарь, — это не южное сияние. Это предвестник солнца. Завтра или послезавтра оно взойдет. Да ты только погляди, как красиво освещена вершина Растекайса!

Сампо повернулся на запад: мрачная, темная вершина Растекайса алела, точно выкрашенная красной краской. И он снова подумал: «Ах, как хорошо было бы посмотреть сейчас на великана Хийси! Издали, конечно!»

Но он ничего не сказал.

Весь этот день и полночи Сампо-Лопаренок только и думал о великане Хийси. Он даже не мог спать.

«Если бы хоть раз увидеть горного короля! Один только раз!»

Он думал и думал и наконец потихоньку выбрался из-под оленьих шкур и выполз из чума.

Мороз стоял такой, что все кругом так и сверкало, а снег под ногами скрипел от каждого шага.

Но Сампо-Лопаренок холода не боялся. На нем была меховая куртка, меховые штаны, меховые сапоги, меховая шапка и меховые рукавицы. А когда на тебе такой наряд, никакой мороз не страшен!

Сампо-Лопаренок стоял около чума и смотрел на звезды, которые яркими огнями горели в избе. И вдруг он услышал, как его маленький олень скребет копытом снег.

«А что, если немного покатаюсь?» — подумал Сампо-Лопаренок.

Он так и сделал: запряг оленя в свои санки и помчался по огромному пустынному снежному полю.

«А не поехать ли мне в сторону Растекайса? — опять подумал Сампо. — Конечно, на самую гору я не буду взбираться, а только посмотрю, какая она вблизи».

Решено — и сделано.

Сампо-Лопаренок погнал своего оленя через замерзшую реку. С берега — вниз, на лед! А потом — вверх, на другой берег! А потом все дальше и дальше на запад, туда, где высится темная вершина Растекайса...

Вот сейчас ты читаешь эту сказку по маленького Сампо. А знаешь ли ты песенку: «Беги, мой олененок...»? Эту песенку пел Сампо в то время, когда олень мчал его по снежным холмам:

*Беги, мой олененок
С ветвистыми рогами,
По тундре, занесенной
Пушистыми снегами,
И лед пусть будет звонок
Под быстрыми ногами!
Скорей!*

*Здесь вьюги строят
Высокие сугробы.
Скорей!*

*Здесь волки воют
От голода и злобы...
Скорей, олень, скорей!*

И верно, волки, точно серые собаки, уже бежали за санями. Сампо видел, как в темноте горят у них глаза.

Но он нисколько не боялся волков. Он знал, что никогда волкам не догнать его доброго оленя.

Веселая это была езда! С холма на холм, все вперед и вперед! У Сампо даже в ушах свистело. Копытца оленя дробно постукивали, месяц в небе мчался с ним вперегонки, а высокие горы двигались навстречу.

И вдруг — раз! — сани перевернулись, и Сампо-Лопаренок кубарем покатился в снег.

Олень, не чуя беды, бежал все дальше, а Сампо даже не мог крикнуть: «Тпру!» — потому что рот у него был забит снегом (правда, так кричат, чтобы остановить лошадь, а не оленя, но это неважно).

Прошло немало времени, пока Сампо-Лопаренок выкарабкался из сугроба.

Сначала все происшествие показалось ему даже забавным. И в этом нет ничего удивительного: он был цел, невредим и совсем не ушибся.

Сампо-Лопаренок огляделся по сторонам.

Всюду снег, снег, снег, снежные поля, снежные горы... Одна гора была выше всех, и Сампо догадался — это Растекайс. Длинная черная тень от нее тянулась по снегу.

Вот здесь, на этой горе, живет злой великан Хийси. Целый олень для него — то же, что для нас кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает пригоршнями.

Ах, как страшно стало Сампо-Лопаренку! Как захотелось ему быть подальше от этой горы, в теплом чуме, около отца с матерью!

Но как добраться до дому? Ведь пока он будет искать дорогу, горный король увидит его и проглотит, словно жалкого, маленького комара.

Сампо-Лопаренок даже заплакал от страха.

Но посуди сам: стоит ли плакать, если слезы сразу же замерзают и, точно горошины, скатываются по мохнатой куртке? Сампо-Лопаренок подумал и решил, что не стоит, тем более что мороз с каждой минутой прохватывал его все сильнее и ему приходилось приплясывать на месте, чтобы не замерзнуть. А какие же могут быть слезы, когда пляшешь!

Скоро Сампо-Лопаренок немного согрелся и повеселел.

«Пойду-ка я к горному королю, — подумал он. — Если он захочет меня съесть — что ж, пусть ест. Конечно, было бы гораздо приятнее, если бы он съел волков, которые здесь рыщут. Они пожирнее, чем я, да и, кроме того, на мне ведь столько всего надето — и куртка, и штаны, и шапка, и рукавицы, и сапоги, — а у волка всего одна шкура!»

И Сампо-Лопаренок смело зашагал к Растекайсу. Он уже был у самого подножия горы, как вдруг услышал, что кто-то за его спиной тихо ступает по снегу.

Сампо-Лопаренок оглянулся. В двух шагах от него стоял огромный косматый волк.

Маленькое сердечко Сампо забилося сильнее, но он и виду не показал, что испугался.

— Эй, не вздумай съесть меня! — крикнул он волку. — Я иду к горному королю. У меня к нему очень важное дело. И, если тебе дорога шкура, советую не трогать меня!

— Ну-ну, потише! — сказал волк (на Растекайсе все звери умеют говорить по-человечьи). — Кто ты такой?

— Меня зовут Сампо-Лопаренок. А ты кто такой?

— Я вожак волчьей стаи его величества горного короля, — ответил волк. — Сейчас я рыскал по всем горам и равнинам и созывал подданных короля на праздник ночи. Раз уж нам с тобой по дороге, садись ко мне на спину, я, так и быть, довезу тебя до вершины.

Сампо-Лопаренок не стал долго раздумывать. Он вскочил на волка, и они помчались через горные ущелья и пропасти.

— Скажи, пожалуйста, что это за праздник ночи, о котором ты говорил? — спросил по дороге Сампо.

— Неужели ты не знаешь? — удивился волк. — Сегодня ведь должно взойти солнце. Перед его восходом на Растекайсе собираются все звери, все тролли и гномы, какие только живут на Севере. Они сходятся сюда для того, чтобы проститься с ночью. И пока длится этот праздник, никто никого не смеет обижать. Таков закон его величества горного короля Хийси. Потому-то я и не съел тебя. Твое счастье, Сампо-Лопаренок, что мы встретились в такой час, а то от тебя не осталось бы даже косточки.

— А что, горный король тоже никого сейчас не трогает? — спросил Сампо-Лопаренок.

— Ну конечно, — ответил волк. — Никто, даже сам король, не посмеет тронуть тебя. Целый час на Растекайсе царит мир. Олени в это время разгуливают под носом у медведей, горные крысы мирно беседуют с росомахами... Но плохо тебе придется, если ты останешься на Растекайсе хоть одну лишнюю минуту! Сто тысяч волков и тысяча медведей набросятся на тебя. А если ты даже уйдешь от них, тебе все равно не уйти от горного короля.

— Милый волк, не будешь ли ты таким добрым и не помо-

жешь ли мне вовремя выбраться отсюда? — робко спросил Сампо-Лопаренок.

Волк рассмеялся (на Растекайсе все волки умеют смеяться).

— Даже не надейся на это, мой дорогой Сампо! — сказал он. — Признаюсь тебе по совести, я первый схвачу тебя за горло. Я вижу, что ты неплохо откормлен, и я с удовольствием съем тебя на завтрак, когда праздник кончится.

«Не лучше ли мне вернуться назад?» — подумал Сампо.

Но было слишком поздно. Они уже взобрались на самую вершину Растекайса.

Так вот он какой, этот горный король! Сампо глядел на него во все глаза.

Горный король сидел на троне из каменных скал и свысока поглядывал на своих подданных.

На голове у него была шапка из снежного облака.

Глаза у него были как две полные луны.

Нос его был похож на горную вершину.

Рот его был как расселина в скале.

Борода его была как застывший водопад.

Руки его были длинные и толстые, как стволы горных сосен.

Пальцы его были цепкие, как еловые ветки.

Ноги его были как утесы.

Шуба его была как снежная гора.

Вот какой был горный король Хийси!

А если ты спросишь — неужели Сампо-Лопаренок мог в ночной темноте разглядеть горного короля? — я отвечу тебе: снег внизу так блестел, а вверху в небе играло такое яркое северное сияние, что все было видно, будто днем.

Возле горного короля толпились тысячи гномов и троллей.

Ты знаешь, какие они?

С головы до пят они совсем серые: у них серые волосы, серые носы, серые глаза, серые щеки, серые руки, серые ноги... И они такие маленькие, что следы их на снегу легко принять за беличьи.

Сейчас гномы и тролли собрались на вершину Растекайса со всего света, отовсюду, где царит мрак и холод, — с Новой Земли и Шпицбергена, из Исландии, из Гренландии и даже с Северного полюса. Все они очень боялись солнца и были бы рады, если бы солнце никогда не всходило. Раз уж оно зашло за пустынные горы, пусть там и остается!

Немного поодаль от королевского трона выстроились все

звери — большие и маленькие, — какие только водятся в Лапландии: тут были свирепые медведи и коварные волки, хитрые россомахи и кроткие олени, пронырливые горные крысы и бойкие оленьи блохи. Только комары не явились на праздник — они так замерзли, что не могли даже шевельнуть крылышками.

Сампо-Лопаренок слез потихоньку со спины волка и спрятался за высоким выступом скалы. Отсюда ему было все отлично видно, а его самого не видел никто.

Вот горный король тряхнул головой — и сразу в синем ночном небе еще сильнее запылало северное сияние. Оно охватило весь небосвод длинными бледно-красными лучами. В воздухе слышались треск и гудение, словно загорелся лес и огонь с шумом взбегал по стволам сосен. Северное сияние то разгоралось, то угасало, то ярко вспыхивало, то бледнело, как будто ветер порывами пронесся над горами, взметая снег.

Горный король был очень доволен. Он ударил в ладоши, и в ответ ему загрохотали глухие раскаты горных обвалов, а эхо повторило их в глубоких ущельях.

Гномы и тролли завизжали от радости, а звери завывали от страха.

И вдруг над Землей раздался громовой голос горного короля: — Солнце не смеет больше показываться! Так я хочу! Так будет! Так должно быть!

И послушное эхо повторило его слова:

— Так будет! Так должно быть!

Гномы и тролли страшно обрадовались.

— Да здравствуют вечная тьма и вечный холод! — кричали они изо всех сил. — Так хочет король! Так будет! Так должно быть!

Но тут среди зверей поднялся глухой ропот. Волки и медведи были, пожалуй, согласны, чтобы вечный мрак и вечная тьма царили на земле. Горные крысы были того же мнения. А северные олени и другие звери ничего не имели против лета, хотя лапландские комары порядком изводили их в летние месяцы.

Что же касается маленькой оленьей блохи, то она решительно запротестовала против вечной зимы и вечной ночи.

— Как же так? — пропищала блоха и подпрыгнула повыше, чтобы все ее видели. — Как же так? Ведь мы собрались здесь, на Растекайсе, чтобы проститься с ночью...

— Замолчи, жалкая тля! — заревел белый медведь. — Сегодня у нас праздник не такой, как всегда! Сегодня у нас будет

настоящее веселье! Солнце никогда больше не взойдет! Солнце погасло! Солнце умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло! — завывали волки, и даже ледяные горы и каменные скалы содрогнулись от ужаса.

А тролли и гномы с Северного полюса принялись прыгать и хлопать в ладоши.

И снова над пустынной землей прогремел голос горного короля:

— Знайте все — солнце погасло! Солнце умерло! Все живое на земле будет теперь поклоняться мне — королю вечной зимы и вечной ночи!

Тут уж Сампо-Лопаренок не мог выдержать — он вышел из своего убежища и, задрав голову, крикнул:

— Ты лжешь, горный король! Ты лжешь! Солнце не умерло! Я сам видел вчера на небе его гонцов! Солнце взойдет! И твоя борода растает, как только солнечные лучи покажутся над землей. Вот увидишь!

Это была неслыханная дерзость. Горный король весь потемнел от гнева.

— Кто ты такой? Как смеешь ты со мной спорить? — страшным голосом спросил горный король.

— Почему же мне не спорить с тобой, если ты говоришь неправду? — сказал Сампо-Лопаренок. — А если ты хочешь знать, как меня зовут, — изволь, я скажу тебе: отец зовет меня Сампо, а мать...

Но горный король не дослушал его:

— Для того, чтобы проглотить тебя, мне достаточно знать, как зовет тебя отец!

И, забыв свой собственный закон, горный король протянул огромную ручищу, чтобы раздавить Сампо-Лопаренка.

Но тут вдруг северное сияние померкло и яркий красный луч ударил прямо в ледяное лицо горного короля.

Горный король зажмурился и опустил руку.

И тогда все увидели, что золотой край солнца стал медленно и торжественно подниматься над землей.

Солнце осветило горные хребты, ущелья, снежные пустыни, заледеневшие сугробы, осветило всех гномов и троллей, всех больших и маленьких зверей и храброго Сампо-Лопаренка.

Солнце весело посмотрело всем в глаза, заглянуло во все сердца, и всем почему-то стало весело. Даже тролли и гномы с Северного полюса, которые больше всех хотели, чтобы солнце

навсегда погасло, и те вдруг обрадовались, когда оно взошло. Правда, они все время отворачивались от солнца, но это было одно притворство. И дело кончилось тем, что на радостях они стали кувыркаться и ходить вверх ногами.

Даже горный король со страхом заметил, что у него самого оттаивает сердце. Но — что было еще хуже — начала таять его борода, и скоро она быстрыми ручьями побежала по его снеговой шубе.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как взошло солнце, — никто об этом не думал, даже Сампо-Лопаренок.

И вдруг он услышал, как за его спиной олень сказал своему детенышу:

— Пойдем, сын мой! Пора! Надо скорей уходить отсюда, пока волки не смеют нас тронуть!

Тут и Сампо-Лопаренок вспомнил, какая опасность грозит ему, если он останется на Растекайсе хотя бы одну лишнюю минуту.

Он поглядел по сторонам — олени уже почти все ушли.

И вдруг он увидел великолепного оленя с чудесными золотыми рогами. Недолго думая, Сампо-Лопаренок вскочил на него верхом, и они понеслись во весь дух вниз по крутому склону горы.

В другое время золоторогий олень ни за что не позволил бы человеку сесть себе на спину, но сейчас он не обратил на это никакого внимания.

— Что это за топот слышен позади нас? — спросил Сампо-Лопаренок, когда они были на середине горы.

— Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы растерзать нас на куски, — ответил золоторогий олень. — Но не бойся, еще ни одному медведю не удавалось схватить меня за копыто!

И он мчался через обрывы и пропасти — все вперед и вперед.

— Кто так громко пыхтит позади нас? — спросил Сампо-Лопаренок, когда они были у самого подножия горы.

— Это сто тысяч волков гонятся за нами, чтобы съесть нас живьем, — ответил золоторогий олень. — Но не бойся, еще не было на земле волка, который бы догнал меня! — и он понесся так быстро, что его копыта едва касались земли.

— Что за гром гремит позади нас? — опять спросил Сампо-Лопаренок. — Может быть, это горы обвалились?

— Нет, — ответил золоторогий олень, и каждая жилка у него задрожала. — Это сам горный король шагает семимильными шагами вдогонку за нами. Теперь мы пропали. От него никто не может уйти!

— Милый золоторогий олень, давай спрячемся где-нибудь, — сказал Сампо-Лопаренок.

— Нет, — ответил золоторогий олень, — от горного короля нельзя спрятаться. Но если мы успеем добежать до озера, где стоит домик школьного учителя, — мы спасены. Горный король не имеет власти над тем, кто сильнее его.

— Да разве школьный учитель сильнее горного короля? — удивился Сампо-Лопаренок. — Ведь горный король может раздавить его одним пальцем.

— Это верно, — сказал золоторогий олень. — Но дело в том, что школьный учитель совсем не боится горного короля, поэтому-то он и сильнее его.

— Так мчись же, мой добрый золоторогий олень, скорее мчись по горам и долам, и, когда мы вернемся домой, я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей!

Но золоторогого оленя не надо было просить, он и так бежал быстрее быстрого — не бежал, а летел.

Вот уже показался домик учителя...

Одним прыжком золоторогий олень перемахнул через ограду, ударом копыта открыл дверь и без сил упал на пороге...

Едва только дверь захлопнулась, как горный король уже бушевал во дворе. Он так колотил по стенам и крыше, что, казалось, весь домик сейчас разлетится в щепы.

А учитель как ни в чем не бывало подошел к двери и спокойно спросил:

— Кто там стучит?

— Ты еще спрашиваешь, кто стучит? — закричал горный король. И от его страшного голоса затряслась земля, а домик пошатнулся. — Это я! Отворяй дверь горному королю! У тебя тут спрятался мальчишка, который посмел спорить со мной! Давай его сюда! Я его сейчас проглочу!

— Ах, ваше величество, вам придется немного подождать, — вежливо сказал учитель. — Я должен надеть свой парадный костюм и повязать галстук, чтобы достойно встретить такого высокого гостя.

— Ладно уж! — прогремел горный король. — Да смотри поторапливайся, а не то тебя тоже проглочу, хоть ты и без галстука!

— Нет-нет, как можно, ваше величество! — воскликнул учитель. — Я непременно должен повязать галстук!

Потом он поманил Сампо-Лопаренка к себе и тихо спросил:

— Откуда ты, малыш? Я никогда раньше не видел тебя в школе.

— А я никогда раньше и не бывал в школе, — ответил Сампо-Лопаренок. — Я живу на берегу реки Теноёки.

— Как же ты попал сюда? — удивился учитель.

— Видите ли, я был на вершине Растекайса, — сказал Сампо-Лопаренок, — и мы с горным королем поспорили. Он сказал, что солнце никогда больше не взойдет, а я сказал, что оно непременно взойдет! И я был прав. Но все-таки горный король почему-то хочет меня съесть.

— Это, конечно, несправедливо, — сказал учитель. — А скажи мне, как тебя зовут?

— Мать зовет меня Лопаренком, а отец...

Но в это время стены домика снова зашатались.

— Ну, скоро ли ты будешь готов? — прогремел горный король.

— Сейчас, сейчас, ваше величество! — ответил учитель.

А сам подошел к печке, которая почти совсем погасла, и подбросил несколько поленьев. Пламя мигом вспыхнуло, и жаркий огонь загудел в трубе.

— Эй, ты! — заревел горный король. — Советую тебе потопиться, а не то я растопчу сейчас твой дом!

И он уже занес ногу над крышей, но сразу же отдернул, потому что из трубы посыпались искры и великан так обжег себе пятку, что чуть не завыл от боли.

Тут как раз дверь отворилась и вышел учитель.

Шея у него была повязана самым лучшим — в красную горошину — галстуком, а в руках у него была яркая лампа.

— Прошу простить меня, ваше величество, что я заставил вас ждать.

Но горный король не дал ему кончить.

— Как ты смеешь светить мне в глаза — мне, королю вечного мрака! — закричал великан и крепче зажмурился. — Где мальчишка? Я спрашиваю, где мальчишка, который осмелился со мной спорить? Его зовут Сампо.

— Сампо? Простите, ваше величество, но здесь нет такого мальчика. Если хотите, вы можете сами поглядеть. — И он еще выше поднял лампу.

— Что? Ты, кажется, тоже вздумал спорить со мной! — загремел горный король.

И он протянул свою страшную ручищу, чтобы схватить учителя. Но так как он очень боялся лампы, то открыть глаза он не решался. Поэтому учителю ничего не стоило увернуться от горного короля. Он ушел, можно сказать, прямо у него из-под рук.

Тут уж горный король разбушевался не на шутку. Он топал ногами, тряс головой и в конце концов разразился такой метелью, что в один миг весь домик был занесен снегом до самой крыши. Только кончик трубы высывался еще наружу, но скоро и он скрылся.

Когда горный король приоткрыл глаза, кругом был мрак, холод и снег...

— Ну-ка теперь поспорь со мной! — закричал горный король и, прихрамывая, зашагал к себе на Растекайса.

С тех пор никто никогда не встречал горного короля. Видно, он не решается больше спускаться с вершины Растекайса.

А наутро взошло солнце, снег растаял, и маленький домик учителя снова стоял как ни в чем не бывало. Сампо-Лопаренок поблагодарил учителя и стал собираться в путь.

Учитель дал ему свои сани, Сампо-Лопаренок запряг в них золоторого оленя, и они помчались к берегам реки Теноёки, домой, к родным местам.

Старый лопарь и лопарка уж и не надеялись увидеть сына живым. Маленький олень давно вернулся один, с пустыми санями. Как же тут было не подумать, что Сампо-Лопаренка съели волки!

— Вот, отец, — говорила старая лопарка, утирая слезы, — хоть и назвал ты нашего сына Сампо, а не принесло это ему счастья...

— Это ты отпугнула от него счастье, — говорил старый лопарь, тяжело вздыхая. — Не называла бы ты его другим именем, так и не случилось бы с ним беды...

Зато и обрадовались же они, когда Сампо-Лопаренок, живой и невредимый, подкатил к чуму, да еще на золоторого олене!

— Видишь, жена, — сказал старый лопарь, — не зря все-таки назвал я нашего сына Сампо. Он у нас и вправду счастливый!

— А разве я что говорю! — согласилась лопарка. — Только, по-моему, и Лопаренок хорошее имя. Да что имя! Был бы он хорошим человеком, так и счастье свое найдет!

И она по-прежнему называла сына Лопаренком, а отец называл его Сампо.

И снова они зажили все вместе.

Золоторогий олень тоже остался у них. Правда, Сампо-Лопаренок кормил его простым овсом из деревянных яслей, но золоторогому оленю очень нравилось и это угощение.

А когда Сампо вырос и стал умным и храбрым, как школьный учитель, он сделал своему другу серебряные ясли и каждый день засыпал в них зерно чистого золота.

Но это уже совсем другая история, и о ней ты услышишь в другой раз.

САКАРИАС ТОПЕЛИУС

ТРИ РЖАНЫХ КОЛОСА

Все началось под Новый год. Жил в деревне богатый крестьянин. Деревня раскинулась на берегу озера, и на самом видном месте стоял дом богача — с пристройками, амбарами, сараями, за глухими воротами.

А на другом берегу, возле самого леса, ютился маленький бедный домишко — всем ветрам открытый. Да только и ветру нечем было там разжиться.

На дворе была стужа.

Деревья так и трещали от мороза, а над озером кружились тучи снега.

— Послушай, хозяин, — сказала жена богатея, — давай положим на крышу хоть три ржаных колоса для воробьев. Ведь праздник нынче, Новый год.

— Не так я богат, чтобы выбрасывать столько зерна каким-то воробьям, — сказал старик.

— Да ведь обычай такой, — снова начала жена. — Говорят, к счастью это.

— А я тебе говорю, что не так я богат, чтобы бросать зерно воробьям, — сказал как отрезал старик.

Но жена не унималась.

— Уж, наверное, тот бедняк, что на другой стороне озера живет, — сказала она, — не забыл про воробьев в новогодний вечер. А ведь ты сеешь хлеба в десять раз больше, чем он.

— Не болтай вздора, — прикрикнул на нее старик. — Я и без

того немало ртов кормлю. Что еще выдумала — воробьям зерно выбрасывать!

— Так-то оно так, — вздохнула старуха, — да ведь обычай.

— Ну вот что, — оборвал ее старик, — знай свое дело, пеки хлеб да присматривай, чтобы окорок не подгорел. А воробьи — не наша забота.

И вот в богатом крестьянском доме стали готовиться к встрече Нового года: и пекли, и жарили, и тушили, и варили. От горшков и мисок стол прямо ломился. Только голодным воробьям, которые прыгали по крыше, не досталось ни крошки. Напрасно кружили они над домом — ни одного зернышка, ни одной хлебной корочки не нашли.

А в бедном домишке на другой стороне озера словно и забыли про Новый год. На столе и в печи было пусто, зато воробьям было приготовлено на крыше богатое угощение — целых три колоса спелой ржи.

— Если бы мы вымолотили эти колосья, а не отдали их воробьям, и у нас был бы сегодня праздник. Каких бы лепешек я напекла к Новому году! — сказала со вздохом жена бедного крестьянина.

— Какие там лепешки! — засмеялся крестьянин. — Ну много ли зерна намолотила бы ты из этих колосьев? Как раз для воробьиного пира.

— И то правда, — согласилась жена. — А все-таки...

— Не ворчи, мать, — перебил ее крестьянин, — я ведь скопил немного денег к Новому году. Собирай-ка скорее детей, пусть идут в деревню да купят нам свежего хлеба и кувшин молока. Будет и у нас праздник — не хуже, чем у воробьев.

— Боюсь я посылать их в такую пору, — сказала мать. — Тут ведь и волки бродят.

— Ничего, — — сказал отец, — я дам Юхану крепкую палку, этой палкой он всякого волка отпугнет.

И вот маленький Юхан со своей сестренкой Ниллой взяли санки, мешок для хлеба, кувшин для молока, прихватили здоровенную палку на всякий случай и отправились в деревню на другой берег озера.

Когда они возвращались домой, сумерки уже сгустились. Вьюга намела на озере большие сугробы. Юхан и Нилла с трудом тащили санки, то и дело проваливаясь в глубокий снег. А снег все валил и валил, сугробы росли и росли, тьма сгустилась все больше и больше, а до дому было еще далеко.

Вдруг во тьме перед ними что-то зашевелилось. Человек не человек, и на собаку не похоже. А это был волк — огромный, худой. Пасть открыл, стоит поперек дороги и воет.

— Сейчас я его прогоню, — сказал Юхан и замахнулся палкой.

Но волк даже с места не сдвинулся. Видно, он ничуть не испугался палки Юхана, да и на детей нападать как будто не собирался. Он только завыл еще жалобнее, словно просил о чем-то. И, как ни странно, дети отлично понимали его.

— У-у-у, какая стужа, какая лютая стужа, — жаловался волк. — Моим волчатам есть совсем нечего! Они пропадут с голоду!

— Жаль твоих волчат, — сказала Нилла. — Но у нас самих нет ничего, кроме хлеба. Вот возьми два свежих каравая для своих волчат, а два останутся нам.

— Спасибо вам, век не забуду вашу доброту, — сказал волк, схватил зубами два каравая и убежал.

Дети завязали потуже мешок с оставшимся хлебом и, спотыкаясь, побрели дальше.

Они прошли совсем немного, как вдруг услышали, что кто-то тяжело ступает за ними по глубокому снегу. Кто бы это мог быть? Юхан и Нилла оглянулись — это был огромный медведь. Медведь что-то рычал по-своему, и Юхан с Ниллой долго не могли понять его. Но скоро они стали разбирать, что он говорит.

— Мор-р-роз, какой мор-р-роз, — рычал медведь. — Все ручьи замерзли, все реки замерзли..

— А ты чего бродишь? — удивился Юхан. — Спал бы в своей берлоге, как другие медведи, и смотрел бы сны.

— Мои медвежата плачут, просят попить. А все реки замерзли, все ручьи замерзли. Как же мне напоить моих медвежат?

— Не горюй, мы отольем тебе немного молока. Давай твое ведерко!

Медведь подставил берестяное ведерко, которое держал в лапах, и дети отлили ему полкувшина молока.

— Добрые дети, хорошие дети, — забормотал медведь и пошел своей дорогой, переваливаясь с лапы на лапу.

А Юхан и Нилла пошли своей дорогой. Поклажа на их санках стала полегче, и теперь они быстрее перебирались через сугробы. Да и свет в окне их дома уже виднелся сквозь тьму и метель. Но тут они слышали какой-то странный шум над головой. Это был и не ветер, и не вьюга. Юхан и Нилла

посмотрели вверх и увидели безобразную сову. Она изо всех сил била крыльями, стараясь не отставать от детей.

— Отдайте мне хлеб! Отдайте молоко! — выкрикивала сова скрипучим голосом и уже растопырила свои острые когти, чтобы схватить добычу.

— Вот я тебе сейчас дам! — сказал Юхан и принялся размахивать палкой с такой силой, что совиные перья так и полетели во все стороны.

Пришлось сове убраться прочь, пока ей совсем не обломали крылья. А дети скоро добрались до дому. Они стряхнули с себя снег, втащили на крыльцо санки и вошли в дом.

— Наконец-то! — радостно вздохнула мать. — Чего только я не передумала! А вдруг, думаю, волк им встретится...

— Он нам и встретился, — сказал Юхан. — Только он нам ничего плохого не сделал. А мы ему дали немного хлеба для его волчат.

— Мы и медведя встретили, — сказала Нилла. — Он тоже совсем не страшный. Мы ему молока для его медвежат дали.

— А домой-то привезли хоть что-нибудь? Или еще кого-нибудь угостили? — спросила мать.

— Еще сову! Ее мы палкой угостили! — засмеялись Юхан и Нилла. — А домой мы привезли два каравая хлеба и полкувшина молока. Так что теперь и у нас будет настоящий пир!

Время уже подходило к полуночи, и все семейство уселось за стол. Отец нарезал ломтями хлеб, а мать налила в кружки молоко. Но сколько отец ни отрезал от каравая, каравай все равно оставался целым. И молоко в кувшине тоже не убывало.

— Что за чудеса?! — удивлялись отец с матерью.

— Вот сколько мы всего накупили! — говорили Юхан и Нилла и подставляли матери свои кружки и плошки.

Ровно в полночь, когда часы пробили двенадцать ударов, все услышали, что кто-то царапается в маленькое окошко.

И что же вы думаете? У окошка стояли волк и медведь, положив передние лапы на оконную раму. Оба весело ухмылялись и приветливо кивали головами, словно поздравляли их с Новым годом.

На следующий день, когда дети подбежали к столу, два свежих каравая и полкувшина молока стояли будто нетронутые. И так было каждый день. А когда пришла весна, веселое чириканье воробьев словно приманило солнечные лучи на маленькое поле бедного крестьянина, и урожай у него был

такой, какого никто никогда не знал. И за какое бы дело ни взялись крестьянин с женой, все у них в руках ладилось и спорилось.

Зато у богатого крестьянина хозяйство пошло вкривь и вкось. Солнце как будто обходило стороной его поля, и в закромах у него стало пусто.

— Все потому, что не бережем добро, — сокрушался хозяин. — Тому дай, этому одолжи. Про нас ведь слава — богатые! А где благодарность? Нет, не так мы богаты, жена, не так богаты, чтобы о других думать. Гони со двора всех попрошайки!

И они гнали всех, кто приближался к их воротам. Но только удачи им все равно ни в чем не было.

— Может, мы едим слишком много, — сказал старик. И велел собирать к столу только раз в день.

Сидят все голодом, а достатка в доме не прибавляется.

— Верно, мы едим слишком жирно, — сказал старик. — Слушай, жена, пойдی к тем, на другом берегу озера, да поучись, как стряпать. Говорят, в хлеб можно еловые шишки добавлять, а суп из брусничной зелени варить.

— Что ж, пойду, — согласилась старуха и отправилась в путь.

Вернулась она к вечеру.

— Ну что, набралась, поди, ума-разума? — спросил ее старик.

— Набралась, — сказала старуха. — Только ничего они в хлеб не добавляют.

— А ты что, пробовала их хлеб? Уж, верно, они свой хлеб подальше от гостей держат.

— Да нет, — отвечает старуха, — кто ни зайдет к ним, они за стол сажают да еще с собой дадут. Бездомную собаку и ту накормят. И всегда от доброго сердца. Вот оттого им во всем и удача.

— Чудно, — сказал старик, — что-то не слыхал я, чтобы люди богатели оттого, что другим помогают. Ну да ладно, возьми целый каравай и отдай его нищим на большой дороге. Да скажи им, чтобы убирались подальше на все четыре стороны.

— Нет, — сказала со вздохом старуха, — это не поможет. Надо от доброго сердца давать.

— Вот еще! — заворчал старик. — Мало того, что свое отдаешь, так еще от доброго сердца!.. Ну ладно, дай от доброго сердца. Но только уговор такой: пусть отработают потом. Не так мы богаты, чтобы раздавать наше добро даром.

Но старуха стояла на своем:

— Нет, уж если давать, так без всякого уговора.

— Что же это такое! — старик от досады прямо чуть не задохнулся. — Свое, нажитое — даром отдавать!

— Так ведь если за что-нибудь, это уж будет не от чистого сердца, — твердила старуха.

— Чудные дела!

Старик с сомнением покачал головой. Потом вздохнул тяжело и сказал:

— Слушай, жена, на гумне остался небольшой сноп немолоченной ржи. Вынь-ка три колоска да побереги к Новому году для воробьев. Начнем с них.

САКАРИАС ТОПЕЛИУС

ЗВЕЗДОГЛАЗКА

Я слышал эту старую-престарую историю от многих людей, и каждый рассказывал ее по-своему. А теперь я сам расскажу ее — так, как она мне запомнилась.

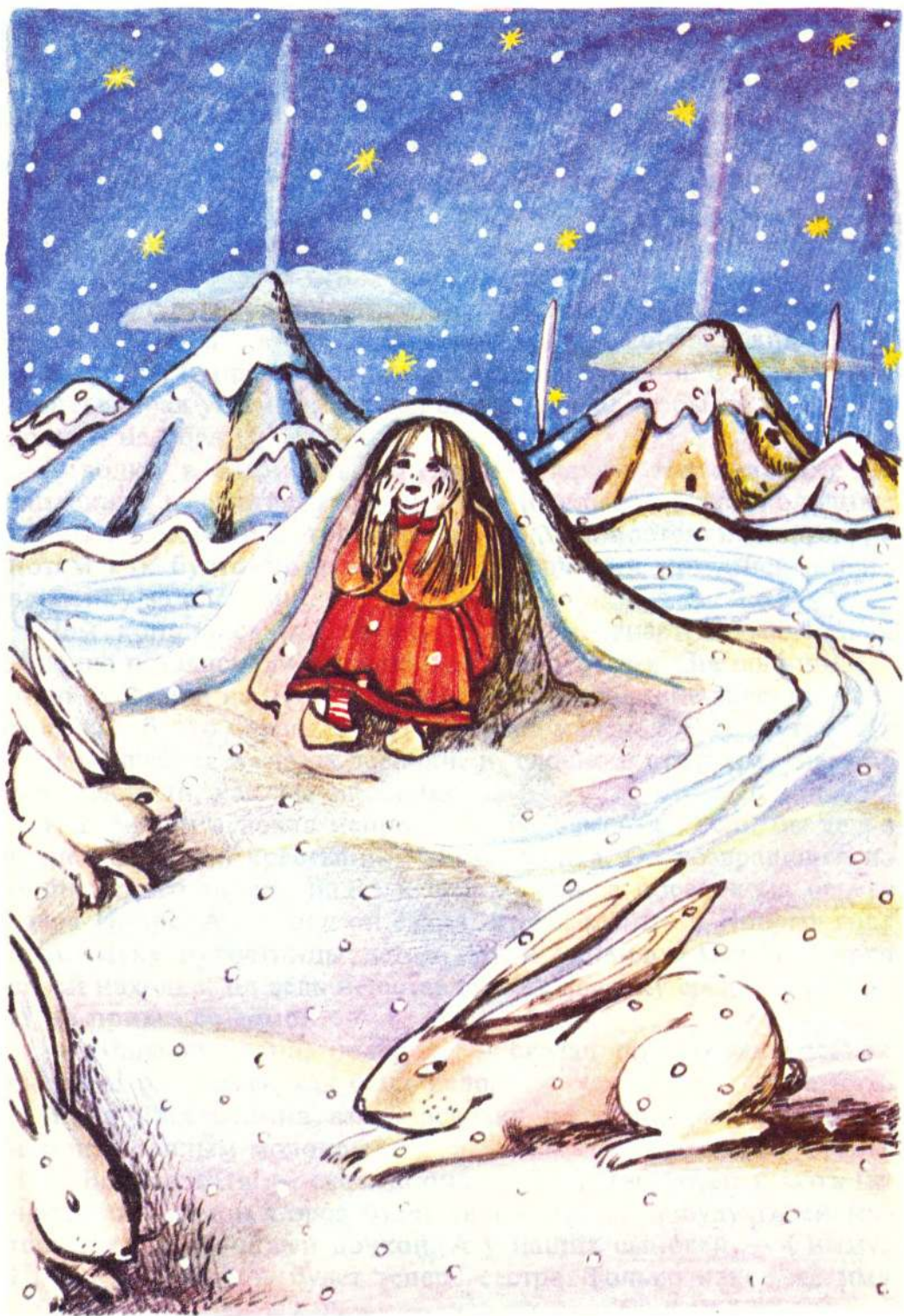
Но сначала давай полетим на крыльях ветра в страну снега и холода, туда, где небо озаряется северным сиянием, где ночная тьма и солнечный свет всегда ведут между собой спор.

И вот представь себе: лежит среди сугробов, завернутая в оленьи шкуры, маленькая девочка. Кругом, куда ни посмотри, только снег, снег, снежные поля, снежные холмы и горы. И нигде ни живой души.

Как это могло случиться? Сейчас ты узнаешь.

Был вечер накануне Нового года. Лопарь и лопарка торопились домой. На передних санях сидел лопарь, а сзади, на других санях, — его жена с маленькой дочкой. Олень может везти только одного человека, потому им и пришлось ехать порознь. Снег сверкал, северное сияние вспыхивало и переливалось всеми цветами, в небе ярко горели звезды. Лопарь то и дело подгонял своего оленя и оглядывался на жену — не отстают ли ее олень, хорошо ли идет.

Они уже добрались до вершины холма, как вдруг увидели волков. Это была большая стая, волков сорок или пятьдесят, — такими стаями волки часто ходят в Лапландии, подстерегая оленей и людей. Наверное, давно уже не попадалась им добы-

ча: все волки были тощие, все были с голоду и разом, всей стаей, ринулись за лопарем и его женой.

Почувяв волков, олени бросились бежать со всех ног. Вообще-то лопари не боятся быстрой езды, но на этот раз не так-то просто было удержаться в санях. Еще бы! Снег брызжет из-под оленьих копыт, слепит глаза, сани то словно проваливаются в пропасть, то их подбрасывает, то заносит в сторону... Труднее всего пришлось лопарке — ведь ей надо было и оленем править, и держаться за сани, и держать девочку. А олени неслись под гору, с сугроба на сугроб, не разбирая дороги. Вот тогда-то девочка и упала в снег. Напрасно бедная лопарка кричала и звала мужа, напрасно пыталась остановить оленя. Олень только пошевеливал ушами и мчался еще быстрее, чтобы не достаться волкам на обед.

А волки в один миг окружили девочку. Но она даже не заплакала и смотрела на них без всякого страха. Голодные волки остановились, точно замороженные, постояли немного, а потом как будто сами чего-то испугались и ринулись прочь, вдогонку за оленями.

Чем кончилась эта погоня, никто не знает. А маленькая девочка осталась одна среди снежной пустыни. Звезды приветливо смотрели на нее. Бесчисленные сверкающие далекие светила как будто охраняли беззащитное маленькое существо. Их свет отражался в глазах девочки, и, словно в ответ им, глаза ее тоже засияли, как две звездочки.

И все-таки девочка непременно бы замерзла, если бы ее не нашел финский крестьянин Симон Сорса. Он возвращался из норвежского города Вадсё к себе домой, в поселок на берегу озера Инаре. А в город он ездил, чтобы купить к Новому году соль, муку и гостинцы детям. Ну и удивился Симон Сорса своей находке! Да ведь не оставлять же девочку среди сугробов. И он привез ее домой.

— Получай, жена, подарок, — сказал он, отряхиваясь от снега. И рассказал, как было дело.

Жена крестьянина взяла девочку на руки, развернула ее, напоила теплым молоком.

— Бедное дитя! — сказала она. — Если твой отец и мать не найдутся, Симон Сорса будет твоим отцом, я буду твоей матерью, а ты — нашей дочкой. А у наших сыновей — Симму, Пальте и Матте — будет теперь сестра. Только какое же имя тебе дать?

— По всему видно, что девочка — лопарка, — сказал Симон Сорса, — а у лопарей такие трудные имена. Давай-ка, жена, назовем девочку в твою честь — Элисабет, а попросту — Лисси.

На том и порешили.

На другой день к Симону Сорсе и его жене заглянула соседка Мурра. Она посмотрела на девочку и сказала:

— Вы что, не видите разве, какие у нее глаза? Так и жгут огнем! Уж поверьте мне, неспроста это! Кошачьим Глазом надо ее назвать, вот что я скажу! Все лопари сродни колдунам. И она тоже!

— Еще что выдумала! — возмутилась жена Симона Сорсы. — Кошачьим Глазом девочку назвать! И глаза у нее никакие не особенные. Ты погляди — у Симму, Пальте и Матте глаза так же блестят, только у них глаза серые, а у девочки карие.

— Колдовские у нее глаза, колдовские! — твердила Мурра. — Вот припомните мои слова!

Соседка ушла. А Симон Сорса сказал:

— Насчет колдовства — это глупости. А глаза у девочки и вправду сияют, как две звездочки. Давай назовем ее Звездоглазка!

— Не имя это для ребенка, — сказала жена. — Назвали ее Лисси, так и говорить больше не о чем.

— Ну, а я буду звать ее Звездоглазкой, — сказал Симон Сорса.

И скоро все тоже стали ее так называть.

Лисси-Звездоглазка была девочка тихой. Хозяйка старалась ни в чем не делать различия между родными детьми и приемышем. А Симон Сорса тот и вовсе души не чаял в своей приемной дочке.

Но когда Лисси-Звездоглазка подросла, хозяйка стала замечать такое, чего и сама не могла как следует понять. И рассказать об этом никому не решалась. Да и как расскажешь, что ее мальчишки — Симму, Пальте и Матте — слушались маленькую Лисси с первого слова. А ведь никто с ними сладить не мог, если они затевали драку! И это еще не все! Черная кошка прятала свои когти и ласково жмурилась, когда Лисси наклонялась к ней. А злая дворовая собака Кетту переставала лаять и рычать, стоило только девочке посмотреть на нее. Хозяйке даже казалось, что глаза у Лисси светятся в темноте.

«Ох, ей и вправду подходит имя Кошачий Глаз», — думала хозяйка.

Однажды, когда Симон Сорса был в отъезде, хозяйка сидела за прялкой и пряла шерсть, чтобы связать детям рукавицы. Со дня на день она ждала мужа, нет-нет да и взглянет в окошко —

не видны ли его сани? Приближался Новый год, а хозяин все не возвращался. Как тут не тревожиться?

«Не случилось бы с ним в дороге какой беды, — думала хозяйка. — Ведь лошадь-то плохо подкована. На одной ноге и вовсе подковы нет».

Звездоглазка в это время играла в своем углу. Она сидела верхом на скамейке и подпрыгивала на ней, словно скакала на коне.

— Стой! Стой! — вдруг скомандовала девочка своему рысаку. — Дай-ка я погляжу, все ли подковы у тебя целы. — Она приподняла край скамейки и стала осматривать деревянные ножки, как будто это были копыта. — Так и есть, одна подкова потерялась. Недаром мать беспокоится.

Хозяйка даже нитку из рук упустила.

— Лисси, откуда ты это знаешь? — спросила она.

— Лисси видела, — ответила девочка.

Хозяйке стало не по себе.

«Правду ведь говорила Мурра. Девочка-то, кажется, колдунья».

— Да не смотри ты так, словно хочешь меня насквозь увидеть! — прикрикнула хозяйка на Звездоглазку.

Бедная девочка опустила голову и подальше забилась в своем углу, она никак не могла взять в толк, за что на нее сердится мать.

А потом заболел Пальте. Хозяйка побежала за лекарем. И пока он смотрел мальчика, хозяйка прикидывала в уме, во сколько это ей обойдется.

Она открыла дверцу кладовки и оглядела полки. В кладовке лежали два свежих лосося, один побольше, другой поменьше.

«Дам-ка я лекарю лосося. Только вот не знаю, какого, — думала хозяйка и перекладывала лососей с места на место, словно взвешивала их на руке. — Большого дать или маленького? Пожалуй, маленького хватит». И она бросила рыбину — ту, что была поменьше — на кухонный стол.

Звездоглазка, как всегда, сидела у себя в уголке и играла. На коленях у нее лежала мочалка — это был как будто больной. А рядом стоял веник — это был лекарь.

— Какого же лосося дать тебе? — говорила девочка, повернувшись к венику. А сама перекладывала с места на место две щепочки и словно взвешивала их на руке. — Маленького дать или большого? Нет, большого жалко, отдам лучше маленького.

Хозяйка услышала, что говорит Звездоглазка, и каждое слово кольнуло ее, точно иголка.

Когда лекарь ушел, хозяйка напустилась на Звездоглазку:

— Ты почему так говорила? Отвечай!

— Лисси видела, — опять сказала девочка.

— Видела! Видела! Что ты видела? Колдунья ты, вот ты кто. Недаром говорят, что все лопари колдуны. Будешь теперь жить в подполе, пока не забудешь свои колдовские штуки.

И хозяйка отправила девочку в темный погреб. Правда, она перенесла туда матрас с одеялом, поставила еду и кувшин с водой. И все-таки сидеть одной в погребе, даже если есть еда и питье, не очень-то весело. Но и не совсем скучно. У Звездоглазки были друзья: суковатый шест, старая плошка, деревянная стружка, полено и бутылка без горлышка. Это была целая семья. Суковатый шест — отец, плошка — мать, полено, стружка и бутылка — их дети. И жили они всей семьей в пустой кадке. Все они были заняты своими делами, а Звездоглазка пела им песенки. И пела так хорошо, что даже мыши просовывали в щели мордочки, чтобы послушать, как она поет.

Однажды под вечер наведальась в дом соседка Мурра, очень не терпелось ей узнать, вернулся ли Симон Сорса, и поглядеть, какие он привез обновки и гостинцы к новомуднему празднику.

— Что, не приехал еще? — затараторила она с порога. — Да ты чего тревожишься? Не сегодня, так завтра придет. Не днем, так ночью. Ночью-то теперь еще светлее, чем днем. Гляди, какой месяц в небе.

И верно, высоко в чистом небе стоял месяц и светил в окошки так, что и лампу не надо было зажигать.

Хозяйка сидела и вязала рукавицы. Клубок шерсти то и дело скатывался с ее колен, и она звала то Симму, то Пальте, то Матте, чтобы подали ей клубок. А у них были свои заботы. Симму подкидывал и ловил монетку, Пальте толоч кирпич, Матте веревочкой привязывал кошку за лапу. Монетка со звоном прыгала по полу, осколки кирпича летели во все стороны, а кошка пищала и жалобно мяукала.

И вдруг все услышали, что внизу, в погребе, Звездоглазка запела:

Мать из шерсти пестрой, мягкой

Рукавицы вяжет братьям.

Симму на полу играет

И монетку вверх бросает,

Пальте бьет кирпич в лукошке,

Матте мучит нашу кошку.

*Месяц на небе стоит,
Моя стружка крепко спит.*

— Это кто же поет? — спросила Мурра.

— Да все она, наша приемная дочка. Придумала себе забаву и играет. Вот стружку свою укачивает. У нее там в погребке полно игрушек — черепки, щепки, стружки.

— Да ведь она из погреба видит все, что вы делаете! — воскликнула Мурра. — Говорила я тебе, что она колдунья.

— Верно ты говорила — колдунья она, — сказала хозяйка и тяжело вздохнула. — Я и сама давно за ней это заметила. Потому и в погреб ее запрятала. А толку никакого. Ума не приложу, что мне с ней делать.

— Послушай, я знаю средство, — сказала злая Мурра. — Завяжи ей глаза семью платками да прикрой вход в погреб семью половиками, положенными крест-накрест. Тогда ее колдовские глаза ничего не увидят. Это уж верно. Никакая колдунья через семь платков, через семь половиков ничего не разглядит.

— Что правда, то правда, — согласилась хозяйка, — только боюсь, не заругал бы меня муж.

— Да за что же тебя ругать? — успокаивала ее Мурра. — Ведь пропадешь ты с этой колдуньей. Видишь, какое разгорелось на небе северное сияние? Это колдуны и всякая там нечистая сила готовятся встречать Новый год. Любят они над человеком потешиться: кого с пути собьют, на кого волков наведут. Вот и девчонку твой муж под Новый год нашел — беду к себе в дом привел.

Говорила она, говорила и уговорила хозяйку. Спустилась хозяйка в погреб и завязала семью платками глаза Звздоглазке. А потом собрала половики со всего дома и уложила их крест-накрест над входом в погреб.

— Вот и хорошо, — приговаривала Мурра, когда дело было сделано, — это ты беде глаза завязала, беде дорогу закрыла.

И вдруг из подпола послышался голос Звздоглазки, опять она пела песенку своей стружке:

*Пламя на небе горит,
Наш отец домой спешит,
Резвый конь дорогу знает,
Звзды путь им освещают.
Скоро, скоро Новый год
Праздник ходит у ворот!*

— Да что же это такое! — закричала Мурра. — Через семь платков, через семь половиков она видит северное сияние. И что отец домой спешит, она тоже видит. Нет, всякие бывают колдуны и колдуньи, но такой еще никогда не бывало!

Хозяйка только руками всплеснула.

— Вот горе-то! Колдунью у себя приютили!

— Избавиться от нее надо, — сказала Мурра, — пока дом не обрушился, пока на детей порчу не навела, пока твои миски-плошки не заговорила. Увести ее надо подальше и оставить среди сугробов. Откуда взяли — там и оставить. Пусть сама своим колдовством спасается!

— Ох, мужа боюсь, — сказала хозяйка. — Да и девочку все-таки жалко. Вреда-то от нее не было никакого.

— Не было, так будет, — уговаривала ее Мурра. — Ну, решайся, пока не поздно.

Но тут застучали на улице копыта, заскрипели ворота, хлопнула дверь, и в дом вошел Симон Сорса. Отряхнул снег с шапки, с валенок и говорит

— Ну, как живы-здоровы?

Симму, Пальте и Матте разом бросились к отцу да так и повисли на нем.

— А где же Звездоглазка? — спросил отец.

Жена ничего не ответила, а соседка Мурра бочком-бочком стала подбираться к выходу.

— Где же дочка? — опять спросил Симон Сорса.

— Мать ее теперь в погребке держит, — сказал Симму.

— И глаза ей семью платками завязала, — сказал Пальте.

— А дверку в погреб семью половиками закрыла, — сказал Матте.

— Это правда? — спросил Симон Сорса жену и даже покраснел весь от гнева. Но жена по-прежнему молчала и не смела поднять глаза на мужа.

— Мурра говорит, что Звездоглазка колдунья, — сказал Симму.

— Что от нее надо избавиться, — сказал Пальте.

— Что она беду в наш дом привела, — сказал Матте.

— Если и пришла беда в наш дом, — сказал Симон Сорса, — так это она, наша соседка, со своим злым языком. Ведь надо же придумать такое: Звездоглазка — колдунья! Глаза у нее зоркие, и уши чуткие, и сердце отзывчивое — это правда. Вот она и видит, и слышит, и понимает больше других.

— А я говорила и снова скажу: колдунья ваша Звездоглазка! Колдунья, как есть колдунья, — твердила Мурра. — Ну-ка, ответь! Как она северное сияние могла увидеть — через семь платков, через семь половиков? Я только успела рот открыть, не к добру, говорю, северное сияние разгорелось, а она своими колдовскими глазами его уже видит.

Симон Сорса даже усмехнулся.

— Да ведь, когда ты рот откроешь, не то что в погребке — на другом конце деревни слышно.

А Мурра уже так разошлась, что ее и не остановить.

— Ну, а как же она узнала, что ты едешь? А? — не хотела сдаваться Мурра. — Потому и узнала, что колдунья!

— Глупая ты, глупая, — сказал Симон Сорса. — Сердце ей подсказало, что я скоро приеду. Видно, очень она меня ждала.

— Не сердце подсказало, а глаза ее колдовские увидели!

Надоело, наконец, Симону Сорсе спорить с глупой бабой.

— Вот что, соседка, — сказал он, — уходи-ка ты из нашего дома, и чтоб я тебя здесь никогда больше не видел.

Прогнал Симон Сорса злую Мурру, а потом велел жене спуститься в погреб и привести в дом Звездоглазку.

С тех пор никто ее не обижал и никто не называл колдуньей. А слушаться ее — слушались. Да и как не послушаться, если слово идет от доброго сердца?

А может быть, и правда: доброе сердце — колдовское? Может быть, и так. Это пусть каждый сам решит.

АСТРИД ЛИНДГРЕН

ВЕСЕЛАЯ КУКУШКА

— Нет, больше мне не выдержать, — совершенно неожиданно сказала мама Гуннара и Гуниллы перед Новым годом

— Да, и мне тоже, — подтвердил папа Гуннара и Гуниллы.

Гуннар же и Гунилла, лежавшие в детской, все слышали. Они-то хорошо понимали, что именно не могут больше выдержать мама с папой. Ведь Гуннар и Гунилла были больны уже целых четыре недели. Нельзя сказать, что так уж опасно больны. Но все-таки им пришлось лежать в постели и чуть что — звать маму. Четыре недели — это много дней, и много-много

часов, и много-много-много минут. И почти каждую минуту Гуннар с Гуниллой звали маму и просили то попить, то сказку почитать, то простыни перестелить, потому что они насыпали туда сухарных крошек. Гуннару и Гунилле казалось, что дни тянутся ужасно медленно; если приставать к маме было уж вовсе не с чем, они во все горло кричали:

— Мама, который час?

Им надо было только услышать, скоро ли раздастся уютный и бодрящий удар часов, возвещавших, к примеру, время, когда им принесут сок или булочки или когда вернется домой из банка папа.

Но теперь и папа сказал, что он больше не выдержит, даже он!

— Я думаю, — решил он, — купить детям собственные часы. И завтра же. Тогда, по крайней мере, они не будут больше спрашивать, который час.

Следующий день оказался полным ожидания для Гуннара и Гуниллы. Им было еще труднее обычного спокойно лежать в постели.

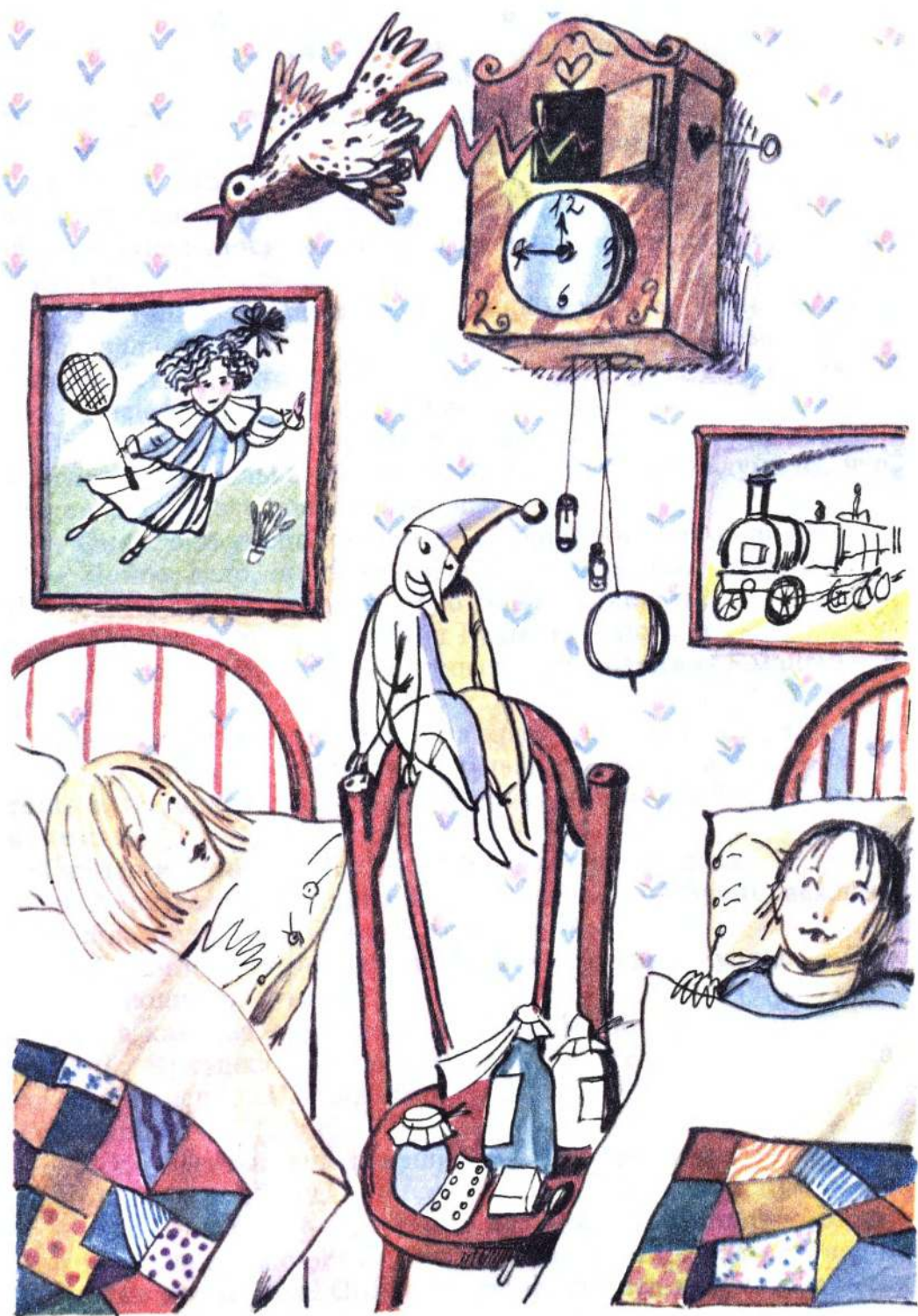
— Интересно, какие нам купят часы? — размышлял Гуннар.

— Может, будильник, — спросила Гунилла, — или красивые часы из Далекарлии?

Но когда папа наконец-то, наконец-то пришел домой и развернул пакет, который принес с собой, то в нем не было ни будника, ни далекарлийских часов. Там были часы с кукушкой. Папа повесил их на стену в детской, и не успел он это сделать, как стрелки показали уже шесть часов. И тут — нет, такого вам видеть не доводилось — в часах отворилось окошечко, и оттуда выскочила маленькая деревянная кукушечка. Она послушно пропела шесть раз, чтобы все знали: сейчас шесть часов, ни больше и ни меньше. После этого она снова исчезла, и окошечко за ней захлопнулось. Папа объяснил детям, какой механизм у этих часов и почему деревянная кукушка может выскакивать из окошечка и петь. И рассказал, что такие вот часы с кукушкой делают в Швейцарии.

«Удивительный подарок», — подумали Гуннар с Гуниллой.

До чего же интересно лежать в ожидании, что часы пробьют и семь, и восемь, и девять, и десять часов! Да, честно говоря, брат с сестрой не заснули даже в десять, хотя мама уже давным-давно заходила в детскую пожелать им спокойной ночи и погасила свет. Правда, по-настоящему темно в детской никогда не бывало, потому что ребятам посчастливилось — как раз под самым их окном стоял уличный фонарь.

«Жутко повезло», — подумали Гуннар с Гуниллой.

Когда стрелки часов показали десять, выскочила кукушка и пропела десять раз, точно и аккуратно, как всегда.

— Как ты думаешь, откуда она знает, сколько раз ей надо прокуковать? — поинтересовалась Гунилла.

— Эх ты! Ясное дело отчего. Папа же говорил, это механизм работает, — сказал Гуннар.

Но тут случилось самое настоящее чудо. Окошечко часов снова распахнулось, и оттуда выскочила маленькая деревянная кукушка.

— Все только болтают: механизм да механизм, — недовольно пробурчала кукушка. — Есть на свете такое, что называется — способности к математике. И они у меня есть. Это означает, что я умею считать. Да, да, умею!

Гуннар и Гунилла сидели в своих кроватках точно аршин проглотили и только смотрели во все глаза. Они думали, что, может, им все это только снится.

— Она... она умеет говорить, — прошептал наконец Гуннар.

— Ясное дело, я умею говорить, — сказала кукушка. — Неужто ты думаешь, что я умею только куковать?

— Нет, — смущенно ответил Гуннар, — но...

— Я очень дельная и вежливая, — продолжала маленькая деревянная кукушка.

Она слетела вниз и уселась на край кровати Гуннара.

— Где только на свете я не побывала, — сказала она. — Чего только не видела. Как подумаю, у самой иной раз голова кружится.

Гуннар и Гунилла еще больше вытаращили глаза.

— А разве ты не приделана к часам? — очень вежливо спросила под конец Гунилла.

— Конечно, нет, — наставительно сказала кукушка. — Это только люди так думают.

И тут как раз явилась мама, узнать, почему такой шум в детской. Кукушка проворно исчезла, с треском захлопнув за собой окошечко. И появилась снова, когда мама уже давным-давно ушла.

— А почему ты не покажешь маме, что ты живая? — спросила Гунилла.

— Это — тайна, — ответила кукушка. — Тайна, которую можно знать только детям. Взрослые люди ни в коем случае не должны в это верить. Они-то думают, что все кукушки в таких

часах — деревянные. Ха-ха-ха, сами они деревяшки, вот они кто, не будь я Веселая Кукушка.

«Веселая Кукушка» — это прозвище ей очень подходит», — подумали Гуннар с Гуниллой. Они все больше и больше радовались своим новым часам.

Летая взад-вперед по комнате, Веселая Кукушка оживленно болтала с детьми.

— Поклянись, что никогда никому не скажете, что я живая, — потребовала она. — Если только вы это сделаете, я никогда в жизни не скажу вам больше ни слова, а только буду петь, который час. Кстати, — продолжала она, — лучше, если вы сейчас же ляжете в постель. А иначе я боюсь проспать. Так тяжело просыпаться, когда нужно выскакивать из окошечка в три часа ночи. Собственно говоря, мне нужен был бы будильник, — сказала Веселая Кукушка и исчезла в своем маленьком окошечке.

На следующее утро Гуннару с Гуниллой, как обычно, принесли завтрак в постель. Пока они завтракали и пили чай, мама сидела рядом. Веселая Кукушка выскочила из окошечка и пропела восемь раз. Но она, конечно, не сказала ни слова. Она только подмигивала одним глазком детям. Гуннар и Гунилла восхищенно переглянулись. Нет, им это не приснилось. Кукушка и вправду живая. Просто чудо, на удивление живая!

Мама Гуннара и Гуниллы все больше и больше удивлялась по мере того, как день приближался к вечеру. В детской никто не кричал и не требовал воды или сказок. Порой оттуда доносились таинственные восторженные смешки. Время от времени мама заходила в детскую, посмотреть, что там происходит. Но тогда дети чинно сидели в своих кроватках. Только щечки их необычно розовели, и казалось, они втихомолку посмеиваются. А почему, мама никак взять в толк не могла и обескураженно возвращалась на кухню. Откуда ей было знать, что кукушка как раз начала показательные полеты перед Гуннаром и Гуниллой. Громко распевая, она низко летала над их кроватями и кувыркалась в воздухе. Гуннару с Гуниллой было так весело, что они просто визжали от восторга.

Потом Веселая Кукушка, сидя на подоконнике, смотрела на улицу и рассказывала детям обо всем, что там видела. На улице так красиво падал снег. Ведь скоро Новый год, и многие дети поспешно пробегали мимо, нагруженные пакетами.

Гуннар и Гунилла вздохнули.

— А мы не можем даже купить в этом году новогодние подарки, — печально сказал Гуннар.

— Да, потому что нам нельзя вставать до самого праздничного вечера, — сказала Гунилла.

— Ну, это я улажу, — обещала Веселая Кукушка. — Отвори-те мне только окно, и я мигом слетаю за подарками.

— Но у нас нет денег, — сказал Гуннар.

— Есть, только совсем немножко, — сказала Гунилла.

— Это дело я тоже улажу, — снова обещала Веселая Кукушка. — Я могу снести золотое яйцо. Сегодня ночью я снесла уже три штуки. Они лежат наверху, в часах.

И раз — она взлетела вверх, забралась в часы и снова вылетела оттуда с прелестнейшим крошечным золотым яичком в клювике. Она вложила его в руку Гуниллы, и девочка подумала, что ничего красивее ей в жизни видеть не доводилось.

— Пожалуйста, оставь его себе, — сказала кукушка. — Я потом снесу еще. Ну, а теперь отвори окно, и я слетаю к домовым за новогодними подарками.

— В Стокгольме никаких домовых нет, — засомневалась Гунилла.

— Сдается, вы не очень-то знаете о том, что есть в Стокгольме, а чего там нет, — сказала Веселая Кукушка. — Беда в том, что ваши глаза не видят, а уши не слышат. Иначе вы бы сами увидели, как эльфы танцуют в Хумлегордене весенними вечерами, и слышали, как домовые работают в своей мастерской в Старом городе перед самым-самым Новым годом.

— О! — воскликнули Гуннар с Гуниллой. И поспешили открыть окно, чтобы Веселая Кукушка смогла слетать и купить новогодние подарки в мастерской у домовых.

Целый день летала она взад-вперед с золотыми яичками и пакетами. Это было и вправду нелегко: ведь кукушке приходилось еще следить за временем и вовремя петь.

«Какие чудесные подарки она приносит!» — думали Гуннар с Гуниллой. Брошку с браслетом для мамы, бумажник и перочинный ножик для папы, а сколько прелестных игрушек для кузин с улицы Оденгатан. О, до чего ж интересно было открывать пакеты! А как приятно с Веселой Кукушкой! Единственное, что беспокоило Гуннара с Гуниллой, как объяснить маме с папой в новогодний вечер, откуда взялись эти подарки. Но брат с сестрой сговорились, что сделают таинственный вид и скажут: это страшная тайна. А мама с папой пусть думают что хотят.

Незадолго до восьми часов вечера пришла мама пожелать детям, которые весь день были такими послушными, спокойной ночи. Веселая Кукушка была в тот момент как раз в очень игривом настроении и, прежде чем влететь в окошечко часов и захлопнуть его за собой, она прошептала детям:

— А теперь мы немножко подшутим над вашей мамой.

Когда мама подоткнула одеяло детям на ночи, она сказала:

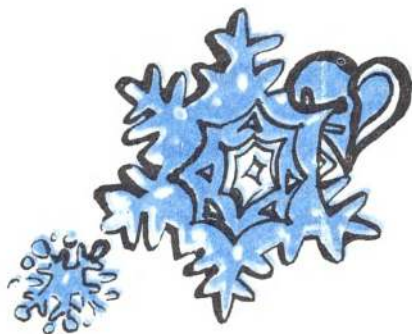
— А теперь спать. Уже восемь часов!

В тот же самый миг окошечко часов открылось, и оттуда выглянула маленькая деревянная кукушка. А потом она запела. Она пела, пела и пела. И не восемь раз, нет, она прокуковала целых двадцать шесть раз. Мама сидела совершенно ошеломленная.

— Что это значит? — спросила она. — Должно быть, механизм у часов немного испортился.

— Ага, — сказали Гуннар с Гуниллой. — Должно быть, механизм немного испортился.

И, забравшись под одеяло, громко расхохотались.

За синей птицей

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

ЁЛКА

В двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шепотом сообщил сестренке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький темный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крестный Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький, сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим черным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла¹, и притом чрезвычайно искусно. Крестный сам был великим искусником, он знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переста-

¹ То есть из стеклянного волокна.

вали петь какие-нибудь часы, всегда приходил крестный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтенький сюртук, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тиктикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крестного в кармане находилось что-нибудь занимательное для ребят: то человечек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то еще какая-нибудь штучка. А к рождеству он всегда мастерил красивую, затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убирали его подарок.

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный! — воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и обучаться ружейным приемам прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, так что поднимутся шум и грохот.

— Нет, нет, — перебила Фрица Мари, — крестный рассказывал мне о прекрасном саде. Там большое озеро, по нему плавают чудо какие красивые лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают красивые песни. Потом из сада выйдет девочка, подойдет к озеру, приманит лебедей и будет кормить их сладким марципаном...

— Лебеди не едят марципана, — не очень вежливо перебил ее Фриц, — а целый сад крестному и не сделать. Да и какой толк нам от его игрушек? У нас тут же их отбирают. Нет, мне куда больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, мы сами ими распоряжаемся.

И вот дети принялись гадать, что им подарят родители. Мари сказала, что мадемуазель Трудхен (ее большая кукла) совсем испортилась: она стала такой неуклюжей, то и дело падает на пол, так что у нее теперь все лицо в противных отметинах, а уж водить ее в чистом платье нечего и думать. Сколько ей ни выговаривай, ничего не помогает. И потом мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась Гретиным зонтиком. Фриц же уверял, что у него в придворной конюшне как раз не хватает гнедого коня, а в войсках маловато кавалерии. Папе это хорошо известно.

Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас расставляют их на столе.

Совсем стемнело. Фриц и Мари сидели, крепко прижавшись друг к другу, и не смели проронить ни слова; им чудилось, будто над ними веют тихие крылья и издалека доносится прекрасная музыка. Вдруг светлый луч скользнул по стене. И в то же мгновение прозвучал тонкий серебряный колокольчик: динь-динь, динь-динь! Двери распахнулись, и елка засияла таким блеском, что дети с громким криком «Ах, ах!» замерли на пороге.

ПОДАРКИ

Я обращаюсь непосредственно к тебе, благосклонный читатель или слушатель, — Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали, — прошу как можно живее вообразить себе рождественский стол, весь заставленный чудными, пестрыми подарками, которые ты получил в нынешнее рождество, — тогда тебе нетрудно будет понять, что дети, обомлев от восторга, замерли на месте и смотрели на все сияющими глазами. Только минуту спустя Мари глубоко вздохнула и воскликнула:

— Ах, как чудно, ах, как чудно!

А Фриц несколько раз высоко подпрыгнул, на что был большой мастер. Уж, наверно, дети весь год были добрыми и послушными, потому что еще ни разу они не получали таких чудесных, красивых подарков, как сегодня.

Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали на темных ветках, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать!.. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало ее шелковое платье, искусно отделанное цветными лентами и висевшее так, что Мари могла любоваться им со всех сторон; она и любовалась им всласть, то и дело повторяя:

— Ах, какое красивое, какое милое, милое платьице! И мне позволят, наверное, позволят, в самом деле позволят его надеть!

Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола с подарками. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, но ничего, уж он его вышколит. Потом он произвел смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно было подумать, будто и кони тоже из чистого серебра.

Только что дети, немного уgomонившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было любоваться разными замечательными цветами, пестро раскрашенными людьми и хорошенькими играющими детками, так натурально изображенными, будто они и впрямь живые и вот-вот заговорят, — так вот, только что дети хотели взяться за чудесные книжки, как опять прозвенел колокольчик. Дети знали, что теперь черед подаркам крестного Дроссельмейера, и подбежали к столу, стоявшему у стены. Ширмы, за которыми до тех пор был скрыт стол, быстро убрали. Ах, что увидели дети! На зеленой, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который весь так и сиял (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзолчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал чудесный замок с танцующими и прохаживающимися человечками. Потом попросил:

— Крестный, а крестный! Пусти меня к себе в замок!

Старший советник суда сказал, что этого никак нельзя. И он был прав: со стороны Фрица глупо было проситься в замок, который вместе со всеми своими золотыми башнями был меньше его. Фриц согласился. Прошла еще минутка, в замке все так же прохаживались кавалеры и дамы, танцевали дети, выгляды-

вал все из того же окна изумрудный человечек, а крестный Дроссельмейер подходил все к той же двери.

Фриц в нетерпении воскликнул:

— Крестный, а теперь выйди из той, другой двери!

— Никак этого нельзя, милый Фрицхен, — возразил старший советник суда.

— Ну, тогда, — продолжал Фриц, — вели зеленому человечку, что выглядывал из окна, погулять с другими по залам.

— Этого тоже никак нельзя, — снова возразил старший советник суда.

— Ну, тогда пусть спустятся вниз дети! — воскликнул Фриц. — Мне хочется лучше их рассмотреть.

— Ничего этого нельзя, — сказал старший советник суда раздраженным тоном. — Механизм сделан раз навсегда, его не переделаешь.

— Ах та-ак! — протянул Фриц. — Ничего этого нельзя... Послушай, крестный, раз нарядные человечки в замке только и знают, что повторять одно и то же, так что в них толку? Мне они не нужны. Нет, мои гусары куда лучше! Они маршируют вперед, назад, как мне вздумается, и не заперты в доме.

И с этими словами он убежал к праздничному столу, и по его команде эскадрон на серебряных конях начал скакать туда и сюда — по всем направлениям, рубить саблями и стрелять сколько душе угодно.

Мари тоже потихоньку отошла: и ей тоже наскучили танцы и гулянье кукол в замке. Только она постаралась сделать это незаметно, не так, как братец Фриц, потому что она была доброй и послушной девочкой. Старший советник суда сказал недовольным тоном родителям:

— Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок.

Но тут мать попросила показать ей внутреннее устройство и удивительный, очень искусный механизм, приводивший в движение человечков. Дроссельмейер разобрал и снова собрал всю игрушку. Теперь он опять повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых человечков, у которых были золотые лица, руки и ноги; все они превкусно пахли пряниками. Фриц и Мари очень им обрадовались. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела подаренное родителями нарядное платье, которое ей очень шло; а Мари попросила, чтоб ей позволили, раньше чем надевать новое платье, еще немножко полюбоваться на него, что ей охотно разрешили.

ЛЮБИМЕЦ

А на самом деле Мари потому не отходила от стола с подарками, что только сейчас заметила что-то, чего раньше не видела; когда выступили гусары Фрица, до того стоявшие в строю у самой елки, очутился на виду замечательный человек. Он вел себя тихо и скромно, словно спокойно ожидая, когда дойдет очередь и до него. Правда, он был не очень складный: чересчур длинное и плотное туловище на коротеньких и тонких ножках, да и голова тоже как будто великовата. Зато по щегольской одежде сразу было видно, что это человек благовоспитанный и со вкусом. На нем был очень красивый блестящий фиолетовый гусарский доломан весь в пуговичках и позументах, такие же рейтузы и столь щегольские сапожки, что едва ли доводилось носить подобные и офицерам, а тем паче студентам; они сидели на тоненьких ножках так ловко, будто были на них нарисованы. Конечно, нелепо было, что при таком костюме он прицепил на спину узкий неуклюжий плащ, словно выкроенный из дерева, а на голову нахлобучил шапочку рудокопа, но Мари подумала: «Ведь крестный Дроссельмейер тоже ходит в прескверном сюртуке и в смешной шляпе, но это не мешает ему быть милым, дорогим крестным». Кроме того, Мари пришла к заключению, что крестный, будь он даже таким же щеголем, как человечек, все же никогда не сравняется с ним по миловидности. Внимательно вглядываясь в славного человечка, который полюбился ей с первого же взгляда, Мари заметила, каким добродушием светилось его лицо. Зеленые навывкате глаза смотрели приветливо и доброжелательно. Человечку очень шла тщательно завитая борода из белых бумажных ниток, окаймлявшая подбородок, — ведь так заметнее выступала ласковая улыбка на его алых губах.

— Ах! — воскликнула наконец Мари. — Ах, милый папочка, для кого этот хорошенький человечек, что стоит под самой елкой?

— Он, милая деточка, — ответил отец, — будет усердно трудиться для всех вас: его дело — аккуратно разгрызать твердые орехи, и куплен он и для Луизы, и для тебя с Фрицем.

С этими словами отец бережно взял его со стола, приподнял деревянный плащ, и тогда человечек широко-широко разинул рот и оскалил два ряда очень белых острых зубов. Мари всунула ему в рот орех, и — щелк! — человечек разгрыз его, скорлупа упала, и у Мари на ладони очутилось вкусное ядрышко. Теперь

уже все — и Мари тоже — поняли, что нарядный человечек вел свой род от Щелкунчиков и продолжал профессию предков. Мари громко вскрикнула от радости, а отец сказал:

— Раз тебе, милая Мари, Щелкунчик пришелся по вкусу, так ты уж сама и заботься о нем и береги его, хотя, как я уже сказал, и Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами.

Мари сейчас же взяла Щелкунчика и дала ему грызть орехи, но она выбирала самые маленькие, чтобы человечку не пришлось слишком широко разевать рот, так как это, по правде сказать, его не красило. Луиза присоединилась к ней, и любезный друг Щелкунчик потрудился и для нее: казалось, он выполняет свои обязанности с большим удовольствием, потому что неизменно приветливо улыбался.

Фрицу тем временем надоело маршировать и скакать на коне. Когда он услышал, как весело щелкают орешки, ему тоже захотелось их отведать. Он подскочил к сестрам и от всего сердца расхохотался при виде потешного человечка, который теперь переходил из рук в руки и неустанно разевал и закрывал рот. Фриц совал ему самые большие и твердые орехи, но вдруг раздался треск — крак-крак! — три зуба выпали у Щелкунчика из рта, и нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

— Ах, бедный, милый Щелкунчик! — закричала Мари и отобрала его у Фрица.

— Что за дурак! — сказал Фриц. — Берется орехи щелкать, а у самого зубы никуда не годятся. Верно, он и дела своего не знает. Дай его сюда, Мари! Пусть щелкает мне орехи. Не беда, если и остальные зубы обломает, да и всю челюсть в придачу. Нечего с ним, бездельником, церемониться!

— Нет, нет! — с плачем закричала Мари. — Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Посмотри, как жалостно глядит он на меня и показывает свой больной ротик! Ты злюка, ты бьешь своих лошадей и даже позволяешь солдатам убивать друг друга.

— Так полагается, тебе этого не понять! — крикнул Фриц. — А Щелкунчик не только твой, но и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и поскорее завернула больного Щелкунчика в носовой платок. Тут подошли родители с крестным Дроссельмейером. К огорчению Мари, он принял сторону Фрица. Но отец сказал:

— Я нарочно отдал Щелкунчика на попечение Мари. А он, как я вижу, именно сейчас особенно нуждается в ее заботах, так пусть уж она одна им и распоряжается и никто в это дело не вмешива-

ется. Вообще меня очень удивляет, что Фриц требует дальнейших услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный он должен знать, что раненых никогда не оставляют в строю.

Фриц очень сконфузился и, оставив в покое орехи и Щелкунчика, тихонько перешел на другую сторону стола, где его гусары, выставив, как полагается, часовых, расположились на ночлег. Мари подобрала выпавшие у Щелкунчика зубы; пострадавшую челюсть она подвязала красивой белой ленточкой, которую отколола от своего платья, а потом еще заботливее укутала платком бедного человечка, побледневшего и, видимо, напуганного. Баюкая его, как маленького ребенка, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди других подарков. Она очень рассердилась, хотя это было совсем на нее не похоже, когда крестный стал смеяться над тем, что она нянчится с таким уродцем. Ей пришло на ум странное сходство с Дроссельмейером, которое она отметила уже при первом взгляде на человечка, и она очень серьезно сказала:

— Как знать, милый крестный, как знать, был бы ты таким же красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если бы принарядился не хуже его и надел такие же щегольские, блестящие сапожки?

Мари не могла понять, почему так громко рассмеялись родители, и почему у старшего советника суда так зарделся нос, и почему он не смеется вместе со всеми. Верно, на то были свои причины.

ЧУДЕСА

Как только войдешь к Штальбаумам в гостиную, тут сейчас же у двери налево, у широкой стены, стоит высокий стеклянный шкаф, куда дети убирают прекрасные подарки, которые получают каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал шкаф очень умелому столяру, а тот вставил в него такие прозрачные стекла и вообще сделал все с таким умением, что в шкафу игрушки выглядели, пожалуй, даже еще ярче и красивей, чем когда их брали в руки. На верхней полке, до которой Мари с Фрицем было не добраться, стояли замысловатые изделия господина Дроссельмейера; следующая полка была отведена под книжки с картинками; две нижние Мари и Фриц могли занимать чем им угодно. И всегда выходило так, что Мари устраивала на нижней полке кукольную комнату, а Фриц над ней расквартировывал свои войска. Так случилось и сегодня. Пока

Фриц расставлял наверху гусар, Мари отложила внизу к сторонке мадемуазель Трудхен, посадила новую нарядную куклу в отлично обставленную комнату и напросилась к ней на угощение. Я сказал, что комната была отлично обставлена, и это правда; не знаю, есть ли у тебя, моя внимательная слушательница Мари, так же, как у маленькой Штальбаум — ты уже знаешь, что ее тоже зовут Мари, — так вот, я говорю, что не знаю, есть ли у тебя, так же, как у нее, пестрый диванчик, несколько прехорошеньких стульчиков, очаровательный столик, а главное, нарядная, блестящая кровать, на которой спят самые красивые на свете куклы... Все это стояло в уголке в шкафу, стенки которого в этом месте были даже оклеены цветными картинками, и ты легко поймешь, что новая кукла, которую, как в этот вечер узнала Мари, звали Клерхен, чувствовала себя здесь прекрасно.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь, и крестный Дроссельмейер давно ушел, а дети все еще не могли оторваться от стеклянного шкафа, как мама ни уговаривала их идти спать.

— Правда, — воскликнул наконец Фриц, — беднягам тоже пора на покой (он имел в виду своих гусар), а в моем присутствии никто из них не посмеет клевать носом, в этом уж я уверен!

И с этими словами он ушел. Но Мари просила:

— Милая мамочка, позволь мне побыть здесь еще минутку, одну только минутку! У меня так много дел, вот управлюсь и сейчас же лягу спать...

Мари была очень послушной, разумной девочкой, и потому мама могла спокойно оставить ее еще на полчаса одну с игрушками. Но чтобы Мари, заигравшись новой куклой и другими занимательными игрушками, не позабыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, мама все их задула, так что в комнате осталась только лампа, висевшая посреди потолка и распространявшая мягкий, уютный свет.

— Не засиживайся долго, милая Мари. А то тебя завтра не добудишься, — сказала мама, уходя в спальню.

Как только Мари осталась одна, она сейчас же приступила к тому, что уже давно лежало у нее на сердце, хотя она, сама не зная почему, не решилась признаться в задуманном даже матери. Она все еще баюкала укутанного в носовой платок Щелкунчика. Теперь она бережно положила его на стол, тихонько развернула платок и осмотрела раны.

Щелкунчик был очень бледен, но улыбался так жалостно и ласково, что тронул Мари до глубины души.

— Ах, Щелкунчик, миленький, — зашептала она, — пожалуй-ста, не сердись, что Фриц сделал тебе больно: он ведь не нарочно. Просто он огрубел от суровой солдатской жизни, а так он очень хороший мальчик, уж поверь мне! А я буду беречь тебя и заботливо выхаживать, пока ты совсем не поправишься и не повеселеешь. Вставить же тебе крепкие зубки, вправить челюсть — это уж дело крестного Дроссельмейера: он на такие штуки мастер...

Однако Мари не успела договорить. Когда она упомянула имя Дроссельмейера, Щелкунчик вдруг скорчил злую мину, и в глазах у него сверкнули колющие зеленые огоньки. Но в ту минуту, когда Мари собралась уже по-настоящему испугаться, на нее опять глянуло жалобно улыбающееся лицо доброго Щелкунчика, и теперь она поняла, что черты его исказил свет мигнувшей от сквозняка лампы.

— Ах, какая я глупая, ну чего я напугалась и даже подумала, будто деревянная кукла может корчить гримасы! А все-таки я очень люблю Щелкунчика, ведь он такой потешный и такой добрый... Вот и надо за ним ухаживать как следует.

С этими словами Мари взяла своего Щелкунчика на руки, подошла к стеклянному шкафу, присела на корточки и сказала новой кукле:

— Очень прошу тебя, мамзель Клерхен, уступи свою постель бедному больному Щелкунчику, а сама переночуй как-нибудь на диване. Подумай, ты ведь такая крепкая, и потом, ты совсем здорова — ишь какая ты круглолицая и румяная. Да и не у всякой, даже очень красивой куклы есть такой мягкий диван!

Мадемуазель Клерхен, разряженная по-праздничному и важная, надулась, не проронив ни слова.

— И чего я церемонюсь! — сказала Мари, сняла с полки кровать, бережно и заботливо уложила туда Щелкунчика, обвязала ему пострадавшую челюсть очень красивой ленточкой, которую носила вместо кушака, и накрыла его одеялом по самый нос.

«Только незачем ему здесь оставаться у невоспитанной Клары», — подумала она и переставила кроватку вместе со Щелкунчиком на верхнюю полку, где он очутился около красивой деревни, в которой были расквартированы гусары Фрица. Она заперла шкаф и собралась уже уйти в спальню, как вдруг... Слушайте внимательно, дети!.. Как вдруг во всех углах — за печью, за стульями, за шкафами — началось тихое-тихое шушуканье, перешептывание и шуршание. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать.

Мари глянула туда: большая золоченая сова, сидевшая на часах, свесила крылья, совсем заслонила ими часы и вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. А часы хрипели громче и громче, и Мари явственно расслышала:

— Тик-и-тик, тик-и-тик! Не хрипите громко так! Слышит все Король Мышиный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напев старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну, пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!

И... бим-бом, бим-бом! — часы глухо и хрипло пробили двенадцать ударов. Мари очень струсилась и чуть не убежала со страху, но тут она увидела, что на часах вместо совы сидит крестный Дроссельмейер, свесив полы своего желтого сюртука по обеим сторонам, словно крылья. Она собралась с духом и громко крикнула плаксивым голосом:

— Крестный, послушай, крестный, зачем ты туда забрался? Слезай вниз и не пугай меня, гадкий крестный!

Но тут отовсюду послышалось странное хихиканье и писк, и за стеной пошла беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. Но это были не огоньки, нет, а маленькие блестящие глазки, и Мари увидела, что отовсюду выглядывают и выбираются из-под пола мыши.

Вскоре по всей комнате пошло: топ-топ, хоп-хоп! Все ярче светились глаза мышей, все несместнее становились их полчища; наконец они выстроились в том же порядке, в каком Фриц обычно выстраивал своих солдатиков перед боем. Мари это очень насмешило; у нее не было отвращения к мышам, как у иных детей, и страх ее совсем было улегся, но вдруг послышался такой ужасный и пронзительный писк, что у нее по спине забегали мурашки. Ах, что она увидела! Нет, право же, уважаемый читатель Фриц, я отлично знаю, что у тебя, как и у мудрого, отважного полководца Фрица Штальбаума, бесстрашное сердце, но если бы ты увидел то, что предстало взорам Мари, право, ты бы удрал. Я даже думаю, ты бы шмыгнул в постель и без особой надобности натянул бы одеяло по самые уши. Ах, бедная Мари не могла этого сделать, потому что — вы только послушайте, дети! — к самым ногам ее, словно от подземного толчка, посыпались песок, известь и осколки кирпича, и из-под пола с противным шипением и писком вылезли семь мышинных голов в семи ярко сверкающих коронах. Вскоре выбралось целиком и все туловище, на котором

---

¹ Перевод стихов в сказке сделан В.А.Зоргенфрей.

сидели эти семь голов, и все войско хором трижды приветствовало громким писком огромную, увенчанную семью коронами мышь. Теперь войско сразу пришло в движение и — хоп-хоп, топ-топ! — направилось прямо к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной дверце.

От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце, что она боялась, как бы оно тут же не выпрыгнуло из груди, — ведь тогда бы она умерла. Теперь же ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Она зашаталась, теряя сознание, но тут вдруг раздалось: клик-клак-хрр!.. — и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В ту же минуту она почувствовала жгучую боль в левой руке, но у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше визга и писка. Все мигом стихло. И хотя она не смела открыть глаза, все же ей подумалось, что звон стекла испугал мышей и они попрятались по норам.

Но что же это такое опять? У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум, и зазвенели тоненькие голосочки:

— Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой вперед!

И начался стройный и приятный перезвон мелодичных колокольчиков.

— Ах, да ведь это же мой музыкальный ящик! — обрадовалась Мари и быстро отскочила от шкафа.

Тут она увидела, что шкаф странно светится и в нем идет какая-то возня и суетня.

Куклы беспорядочно бегали взад и вперед и размахивали ручками. Вдруг поднялся Щелкунчик, сбросил одеяло и, одним прыжком соскочив с кровати, громко крикнул:

— Щелк-щелк-щелк, глупый мыший полк! То-то будет толк, мыший полк! Щелк-щелк, мыший полк прет из щелей — выйдет толк!

И при этом он выхватил свою крохотную сабельку, замахал ею в воздухе и закричал:

— Эй, вы, мои верные вассалы, други и братья! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

И сейчас же отозвались три паяца, смешной Панталоне, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

— Да, наш государь, мы верны вам до гроба! Ведите нас в бой — на смерть или на победу!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, горя воодушевлением, отважился на отчаянный прыжок с верхней полки.

Им-то было хорошо прыгать: они не только были разряжены в шелк и бархат, но и туловище у них было набито ватой и опилками; вот они и шлепались вниз, будто кулечки с шерстью. Но бедный Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги; подумайте только — от полки, где он стоял, до нижней было почти два фута¹, а сам он был хрупкий, словно выточенный из липы. Да, Щелкунчик уж наверное переломал бы себе руки и ноги, если бы в тот миг, как он прыгнул, мадемуазель Клерхен не соскочила с дивана и не приняла в свои нежные объятия потрясающего мечом героя.

— О милая, добрая Клерхен! — в слезах воскликнула Мари. — Как я ошиблась в тебе! Уж конечно, ты от всего сердца уступила кроватку дружку Щелкунчику.

И вот мадемуазель Клерхен заговорила, нежно обнимая юного героя:

— Разве можно вам, государь, идти в бой, навстречу опасности, больным и с не зажившими еще ранами! Взгляните, вот собираются ваши храбрые вассалы, ни рвутся в бой и уверены в победе. Паяц, Панталоне, трубочисты, музыканты и барабанщик уже внизу, а среди куколок с сюрпризами у меня на полке заметно сильное оживление и движение. Соболаговолите, о государь, отдохнуть возле меня или же согласитесь созерцать вашу победу с высоты моей шляпы, украшенной перьями.

Так говорила Клерхен, но Щелкунчик вел себя совсем неподобающим образом и так брыкался, что Клерхен пришлось поскорее поставить его на полку. В то же мгновение он весьма учтиво опустил на одно колено и пролепетал:

— О прекрасная дама, и на поле брани не позабуду я оказанные мне милость и благоволение!

Тогда Клерхен нагнулась так низко, что схватила его за ручку, осторожно приподняла, быстро развязала на себе расшитый блестками кушак и собралась нацепить его на человечка, но он отступил на два шага, прижал руку к сердцу и произнес весьма торжественно:

— О прекрасная дама, не извольте расточать на меня ваши милости, ибо... — Он запнулся, глубоко вздохнул, быстро сорвал с плеча ленточку, которую повязала ему Мари, прижал ее к губам, повязал на руку в виде шарфа и, с воодушевлением размахивая сверкающим обнаженным мечом, спрыгнул быстро и ловко, словно птичка, с края полки на пол.

---

¹ Фут — мера длины, равная примерно 30 см.

Вы, разумеется, сразу поняли, мои благосклонные и весьма внимательные слушатели, что Щелкунчик еще до того, как по-настоящему ожил, уже отлично чувствовал любовь и заботы, которыми окружила его Мари, и что только из симпатии к ней он не хотел принять от мадемуазель Клерхен ее пояс, несмотря на то, что тот был очень красив и весь сверкал. Верный, благородный Щелкунчик предпочитал украсить себя скромной ленточкой Мари. Но что-то дальше будет?

Едва Щелкунчик прыгнул на пол, как вновь поднялись визг и писк. Ах, ведь под большим столом собрались несметные полчища злых мышей, и впереди всех выступает отвратительная мышь о семи головах.

Что-то будет?

БИТВА

— Барабанщик, мой верный подданный, бей общее наступление! — громко скомандовал Щелкунчик.

И тотчас же барабанщик начал выбивать дробь искуснейшим образом, так что стеклянные дверцы шкафа задрожали и задребезжали. А в шкафу что-то загремело и затрещало, и Мари увидела, как разом открылись все коробки, в которых были расквартированы войска Фрица, и солдаты выпрыгнули из них прямо на нижнюю полку и там выстроились блестящими рядами. Щелкунчик бегал вдоль рядов, воодушевляя войска своими речами.

— Где эти негодяи трубачи? Почему они не трубят? — закричал в сердцах Щелкунчик. Затем он быстро повернулся к слегка побледнему Панталоне, у которого сильно трясся длинный подбородок, и торжественно произнес: — Генерал, мне известны ваши доблесть и опытность. Все дело в быстрой оценке положения и использовании момента. Вверяю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Коня вам не требуется — у вас очень длинные ноги, так что вы отлично поскачете и на своих двоих. Исполняйте свой долг!

Панталоне тотчас всунул в рот длинные сухие пальцы и свистнул так пронзительно, будто звонко запели сто дудок враз. В шкафу послышались ржание и топот, и — гляди-ка! — кирасиры и драгуны Фрица, а впереди всех — новые, блестящие гусары, выступили в поход и вскоре очутились внизу, на полу. И вот полки один за другим промаршировали перед Щелкунчиком с развевающимися

знаменами и с барабанным боем и выстроились широкими рядами поперек всей комнаты. Все пушки Фрица, сопровождаемые пушками, с грохотом выехали вперед и пошли бухать: бум-бум!.. И Мари увидела, как в густые полчища мышей полетело драже, напудрив их добела сахаром, отчего они даже растерялись. Но больше всего вреда нанесла мышам тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и — бум-бум! — непрерывно обстреливавшая неприятеля круглыми пряничками, от которых полегло немало мышей.

Однако мыши все наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялись шум и грохот — трр-трр, — и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит. Одно было ясно: обе армии бились с большим ожесточением, и победа переходила то на ту, то на другую сторону. Мыши вводили в бой все свежие и свежие силы, и серебряные пилюльки, которые они бросали весьма искусно, долетали уже до шкафа. Клерхен и Трудхен метались по полке и в отчаянии ломали ручки.

— Неужели я умру во цвете лет, неужели умру я, такая красавица! — вопила Клерхен.

— Не для того же я так хорошо сохранилась, чтоб погибнуть здесь, в четырех стенах! — причитала Трудхен.

Потом они упали друг другу в объятия и так громко разрыдались, что их не мог заглушить даже бешеный грохот битвы.

Вы и понятия не имеете, дорогие мои слушатели, что здесь творилось. Раз за разом бухали пушки: прр-прр!.. Др-р!.. Трах-тарарах-трах-тарарах!... Бум-бурум-бум-бурум-бум!.. И тут же пищали и визжали Мышиный Король и мыши, а потом снова раздавался грозный и могучий голос Щелкунчика, командовавшего сражением. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны.

Панталоне провел несколько чрезвычайно доблестных кавалерийских атак и покрыл себя славой. Но мышинная артиллерия засыпала гусар Фрица отвратительными, зловонными ядрами, которые оставляли на их красных мундирах ужасные пятна, почему гусары и не рвались вперед. Панталоне скомандовал им «налево кругом» и, воодушевившись ролью полководца, сам повернул налево, а за ним последовали кирасиры и драгуны, и вся кавалерия отправилась восвояси. Теперь положение батареи, занявшей позицию на скамеечке для ног, стало угрожаемым; не пришлось долго ждать, как нахлынули полчища противных мышей и бросились в атаку столь яростно, что перевернули скамеечку вместе с пушками и пушкарями. Щелкунчик, по-видимому, был очень озадачен и скомандовал отступление на правом фланге.

Подобный маневр означает чуть ли не то же самое, что бегство с поля брани, и ты вместе со мной уже сокрушаешься о неудаче, которая должна была постигнуть армию маленького любимца Мари — Щелкунчика. Но отврати свой взор от этой напасти и взгляни на левый фланг Щелкунчиковой армии, где все обстоит вполне благополучно и полковник и армия еще полны надежды. В пылу битвы из-под комода тихонечко выступили отряды мышинной кавалерии и с отвратительным писком яростно набросились на левый фланг Щелкунчиковой армии; но какое сопротивление встретили они! Медленно, насколько позволяла неровная местность, ибо надо было перебраться через край шкафа, выступил и построился в каре корпус куколок с сюрпризами под предводительством двух китайских императоров. Эти brave, очень пестрые и нарядные великолепные полки, составленные из садовников, тирольцев, тунгусов, парикмахеров, арлекинов, купидонов, львов, тигров, мартышек и обезьян, сражались с хладнокровием, отвагой и выдержкой. С мужеством, достойным спартанцев¹, вырвал бы этот отборный батальон победу из рук врага, если бы некий brave вражеский ротмистр не прорвался с безумной отвагой к одному из китайских императоров и не откусил ему голову, а тот при падении не задавил двух тунгусов и мартышку. Вследствие этого образовалась брешь, куда и устремился враг; и вскоре весь батальон был перегрызен. Но мало выгоды извлек неприятель из этого злодеяния. Как только кровожадный солдат мышинной кавалерии перегрызал пополам одного из своих отважных противников, прямо в горло ему попадала печатная бумажка, отчего он умирал на месте. Но помогло ли это Щелкунчиковой армии, которая, раз начав отступление, отступала все дальше и дальше и несла все больше потерь, так что вскоре только кучка смельчаков со злосчастным Щелкунчиком во главе еще держалась у самого шкафа?

— Резервы, сюда! Панталоне, Паяц, барабанщик, где вы? — взывал Щелкунчик, рассчитывавший на прибытие свежих сил, которые должны были выступить из стеклянного шкафа. Правда, оттуда прибыло несколько коричневых куколок: из Торна с золотыми лицами и в золотых шлемах и шляпах; но они дрались так неумело, что ни разу не попали во врага и, вероятно, сбили бы с головы шапочку своему полководцу Щелкунчику. Неприятельские егеря вскоре отгрызли им ноги, так что они попадали и при этом передавили многих соратников Щелкунчика.

---

¹ Спартанцы — мужественный народ, жители древнегреческого государства Спарта.

Теперь Щелкунчик, со всех сторон теснимый врагом, находился в большой опасности. Он хотел было перепрыгнуть через край шкафа, но ноги у него были слишком коротки. Клерхен и Трудхен лежали в обмороке — помочь ему они не могли. Гусары и драгуны резво скакали мимо него прямо в шкаф. Тогда он в предельном отчаянии громко воскликнул:

— Коня, коня! Полцарства за коня!

В этот миг два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ, и Мышиный Король подскочил к Щелкунчику, испуская победный писк из всех своих семи глоток.

Мари больше не владела собой.

— О мой бедный Щелкунчик! — воскликнула она, рыдая, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, сняла с левой ноги туфлю и изо всей силы швырнула ею в самую гущу мышей, прямо в их короля.

В тот же миг все словно прахом рассыпалось, а Мари почувствовала боль в левом локте, еще более жгучую, чем раньше, и без чувств упала на пол.

БОЛЕЗНЬ

Когда Мари очнулась после глубокого забытья, она увидела, что лежит у себя в постельке, а сквозь замерзшие окна в комнату светит яркое, искрящееся солнце.

У самой ее постели сидел чужой человек, в котором она, однако, скоро узнала хирурга Вендельштерна. Он сказал вполголоса:

— Наконец-то она очнулась...

Тогда подошла мама и посмотрела на нее испуганным, пытливым взглядом.

— Ах, милая мамочка, — пролепетала Мари, — скажи: противные мыши убрались наконец и славный Щелкунчик спасен?

— Полно вздор болтать, милая Марихен! — возразила мать. — Ну на что мышам твой Щелкунчик? А вот ты, нехорошая девочка, до смерти напугала нас. Так всегда бывает, когда дети своевольничают и не слушаются родителей. Ты вчера до поздней ночи заигралась в куклы, потом задремала, и, верно, тебя напугала случайно прошмыгнувшая мышка: ведь вообще-то мышей у нас не водится. Словом, ты расшибла локтем стекло в шкафу и поранила себе руку. Хорошо еще, что ты не порезала стеклом

вену! Господин Вендельштерн, который вынимал у тебя из раны застрявшие там осколки, говорит, что ты на всю жизнь осталась бы калекой и могла бы даже истечь кровью. Слава богу, я проснулась в полночь, увидела, что тебя все еще нет в спальне, и пошла в гостиную. Ты без сознания лежала на полу у шкафа, вся в крови. Я сама со страху чуть не потеряла сознание. Ты лежала на полу, а вокруг были разбросаны оловянные солдатики Фрица, разные куклы и пряничные человечки. Щелкунчика ты держала в левой руке, из которой сочилась кровь, а неподалеку валялась твоя туфелька...

— Ах, мамочка, мамочка! — перебила ее Мари. — Ведь это же были следы великой битвы между куклами и мышами! Оттого-то я так испугалась, что мыши хотели забрать в плен бедного Щелкунчика, командовавшего кукольным войском. Тогда я швырнула туфлей в мышей, а что было дальше, не знаю.

Доктор Вендельштерн подмигнул матери, и та очень ласково стала уговаривать Мари:

— Полно, полно, милая моя детка, успокойся! Мыши все убежали, а Щелкунчик стоит за стеклом в шкафу целый и невредимый.

Тут в спальню вошел советник медицины и завел долгий разговор с хирургом Вендельштерном, потом он пощупал у Мари пульс, и она слышала, что они говорили о горячке, вызванной раной.

Несколько дней ей пришлось лежать в постели и глотать лекарство, хотя, если не считать боли в локте, она почти не чувствовала недомогания. Она знала, что милый Щелкунчик вышел из битвы целым и невредимым, и по временам ей, как сквозь сон, чудилось, будто он очень явственным, хотя и чрезвычайно печальным голосом говорит ей:

— Мари, прекрасная дама, многим я вам обязан, но вы можете сделать для меня еще больше.

Мари тщетно раздумывала, что бы это могло быть, но ничего не приходило ей в голову. Играть по-настоящему она не могла из-за больной руки, а если бралась за чтение или принималась перелистывать книжки с картинками, у нее рябило в глазах, так что приходилось отказываться от этого занятия. Поэтому время тянулось для нее бесконечно долго, и Мари едва могла дожидаться сумерек, когда мать садилась у ее кровати и читала и рассказывала всякие чудесные истории.

Вот и сейчас мать как раз кончила занимательную сказку про

принца Факардина, как вдруг открылась дверь и вошел крестный Дроссельмейер.

— Ну-ка, дайте мне поглядеть на нашу бедную раненую Мари, — сказал он.

Как только Мари увидела крестного в обычном желтом сюртуке, у нее перед глазами со всей живостью всплыла та ночь, когда Щелкунчик потерпел поражение в битве с мышами, и она невольно крикнула старшему советнику суда:

— О крестный, как ты гадко поступил! Я отлично видела, как ты сидел на часах и свесил на них свои крылья, чтобы часы били потише и не спугнули мышей. Я отлично слышала, как ты позвал Мышиного Короля. Почему ты не поспешил на помощь Щелкунчику, почему ты не поспешил на помощь мне, гадкий крестный? Во всем ты один виноват. Из-за тебя я порезала руку и теперь должна лежать больная в постели!

Мать в страхе спросила:

— Что с тобой, дорогая Мари?

Но крестный скорчил странную мину и заговорил трескучим, монотонным голосом:

— Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: бим-и-бом! — подходит срок. Не пугайся, мой дружок. Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Тик-и-так и трик-и-трак!

Мари широко открытыми глазами уставилась на крестного, потому что он казался совсем другим и гораздо более уродливым, чем обычно, а правой рукой он махал взад и вперед, будто паяц, которого дергают за веревочку. Она бы очень испугалась, если бы тут не было матери и если бы Фриц, прошмыгнувший в спальню, не прервал крестного громким смехом.

— Ах, крестный Дроссельмейер, — воскликнул Фриц, — сегодня ты опять такой потешный! Ты кривляешься совсем как мой Паяц, которого я давно уже зашвырнул за печку.

Мать по-прежнему была очень серьезна и сказала:

— Дорогой господин старший советник, что за странная шутка? Что вы имеете в виду?

— Господи боже мой, — ответил Дроссельмейер, смеясь, — разве вы позабыли мою любимую песенку часовщика? Я всегда пою ее таким больным, как Мари.

И он быстро подсел к кровати и сказал:

— Не сердись, что я не выцарапал Мышиному Королю все четырнадцать глаз сразу, — этого нельзя было сделать. А зато я тебя сейчас поражаю.

С этими словами старший советник суда полез в карман и осторожно вытащил оттуда — как вы думаете, дети, что? — Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари громко вскрикнула от радости, а мать сказала, улыбаясь:

— Вот видишь, как заботится крестный о твоём Щелкунчике...

— А все-таки сознайся, Мари, — перебил крестный госпожу Штальбаум, — ведь Щелкунчик не очень складный и непригож собой. Если тебе хочется послушать, я охотно расскажу, как такое уродство появилось в его семье и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

— Послушай-ка, крестный! — вмешался в разговор Фриц. — Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику, и челюсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

— Ну ты, неутомонный, — проворчал старший советник суда, — никак не тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его — пусть сам раздобывает себе саблю, где хочет.

— Правильно! — воскликнул Фриц. — Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

— Итак, Мари, — продолжал крестный, — скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

— Ах нет! — ответила Мари. — Расскажи, милый крестный, расскажи!

— Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер, — сказала мама, — что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

— Ну конечно, дорогая госпожа Штальбаум, — ответил Дроссельмейер. — Напротив, то, что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

— Ах, расскажи, расскажи, милый крестный! — закричали дети.

И старший советник суда начал рассказывать.

СКАЗКА О ТВЕРДОМ ОРЕХЕ

Мать Пирлипат была супругой короля, а значит, королевой, а Пирлипат как родилась, так в тот же миг и стала прирожденной принцессой. Король налюбоваться не мог на почивавшую в колыбельке красавицу дочурку. Он громко радовался, танцевал, прыгал на одной ножке и то и дело кричал:

— Хейза! Видел ли кто-нибудь девочку прекраснее мрей Пирлипатхен?

А все министры, генералы, советники и штаб-офицеры прыгали на одной ножке, как их отец и повелитель, и хором громко отвечали:

— Нет, никто не видел!

Да, по правде говоря, и нельзя было отрицать, что с тех пор, как стоит мир, не появлялось еще на свет младенца прекраснее принцессы Пирлипат. Личико у нее было словно соткано из лилейно-белого и нежно-розового шелка, глазки — живая сияющая лазурь, а особенно украшали ее волосики, вившиеся золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами беленьких, как жемчуг, зубов, которыми она два часа спустя после рождения впиалась в палец рейхсканцлера, когда он пожелал поближе исследовать черты ее лица, так что он завопил: «Ой-ой-ой!» Некоторые, впрочем, утверждают, будто он крикнул: «Ай-ай-ай!» Еще и сегодня мнения расходятся. Короче, Пирлипатхен на самом деле укусила рейхсканцлера за палец, и тогда восхищенный народ уверился в том, что в очаровательном, ангельском тельце принцессы Пирлипат обитают и душа, и ум, и чувство.

Как сказано, все были в восторге; одна королева неизвестно почему тревожилась и беспокоилась. Особенно странно было, что она приказала неусыпно стеречь колыбельку Пирлипат. Мало того, что у дверей стояла стража, — было отдано распоряжение, чтобы в детской, кроме двух нянюшек, постоянно сидевших у самой колыбельки, еженощно дежурило еще шесть нянек, и — что казалось совсем нелепым и чего никто не мог понять — каждой няньке приказано было держать на коленях кота и всю ночь гладить его, чтобы он не переставая мурлыкал. Вам, милые детки, нипочем не угадать, зачем мать принцессы Пирлипат принимала все эти меры, но я знаю зачем и сейчас расскажу и вам.

Раз как-то ко двору короля, родителя принцессы Пирлипат, съехалось много славных королей и пригожих принцев. Ради

такого случая были устроены блестящие турниры, представления и придворные балы. Король, желая показать, что у него много и золота и серебра, решил как следует запустить руку в свою казну и устроить нечто, достойное его. Поэтому, выведав от обер-гофповара, что придворный звездочет возвестил время, благоприятное для колки свиней, он задумал задать колбасный пир, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королей и принцев всего-навсего на тарелку супа, мечтая затем поразить их роскошеством. Потом он очень ласково сказал своей супруге-королеве:

— Милочка, тебе ведь известно, какая колбаса мне по вкусу...

Королева уже знала, к чему он клонит речь: это означало, что она должна лично заняться весьма полезным делом — изготовлением колбас, — которым не брезговала и раньше. Главному казначею приказано было немедленно отправить на кухню большой золотой котел и серебряные кастрюли; печь растопили дровами сандалового дерева; королева повязала свой кухонный передник. И вскоре из котла потянуло вкусным духом колбасного навара. Приятный запах проник даже в государственный совет. Король, весь трепеща от восторга, не вытерпел.

— Прошу извинения, господа! — воскликнул он, побежал на кухню, обнял королеву, помешал немножко своим золотым скипетром в котле и, успокоенный, вернулся в государственный совет.

Наступил самый важный момент: пора было разрезать на ломтики сало и поджаривать его на золотых сковородах. Придворные дамы отошли в сторонку, потому что королева из преданности, любви и уважения к царственному супругу собиралась лично заняться этим делом. Но как только сало начало зарумяниваться, послышался тоненький, шепчущий голосок:

— Дай и мне отведать сальца, сестрица! И я хочу полакомиться — я ведь тоже королева. Дай и мне отведать сальца!

Королева отлично знала, что это говорит госпожа Мышильда. Мышильда уже много лет проживала в королевском дворце. Она утверждала, будто состоит в родстве с королевской фамилией и сама правит королевством Мышляндия, вот почему она и держала под печкой большой двор. Королева была женщина добрая и щедрая. Хотя вообще она не почитала Мышильду особой царского рода и своей сестрой, но в такой торжественный день от всего сердца допустила ее на пиршество и крикнула:

— Вылезайте, госпожа Мышильда! Поешьте на здоровье сальца.

И Мышильда быстро и весело выпрыгнула из-под печки, вскочила на плиту и стала хватать изящными лапками один за другим кусочки сала, которые ей протягивала королева. Но тут нахлынули все кумовья и тетушки Мышильды и даже ее семь сыновей, отчаянные сорванцы. Они набросились на сало, и королева с перепугу не знала, как быть. К счастью, подросла обер-гофмейстерина и прогнала непрошенных гостей. Таким образом уцелело немного сала, которое, согласно указаниям призванного по этому случаю придворного математика, было весьма искусно распределено по всем колбасам.

Забили в литавры, затрубили в трубы. Все короли и принцы в великолепных праздничных одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах — потянулись на колбасный пир. Король встретил их с сердечной приветливостью и почетом, а затем, в короне и со скипетром, как и полагается государю, сел во главе стола. Уже когда подали ливерные колбасы, все заметили, как все больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди; казалось, его душой овладела сильная скорбь. Но когда подали кровяную колбасу, он с громким рыданием и стонами откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыв лицо. Все повскакали из-за стола. Лейб-медик тщетно пытался нащупать пульс у злосчастного короля, которого, казалось, снедала глубокая, непонятная тоска. Наконец, после долгих уговоров, после применения сильных средств, вроде жженных гусиных перьев и тому подобного, король как будто начал приходить в себя. Он пролепетал едва слышно:

— Слишком мало сала!

Тогда неутешная королева бухнулась ему в ноги и простонала:

— О мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но взгляните: виновница у ваших ног — покарайте, строго покарайте меня! Ах, Мышильда со своими кумовьями, тетушками и семьей сыновьями съела сало, и...

С этими словами королева без чувств упала навзничь. Но король вскочил, пылая гневом, и громко крикнул:

— Обер-гофмейстерина, как это случилось?

Обер-гофмейстерина рассказала, что знала, и король решил отомстить Мышильде и ее роду за то, что они сожрали сало, предназначенное для его колбас.

Созвали тайный государственный совет. Решили возбудить процесс против Мышильды и отобрать в казну все ее владения.

Но король полагал, что пока это не помешает Мышильде, когда ей вздумается, пожирать салэ, и потому поручил все дело придворному часовых дел мастеру и чудодею. Этот человек, которого звали так же, как и меня, а именно Христиан-Элиас Дроссельмейер, обещал при помощи совершенно особых, исполненных государственной мудрости мер на веки вечные изгнать Мышильду со всей семьей из дворца.

И в самом деле: он изобрел весьма искусные машинки, в которых на ниточке было привязано поджаренное сало, и расставил их вокруг жилища госпожи салоежки.

Сама Мышильда была слишком умудрена опытом, чтобы не понять хитрости Дроссельмейера, но ни ее предостережения, ни ее увещания не помогли: все семь сыновей и много-много Мышильдиных кумовьев и тетушек, привлеченные вкусным запахом жареного сала, забрались в дроссельмейеровские машинки и только хотели полакомиться салом, как их неожиданно прихлопнула опускающаяся дверца, а затем их предали на кухне позорной казни.

Мышильда с небольшой кучкой уцелевших родичей покинула эти места скорби и слез. Горе, отчаяние, жажда мести клекотали у нее в груди.

Двор ликовал, но королева была встревожена: она знала Мышильдин нрав и отлично понимала, что та не оставит неотмщенной смерть сыновей и близких.

И в самом деле, Мышильда появилась как раз тогда, когда королева готовила для царственного супруга паштет из ливера, который он очень охотно ел, и сказала так:

— Мои сыновья, кумовья и тетушки убиты. Берегись, королева: как бы королева мышей не загрызла малютку принцессу! Берегись!

Затем она снова исчезла и больше не появлялась. Но королева с перепугу уронила паштет в огонь, и во второй раз Мышильда испортила любимое кушанье короля, на что он очень разгневался...

— Ну, на сегодняшний вечер довольно. Остальное доскажу в следующий раз, — неожиданно закончил крестный.

Как ни просила Мари, на которую рассказ произвел особенное впечатление, крестного Дроссельмейера продолжать, он был неумолим и со словами: «Слишком много сразу — вредно для здоровья. Продолжение завтра» — вскочил со стула.

В ту минуту, когда он собирался уже выйти за дверь, Фриц спросил:

— Скажи-ка, крестный, это на самом деле правда, что ты выдумал мышеловку?

— Что за вздор ты городишь, Фриц! — воскликнула мать.

Но старший советник суда очень странно улыбнулся и тихо сказал:

— А почему бы мне, искусному часовщику, не выдумать мышеловку?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ О ТВЕРДОМ СРЕХЕ

— Ну, дети, теперь вы знаете, — так продолжал на следующий вечер Дроссельмейер, — почему королева приказала столь бдительно стеречь красоточку принцессу Пирлипат. Как же было ей не бояться, что Мышильда выполнит свою угрозу — вернется и загрызет малютку принцессу! Машинка Дроссельмейера ничуть не помогала против умной и предусмотрительной Мышильды, а придворный звездочет, бывший одновременно и главным предсказателем, заявил, что только род кота Мура может отвести Мышильду от колыбельки. Потому-то каждой няньке приказано было держать на коленях одного из сынов этого рода, которых, кстати сказать, пожеловали чином тайного советника посольства, и облегчать им бремя государственной службы учтивым почесыванием за ухом.

Как-то, уже в полночь, одна из двух нянюшек, которые сидели у самой колыбельки, вдруг очнулась, словно от глубокого сна. Все вокруг было охвачено сном. Никакого мурлыканья — глубокая, мертвая тишина, только слышно тиканье жучка-точильщика. Но что почувствовала нянька, когда прямо перед собой увидела большую противную мышь, которая поднялась на задние лапки и положила свою зловещую голову принцессе на лицо! Нянька вскочила с криком ужаса, все проснулись, но в тот же миг Мышильда — ведь большая мышь у колыбельки Пирлипат была она — быстро шмыгнула в угол комнаты. Советники посольства бросились вдогонку, но не тут-то было: она шмыгнула в щель в полу. Пирлипатхен проснулась от суматохи и очень жалобно заплакала.

— Слава богу, — воскликнули нянюшки, — она жива!

Но как же они испугались когда взглянули на Пирлипатхен и увидели, что случилось с хорошеньким нежным младенцем! На

тщедушном, скорчившемся тельце вместо кудрявой головки румяного херувима сидела огромная бесформенная голова; голубые, как лазурь, глазки превратились в зеленые, тупо вытаращенные гляделки, а ротик растянулся до ушей.

Королева исходила слезами и рыданиями, а кабинет короля пришлось обить ватой, потому что король бился головой об стену и жалобным голосом причитал:

— Ах я несчастный монарх!

Теперь король, казалось, мог бы понять, что лучше было съесть колбасу без сала и оставить в покое Мышильду со всей ее запечной родней, но об этом отец принцессы Пирлипат не подумал — он просто-напросто свалил всю вину на придворного часовщика и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга и отдал мудрый приказ: Дроссельмейер должен в течение месяца вернуть принцессе Пирлипат ее прежний облик или, по крайней мере, указать верное к тому средство — в противном случае он будет предан позорной смерти от руки палача.

Дроссельмейер не на шутку перепугался. Однако он положил-ся на свое умение и счастье и тотчас же приступил к первой операции, которую почитал необходимой. Он очень ловко разобрал принцессу Пирлипат на части, вывинтил ручки и ножки и осмотрел внутреннее устройство, но, к сожалению, он убедился, что с возрастом принцесса будет все безобразнее, и не знал, как помочь беде. Он опять старательно собрал принцессу и впал в уныние около ее колыбели, от которой не смел отлучаться.

Шла уже четвертая неделя, наступила среда, и король, сверкая в гневе очами и потрясая скипетром, заглянул в детскую к Пирлипат и воскликнул:

— Христиан-Элиас Дроссельмейер, вылечи принцессу, не то тебе несдобровать!

Дроссельмейер принялся жалобно плакать, а принцесса Пирлипат тем временем весело щелкала орешки. Впервые часовых дел мастера и чудодея поразили ее необычайная любовь к орехам и то обстоятельство, что она появилась на свет уже с зубами. В самом деле, после превращения она кричала без умолку, пока ей случайно не попался орешек; она разгрызла его, съела ядрышко и сейчас же угомонилась. С тех пор няньки то и дело унимали ее орехами.

— О святой инстинкт природы, неисповедимые симпатии и антипатии! — воскликнул Христиан-Элиас Дроссельмейер. — Ты указуешь мне врата тайны. Я постучусь, и они откроются!

Он тотчас же испросил разрешения поговорить с придворным звездочетом и был отведен к нему под строгим караулом. Оба, заливаясь слезами, упали друг другу в объятия, так как были закадычными друзьями, затем удалились в потайной кабинет и принялись рыться в книгах, где говорилось об инстинкте, симпатиях и антипатиях и других таинственных явлениях.

Наступила ночь. Придворный звездочет поглядел на звезды и с помощью Дроссельмейера, великого искусника и в этом деле, составил гороскоп¹ принцессы Пирлипат. Сделать это было очень трудно, ибо линии запутывались все больше и больше, но — о радость! — наконец все стало ясно: чтобы избавиться от волшебства, которое ее изуродовало, и вернуть себе былую красоту, принцессе Пирлипат достаточно съесть ядрышко ореха Кракатук.

У ореха Кракатук была такая твердая скорлупа, что по нему могла проехать сорокавосемифунтовая пушка и не раздавить его. Этот твердый орех должен был разгрызть и, зажмурившись, поднести принцессе человек, никогда еще не брившийся и не носивший сапог. Затем юноше следовало отступить на семь шагов, не споткнувшись, и только тогда открыть глаза.

Три дня и три ночи без устали работали Дроссельмейер со звездочетом, и как раз в субботу, когда король сидел за обедом, к нему ворвался радостный и веселый Дроссельмейер, которому в воскресенье утром должны были снести голову, и возвестил, что найдено средство вернуть принцессе Пирлипат утраченную красоту. Король обнял его горячо и благосклонно и посулил ему бриллиантовую шпагу, четыре ордена и два новых праздничных кафтана.

— После обеда мы сейчас же и приступим, — любезно прибавил король. — Позаботьтесь, дорогой чудодей, чтобы небритый молодой человек в башмаках был под рукой и, как полагается, с орехом Кракатук. И не давайте ему вина, а то как бы он не споткнулся, когда, словно рак, будет пятиться семь шагов. Потом пусть пьет вволю!

Дроссельмейера напугала речь короля, и, смущаясь и робея, он пролепетал, что средство, правда, найдено, но что обоих — и орех, и молодого человека, который должен его разгрызть, надо сперва отыскать, причем пока еще очень сомнительно, возможно ли найти орех и шелкунчика. В сильном гневе потряс король скипетром над венчанной главой и зарычал, как лев:

— Ну, так тебе снесут голову!

---

¹Гороскоп — предсказание судьбы по звездам.

На счастье поверженного в страх и горе Дроссельмейера, как раз сегодня обед пришелся королю очень по вкусу, и поэтому он был расположен внимать разумным увещаниям, на которые не поскупилась великодушная королева, тронутая судьбой несчастного часовщика. Дроссельмейер приободрился и почтительно доложил королю, что, собственно, разрешил задачу — нашел средство к излечению принцессы, и тем самым заслужил помилование. Король назвал это глупой отговоркой и пустой болтовней, но в конце концов, выпив стаканчик желудочной настойки, решил, что оба — часовщик и звездочет — тронутся в путь и не вернутся обратно, пока у них в кармане не будет ореха Кракатук. А человека, нужного для того, чтобы разгрызть орех, по совету королевы решили раздобыть путем многократных объявлений в местных и заграничных газетах и ведомостях с приглашением явиться во дворец...

На этом крестный Дроссельмейер остановился и обещал досказать остальное в следующий вечер.

КОНЕЦ СКАЗКИ О ТВЕРДОМ ОРЕХЕ

И в самом деле, на следующий день вечером, только зажгли свечи, явился крестный Дроссельмейер и так продолжал свой рассказ:

— Дроссельмейер и придворный звездочет странствовали уже пятнадцать лет и все еще не напали на след ореха Кракатук. Где они побывали, какие диковинные приключения испытали, не пересказать, детки, и за целый месяц. Этого я делать не собираюсь, а прямо скажу вам, что, погруженный в глубокое уныние, Дроссельмейер сильно стосковался по родине, по милему своему Нюрнбергу. Особенно сильная тоска напала на него как-то раз в Азии, в дремучих джунглях, где он вместе со своим спутником присел выкурить трубочку табака.

— О дивный, дивный Нюрнберг мой, кто не знаком еще с тобой, пусть побывал он даже в Вене, в Париже и Петервардейне, душою будет он томиться, к тебе, о Нюрнберг, стремиться — чудесный городок, где в ряд красивые дома стоят...

Жалобные причитания Дроссельмейера вызвали глубокое сочувствие у звездочета, и он тоже разревелся так горько, что его слышно было на всю Азию. Но он взял себя в руки, вытер слезы и спросил:

— Досточтимый коллега, чего же мы здесь сидим и ревим? Чего не идем в Нюрнберг? Не все ли равно, где и как искать злополучный орех Кракатук?

— И то правда, — ответил, сразу утешившись, Дроссельмейер.

Оба сейчас же встали, выколотили трубки и из джунглей в глубине Азии прямехонько отправились в Нюрнберг.

Как только они прибыли, Дроссельмейер сейчас же побежал к своему двоюродному брату — мастеру игрушек, резчику по дереву, лакировщику и позолотчику Кристофу-Захариусу Дроссельмейеру, с которым не виделся уже много-много лет. Ему-то и рассказал часовщик всю историю про принцессу Пирлипат, госпожу Мышильду и орех Кракатук, а тот то и дело всплескивал руками и несколько раз в удивлении воскликнул:

— Ах, братец, братец, ну и чудеса!

Дроссельмейер рассказал о приключениях на своем долгом пути, рассказал, как провел два года у Финикового короля, как обидел и выгнал его Миндальный принц, как тщетно запрашивал он Общество естествоиспытателей в Городе Белок, — короче говоря, как ему нигде не удалось напасть на след ореха Кракатук. Во время рассказа Кристоф-Захариус не раз прищелкивал пальцами, вертелся на одной ножке, причмокивал губами и приговаривал:

— Гм, гм! Эге! О! Вот так штука!

Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул:

— Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!

Он отчас же принес шкатулочку, откуда вытащил позолоченный орех средней величины.

— Взгляните, — сказал он, показывая орех двоюродному брату, — взгляните на этот орех. История его такова. Много лет назад, в сочельник, пришел сюда неизвестный человек с полным мешком орехов, которые он принес на продажу. У самых дверей моей лавки с игрушками он поставил мешок наземь, чтоб легче было действовать, так как у него произошла стычка со здешним продавцом орехов, который не мог потерпеть у нас чужого торговца. И, как на грех, мешок переехала тяжело нагруженная фура. Все орехи были передавлены, за исключением одного, который чужеземец, странно улыбаясь, и предложил уступить мне за цванцигер 1720 года. Мне это показалось загадочным, но я нашел у себя в кармане как раз такую монетку, какую он

спросил, купил орех и позолотил его. Сам хорошенько не знаю, почему я так дорого заплатил за орех, а потом так берег его.

Всякое сомнение в том, что орех двоюродного брата — это действительно орех Кракатук, который они так долго искали, тут же рассеялось, когда подоспевший на зов придворный звездочет аккуратно соскоблил с ореха позолоту и отыскал на скорлупе слово «Кракатук», вырезанное китайскими письменами.

Радость путешественников была огромна, а двоюродный брат Дроссельмейера почел себя счастливейшим человеком в мире, когда Дроссельмейер уверил его, что счастье ему обеспечено, ибо отныне сверх значительной пенсии он будет получать золото для позолоты даром.

И чудодей и звездочет — оба уже нахлобучили ночные колпаки и собирались укладываться спать, как вдруг последний, то есть звездочет, повел такую речь:

— Дражайший коллега, счастье никогда не приходит одно. Поверьте, мы нашли не только орех Кракатук, но и молодого человека, который разгрызет его и преподнесет принцессе ядрышко — залог красоты. Я имею в виду не кого иного, как сына вашего двоюродного брата. Нет, я не лягу спать, — вдохновенно воскликнул он. — Я еще сегодня ночью составлю гороскоп юноши! — С этими словами он сорвал колпак с головы и тут же принялся наблюдать звезды.

Племянник Дроссельмейера был в самом деле пригожий, складный юноша, который еще ни разу не брился и не надевал сапог. В ранней молодости он, правда, изображал два рождества кряду паяца; но этого ничуть не было заметно: так искусно был он воспитан стараниями отца. На святках он был в красивом красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, держал под мышкой шляпу и носил превосходный парик с косичкой. В таком блестящем виде стоял он в лавке у отца и со свойственной ему галантностью щелкал барышням орешки, за что они и прозвали его Красавчик-Щелкунчик.

Наутро восхищенный звездочет упал в объятия Дроссельмейера и воскликнул:

— Это он! Мы раздобыли его, он найден! Только, любезнейший коллега, не следует упускать из виду двух обстоятельств: во-первых, надо сплести вашему превосходному племяннику солидную деревянную косу, которая была бы соединена с нижней челюстью таким образом, чтобы ее можно было сильно оттянуть косой; затем по прибытии в столицу надо молчать о том, что мы привезли с собой

молодого человека, который разгрызет орех Кракатук, — лучше, чтобы он появился гораздо позже. Я прочел в гороскопе, что, после того как многие сломают себе на орехе зубы без всякого толку, король отдаст принцессу, а после смерти и королевство в награду тому, кто разгрызет орех и возвратит принцессе утраченную красоту.

Мастер игрушек был очень польщен, что его сыночку предстояло жениться на принцессе и самому сделаться принцем, а затем и королем, и потому он охотно доверил его звездочету и часовщику. Коса, которую Дроссельмейер приделал своему юному многообещающему племяннику, удалась на славу, так что тот блестяще выдержал испытание, раскусив самые твердые персиковые косточки. Дроссельмейер и звездочет немедленно дали знать в столицу, что орех Кракатук найден, а там сейчас же опубликовали воззвание, и когда прибыли наши путники с талисманом, восстанавливающим красоту, ко двору уже явилось много прекрасных юношей и даже принцев, которые, полагаясь на свои здоровые челюсти, хотели попытаться снять злые чары с принцессы.

Наши путники очень испугались, увидев принцессу. Маленькое туловище с тощими ручонками и ножками едва держало бесформенную голову. Лицо казалось еще уродливее из-за белой нитяной бороды, которой обросли рот и подбородок.

Все случилось так, как прочитал в гороскопе придворный звездочет. Молокососы в башмаках один за другим ломали себе зубы и раздирали челюсти, а принцессе ничуть не становилось легче; когда же затем их в полуобморочном состоянии уносили приглашенные на этот случай зубные врачи, они стонали:

— Поди-ка раскуси такой орех!

Наконец король в сокрушении сердечном обещал дочь и королевство тому, кто расколдует принцессу. Тут-то и вызвался наш учтивый и скромный молодой Дроссельмейер и попросил разрешения тоже попытать счастья.

Принцессе Пирлипат никто так не понравился, как молодой Дроссельмейер; она прижала ручки к сердцу и от глубины души вздохнула:

— Ах, если бы он разгрыз орех Кракатук и стал моим мужем!

Вежливо поклонившись королю и королеве, а затем принцессе Пирлипат, молодой Дроссельмейер принял из рук обер-церемониймейстера орех Кракатук, положил его без долгих разговоров в рот, сильно дернул себя за косу и — шелк-шелк! — разгрыз скорлупу на кусочки. Ловко очистил он ядрышко от приставшей кожуры и, зажмурившись, поднес, почтительно шаркнув ножкой, принцессе, затем начал пыхтеть. Принцесса тут же проглотила

ядрышко, и — о чудо! — уродец исчез, а на его месте стояла прекрасная, как ангел, девушка с лицом, словно сотканным из лилейно-белого и розового шелка, с глазами, сияющими, как лазурь, с вьющимися колечками золотыми волосами.

Трубы и литавры присоединились к громкому ликованию народа. Король и весь двор танцевали на одной ножке, как при рождении принцессы Пирлипат, а королеву пришлось опрыскивать одеколоном, так как от радости и восторга она упала в обморок.

Поднявшаяся суматоха порядком смутила молодого Дроссельмейера, которому предстояло еще пятиться положенных семь шагов. Все же он держался отлично и уже занес правую ногу для седьмого шага, но тут из подполья с отвратительным писком и визгом вылезла Мышильда. Молодой Дроссельмейер, опустивший было ногу, наступил на нее и так споткнулся, что чуть не упал.

О злой рок! В один миг юноша стал так же безобразен, как до того принцесса Пирлипат. Туловище съежилось и едва выдерживало огромную бесформенную голову с большими вытаращенными глазами и широкой, безобразно разинутой пастью. Вместо косы сзади повис узкий деревянный плащ, при помощи которого можно было управлять нижней челюстью.

Часовщик и звездочет были вне себя от ужаса, однако они заметили, что Мышильда вся в крови извивается на полу. Ее злодейство не осталось безнаказанным: молодой Дроссельмейер крепко ударил ее по шее острым каблуком, и ей пришел конец.

Но Мышильда, охваченная предсмертными муками, жалобно пищала и визжала:

— О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук!.. Хи-хи... Пи-пии... Знай, Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец. Мой сынок, Король Мышиный, не простит моей кончины, отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла, но смерть за мною пришла... Квик!

Пискнув в последний раз, Мышильда умерла, и королевский истопник унес ее прочь.

На молодого Дроссельмейера никто не обращал внимания. Однако принцесса напомнила отцу его обещание, и король тотчас же повелел подвести к Пирлипат юного героя. Но когда бедняга предстал перед ней во всем своем безобразии, принцесса закрыла лицо обеими руками и закричала.

— Вон, вон отсюда, противный Щелкунчик!

И сейчас же гофмаршал схватил его за узкие плечики и вытолкнул за дверь.

Король распалился гневом, решив, что ему хотели навязать в зятя Щелкунчика, во всем винил незадачливых часовщика и звездочета и на вечные времена изгнал обоих из столицы. Это не было предусмотрено гороскопом, составленным звездочетом в Нюрнберге, но он не преминул снова приступить к наблюдению за звездами и прочитал, что юный Дроссельмейер отменно будет вести себя в своем новом звании и, несмотря на все свое безобразие, сделается принцем и королем. Но его уродство исчезнет лишь в том случае, если семиголовый сын Мышильды, родившийся после смерти своих семи старших братьев и ставший Мышиным Королем, падет от руки Щелкунчика и если, несмотря на уродливую наружность, юного Дроссельмейера полюбит прекрасная дама...

Говорят, что и в самом деле на святках видели молодого Дроссельмейера в Нюрнберге в лавке его отца — хотя и в образе Щелкунчика, но все же в сане принца.

Вот вам, дети, сказка о твердом орехе. Теперь вы поняли, почему говорят: «Поди-ка раскуси такой орех!» — и почему щелкунчики столь безобразны...

Так закончил старший советник суда свой рассказ.

Мари решила, что Пирлипат — очень гадкая и неблагодарная принцесса, а Фриц уверял, что если Щелкунчик и вправду храбрец, он не станет особенно церемониться с Мышиным Королем и вернет себе былую красоту.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИК

Кому из моих высокоуважаемых читателей или слушателей случалось порезаться стеклом, тот знает, как это больно и что это за скверная штука, так как рана заживает очень медленно. Мари пришлось провести в постели почти целую неделю, потому что при всякой попытке встать у нее кружилась голова. Все же в конце концов она совсем выздоровела и опять могла весело прыгать по комнате.

В стеклянном шкафу все блистало новизной — и деревья, и цветы, и дома, и по-праздничному расфуфыренные куклы, а главное, Мари нашла там своего милого Щелкунчика, который улыбался ей со второй полки, скаля два ряда целых зубов. Когда она, радуясь от всей души, глядела на своего любимца, у нее вдруг защемило сердце: а что, если все, что рассказал крестный, — история про Щелкунчика и про его распрю с

Мышильдой и ее сыном, что, если все это правда? Теперь она знала, что ее Щелкунчик — молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, пригожий, но, к сожалению, заколдованный Мышильдой племянник крестного Дроссельмейера.

В том, что искусный часовщик при дворе отца принцессы Пирлипат был не кто иной, как старший советник суда Дроссельмейер, Мари ни минуты не сомневалась уже во время рассказа.

«Но почему же дядя не помог тебе, почему он не помог тебе?» — сокрушалась Мари, и в ней все сильнее крепло убеждение, что бой, при котором она присутствовала, шел за Щелкунчиково королевство и корону.

«Ведь все куклы подчинялись ему, ведь совершенно ясно, что сбылось предсказание придворного звездочета и молодой Дроссельмейер стал королем в кукольном царстве».

Рассуждая так, умненькая Мари, наделившая Щелкунчика и его подданных жизнью и способностью двигаться, была убеждена, что они и в самом деле вот-вот оживут и зашевелиются. Но не тут-то было: в шкафу все стояло неподвижно по своим местам. Однако Мари и не думала отказываться от своего внутреннего убеждения — она просто решила, что всему причиной колдовство Мышильды и ее семиголового сына.

— Хотя вы и не в состоянии пошевелиться или вымолвить словечко, милый господин Дроссельмейер, — сказала она Щелкунчику, — все же я уверена, что вы меня слышите и знаете, как хорошо я к вам отношусь. Рассчитывайте на мою помощь, когда она вам понадобится. Во всяком случае, я попрошу дядю, чтобы он помог вам, если в том будет нужда, своим искусством!

Щелкунчик стоял спокойно и не трогался с места, но Мари почудилось, будто по стеклянному шкафу пронесся легкий вздох, отчего чуть слышно, но удивительно мелодично зазвенели стекла, и тоненький, звонкий, как колокольчик, голосок пропел:

— Мария, друг, хранитель мой! Не надо мук — я буду твой.

У Мари от страха по спине забегали мурашки, но, как ни странно, ей было почему-то очень приятно.

Наступили сумерки. В комнату вошли родители с крестным Дроссельмейером. Немного погодя Луиза подала чай, и вся семья, весело болтая, уселась за стол. Мари потихонечку принесла свое креслице и села у ног крестного. Улучив минутку, когда все замолчали, Мари посмотрела большими голубыми глазами прямо в лицо старшему советнику суда и сказала:

— Теперь, дорогой крестный, я знаю, что Щелкунчик —

твой племянник, молодой Дроссельмейер из Нюрнберга. Он стал принцем, или, вернее, королем: все так и случилось, как предсказал твой спутник, звездочет. Но ты ведь знаешь, что он объявил войну сыну госпожи Мышильды, уродливому Мышиному Королю. Почему ты ему не поможешь?

И Мари снова рассказала весь ход битвы, при которой присутствовала, и часто ее прерывал громкий смех матери и Луизы. Только Фриц и Дроссельмейер сохраняли серьезность.

— Откуда только девочка набралась такого вздору? — спросил советник медицины.

— Ну, — ответила мать, — у нее просто богатая фантазия. В сущности, это бред, порожденный сильной горячкой.

— Все это неправда, — сказал Фриц. — Мои гусары — не такие трусы, не то я бы им показал!

Но крестный, странно улыбаясь, посадил крошку Мари на колени и заговорил ласковее, чем обычно:

— Ах, милая Мари, тебе дано больше, чем мне и всем нам. Ты, как и Пирлипат, — прирожденная принцесса: ты правишь прекрасным, светлым царством. Но много придется тебе вытерпеть, если ты возьмешь под свою защиту бедного уродца Щелкунчика! Ведь Мышиный Король стережет его на всех путях и дорогах. Знай: не я, а ты, ты одна можешь спасти его. Будь стойкой и преданной.

Никто — ни Мари, ни остальные — не поняли, что подразумевал Дроссельмейер; а советнику медицины слова крестного показались такими странными, что он пощупал у него пульс и сказал:

— У вас, дорогой друг, сильный прилив крови к голове; я вам пропишу лекарство.

Только супруга советника медицины задумчиво покачала головой и заметила:

— Я догадываюсь, что имеет в виду господин Дроссельмейер, но выразить это словами не могу.

ПОБЕДА

Прошло немного времени, и как-то лунной ночью Мари разбудило странное постукивание, которое, казалось, шло из угла, словно там перебрасывали и катали камешки, а по временам слышался противный визг и писк.

— Ай, мыши, мыши, опять тут мыши! — в испуге закричала

Мари и хотела уже разбудить мать, но слова застряли у нее в горле.

Она не могла даже шевельнуться, потому что увидела, как из дыры в стене с трудом вылез Мышиный Король и, сверкая глазами и коронами, принялся шмыгать по всей комнате; вдруг он одним прыжком вскочил на столик, стоявший у самой кровати Мари.

— Хи-хи-хи! Отдай мне все драже, весь марципан, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика! — пищал Мышиный Король и при этом противно скрипел и скрежетал зубами, а потом быстро скрылся в дырку в стене.

Мари так напугало появление страшного Мышиного Короля, что наутро она совсем осунулась и от волнения не могла вымолвить ни слова. Сто раз собиралась она рассказать матери, Луизе или хотя бы Фрицу о том, что с ней приключилось, но думала: «Разве мне кто-нибудь поверит? Меня просто поднимут на смех».

Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика она должна будет отдать драже и марципан. Поэтому вечером она положила все свои конфеты на нижний выступ шкафа.

Наутро мать сказала.

— Не знаю, откуда взялись мыши у нас в гостиной. Взгляни-ка, Мари, они у тебя, бедняжки, все конфеты поели.

Так оно и было. Марципан с начинкой не понравился прожорливому Мышиному Королю, но он так обглодал его острыми зубками, что остатки пришлось выбросить. Мари несколько не жалела о сладостях; в глубине души она радовалась, так как думала, что спасла Щелкунчика. Но что она почувствовала, когда на следующую ночь у нее над самым ухом раздался писк и визг! Ах, Мышиный Король был тут как тут, и еще отвратительнее, чем в прошлую ночь, сверкали у него глаза, и еще противнее пропищал он сквозь зубы:

— Отдай мне твоих сахарных куколок, глупышка, не то я загрызу Щелкунчика!

И с этими словами страшный Мышиный Король исчез.

Мари была очень огорчена. На следующее утро она подошла к шкафу и печально поглядела на сахарных куколок. И горе ее было понятно! Ведь ты не поверишь, внимательная моя слушательница, какие расчудесные сахарные фигурки были у Мари Штальбаум: премиленькие пастушок с пастушкой пасли стадо

белоснежных барашков, а рядом резвилась их собачка; тут же стояли два почтальона с письмами в руках и четыре очень милovidные пары — щеголеватые юноши и разряженные в пух и прах девушки — качались на русских качелях. Потом шли танцоры, а совсем в уголке стоял краснощекий младенец — любимец Мари... Слезы брызнули у нее из глаз.

— Ах, милый господин Дроссельмейер, — воскликнула она, обращаясь к Щелкунчику, — чего я только не сделаю, лишь бы спасти вам жизнь, но, ах, как это тяжело!

Однако у Щелкунчика был такой жалобный вид, что Мари, которой и без того чудилось, будто Мышиный Король разинул все свои семь пастей и хочет проглотить несчастного юношу, решила пожертвовать ради него всем.

Итак, вечером она поставила всех сахарных куколок на нижний выступ шкафа, куда до того клала сласти. Поцеловала пастуха, пастушку, овечек; последним достала она из уголка своего любимца — краснощекого младенца — и поставила его позади всех других куколок.

— Нет, это уж слишком! — воскликнула на следующее утро госпожа Штальбаум. — Видно, в стеклянном шкафу хозяйничает большая, прожорливая мышь: у бедняжки Мари погрызены и обглоданы все хорошенькие сахарные куколки!

Мари, правда, не могла удержаться и заплакала, но скоро улыбнулась сквозь слезы, потому что подумала: «Что же делать, зато Щелкунчик цел!»

Вечером, когда мать рассказывала господину Дроссельмейеру про то, что натворила мышь в шкафу у детей, отец воскликнул:

— Что за гадость! Никак не удастся извести мерзкую мышь, которая хозяйничает в стеклянном шкафу и поедает у бедной Мари все сласти.

— Вот что, — весело сказал Фриц, — внизу, у булочника, есть прекрасный серый советник посольства. Я заберу его к нам наверх: он быстро покончит с этим делом и отгрызет мыши голову, будь то хоть сама Мышильда или ее сын, Мышиный Король.

— А заодно будет прыгать на столы и стулья и перебьет стаканы и чашки, и вообще с ним беды не оберешься! — смеясь, закончила мать.

— Да нет же! — возразил Фриц. — Этот советник посольства — ловкий малый. Мне бы хотелось так ходить по крыше, как он!

— Нет уж, пожалуйста, не нужно кота на ночь, — попросила Луиза, не терпевшая кошек.

— Собственно говоря, Фриц прав, — сказал отец. — А пока можно поставить мышеловку. Есть у нас мышеловки?

— Крестный сделает нам отличную мышеловку, ведь он же их изобрел! — закричал Фриц.

Все рассмеялись, а когда госпожа Штальбаум сказала, что в доме нет ни одной мышеловки, Дроссельмейер заявил, что у него их несколько, и действительно сейчас же велел принести из дому отличную мышеловку.

Сказка крестного о твердом орехе ожила для Фрица и Мари. Когда кухарка поджаривала сало, Мари бледнела и дрожала. Все еще поглощенная сказкой с ее чудесами, она как-то даже сказала кухарке Доре, своей давней знакомой:

— Ах, ваше величество королева, берегитесь Мышильды и ее родни!

А Фриц обнажил саблю и заявил:

— Пусть только придут, уж я им задам!

Но и под плитой, и на плите все было спокойно. Когда же старший советник суда привязал кусочек сала на тонкую ниточку и осторожно поставил мышеловку к стеклянному шкафу, Фриц воскликнул:

— Берегись, крестный-часовщик, как бы Мышиный Король не сыграл с тобой злой шутки!

Ах, каково пришлось бедной Мари на следующую ночь! У нее по руке бегали ледяные лапки, и что-то шершавое и противное прикоснулось к щеке и запищало и завизжало прямо в ухо. На плече у нее сидел противный Мышиный Король; из семи его разверстых пастей текли кроваво-красные слюни, и, скрежеща зубами, он прошипел на ухо оцепеневшей от ужаса Мари:

— Я ускользну — я в щель шмыгну, под пол юркну, не трону сала, ты так и знай. Давай, давай картинки, платьице сюда, не то беда, предупреждаю: Щелкунчика поймаю и искусаю... Хи-хи!.. Пи-пи!.. Квик-квик!

Мари очень опечалилась, а когда наутро мать сказала: «А гадкая мышь все еще не попалась!», Мари побледнела и растерялась, а мама подумала, что девочка грустит о сладостях и боится мыши.

— Полно, успокойся, деточка, — сказала она, — мы прогоним гадкую мышь! Не помогут мышеловки — пускай тогда Фриц приносит своего серого советника посольства.

Как только Мари осталась в гостиной одна, она подошла к стеклянному шкафу и, рыдая, заговорила с Щелкунчиком:

— Ах, милый, добрый господин Дроссельмейер! Что могу сделать для вас я, бедная, несчастная девочка? Ну, отдам я на съедение противному Мышиному Королю все свои книжки с картинками, отдам даже красивое новое платье.... Но ведь он будет требовать с меня еще и еще, так что под конец у меня ничего не останется, и он, пожалуй, захочет загрызть и меня вместо вас. Ах я бедная, бедная девочка! Ну что мне делать, что мне делать?!

Пока Мари так горевала и плакала, она заметила, что у Щелкунчика на шее с прошлой ночи осталось большое кровавое пятно. С тех пор как Мари узнала, что Щелкунчик на самом деле молодой Дроссельмейер, племянник советника суда, она перестала носить его и баюкать, перестала ласкать и целовать, и ей даже было как-то неловко слишком часто до него дотрагиваться, но на этот раз она бережно достала Щелкунчика с полки и принялась заботливо оттирать носовым платком кровавое пятно на шее. Но как оторопела она, когда вдруг ощутила, что Щелкунчик у нее в руках потеплел и шевельнулся! Быстро поставила она его обратно на полку. Тут губы у него приоткрылись, и Щелкунчик с трудом прошептал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, верная моя подруга, сколь многим я вам обязан! Нет, не приносите в жертву ради меня книжки с картинками, праздничное платье — раздобудьте мне саблю... Саблю! Об остальном позабочусь я сам, даже будь он...

Тут речь Щелкунчика прервалась, и его глаза, только что светившиеся глубокой печалью, снова померкли и потускнели. Мари ни капельки не испугалась, напротив — она запрыгала от радости. Теперь она знала, как спасти Щелкунчика, не принося дальнейших тяжелых жертв. Но где достать для человечка саблю?

Мари решила посоветоваться с Фрицем, и вечером, когда родители ушли в гости и они вдвоем сидели в гостиной у стеклянного шкафа, она рассказала брату все, что приключилось с ней из-за Щелкунчика и Мышиного Короля и от чего теперь зависит спасение Щелкунчика.

Больше всего огорчило Фрица, что его гусары плохо вели себя во время боя, как это выходило по рассказу Мари. Он очень серьезно переспросил ее, так ли оно было на самом деле, и когда Мари дала ему честное слово, Фриц быстро подошел к стеклянному шкафу, обратился к гусарам с грозной речью, а затем в наказание за себялюбие и трусость срезал у них у всех кокарды с шапок и запретил им в течение года играть лейб-гусарский марш. Покончив с наказанием гусар, он обратился к Мари:

— Я помогу Щелкунчику достать саблю: только вчера я уволил в отставку старого полковника, и, значит, его прекрасная, острая сабля ему больше не нужна.

Упомянутый полковник проживал на выдаваемую ему Фрицем пенсию в дальнем углу, на третьей полке. Фриц достал его оттуда, отвязал и впрямь щегольскую серебряную саблю и надел ее Щелкунчику.

На следующую ночь Мари не могла сомкнуть глаз от тревоги и страха. В полночь ей послышалась в гостиной какая-то странная суматоха, звяканье и шорох. Вдруг раздалось: «Квик!»

— Мышиный Король! Мышиный Король! — крикнула Мари и в ужасе соскочила с кровати.

Все было тихо, но вскоре кто-то осторожно постучал в дверь, и послышался тоненький голосок:

— Бесценная мадемуазель Штальбаум, откройте дверь и ничего не бойтесь! Добрые, радостные вести.

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула юбочку и быстро отворила дверь. На пороге стоял Щелкунчик с окровавленной саблей в правой руке, с зажженной восковой свечкой — в левой. Увидев Мари, он тотчас же опустился на одно колено и заговорил так:

— О прекрасная дама! Вы одна вдохнули в меня рыцарскую отвагу и придали мощь моей руке, дабы я поразил дерзновенного, который посмел оскорбить вас. Коварный Мышиный Король повержен и купается в собственной крови! Соблаговолите милостиво принять трофеи из рук преданного вам до гробовой доски рыцаря.

С этими словами Щелкунчик очень ловко стряхнул семь золотых корон Мышиного Короля, которые он нанизал на левую руку, и подал Мари, принявшей их с радостью.

Щелкунчик встал и продолжал так:

— Ах, моя бесценнейшая мадемуазель Штальбаум! Какие диковинки мог бы я показать вам теперь, когда враг повержен, если бы вы соблаговолили пройти за мною хоть несколько шагов! О, сделайте, сделайте это, дорогая мадемуазель!

КУКОЛЬНОЕ ЦАРСТВО

Я думаю, дети, всякий из вас, ни минуты не колеблясь, последовал бы за честным, добрым Щелкунчиком, у которого не могло быть ничего дурного на уме. А уж Мари и

подавно — ведь она знала, что вправе рассчитывать на величайшую благодарность со стороны Щелкунчика, и была убеждена, что он сдержит слово и покажет ей много диковинок. Вот потому она и сказала:

— Я пойду с вами, господин Дроссельмейер, но только недалеко и ненадолго, так как я совсем еще не выпалась.

— Тогда, — ответил Щелкунчик, — я выберу кратчайшую, хотя и не совсем удобную дорогу.

Он пошел вперед. Мари — за ним. Остановились они в передней, у старого огромного платяного шкафа. Мари с удивлением заметила, что дверцы, обычно запертые на замок, распахнуты; ей хорошо было видно отцовскую дорожную лисью шубу, которая висела у самой дверцы. Щелкунчик очень ловко вскарабкался по выступу шкафа и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре сзади на шубе. Он изо всей силы дернул кисть, и тотчас из рукава шубы спустилась изящная лесенка кедрового дерева.

— Не угодно ли вам подняться, драгоценнейшая мадемуазель Мари? — спросил Щелкунчик.

Мари так и сделала. И не успела она подняться через рукав, не успела выглянуть из-за воротника, как ей навстречу засиял ослепительный свет, и она очутилась на прекрасном, благоуханном лугу, который весь искрился, словно блестящими драгоценными камнями.

— Мы на Леденцовом лугу, — сказал Щелкунчик. — А сейчас пройдем в те ворота.

Только теперь, подняв глаза, заметила Мари красивые ворота, возвышавшиеся в нескольких шагах от нее посреди луга; казалось, что они сложены из белого и коричневого, испещренного крапинками мрамора. Когда же Мари подошла поближе, она увидела, что это не мрамор, а миндаль в сахаре и изюм, почему и ворота, под которыми они прошли, назывались, по уверению Щелкунчика, Миндально-Изюмовыми воротами. На боковой галерее этих ворот, по-видимому, сделанной из ячменного сахара, шесть обезьянок в красных куртках составили замечательный турецкий военный оркестр, который играл так хорошо, что Мари, сама того не замечая, шла все дальше и дальше по мраморным плитам, прекрасно сделанным из сахара, сваренного с пряностями.

Вскоре ее овеяли сладостные ароматы, которые струились из чудесной рощицы, раскинувшейся по обеим сторонам. Темная

листва блестела и искрилась так ярко, что ясно были видны золотые и серебряные плоды, висевшие на разноцветных стеблях, и банты, и букеты цветов, украшавшие стволы и ветви, словно веселых жениха и невесту и свадебных гостей. При каждом дуновении зефира, напоенного благоуханием апельсинов, в ветвях и листе поднимался шелест, а золотая мишура хрустела и трещала, словно ликующая музыка, которая увлекала сверкающие огоньки, и они плясали и прыгали.

— Ах, как здесь чудесно! — воскликнула восхищенная Мари.

— Мы в Рождественском лесу, любезная мадемуазель, — сказал Щелкунчик.

— Ах, как бы мне хотелось побыть здесь! Тут так чудесно! — снова воскликнула Мари.

Щелкунчик ударил в ладоши, и тотчас же явились крошечные пастухи и пастушки, охотники и охотницы, такие нежные и белые, что можно было подумать, будто они из чистого сахара. Хотя они и гуляли по лесу, Мари их раньше почему-то не заметила. Они принесли чудо какое хорошенькое золотое кресло, положили на него белую подушку из пастилы и очень любезно пригласили Мари сесть. И сейчас же пастухи и пастушки исполнили прелестный балет, а охотники тем временем весьма искусно трубили в рога. Затем все скрылись в кустарнике.

— Простите, дорогая мадемуазель Штальбаум, — сказал Щелкунчик, — простите за такие жалкие танцы. Но это танцоры из нашего кукольного балета — они только и знают что повторять одно и то же. А теперь не угодно ли вам пожаловать дальше?

— Да что вы, балет был просто прелесть какой и мне очень понравился! — сказала Мари, вставая и следуя за Щелкунчиком.

Они шли вдоль ручья, бегущего с нежным журчанием и лепетом и наполнявшего своим чудным благоуханием весь лес.

— Это Апельсиновый ручей, — ответил Щелкунчик на расспросы Мари, — но, если не считать его прекрасного аромата, он не может сравниться ни по величине, ни по красоте с Лимонадной рекой, которая, подобно ему, вливается в озеро Миндального Молока.

И в самом деле, вскоре Мари услышала более громкий плеск и журчание и увидела широкий лимонадный поток, который катил свои гордые светло-желтые волны среди сверкающих, как изумруды, кустов. Необыкновенно бодрящей прохладой,

успокаивающей грудь и сердце, веяло от прекрасных вод. Неподалеку медленно текла темно-желтая река, распространявшая необычайно сладкое благоухание, а на берегу сидели красивые дети, которые удили маленьких толстых рыбок и тут же поедали их. Подойдя ближе, Мари заметила, что рыбки были похожи на ломбардские орехи. Немножко подальше на берегу раскинулась очаровательная деревушка. Дома, церковь, дом пастора, амбары были темно-коричневые с золотыми кровлями, а многие стены были расписаны так пестро, словно на них налепили миндалины и лимонные цукаты.

— Это село Пряничное, — сказал Щелкунчик, — расположенное на берегу Медовой реки. Народ в нем живет красивый, но очень сердитый, так как все там страдают зубной болью. Лучше мы туда не пойдем.

В то же мгновение Мари заметила красивый городок, в котором все дома сплошь были пестрые и прозрачные. Щелкунчик направился прямо туда, и вот Мари услышала беспорядочный веселый гомон и увидела тысячу хорошеньких человечков, которые разбирали доверху нагруженные телеги, теснившиеся на базаре. А то, что они доставали, напоминало пестрые разноцветные бумажки и плитки шоколада.

— Мы в Конфетенхаузене, — сказал Щелкунчик, — сейчас как раз прибыли посланцы из Бумажного королевства и от Шоколадного короля. Не так давно бедным конфетенхаузенцам угрожала армия комариного адмирала, поэтому они покрывают свои дома дарами Бумажного государства и возводят укрепления из прочных плит, присланных Шоколадным королем. Но, бесценная мадемуазель Штальбаум, мы не можем посетить все городки и деревушки страны — в столицу, в столицу!

Щелкунчик заторопился дальше, а Мари, сгорая от нетерпения, не отставала от него. Вскоре повеяло дивным благоуханием роз, и все словно озарилось нежно мерцающим розовым сиянием. Мари заметила, что это был отблеск розово-алых вод, со сладостно-мелодичным звуком плескавшихся и журчавших у ее ног. Волны все прибывали и прибывали и наконец превратились в большое прекрасное озеро, по которому плавали чудесные серебристо-белые лебеди с золотыми ленточками на шее и пели прекрасные песни, а бриллиантовые рыбки, словно в веселой пляске, ныряли и кувыркались в розовых волнах.

— Ах, — в восторге воскликнула Мари, — да ведь это же то самое озеро, какое пообещал мне сделать крестный! А я — та

самая девочка, которая должна была забавляться с миленькими лебедями.

Щелкунчик улыбнулся так насмешливо, как еще ни разу не улыбался, а потом сказал:

— Дяде никогда не смастерить ничего подобного. Скорее вы, милая мадемуазель Штальбаум... Но стоит ли над этим раздумывать! Лучше переправимся по Розовому озеру на ту сторону, в столицу.

СТОЛИЦА

Щелкунчик снова захлопал в ладоши. Розовое озеро зашумело сильнее, выше заходили волны, и Мари заметила вдали двух золотых дельфинов, впряженных в раковину, сиявшую яркими, как солнце, драгоценными камнями. Двенадцать очаровательных арапчат в шапочках и передниках, сотканых из радужных перышек колибри, соскочили на берег и, легко скользя по волнам, перенесли сначала Мари, а потом Щелкунчика в раковину, которая сейчас же понеслась по озеру.

Ах, как чудно было плыть в раковине, овеваемой благоуханием роз, омываемой розовыми волнами! Золотые дельфины подняли морды и принялись выбрасывать хрустальные струи высоко вверх, а когда эти струи ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, будто поют два прелестных, нежно-серебристых голоса:

«Кто озером плывет? Фея вод! Комарики, ду-ду-ду! Рыбки, плеск-плеск-плеск! Лебеди, блеск-блеск! Чудо-птичка, тра-ла-ла! Волны, пойте, вея, млея, — к нам плывет по розам фея; струйка резвая, взметнись — к солнцу, ввысь!»

Но двенадцати арапчатам, вскочившим сзади в раковину, видимо, совсем не нравилось пение водных струй. Они так трясли своими зонтиками, что листья финиковых пальм, из которых были сплетены зонтики, мялись и гнулись, а арапчата отбивали ногами какой-то неведомый такт и пели:

— Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! Мы по водам хороводом! Птички, рыбки — на прогулку, вслед за раковиной гулкой! Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп!

— Арапчата очень веселый народ, — сказал несколько смущенный Щелкунчик, — но как бы они не взлабамутили мне все озеро!

И правда, вскоре раздался громкий гул, удивительные голоса, казалось, плыли над озером. Но Мари не обращала на них внимания, она смотрела в благоуханные волны, откуда ей улыбались прелестные девичьи лица.

— Ах, — радостно закричала она, хлопая в ладоши, — поглядите-ка, милый господин Дроссельмейер: там принцесса Пирлипат! Она так ласково мне улыбается... Да поглядите же, милый господин Дроссельмейер!

Но Щелкунчик печально вздохнул и сказал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, это не принцесса Пирлипат, это вы. Только вы сами, только ваше собственное личико ласково улыбается из каждой волны.

Тогда Мари быстро отвернулась, крепко зажмурила глаза и совсем сконфузилась. В то же мгновение двенадцать арапчат подхватили ее и отнесли из раковины на берег. Она очутилась в небольшом лесочке, который был, пожалуй, еще прекраснее, чем Рождественский лес, — так все тут сияло и искрилось; особенно замечательны были редкостные плоды, висевшие на деревьях, редкостные не только по окраске, но и по дивному благоуханию.

— Мы в Цукатной роще, — сказал Щелкунчик, — а вон там — столица.

Ах, что же увидела Мари! Как мне описать вам, дети, красоту и величие представшего перед глазами Мари города, который широко раскинулся на усеянной цветами роскошной поляне? Он блистал не только радужными красками стен и башен, но и причудливой формой строений, совсем не похожих на обычные дома. Вместо крыш их осеняли искусно сплетенные венки, а башни были увиты такими прелестными пестрыми гирляндами, что и представить себе нельзя.

Когда Мари и Щелкунчик проходили через ворота, которые, казалось, были сооружены из миндального печенья и цукатов, серебряные солдатики взял на караул, а человечек в парчовом халате обнял Щелкунчика со словами:

— Добро пожаловать, любезный принц! Добро пожаловать в Конфетенбург!

Мари очень удивилась, что такой знатный вельможа называет господина Дроссельмейера принцем. Но тут до них донесся гомон тоненьких голосков, шумно перебивавших друг друга, долетели звуки ликования и смеха, пение и музыка, и Мари, позабыв обо всем, спросила Щелкунчика, что это.

— О любезная мадемуазель Штальбаум, — ответил Щелкун-

чик, — дивиться тут нечему: Конфетенбург — многолюдный, веселый город, тут каждый день веселье и шум. Будьте любезны, пойдемте дальше.

Через несколько шагов они очутились на большой, удивительно красивой базарной площади. Все дома были украшены сахарными галереями ажурной работы. Посередине, как обелиск, возвышался сладкий пирог, обсыпанный сахаром, а вокруг из четырех искусно сделанных фонтанов били вверх струи лимонада и других вкусных прохладительных напитков. Бассейн был полон сбитых сливок, которые так и хотелось зачерпнуть ложкой. Но лучше всего были очаровательные человечки, во множестве толпившиеся тут. Они веселились, смеялись, шутили и пели; это их веселый гомон Мари слышала еще издали. Тут были нарядно разодетые кавалеры и дамы, армяне и греки, евреи и тирольцы, офицеры и солдаты, и монахи, и пастухи, и паяцы — словом, всякий люд, какой только встречается на белом свете.

В одном месте на углу поднялся страшный гвалт: народ кинулся врассыпную, потому что как раз в это время проносили в паланкине Великого Могола¹, сопровождаемого девяноста тремя вельможами и семьястами невольниками. Но надо же было случиться, что на другом углу цех рыбаков, в количестве пятисот человек, устроил торжественное шествие, а на беду турецкому султану как раз вздумалось проехаться в сопровождении трех тысяч янычар² по базару; к тому же прямо на сладкий пирог надвигалась со звонкой музыкой и пением «Слава могучему солнцу, слава!» процессия прерванного торжественного жертвоприношения. Ну и поднялась же суматоха, толкотня и визг! Вскоре слышались стоны, так как в суматохе какой-то рыбак сшиб голову брамину³, а Великого Могола чуть было не задавил Паяц. Шум становился все бешеней и бешеней, уже начались толкотня и драка, но тут человек в парчовом халате, тот самый, что у ворот приветствовал Щелкунчика в качестве принца, взобрался на пирог и, трижды дернув звонкий колокольчик, трижды громко крикнул: «Кондитер! Кондитер! Кондитер!» Сутолока мигом улеглась; всякий спасался как мог, и, после того как распутались спутавшиеся шествия, когда вычистили перепачкавшегося Великого Могола и снова насадили голову брамину, опять пошло шумное веселье.

---

¹ Великий Могол — индийский правитель — падишах.

² Янычары — турецкая пехота.

³ Брамин — индийский жрец.

— В чем тут дело с кондитером, любезный господин Дроссельмейер? — спросила Мари.

— Ах, бесценная мадемуазель Штальбаум, кондитером здесь называют неведомую, но очень страшную силу, которая, по здешнему поверью, может сделать с человеком все, что ей вздумается, — ответил Щелкунчик. — Это тот рок, который властвует над этим веселым народцем, и жители так его боятся, что одним упоминанием его имени можно уgomонить самую большую сутолоку, как это сейчас доказал господин бургомистр. Тогда никто уже не помышляет о земном, о тумакah и шишках на лбу, всякий погружается в себя и говорит: «Что есть человек и во что он может превратиться?»

Громкий крик удивления — нет, крик восторга вырвался у Мари, когда она вдруг очутилась перед замком с сотней воздушных башенок, светившимся розово-алым сиянием. Там и сям по стенам были рассыпаны роскошные букеты фиалок, нарциссов, тюльпанов, левкоев, которые оттеняли ослепительную, отливающую алым светом белизну фона. Большой купол центрального здания и остроконечные крыши башен были усеяны тысячами звездочек, сверкающих золотом и серебром.

— Вот мы и в Марципановом замке, — сказал Щелкунчик.

Мари не отрывала глаз от волшебного дворца, но все же она заметила, что на одной большой башне не хватало крыши, над восстановлением которой, по-видимому, трудились человечки, стоявшие на помосте из корицы. Не успела она задать вопрос Щелкунчику, как он сказал:

— Совсем недавно замку грозила большая беда, а может быть, и полное разорение. Великан Сладкоежка проходил мимо. Быстро откусил он крышу вон с той башни и принялся уже за большой купол, но жители Конфетенбурга умилились им, поднеся в виде выкупа четверть города и значительную часть Цукатной роши. Он закусил ими и отправился дальше.

Вдруг тихо зазвучала очень приятная, нежная музыка. Ворота замка распахнулись, и оттуда вышли двенадцать крошек пажей с зажженными факелами из стеблей гвоздики в руках. Головы у них были из жемчужин, туловища — из рубинов и изумрудов, а передвигались они на золотых ножках искусной работы. За ними следовали четыре дамы почти такого же роста, как Клерхен, в необыкновенно роскошных и блестящих нарядах; Мари мигом признала в них прирожденных принцесс. Они нежно обняли Щелкунчика и при этом воскликнули с искренней радостью:

— О принц, дорогой принц! Дорогой братец!

Щелкунчик совсем растрогался: он утирал часто набегавшие на глаза слезы, затем взял Мари за руку и торжественно объявил:

— Вот мадемуазель Мари Штальбаум, дочь весьма достойного советника медицины и моя спасительница. Не брось она в нужную минуту башмачок, не добудь она мне саблю вышедшего на пенсию полковника, меня загрыз бы противный Мышинный Король, и я лежал бы уже в могиле. О мадемуазель Штальбаум! Может ли сравниться с ней по красоте, достоинствам и добродетели Пирлипат, несмотря на то, что та — природная принцесса? Нет, говорю я, нет!

Все дамы воскликнули: «Нет!» — и, рыдая, принялись обнимать Мари:

— О благородная спасительница нашего возлюбленного царственного брата! О несравненная мадемуазель Штальбаум!

Затем дамы отвели Мари и Щелкунчика в покои замка, в зал, стены которого сплошь были сделаны из переливающегося всеми цветами радуги хрусталя. Но что понравилось Мари больше всего, это расставленные там хорошенькие стульчики, комодики, письменные столики.

Принцессы уговорили Мари и Щелкунчика присесть и сказали, что они собственноручно приготовят им угощение. Они тут же достали разные горшочки и мисочки из тончайшего японского фарфора, ложки, ножи, вилки, терки, кастрюльки и прочую золотую и серебряную кухонную утварь. Затем они принесли такие чудесные плоды и сласти, каких Мари и не видывала, и очень грациозно принялись выжимать белоснежными ручками фруктовый сок, толочь пряности, тереть сладкий миндаль — словом, принялись так славно хозяйничать, что Мари поняла, какие они искусницы в кулинарном деле и какое роскошное угощение ожидает ее. Прекрасно сознавая, что тоже кое-что в этом понимает, Мари втайне желала сама принять участие в занятии принцесс. Самая красивая из сестер Щелкунчика, словно угадав тайное желание Мари, протянула ей маленькую золотую ступку и сказала:

— Милая моя подружка, бесценная спасительница брата, потолки немножко карамелек.

Пока Мари весело стучала пестиком, так что ступка звенела мелодично и приятно, не хуже прелестной песенки, Щелкунчик начал подробно рассказывать о страшной битве с полчищами Мышиного Короля, о том, как он потерпел поражение из-за

трусости своих войск, как потом Мышиный Король во что бы то ни стало хотел загрызть его, как Мари пришлось пожертвовать многими ее подданными, которые были у нее на службе...

Во время рассказа Мари чудилось, будто слова Щелкунчика и даже ее собственные удары пестиком звучат все глуше, все невнятнее, и вскоре глаза ее застлала серебряная пелена — словно поднялись легкие клубы тумана, в которые погрузились принцессы... пажи... Щелкунчик... она сама... Где-то что-то шелестело, журчало и пело; странные звуки растворялись вдали. Вздыхающиеся волны несли Мари все выше и выше... выше и выше... выше и выше...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Та-ра-ра-бух! — и Мари упала с невероятной высоты. Вот это был полет! Но Мари тут же открыла глаза. Она лежала у себя в постельке. Было совсем светло, а рядом стояла мама и говорила:

— Ну можно ли так долго спать! Завтрак давно на столе.

Мои глубокоуважаемые слушатели, вы, конечно, уже поняли, что Мари, ошеломленная всеми виденными чудесами, в конце концов заснула в зале Марципанового замка и что арапчата или пажи, а может быть, и сами принцессы отнесли ее домой и уложили в постельку.

— Ах, мамочка, милая моя мамочка, где только я не побывала этой ночью с молодым господином Дроссельмейером! Каких только чудес не насмотрелась!

И она рассказала все почти так же подробно, как только что рассказал я, а мама слушала и удивлялась.

Когда Мари окончила, мать сказала:

— Тебе, милая Мари, приснился длинный прекрасный сон. Но выкинь все это из головы.

Мари упрямо твердила, что видела все не во сне, а наяву. Тогда мать подвела ее к стеклянному шкафу, вынула Щелкунчика, который, как всегда, стоял на второй полке, и сказала:

— Ах ты глупышка, откуда ты взяла, что деревянная нюрнбергская кукла может жить и двигаться?..

— Но, мамочка, — перебила ее Мари, — я ведь знаю, что крошка Щелкунчик — молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, племянник крестного!

Тут оба — и папа и мама — громко расхохотались.

— Ах, — чуть не плача, продолжала Мари, — теперь ты, папочка, смеешься над моим Щелкунчиком, а он так хорошо отзывался о тебе! Когда мы пришли в Марципановый замок, он представил меня принцессам — своим сестрам и сказал, что ты весьма достойный советник медицины!

Хохот только усилился, и теперь к родителям присоединилась Луиза и даже Фриц. Тогда Мари побежала в другую комнату, быстро достала из своей шкатулки семь корон Мышиного Короля и подала их матери со словами:

— Вот, мамочка, посмотри: вот семь корон Мышиного Короля, которые прошлой ночью поднес мне в знак своей победы молодой господин Дроссельмейер!

Мама с удивлением разглядывала крошечные коронки из какого-то незнакомого, очень блестящего металла и такой тонкой работы, что едва ли это могло быть делом рук человеческих. Господин Штальбаум тоже не мог насмотреться на коронки. Затем и отец и мать строго потребовали, чтобы Мари призналась, откуда у нее коронки, но она стояла на своем.

Когда отец стал ее журить и даже обозвал лгуньей, она горько разрыдалась и только жалобно приговаривала:

— Ах я бедная, бедная! Ну что мне делать?

Но тут вдруг открылась дверь и вошел крестный.

— Что случилось? Что случилось? — спросил он. — Моя крестница Марихен плачет и рыдает? Что случилось? Что случилось?

Папа рассказал ему, что случилось, и показал крошечные короны. Старший советник суда, как только увидел их, рассмеялся и воскликнул:

— Глупые выдумки, глупые выдумки! Да ведь это же коронки, которые я когда-то носил на цепочке от часов, а потом подарил Марихен в день ее рождения, когда ей минуло два года. Разве вы позабыли?

Ни отец, ни мать не могли этого припомнить...

Когда Мари убедилась, что лица у родителей опять стали ласковыми, она подскочила к крестному и воскликнула:

— Крестный, ведь ты же все знаешь! Скажи, что мой Щелкунчик — твой племянник, молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, и что он подарил мне эти крошечные короны.

Крестный нахмурился и пробормотал:

— Глупые выдумки!

Тогда отец отвел маленькую Мари в сторону и сказал очень строго:

— Послушай, Мари, оставь раз навсегда выдумки и глупые шутки! И если ты еще раз скажешь, что уродец Щелкунчик — племянник твоего крестного, я выброшу за окно не только Щелкунчика, но и всех остальных кукол, не исключая и мамзель Клерхен.

Теперь бедняжка Мари, разумеется, не смела и заикнуться о том, что переполняло ее сердце: ведь вы понимаете, что не так-то легко было Мари забыть все прекрасные чудеса, приключившиеся с ней. Даже, уважаемый читатель или слушатель Фриц, даже твой товарищ Штальбаум сейчас же поворачивался спиной к сестре, как только она собиралась рассказать о чудесной стране, где ей было так хорошо. Говорят, что порой он даже бормотал сквозь зубы: «Глупая девчонка!» Но, издавна зная его добрый нрав, я никак не могу этому поверить; во всяком случае, доподлинно известно, что, не веря больше ни слову в рассказах Мари, он на публичном параде формально извинился перед своими гусарами за причиненную обиду, приколол им вместо утраченных знаков отличия еще более высокие и пышные султаны из гусиных перьев и снова разрешил трубить лейб-гусарский марш. Ну, а мы-то знаем, какова была отвага гусар, когда отвратительные пули насажали им на красные мундиры пятна.

Говорить о своем приключении Мари больше не смела, но волшебные образы сказочной страны не оставляли ее. Она слышала нежный шелест, ласковые, чарующие звуки; она видела все снова, как только начинала об этом думать, и, вместо того чтобы играть, как бывало раньше, могла часами сидеть смиренно и тихо уйдя в себя, — вот почему все теперь звали ее маленькой мечтательницей.

Раз как-то случилось, что крестный чинил часы у Штальбаумов. Мари сидела около стеклянного шкафа и, грезя наяву, глядела на Щелкунчика. И вдруг у нее вырвалось:

— Ах, милый господин Дроссельмейер, если бы вы на самом деле жили, я не отвергла бы вас, как принцесса Пирлипат, за то, что из-за меня вы потеряли свою красоту!

Советник суда тут же крикнул:

— Ну, ну, глупые выдумки!

Но в то же мгновение раздался такой грохот и треск, что Мари без чувств свалилась со стула. Когда она очнулась, мать хлопотала около нее и говорила:

— Ну можно ли падать со стула? Такая большая девочка! Из Нюрнберга сейчас приехал племянник господина старшего советника суда, будь умницей.

Она подняла глаза: крестный снова нацепил свой стеклянный парик, надел желтый кафтан и довольно улыбался, а за руку он держал, правда, маленького, но очень складного молодого человека, белого и румяного, в великолепном красном, шитом золотом камзоле, в туфлях и белых шелковых чулках. К его жабо был приколот хорошенький букетик, волосы были тщательно завиты и напудрены, а вдоль спины спускалась превосходная коса. Крошечная шпага у него на боку так и сверкала, словно вся усеянная драгоценными камнями, под мышкой он держал шелковую шляпу.

Молодой человек проявил свой приятный нрав и благовоспитанность, подарив Мари целую кучу чудесных игрушек, и прежде всего вкусный марципан и куколок взамен тех, что погрыз Мышиный Король, а Фрицу — замечательную саблю. За столом любезный юноша щелкал всей компании орешки. Самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и — щелк! — скорлупа разлеталась на мелкие кусочки.

Мари вся зарделась, когда увидела учтивого юношу, а когда после обеда молодой Дроссельмейер предложил ей пройти в гостиную, к стеклянному шкафу, она стала пунцовой.

— Ступайте, ступайте играть, дети, только смотрите не ссорьтесь. Теперь, когда все часы у меня в порядке, я ничего не имею против! — напутствовал их старший советник суда.

Как только молодой Дроссельмейер очутился наедине с Мари, он опустил на одно колено и повел такую речь:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, взгляните: у ваших ног — счастливый Дроссельмейер, которому на этом самом месте вы спасли жизнь. Вы изволили вымолвить, что не отвергли бы меня, как гадкая принцесса Пирлипат, если бы из-за вас я стал уродом. Тотчас же я перестал был жалким Щелкунчиком и обрел мою былую, не лишенную приятности наружность. О превосходная мадемуазель Штальбаум, осчастливьте меня, скажите, что я достоин вашей руки! Разделите со мной корону и трон, будем царствовать вместе в Марципановом замке.

Мари подняла юношу с колен и тихо сказала:

— Милый господин Дроссельмейер! Вы кроткий, добросер-

дечный человек, да к тому же еще царствуете в прекрасной стране, населенной прелестным веселым народцем, — ну разве могу я не согласиться, чтобы вы были моим женихом!

И Мари тут же стала невестой Дроссельмейера. Рассказывают, что через год он увез ее в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми, что на свадьбе у них плясали двадцать две тысячи нарядных кукол, сверкающих бриллиантами и жемчугом, а Мари, как говорят, еще и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки — словом, всякие чудеса и диковинки.

Вот вам сказка про Щелкунчика и Мышиного Короля.

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ

1

Всякий, кому случалось побывать в Шварцвальде (по-русски это слово значит «Чернолесье»), скажет вам, что никогда в другом месте не увидишь таких высоких и могучих елей, нигде больше не встретишь таких рослых и сильных людей. Кажется, будто самый воздух, пропитанный солнцем и смолой, сделал обитателей Шварцвальда непохожими на их соседей, жителей окрестных равнин. Даже одежда у них не такая, как у других. Особенно затейливо наряжаются обитатели гористой стороны Шварцвальда. Мужчины там носят черные камзолы, широкие, в мелкую складку шаровары, красные чулки и островерхие шляпы с большими полями. И надо признать, что наряд этот придает им весьма внушительный и почтенный вид.

Все жители здесь отличные мастера стекольного дела. Этим ремеслом занимались их отцы, деды и прадеды, и слава о шварцвальдских стеклодувах издавна идет по всему свету.

В другой стороне леса, ближе к реке, живут те же шварцвальдцы, но ремеслом они занимаются другим, и обычаи у них тоже другие. Все они, так же как их отцы, деды и прадеды, — лесорубы и плотгоны. На длинных плотках сплавляют они лес вниз по Неккару в Рейн, а по Рейну — до самого моря.

Они останавливаются в каждом прибрежном городе и ждут покупателей, а самые толстые и длинные бревна гонят в Голландию, и голландцы строят из этого леса свои корабли.

Плотогоны привыкли к суровой, бродячей жизни. Поэтому и одежда у них совсем не похожа на одежду мастеров стекольного дела. Они носят куртки из темного холста и черные кожаные штаны на зеленых, шириною в ладонь, помочах. Из глубоких карманов их штанов всегда торчит медная линейка — знак их ремесла. Но больше всего они гордятся своими сапогами. Да и есть чем гордиться! Никто на свете не носит таких сапог. Их можно натянуть выше колен и ходить в них по воде, как посуху.

Еще недавно жители Шварцвальда верили в лесных духов. Теперь-то, конечно, все знают, что никаких духов нет, но от дедов к внукам перешло множество преданий о таинственных лесных жителях.

Рассказывают, что эти лесные духи носили платье точь-в-точь такое, как и люди, среди которых они жили.

Стеклянный Человечек — добрый друг людей — всегда являлся в широкополой островерхой шляпе, в черном камзоле и шароварах, а на ногах у него были красные чулочки и черные башмачки. Ростом он был с годовалого ребенка, но это нисколько не мешало его могуществу.

А Михель-Великан носил одежду сплавщиков, и те, кому случалось его видеть, уверяли, будто на сапоги его должно было пойти добрых полсотни телячьих кож и что взрослый человек мог бы спрятаться в этих сапожищах с головой. И все они клялись, что нисколько не преувеличивают.

С этими-то лесными духами пришлось как-то раз познакомиться одному шварцвальдскому парню.

О том, как это случилось и что произошло, вы сейчас узнаете.

Много лет тому назад жила в Шварцвальде бедная вдова, по имени и прозвищу Барбара Мунк.

Муж ее был угольщиком, а когда он умер, за это же ремесло пришлось взяться ее шестнадцатилетнему сыну Петеру. До сих пор он только смотрел, как его отец тушит уголь, а теперь ему самому довелось просиживать дни и ночи возле дымящейся угольной ямы, а потом колесить с тележкой по дорогам и улицам, предлагая у всех ворот свой черный товар и пугая ребятишек лицом и одеждой, потемневшими от угольной пыли.

Ремесло угольщика тем хорошо (или тем плохо), что оставляет много времени для размышлений.

И Петер Мунк, сидя в одиночестве у своего костра, так же как и многие другие угольщики, думал обо всем на свете. Лесная тишина, шелест ветра в верхушках деревьев, одинокий крик птицы — все наводило его на мысли о людях, которых он встречал, странствуя со своей тележкой, о себе самом и о своей печальной судьбе.

«Что за жалкая участь быть черным, грязным угольщиком! — думал Петер. — То ли дело ремесло стекольщика, часовщика или башмачника! Даже музыкантов, которых нанимают играть на воскресных вечеринках, и тех почитают больше, чем нас!» Вот, случись, выйдет Петер Мунк в праздничный день на улицу — чисто умытый, в парадном отцовском кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках и в башмаках с пряжками... Всякий, увидев его издали, скажет: «Что за парень — молодец! Кто бы это был?» А подойдет ближе, только рукой махнет: «Ах, да ведь это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!..» И пройдет мимо.

Но больше всего Петер Мунк завидовал плотогонам. Когда эти лесные великаны приходили к ним на праздник, навесив на себя с полпуда серебряных побрякушек — всяких там цепочек, пуговиц да пряжек, — и, широко расставив ноги, глядели на танцы, затягиваясь из аршинных кельнских трубок, Петеру казалось, что нет на свете людей счастливее и почтеннее. Когда же эти счастливицы запускали в карман руку и целыми пригоршнями вытаскивали серебряные монеты, у Петера спирало дыхание, мутилось в голове, и он, печальный, возвращался в свою хижину. Он не мог видеть, как эти «дровяные господа» проигрывали за один вечер больше, чем он сам зарабатывал за целый год.

Но особенное восхищение и зависть вызывали в нем три плотгона: Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый.

Иезекиил Толстый считался первым богачом в округе.

Везло ему необыкновенно. Он всегда продавал лес втридорога, денежки сами так и текли в его карманы.

Шлюркер Тощий был самым смелым человеком из всех, кого знал Петер. Никто не решался с ним спорить, а он не боялся спорить ни с кем. В харчевне он ел-пил за троих и место занимал на троих, но никто не смел сказать ему ни слова, когда он, растопылив локти, усаживался за стол или вытягивал вдоль скамьи свои длинные ноги, — уж очень много было у него денег.

Вильм Красивый был молодой, статный парень, лучший танцор среди плотогонов и стекольщиков. Еще совсем недавно он был таким же бедняком, как Петер, и служил в работниках у лесоторговцев. И вдруг ни с того ни с сего разбогател! Одни говорили, что он нашел в лесу под старой елью горшок серебра. Другие уверяли, что где-то на Рейне он подцепил багром мешок с золотом.

Так или иначе, он вдруг сделался богачом, и плотогоны стали почитать его, точно он был не простой плотогон, а принц.

Все трое — Иезекиил Толстый, Шлюркер Тощий и Вильм Красивый — были совсем не похожи друг на друга, но все трое одинаково любили деньги и были одинаково бессердечны к людям, у которых денег не было. И однако же, хоть за жадность их недолюбливали, за богатство им все прощали. Да и как не простить! Кто, кроме них, мог разбрасывать направо и налево звонкие талеры, словно деньги достаются им даром, как еловые шишки?!

«И откуда только они берут столько денег, — думал Петер, возвращаясь как-то с праздничной пирушки, где он не пил, не ел, а только смотрел, как ели и пили другие. — Ах, кабы мне хоть десятую долю того, что пропил и проиграл нынче Иезекиил Толстый!»

Петер перебирал в уме все известные ему способы разбогатеть, но не мог придумать ни одного мало-мальски верного.

Наконец он вспомнил рассказы о людях, которые будто бы получили целые горы золота от Михеля-Великана или от Стеклянного Человечка.

Еще когда был жив отец, у них в доме часто собирались бедняки соседи помечтать о богатстве, и не раз они поминали в разговоре маленького покровителя стеклодувов.

Петер даже припомнил стишки, которые нужно было сказать в чаще леса, у самой большой ели, для того чтобы вызвать Стеклянного Человечка:

*Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, —
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...¹*

---

¹ Стихи в этой сказке перевел С.Я.Маршак.

Были в этих стишках еще две строчки, но, как Петер ни ломал голову, он ни за что не мог их припомнить.

Ему часто хотелось спросить у кого-нибудь из стариков, не помнят ли они конец этого заклинания, но не то стыд, не то боязнь выдать свои тайные мысли удерживали его.

— Да они, наверно, и не знают этих слов, — утешал он себя. — А если бы знали, то почему бы им самим не пойти в лес и не вызвать Стеклянного Человечка!..

В конце концов он решил завести об этом разговор со своей матерью — может, она припомнит что-нибудь.

Но если Петер забыл две последние строчки, то матушка его помнила только две первые.

Зато он узнал от нее, что Стеклянный Человечек показывается только тем, кому посчастливилось родиться в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни.

— Если бы ты знал это заклинание от слова до слова, он непременно бы явился тебе, — сказала мать, вздыхая. — Ты ведь родился как раз в воскресенье, в самый полдень.

Услышав это, Петер совсем потерял голову.

«Будь что будет, — решил он, — а я должен попытать свое счастье».

И вот, распродав весь заготовленный для покупателей уголь, он надел отцовский праздничный камзол, новые красные чулки, новую воскресную шляпу, взял в руки палку и сказал матери:

— Мне нужно сходить в город. Говорят, скоро будет набор в солдаты, так вот, я думаю, следовало бы напомнить начальнику, что вы вдова и что я ваш единственный сын.

Мать похвалила его за благоразумие и пожелала счастливого пути. И Петер бодро зашагал по дороге, но только не в город, а прямо в лес. Он шел все выше и выше по склону горы, поросшей ельником, и наконец добрался до самой вершины.

Место было глухое, безлюдное. Нигде никакого жилья — ни избушки дровосеков, ни охотничьего шалаша.

Редко какой человек заглядывал сюда. Среди окрестных жителей поговаривали, что в этих местах нечисто, и всякий старался обойти Еловую гору стороной.

Здесь росли самые высокие, самые крепкие ели, но давно уже не раздавался в этой глуши стук топора. Да и не мудрено! Стоило какому-нибудь дровосеку заглянуть сюда, как с ним непременно случалась беда: либо топор соскакивал с топорища и вонзался в ногу, либо подрубленное дерево падало так быст-

ро, что человек не успевал отскочить и его зашибало насмерть, а плот, в который попадало хоть одно такое дерево, непременно шел ко дну вместе с плотогоном. Наконец люди совсем перестали тревожить этот лес, и он разросся так буйно и густо, что даже в полдень здесь было темно как ночью.

Страшно стало Петеру, когда он вошел в чащу. Кругом было тихо — нигде ни звука. Он слышал только шорох собственных шагов. Казалось, даже птицы не залетают в этот густой лесной сумрак.

Около огромной ели, за которую голландские корабельщики не задумываясь дали бы не одну сотню гульденов, Петер остановился.

«Наверно, это самая большая ель на всем свете! — подумал он. — Стало быть, тут и живет Стекланный Человечек».

Петер снял с головы свою праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и робким голосом произнес:

— Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но никто не ответил ему.

«Может быть, все-таки лучше сначала сказать стишки», — подумал Петер и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

*Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, —
Меж корней живет старик.
Он неслыханно богат,
Он хранит заветный клад...*

И тут — Петер едва мог поверить своим глазам! — из-за толстого ствола кто-то выглянул. Петер успел заметить островерхую шляпу, темный кафтанчик, ярко-красные чулочки... Чьи-то быстрые, зоркие глаза на мгновение встретились с глазами Петера.

Стекланный Человечек! Это он! Это, конечно, он! Но под елкой уже никого не было. Петер чуть не заплакал от огорчения.

— Господин стекольный мастер! — закричал он. — Где же вы? Господин стекольный мастер! Если вы думаете, что я вас не видел, вы ошибаетесь. Я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева.

И опять никто ему не ответил. Но Петеру показалось, что за елкою кто-то тихонько засмеялся.

— Погоди же! — крикнул Петер. — Я тебя поймаю! — И он одним прыжком очутился за деревом. Но Стеклянного Человечка там не было. Только маленькая пушистая белочка молнией взлетела вверх по стволу.

«Ах, если бы я знал стишки до конца, — с грустью подумал Петер, — Стеклянный Человечек, наверно, вышел бы ко мне. Недаром же я родился в воскресенье!..»

Наморщив лоб, нахмутив брови, он изо всех сил старался вспомнить забытые слова или даже придумать их, но у него ничего не выходило.

А в то время как он бормотал себе под нос слова заклинания, белочка появилась на нижних ветвях елки, прямо у него над головой. Она охорашивалась, распушив свой рыжий хвост, и лукаво поглядывала на него, не то посмеиваясь над ним, не то желая его подзадорить.

И вдруг Петер увидел, что голова у белки вовсе не звериная, а человеческая, только очень маленькая — не больше беличьей. А на голове — широкополая, островерхая шляпа. Петер так и замер от изумления. А белка уже снова была самой обыкновенной белкой, и только на задних лапках у нее были красные чулочки и черные башмачки.

Тут уж Петер не выдержал и со всех ног бросился бежать.

Он бежал, не останавливаясь, и только тогда перевел дух, когда услышал лай собак и завидел вдалеке дымок, поднимающийся над крышей какой-то хижины. Подойдя поближе, он понял, что со страху сбился с дороги и бежал не к дому, а прямо в противоположную сторону. Здесь жили дровосеки и плотгоны.

Хозяева хижины встретили Петера приветливо и, не спрашивая, как его зовут и откуда он, предложили ему ночлег, зажарили к ужину большого глухаря — это любимое кушанье местных жителей — и поднесли ему кружку яблочного вина.

После ужина хозяйка с дочерьми взяли прялки и подсели поближе к лучине. Ребятишки следили, чтоб она не погасла, и поливали ее душистой еловой смолой. Старик хозяин и старший его сын, покуривая свои длинные трубки, беседовали с гостем, а младшие сыновья принялись вырезать из дерева ложки и вилки.

К вечеру в лесу разыгралась буря. Она выла за окнами, сгибая чуть не до земли столетние ели. То и дело слышались громовые удары и страшный треск, словно где-то невдалеке ломались и падали деревья.

— Да, никому бы я не посоветовал выходить в такую пору из дому, — сказал старый хозяин, вставая с места и покрепче закрывая дверь. — Кто выйдет, тому уж не вернуться. Нынче ночью Михель-Великан рубит лес для своего плота.

Петер сразу насторожился.

— А кто такой этот Михель? — спросил он у старика.

— Он хозяин этого леса, — сказал старик. — Вы, должно быть, нездешний, если ничего не слышали о нем. Ну хорошо, я расскажу вам, что знаю сам и что дошло до нас от наших отцов и дедов.

Старик уселся поудобнее, затянулся из своей трубки и начал:

— Лет сто назад — так, по крайней мере, рассказывал мой дед — не было на всей земле народа честнее шварцвальдцев. Теперь-то, когда на свете завелось столько денег, люди потеряли стыд и совесть. Про молодежь и говорить нечего, — у той только и дела, что плясать, ругаться да сорить деньгами. А прежде было не то. И виной всему — я это раньше говорил и теперь повторяю, хотя бы он сам заглянул вот в это окошко, — виной всему Михель-Великан. От него все беды и пошли.

Так вот, значит, лет сто тому назад жил в этих местах богатый лесоторговец. Торговал он с далекими рейнскими городами, и дела у него шли как нельзя лучше, потому что он был человек честный и трудолюбивый.

И вот однажды приходит к нему наниматься какой-то парень. Никто его не знает, но видно, что здешний, — одет как шварцвальдец. А ростом чуть не на две головы выше всех. Наши парни и сами народ не мелкий, а этот настоящий великан.

Лесоторговец сразу сообразил, как выгодно держать такого дюжего работника. Он назначил ему хорошее жалованье, и Михель (так звали этого парня) остался у него.

Что и говорить, лесоторговец не прогадал.

Когда надо было рубить лес, Михель работал за троих. А когда пришлось перетаскивать бревна, за один конец бревна лесорубы брались вшестером, а другой конец поднимал Михель.

Послужив так с полгода, Михель явился к своему хозяину.

«Довольно, — говорит, — нарубил я деревьев. Теперь охота мне поглядеть, куда они идут. Отпусти-ка меня, хозяин, разок с плотами вниз по реке».

«Пусть будет по-твоему, — сказал хозяин. — Хотя на плотях нужна не столько сила, сколько ловкость, и в лесу ты бы мне больше пригодился, но я не хочу мешать тебе поглядеть на белый свет. Собирайся!»

Плот, на котором должен был отправиться Михель, был составлен из восьми звеньев отборного строевого леса. Когда плот был уже связан, Михель принес еще восемь бревен, да таких больших и толстых, каких никто никогда не видывал. И каждое бревно он нес на плече так легко, будто это было не бревно, а простой багор.

«Вот на них я и поплыву, — сказал Михель. — А ваши щепочки меня не выдержат».

И он стал вязать из своих огромных бревен новое звено.

Плот вышел такой ширины, что едва поместился между двумя берегами.

Все так и ахнули, увидев такую махину, а хозяин Михеля потирал руки и уже прикидывал в уме, сколько денег можно будет выручить на этот раз от продажи леса.

На радостях он, говорят, хотел подарить Михелю пару самых лучших сапог, какие носят плотогоны, но Михель даже не поглядел на них и принес откуда-то из лесу свои собственные сапоги. Мой дедушка уверял, что каждый сапог был пуда в два весом и футов в пять высотой.

И вот все было готово. Плот двинулся.

До этой поры Михель что ни день удивлял лесорубов, теперь пришла очередь удивляться плотогонам.

Они-то думали, что их тяжелый плот будет еле-еле тянуться по течению. Ничуть не бывало — плот неся по реке, как парусная лодка.

Всем известно, что труднее всего приходится плотогонам на поворотах: плот надо удерживать на середине реки, чтобы он не сел на мель. Но на этот раз никто и не замечал поворотов. Михель, чуть что, соскакивал в воду и одним толчком направлял плот то вправо, то влево, ловко огибая мели и подводные камни.

Если же впереди не было никаких излучин, он перебегал на переднее звено, с размаху втыкал свой огромный багор в дно, отталкивался — и плот летел с такой быстротой, что казалось, прибрежные холмы, деревья и села так и проносятся мимо.

Плотогоны и оглянуться не успели, как пришли в Кёльн, где обычно продавали свой лес. Но тут Михель сказал им:

«Ну и сметливые же вы купцы, как погляжу я на вас! Что ж вы думаете — здешним жителям самим нужно столько леса, сколько мы сплавляем из нашего Шварцвальда? Как бы не так! Они его скупают у вас за полцены, а потом перепродают втридорога голландцам. Давайте-ка мелкие бревна пустим в продажу здесь, а большие погоним дальше, в Голландию, да

сами и сбудем тамошним корабельщикам. Что следует хозяину по здешним ценам, он получит сполна. А что мы выручим сверх того — то будет наше».

Долго уговаривать сплавщиков ему не пришлось. Все было сделано точь-в-точь по его слову.

Плотогоны погнали хозяйский товар в Роттердам и там продали его вчетверо дороже, чем им давали в Кёльне!

Четверть выручки Михель отложил для хозяина, а три четверти разделил между сплавщиками. А тем во всю жизнь не случилось видеть столько денег. Головы у парней закружились, и пошло у них такое веселье, пьянство, картежная игра! С ночи до утра и с утра до ночи... Словом, до тех пор не возвратились они домой, пока не пропили и не проиграли все до последней монетки.

С той поры голландские харчевни и кабаки стали казаться нашим парням сущим раем, а Михель-Великан (его стали после этого путешествия называть Михель-Голландец) сделался настоящим королем плотогонов.

Он не раз еще водил наших плотогонов туда же, в Голландию, и мало-помалу пьянство, игра, крепкие словечки — словом, всякая гадость перекочевала в эти края.

Хозяева долго ничего не знали о проделках плотогонов. А когда вся эта история вышла наконец наружу и стали допытываться, кто же тут главный зачинщик, — Михель-Голландец исчез. Искали его, искали — нет! Пропал — как в воду канул...

— Помер, может быть? — спросил Петер.

— Нет, знающие люди говорят, что он и до сих пор хозяйничает в нашем лесу. Говорят еще, что, если его как следует попросить, он всякому поможет разбогатеть. И помог уже кое-кому... Да только идет молва, что деньги он дает не даром, а требует за них кое-что подороже всяких денег... Ну и больше я об этом ничего не скажу. Кто знает, что в этих россказнях правда, что басня? Одно только, пожалуй, верно: в такие ночи, как нынешняя, Михель-Голландец рубит и ломает старые ели там, на вершине горы, где никто не смеет рубить. Мой отец однажды сам видел, как он, словно тростинку, сломал ель в четыре обхвата. В чьи плоты потом идут эти ели, я не знаю. Но знаю, что на месте голландцев я бы платил за них не золотом, а картежью, потому что каждый корабль, в который попадает такое бревно, непременно идет ко дну. А все дело здесь, видите ли, в том, что стоит Михелю сломать на горе новую ель, как старое бревно, вытесанное из такой же горной ели, трескается или выскакивает из пазов, и корабль дает течь. Потому-то мы с вами так часто и слышим о

кораблекрушениях. Поверьте моему слову: если бы не Михель, люди странствовали бы по воде, как посуху.

Старик замолчал и принялся выколачивать свою трубку.

— Да... — сказал он опять, вставая с места. — Вот что рассказывали наши деды о Михеле-Голландце... И как там ни поверни, а все беды у нас пошли от него. Богатство он дать, конечно, может, но не желал бы я оказаться в шкуре такого богача, будь это хоть сам Иезекиил Толстый, или Шлюркер Тоший, или Вильм Красивый.

Пока старик рассказывал, буря улеглась. Хозяева дали Петеру мешок с листьями вместо подушки, пожелали ему спокойной ночи, и все улеглись спать. Петер устроился на лавке под окном и скоро уснул.

Никогда еще угольщику Петеру Мунку не снились такие страшные сны, как в эту ночь.

То чудилось ему, будто Михель-Великан с треском распахивает окно и протягивает ему огромный мешок с золотыми. Михель трясет мешок прямо у него над головой, и золото звенит, звенит — звонко и заманчиво.

То ему чудилось, что Стекланный Человечек верхом на большой зеленой бутылке разезжает по всей комнате, и Петер опять слышит лукавый тихий смешок, который донесся до него утром из-за большой ели.

И всю ночь Петера тревожили, будто споря между собой, два голоса. Над левым ухом гудел хриплый густой голос:

*Золотом, золотом,
Чистым — без обмана, —
Полновесным золотом
Набивай карманы!
Не работай молотом,
Плугом и лопатой!
Кто владеет золотом,
Тот живет богато!...*

А над правым ухом звенел тоненький голосок:

*Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, —
Меж корней живет старик...*

Ну, а дальше, Петер? Как там дальше? Ах, глупый, глупый угольщик Петер Мунк! Не может вспомнить такие простые слова! А еще родился в воскресный день, ровно в полдень... Придумай только рифму к слову «воскресный», а уж остальные слова сами придут!..

Петер охал и стонал во сне, стараясь припомнить или придумать забытые строчки. Он метался, вертелся с боку на бок, но так как за всю свою жизнь не сочинил ни одного стишка, то и на этот раз ничего не выдумал.

Угольщик проснулся, едва только рассвело, уселся, скрестив руки на груди, и принялся размышлять все о том же: какое слово идет в пару со словом «воскресный»?

Он стучал пальцами по лбу, тер себе затылок, но ничего не помогало.

И вдруг до него донеслись слова веселой песни. Под окном проходили трое парней и распевали во все горло:

*За рекою в деревушке...
Варят мед чудесный...
Разопьем с тобой по кружке
В первый день воскресный!..*

Петера словно обожгло. Так вот она, эта рифма к слову «воскресный»! Да полно, так ли? Не ослышался ли он?

Петер вскочил и сломя голову кинулся догонять парней.

— Эй, приятели! Подождите! — кричал он.

Но парни даже не оглянулись.

Наконец Петер догнал их и схватил одного за руку.

— Повтори-ка, что ты пел! — закричал он, задыхаясь.

— Да тебе-то что за дело! — ответил парень. — Что хочу, то и пою. Пусти сейчас же мою руку, а не то...

— Нет, сперва скажи, что ты пел! — настаивал Петер и еще сильнее стиснул его руку.

Тут два других парня, недолго думая, накинулись с кулаками на бедного Петера и так отколотили его, что у бедняги искры из глаз посыпались.

— Вот тебе на закуску! — сказал один из них, награждая его увесистым тумакom. — Будешь помнить, каково задевать почтенных людей!..

— Еще бы не помнить! — сказал Петер, охая и потирая ушибленные места. — А теперь, раз уж вы меня все равно

отколотили, сделайте милость — спойте мне ту песню, которую вы только что пели.

Парни так и прыснули со смеху. Но потом все-таки спели ему песню от начала до конца.

После этого они по-приятельски распрощались с Петером и пошли своей дорогой.

А Петер вернулся в хижину дровосека, поблагодарил хозяев за приют и, взяв свою шляпу и палку, снова отправился на вершину горы.

Он шел и все время повторял про себя заветные слова «воскресный — чудесный, чудесный — воскресный»... И вдруг, сам не зная, как это случилось, прочитал весь стишок от первого до последнего слова.

Петер даже подпрыгнул от радости и подбросил вверх свою шляпу.

Шляпа взлетела и пропала в густых ветках ели. Петер поднял голову, высматривая, где она там зацепилась, да так и замер от страха.

Перед ним стоял огромный человек в одежде плотогона. На плече у него был багор длиной с хорошую мачту, а в руке он держал шляпу Петера.

Не говоря ни слова, великан бросил Петеру его шляпу и зашагал с ним рядом.

Петер робко, искоса поглядывал на своего страшного спутника. Он словно сердцем почуял, что это и есть Михель-Великан, о котором ему вчера столько рассказывали.

— Петер Мунк, что ты делаешь в моем лесу? — вдруг сказал великан громовым голосом.

У Петера затряслись колени.

— С добрым утром, хозяин, — сказал он, стараясь не показать виду, что боится. — Я иду лесом к себе домой — вот и все мое дело.

— Петер Мунк! — снова загремел великан и посмотрел на Петера так, что тот невольно зажмурился. — Разве эта дорога ведет к твоему дому? Ты меня обманываешь, Петер Мунк!

— Да, конечно, она ведет не совсем прямо к моему дому, — залепетал Петер, — но сегодня такой жаркий день... Вот я и подумал, что идти лесом хоть и дальше, да прохладнее!

— Не лги, угольщик Мунк! — крикнул Михель-Великан так громко, что с елок дождем посыпались на землю шишки. — А не то я одним щелчком вышибу из тебя дух!

Петер весь съежился и закрыл руками голову, ожидая страшного удара.

Но Михель-Великан не ударил его. Он только насмешливо поглядел на Петера и расхохотался.

— Эх ты, дурак! — сказал он. — Нашел, к кому на поклон ходить!.. Думаешь, я не видел, как ты распинался перед этим жалким старикашкой, перед этим стеклянным пузырьком. Счастье твое, что ты не знал до конца его дурацкого заклинания! Он скряга, дарит мало, а если и подарит что-нибудь, так ты жизни рад не будешь. Жаль мне тебя, Петер, от души жаль! Такой славный, красивый парень мог бы далеко пойти, а ты сидишь возле своей дымной ямы да угли жжешь. Другие, не задумываясь, швыряют направо и налево талеры и дукаты, а ты боишься истратить медный грош... Жалкая жизнь!

— Что правда, то правда. Жизнь невеселая.

— Вот то-то же!.. — сказал великан Михель. — Ну да мне не впервой выручать вашего брата. Говори попросту, сколько сот талеров нужно тебе для начала?

Он похлопал себя по карману, и деньги забренчали там так же звонко, как то золото, которое приснилось Петеру ночью.

Но сейчас этот звон почему-то не показался Петеру заманчивым. Сердце его испуганно сжалось. Он вспомнил слова старика о страшной расплате, которую требует Михель за свою помощь.

— Благодарю вас, сударь, — сказал он, — но я не желаю иметь с вами дело. Я знаю, кто вы такой!

И с этими словами он бросился бежать что было мочи.

Но Михель-Великан не отставал от него. Он шагал рядом с ним огромными шагами и глухо бормотал:

— Ты еще расквесишься, Петер Мунк! Я по твоим глазам вижу, что расквесишься... На лбу у тебя это написано. Да не беги же так быстро, послушай-ка, что я тебе скажу!.. А то будет поздно... Видишь вон ту канаву? Это уже конец моих владений...

Услышав эти слова, Петер бросился бежать еще быстрее. Но уйти от Михеля было не так-то просто. Десять шагов Петера были короче, чем один шаг Михеля. Добежав почти до самой канавы, Петер оглянулся и чуть не вскрикнул — он увидел, что Михель уже занес над его головой свой огромный багор.

Петер собрал последние силы и одним прыжком перескочил через канаву.

Михель остался на той стороне.

Страшно ругаясь, он размахнулся и швырнул Петеру вслед тяжелый багор. Но гладкое, с виду крепкое, как железо, дерево разлетелось в щепки, словно ударились о какую-то невидимую

каменную стену. И только одна длинная щепка перелетела через канаву и упала возле ног Петра.

— Что, приятель, промахнулся? — закричал Петер и схватил щепку, чтобы запустить ею в Михеля-Великана.

Но в ту же минуту он почувствовал, что дерево ожило у него в руках.

Это была уже не щепка, а скользкая ядовитая змея.

Он хотел было отшвырнуть ее, но она успела крепко обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, все ближе и ближе придвигала свою страшную узкую голову к его лицу.

И вдруг в воздухе прошумели большие крылья.

Огромный глухарь с лёта ударил змею своим крепким клювом, схватил ее и взвился в высоту. Михель-Великан заскрежетал зубами, завыл, закричал и, пригрозив кулаком кому-то невидимому, зашагал к своему логову.

А Петер, полуживой от страха, отправился дальше своей дорогой.

Тропинка становилась все круче, лес — все гуще и глуше, и наконец Петер опять очутился возле огромной косматой ели на вершине горы.

Он снял шляпу, отвесил перед елью три низких — чуть не до самой земли — поклона и срывающимся голосом произнес заветные слова:

*Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, —
Меж корней живет старик.
Он неслышанно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный!*

Не успел он выговорить последнее слово, как чей-то тоненький, звонкий, как хрусталь, голосок сказал:

— Здравствуй, Петер Мунк!

И в ту же минуту он увидел под корнями старой ели крошечного старичка в черном кафтанчике, в красных чулочках, с большой остроконечной шляпой на голове. Старичок приветливо смотрел на Петра и поглаживал свою небольшую бородку — такую легкую, словно она была из паутины. Во рту у него

была трубка из голубого стекла, и он то и дело попыхивал ею, выпуская густые клубы дыма.

Не переставая кланяться, Петер подошел и, к немалому своему удивлению, увидел, что вся одежда на старичке: кафтанчик, шаровары, шляпа, башмаки — все было сделано из разноцветного стекла, но только стекло это было совсем мягкое, словно еще не остыло после плавки.

— Этот грубиян Михель, кажется, здорово напугал тебя, — сказал старичок. — Но я его славно проучил и даже отнял у него его знаменитый багор.

— Благодарю вас, господин Стекланный Человечек, — сказал Петер. — Я и вправду натерпелся страха. А вы, верно, и были тем почтенным глухарем, который заклевал змею? Вы мне спасли жизнь! Пропал бы я без вас. Но, уж если вы так добры ко мне, сделайте милость, помогите мне еще в одном деле. Я бедный угольщик, и живется мне очень трудно. Вы и сами понимаете, что, если с утра до ночи сидеть возле угольной ямы, — далеко не уйдешь. А я еще молодой, мне хотелось бы узнать в жизни что-нибудь получше. Вот гляжу я на других — все люди как люди, им и почет, и уважение, и богатство... Взять хоть бы Иезекиила Толстого или Вильма Красивого, короля танцев, — так ведь у них денег что соломы!..

— Петер, — строго перебил его Стекланный Человечек и, запыхтев трубкой, выпустил густое облако дыма, — никогда не говори мне об этих людях. И сам не думай о них. Сейчас тебе кажется, что на всем свете нет никого, кто был бы счастливее их, а пройдет год или два, и ты увидишь, что нет на свете никого несчастнее. И еще скажу тебе: не презирай своего ремесла. Твой отец и дед были почтеннейшими людьми, а ведь они были угольщиками. Петер Мунк, я не хочу думать, что тебя привела ко мне любовь к безделью и легкой наживе.

Говоря это, Стекланный Человечек пристально смотрел Петеру прямо в глаза.

Петер покраснел.

— Нет, нет, — забормотал он, — я ведь и сам знаю, что лень — мать всех пороков, и все такое прочее. Но разве я виноват, что мое ремесло мне не по душе? Я готов быть стекольщиком, часовщиком, сплавщиком — кем угодно, только не угольщиком.

— Станный вы народ — люди! — сказал, усмехаясь, Стекланный Человечек. — Всегда недовольны тем, что есть. Был бы

ты стекольщиком — захотел бы стать сплавщиком, был бы сплавщиком — захотел бы стать стекольщиком. Ну да пусть будет по-твоему. Если ты обещаешь мне работать честно, не лентяй, — я помогу тебе. У меня заведен такой обычай: я исполняю три желания каждого, кто рожден в воскресенье между двенадцатью и двумя часами пополудни и кто сумеет меня найти. Два желания я исполняю, какие бы они ни были, даже самые глупые. Но третье желание сбывается только в том случае, если оно стоит того. Ну, Петер Мунк, подумай хорошенько и скажи мне, чего ты хочешь.

Но Петер не стал долго раздумывать.

От радости он подбросил вверх свою шляпу и закричал:

— Да здравствует Стекланный Человечек, самый добрый и могущественный из всех лесных духов!.. Если вы, мудрейший властелин леса, в самом деле хотите осчастливить меня, я скажу вам самое заветное желание моего сердца. Во-первых, я хочу уметь танцевать лучше самого короля танцев и всегда иметь в кармане столько же денег, сколько у самого Иезекиила Толстого, когда он садится за игорный стол...

— Безумец! — сказал, нахмурившись, Стекланный Человечек. — Неужели ты не мог придумать что-нибудь поумнее? Ну посуди сам: какая будет польза тебе и твоей бедной матушке, если ты научишься выкидывать разные коленца и дрыгать ногами, как этот бездельник Вильм? И какой толк в деньгах, если ты будешь оставлять их за игорным столом, как этот плут Иезекиил Толстый? Ты сам губишь свое счастье, Петер Мунк. Но сказанного не воротишь — твое желание будет исполнено. Говори же, чего бы ты хотел еще? Но смотри, на этот раз будь поумнее!

Петер задумался. Он долго морщил лоб и тер затылок, пытаясь придумать что-нибудь умное, и наконец сказал:

— Я хочу быть владельцем самого лучшего и самого большого стекольного завода, какой только есть в Шварцвальде. Ну и, конечно, мне нужны деньги, чтобы пустить его в ход.

— И это все? — спросил Стекланный Человечек, испытующе глядя на Петера. — Неужели это все? Подумай хорошенько что еще тебе нужно?

— Ну, если вам не жалко, прибавьте ко второму желанию еще пару лошадок и коляску! И хватит...

— Глупый же ты человек, Петер Мунк! — воскликнул Стекланный Человечек и со злости так швырнул свою стеклянную трубку, что она ударилась о ствол ели и разлетелась вдребезги. —

«Лошадок, коляску»!.. Ума-разума надо тебе, понимаешь? Ума-разума, а не лошадок и коляску. Ну да все-таки второе твое желание поумней первого. Стекольный завод — это дело стоящее. Если вести его с умом, и лошадки, и коляска, и все у тебя будет.

— Так ведь я у меня остается еще одно желание, — сказал Петер, — и я могу пожелать себе ума, если это так уж необходимо, как вы говорите.

— погоди, побереги третье желание про черный день. Кто знает, что еще ждет тебя впереди! А теперь ступай домой. Да возьми для начала вот это, — сказал Стекланный Человечек и вынул из кармана кошелек, набитый деньгами. — Здесь ровно две тысячи гульденов. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, хозяин большого стекольного завода. Предложи его вдове эти деньги, и она с радостью продаст тебе свой завод. Но помни: работа кормит только того, кто любит работу. Да не водись с Иезекиилом Толстым и пореже заходи в трактир. Это к добру не приведет. Ну прощай. Я буду изредка заглядывать к тебе, чтобы помочь советом, когда тебе не будет хватать своего ума-разума.

С этими словами человечек вытащил из кармана новую трубку из самого лучшего матового стекла и набил сухими еловыми иглами.

Потом, крепко прикусив ее мелкими, острыми, как у белки, зубками, он достал из другого кармана огромное увеличительное стекло, поймал в него солнечный луч и закурил.

Легкий дымок поднялся над стеклянной чашечкой. На Петера пахло нагретой солнцем смолой, свежими еловыми побегами, медом и почему-то самым лучшим голландским табаком. Дым делался все гуще, гуще и наконец превратился в целое облако, которое, клубясь и курчавясь, медленно растаяло в верхушках елей. А вместе с ним исчез и Стекланный Человечек.

Петер еще долго стоял перед старой елью, протирая глаза и вглядываясь в густую, почти черную хвою, но так никого и не увидел. На всякий случай он низко поклонился большой елке и пошел домой.

Свою старую мать он застал в слезах и тревоге. Бедная женщина думала, что ее Петера забрали в солдаты и ей не скоро уж придется с ним увидеться.

Какова же была ее радость, когда ее сын вернулся домой, да еще с кошельком, набитым деньгами! Петер не стал рассказывать матери о том, что с ним было на самом деле. Он сказал,

что повстречал в городе одного доброго приятеля, который дал ему займы целых две тысячи гульденов, чтобы Петер мог начать стекольное дело.

Мать Петера прожила всю жизнь среди угольщиков и привыкла видеть все вокруг черным от сажи, как мельничиха привыкает видеть все кругом белым от муки. Поэтому сначала ее не очень-то обрадовала предстоящая перемена. Но в конце концов она и сама размышляла о новой, сытой и спокойной жизни.

«Да, что там ни говори, — думала она, — а быть матерью стекольного заводчика почетнее, чем быть матерью простого угольщика. Соседки Грета и Бета мне теперь не чета. И в церкви я с этих пор буду сидеть не у стены, где меня никто не видит, а на передних скамейках, рядом с женой господина бургомистра, матерью господина пастора и тетушкой господина судьи...»

На следующий день Петер чуть свет отправился к вдове старого Винкфрица.

Они быстро поладили, и завод со всеми работниками перешел к новому хозяину.

Вначале стекольное дело очень нравилось Петеру.

Целые дни, с утра до вечера, он проводил у себя на заводе. Придет, бывало, не спеша, и, заложив руки за спину, как делал это старый Винкфриц, важно расхаживает по своим владениям, заглядывая во все углы и делая замечания то одному работнику, то другому. Он и не слышал, как за его спиной работники посмеивались над советами неопытного хозяина.

Больше всего нравилось Петеру смотреть, как работают стеклодувы. Иногда он и сам брал длинную трубку и выдувал из мягкой неостывшей массы пузатую бутылку или какую-нибудь затейливую, ни на что не похожую фигурку.

Но скоро все это ему надоело. Он стал приходить на завод всего на часок, потому через день, через два и под конец не чаще, чем раз в неделю.

Работники были очень довольны и делали что хотели. Словом, порядка на заводе не стало никакого. Все пошло вкривь и вкось.

А началось все с того, что Петеру вздумалось заглянуть в трактир.

Он отправился туда в первое же воскресенье после покупки завода.

В трактире было весело. Играла музыка, и посреди зала, на

удивление всем собравшимся, лихо отплясывал король танцев — Вильм Красивый.

А перед кружкой пива сидел Иезекиил Толстый и играл в кости, не глядя бросая на стол звонкие монеты.

Петер поспешно сунул руку в карман, чтобы проверить, сдержал ли Стеклянный Человечек свое слово. Да, сдержал! Карманы его были битком набиты серебром и золотом.

«Ну так, верно, и насчет танцев он меня не подвел», — подумал Петер.

И как только музыка заиграла новый танец, он подхватил какую-то девушку и стал с ней в пару против Вильма Красивого.

Ну и пляска же это была! Вильм подпрыгивал на три четверти, а Петер — на четыре, Вильм кружился волчком, а Петер — ходил колесом, Вильм выгибал ноги кренделем, а Петер закручивал штопором.

С тех пор как стоял этот трактир, никто никогда не видел ничего подобного.

Петеру кричали «Ура!» и единодушно провозгласили его королем над всеми королями танцев.

Когда же все трактирные завсегдатаи узнали, что Петер только что купил себе стекольный завод, когда заметили, что каждый раз, проходя в танце мимо музыкантов, он бросает им золотую монетку, — общему удивлению не было конца.

Одни говорили, что он нашел в лесу клад, другие — что он получил наследство, но все сходились на том, что Петер Мунк самый славный парень во всей округе.

Наплясавшись вволю, Петер подсел к Иезекиилу Толстому и вызвался сыграть с ним партию-другую. Он сразу же поставил двадцать гульденов и тут же проиграл их. Но это его несколько не смутило. Как только Иезекиил положил свой выигрыш в карман, в кармане у Петера тоже прибавилось ровно двадцать гульденов.

Словом, все получилось точь-в-точь, как хотел Петер. Он хотел, чтобы в кармане у него всегда было столько же денег, сколько у Иезекиила Толстого, и Стеклянный Человечек исполнил его желание. Поэтому, чем больше денег переходило из его кармана в карман Толстого Иезекиила, тем больше денег становилось в его собственном кармане.

А так как игрок он был из рук вон плохой и все время проигрывал, то нет ничего удивительного, что он постоянно был в выигрыше.

С тех пор Петер стал проводить за игорным столом все дни, и праздничные, и будничные.

Люди так привыкли к этому, что называли его уже не королем над всеми королями танцев, а просто Петером-игроком.

Но хоть он стал теперь бесшабашным кутилой, сердце у него по-прежнему было доброе. Он без счета раздавал деньги беднякам, так же как без счета пропивал и проигрывал.

И вдруг Петер с удивлением стал замечать, что денег у него становится все меньше и меньше. А удивляться было нечему. С тех пор как он стал бывать в трактире, стекольное дело он совсем забросил, и теперь завод приносил ему не доходы, а убытки. Заказчики перестали обращаться к Петеру, и скоро ему пришлось за полцены продать весь товар бродячим торговцам только для того, чтобы расплатиться со своими мастерами и подмастерьями.

Однажды вечером Петер шел из трактира домой. Он выпил изрядное количество вина, но на этот раз вино нисколько не развеселило его.

С ужасом думал он о своем неминуемом разорении. И вдруг Петер заметил, что рядом с ним кто-то идет мелкими быстрыми шажками. Он оглянулся и увидел Стеклянного Человечка.

— Ах, это вы, сударь! — сказал Петер сквозь зубы. — Пришли полюбоваться моим несчастьем? Да, нечего сказать, щедро вы наградили меня!.. Врагу не пожелаю такого покровителя! Ну что вы мне теперь прикажете делать? Того и гляди, пожалуй сам начальник округа и пустит за долги с публичного торга все мое имущество. Право же, когда я был жалким угольщиком, у меня было меньше огорчений и забот...

— Так, — сказал Стеклянный Человечек, — так! Значит, по-твоему, это я виноват во всех твоих несчастьях? А по-моему, ты сам виноват в том, что не сумел пожелать ничего путного. Для того чтобы стать хозяином стекольного дела, голубчик, надо прежде всего быть толковым человеком и знать мастерство. Я тебе и раньше говорил и теперь скажу: ума тебе не хватает, Петер Мунк, ума и сообразительности!

— Какого там еще ума!.. — закричал Петер, задыхаясь от обиды и злости. — Я нисколько не глупее всякого другого и докажу тебе это на деле, еловая шишка!

С этими словами Петер схватил Стеклянного Человечка за шиворот и стал трясти его изо всех сил.

— Ага, попался, властелин лесов? Ну-ка, исполняй третье мое

желание! Чтобы сейчас же на этом самом месте был мешок с золотом, новый дом и... Ай-ай!.. — завопил он вдруг не своим голосом.

Стеклянный Человечек как будто вспыхнул у него в руках и засветился ослепительно белым пламенем. Вся его стеклянная одежда раскалилась, и горячие, колючие искры так и брызнули во все стороны.

Петер невольно разжал пальцы и замахал в воздухе обожженной рукой.

В это самое мгновение над ухом у него раздался легкий, как звон стекла, смех — и все стихло.

Стеклянный Человечек пропал.

Несколько дней не мог Петер позабыть об этой неприятной встрече.

Он был и рад был не думать о ней, да распухшая рука все время напоминала ему о его глупости и неблагодарности.

Но мало-помалу рука у него зажила, и на душе стало легче.

— Если даже они и продадут мой завод, — успокаивал он себя, — у меня все-таки останется толстый Иезекиил. Пока у него в кармане есть деньги, и я не пропаду.

Так-то оно так, Петер Мунк, а вот если денег у Иезекиила не станет, что тогда? Но Петеру это даже и в голову не приходило.

А между тем случилось именно то, чего он не предвидел, и в один прекрасный день произошла очень странная история, которую никак нельзя объяснить законами арифметики.

Однажды в воскресенье Петер, как обычно, пришел в трактир.

— Добрый вечер, хозяин, — сказал он с порога. — Что, толстый Иезекиил уже здесь?

— Заходи, заходи, Петер, — отозвался сам Иезекиил. — Место для тебя оставлено.

Петер подошел к столу и сунул руку в карман, чтобы узнать, в проигрыше или выигрыше толстый Иезекиил. Оказалось, в большом выигрыше. Об этом Петер мог судить по своему собственному туго набитому карману.

Он подсел к игрокам и так провел время до самого вечера, то выигрывая партию, то проигрывая. Но сколько он ни проигрывал, деньги у него в кармане не убывали, потому что Иезекиилу Толстому все время везло.

Когда за окнами стемнело, игроки один за другим стали расходиться по домам. Поднялся и толстый Иезекиил. Но Петер так уговаривал его остаться и сыграть еще партию-другую, что тот наконец согласился.

— Ну хорошо, — сказал Иезекиил. — Только сначала я пересчитаю свои деньги. Будем бросать кости. Ставка — пять гульденов. Меньше нет смысла: детская игра!.. — Он вытащил свой кошелек и стал считать деньги. — Ровно сто гульденов! — сказал он, пряча кошелек в карман.

Теперь и Петер знал, сколько у него денег: ровно сто гульденов. И считать не надо было.

И вот игра началась. Первым бросил кости Иезекиил — восемь очков! Бросил кости Петер — десять очков!

Так и пошло: сколько раз ни бросал кости Иезекиил Толстый, у Петера всегда было больше ровно на два очка.

Наконец толстяк выложил на стол свои последние пять гульденов.

— Ну, бросай еще раз! — крикнул он. — Но так и знай, я не сдамся, даже если проиграю и теперь. Ты одолжишь мне несколько монет из своего выигрыша. Порядочный человек всегда выручает приятеля в затруднении.

— Да о чем там говорить! — сказал Петер. — Мой кошелек всегда к твоим услугам.

Толстый Иезекиил встряхнул кости и бросил на стол.

— Пятнадцать! — сказал он. — Теперь посмотрим, что у тебя.

Петер, не глядя, швырнул кости.

— Моя взяла! Семнадцать!.. — крикнул он и даже засмеялся от удовольствия.

В ту же минуту за его спиной раздался чей-то глухой, хриплый голос:

— Это была твоя последняя игра!

Петер в ужасе оглянулся и увидел за своим стулом огромную фигуру Михеля-Голландца. Не смея пошевелинуться, Петер так и замер на месте.

А толстый Иезекиил никого и ничего не видел.

— Дай мне скорей десять гульденов, и будем продолжать игру! — нетерпеливо сказал он.

Петер как во сне сунул руку в карман. Пусто! Он пошарил в другом кармане — и там не больше.

Ничего не понимая, Петер вывернул оба кармана наизнанку, но не нашел в них даже самой мелкой монетки.

Тут он с ужасом вспомнил о своем первом желании. Проклятый Стекланный Человечек сдержал свое слово до конца: Петер хотел, чтобы денег у него было столько же, сколько в

кармане у Иезекиила Толстого, и вот у Иезекиила Толстого нет ни гроша, и в кармане у Петра — ровно столько же!

Хозяин трактира и Иезекиил Толстый смотрели на Петра, вытаращив глаза. Они никак не могли понять, куда же девал он выигранные деньги. А так как Петр на все их вопросы не мог ответить ничего путного, то они решили, что он попросту не хочет расплачиваться с трактирщиком и боится поверить в долг Иезекиилу Толстому.

Это привело их в такую ярость, что они вдвоем накинулись на Петра, избили его, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звездочки не видно было на небе, когда Петр пробирался к себе домой.

Темень была такая, что хоть глаз выколи, и все-таки он различил рядом с собой какую-то огромную фигуру, которая была темней темноты.

— Ну, Петр Мунк, твоя песенка спета! — сказал знакомый хриплый голос. — Теперь ты видишь, каково приходится тем, кто не хочет слушать моих советов. А ведь сам виноват! Вольно же тебе было водиться с этим скупым старикашкой, с этим жалким стеклянным пузырьком!.. Ну да еще не все потеряно. Я не злопамятен. Слушай, завтра я целый день буду у себя на горе. Приходи и позови меня. Не расквасишься!

Сердце похолодело у Петра, когда он понял, кто с ним говорит. Михель-Великан! Опять Михель-Великан!.. Сломя голову Петр бросился бежать, сам не зная куда.

2

Когда в понедельник утром Петр пришел на свой стекольный завод, он застал там непрошенных гостей — начальника округа и трех судейских.

Начальник вежливо поздоровался с Петером, спросил, хорошо ли он почивал и как его здоровье, а потом вытащил из кармана длинный список, в котором стояли имена всех, кому Петр был должен.

— Собираетесь ли вы, сударь, заплатить всем этим лицам? — спросил начальник, строго глядя на Петра. — Если собираетесь, прошу вас поторопиться. Времени у меня немного, а до тюрьмы добрых три часа ходу.

Петеру пришлось сознаться, что платить ему нечем, и судейские без долгих разговоров приступили к описи его имущества.

Они описали дом и пристройки, завод и конюшню, коляску и лошадей. Описали стеклянную посуду, которая стояла в кладовых, и метлу, которой подметают двор... Словом, все-все, что только попало им на глаза.

Пока они расхаживали по двору, все разглядывая, ощупывая и оценивая, Петер стоял в стороне и посвистывал, стараясь показать, что это его нимало не беспокоит. И вдруг в ушах у него зазвучали слова Михеля: «Ну, Петер Мунк, твоя песенка спета!..»

Сердце у него тревожно екнуло и кровь застучала в висках.

«А ведь до Еловой горы совсем не так далеко, ближе, чем до тюрьмы, — подумал он. — Если маленький не захотел помочь, что ж, пойду попрошу большого...»

И, не дожидаясь, покуда судейские кончат свое дело, он украдкой вышел за ворота и бегом побежал в лес.

Он бежал быстро — быстрее, чем заяц от гончих собак, — и сам не заметил, как очутился на вершине Еловой горы.

Когда он пробежал мимо старой большой ели, под которой в первый раз разговаривал со Стеклянным Человечком, ему показалось, что чьи-то невидимые руки стараются поймать и удержать его. Но он вырвался и опрометью побежал дальше...

Вот и канава, за которой начинаются владения Михеля-Великана!..

Одним прыжком перемахнул Петер на ту сторону и, едва отдышавшись, крикнул:

— Господин Михель! Михель-Великан!..

И не успело эхо откликнуться на его крик, как перед ним словно из-под земли выросла знакомая страшная фигура — чуть ли не в сосну ростом, в одежде плотогона, с огромным багром на плече...

Михель-Великан явился на зов.

— Ага, пришел-таки! — сказал он, смеясь. — Ну что, дочиста облупили тебя? Шкура-то еще целая или, может, и ту содрали и продали за долги? Да полно, полно, не горюй! Пойдем-ка лучше ко мне, потолкуем... Авось и сговоримся...

И он зашагал саженными шагами в гору по каменной узкой тропинке.

«Сговоримся?.. — думал Петер, стараясь не отстать от него. — Что же ему от меня надо? Сам ведь знает, что у меня ни гроша за душой... Работать на себя заставит, что ли?»

Лесная тропинка становилась все круче и круче и наконец оборвалась. Они очутились перед глубоким темным ущельем.

Михель-Великан, не задумываясь, сбегал по отвесной скале, словно это была пологая лестница. А Петер остановился на самом краю, со страхом глядя вниз и не понимая, что же ему делать дальше. Ущелье было такое глубокое, что сверху даже Михель-Великан казался маленьким, как Стекланный Человек.

И вдруг — Петер едва мог поверить своим глазам — Михель стал расти. Он рос, рос, пока не стал вышиной с кельнскую колокольню. Тогда он протянул Петеру руку, длинную, как багор, подставил ладонь, которая была больше, чем стол в трактире, и сказал голосом гулким, как погребальный колокол:

— Садись ко мне на руку да покрепче держись за палец! Не бойся, не упадешь!

Замирая от ужаса, Петер перешагнул на ладонь великана и ухватился за его большой палец. Великан стал медленно опускать руку, и чем ниже он ее опускал, тем меньше становился сам.

Когда он наконец поставил Петера на землю, он уже опять был такого роста, как всегда, — гораздо больше человека, но немного меньше сосны.

Петер оглянулся по сторонам. На дне ущелья было так же светло, как наверху, только свет здесь был какой-то неживой — холодный, резкий. От него делалось больно глазам.

Вокруг не было видно ни дерева, ни куста, ни цветка. На каменной площадке стоял большой дом, обыкновенный дом — не хуже и не лучше, чем те, в которых живут богатые шварцвальдские плотогоны, разве что побольше, а так — ничего особенного.

Михель, не говоря ни слова, отворил дверь, и они вошли в горницу. И здесь все было, как у всех: деревянные стенные часы — изделие шварцвальдских часовщиков, — изразцовая расписная печь, широкие скамьи, всякая домашняя утварь на полках вдоль стен.

Только почему-то казалось, что здесь никто не живет, — от печки веяло холодом, часы молчали.

— Ну, присаживайся, приятель, — сказал Михель. — Выпьем по стакану вина.

Он вышел в другую комнату и скоро вернулся с большим кувшином и двумя пузатыми стеклянными стаканами — точь-в-точь такими, какие делали на заводе у Петера.

Налив вина себе и гостю, он завел разговор о всякой всячи-

не, о чужих краях, где ему не раз довелось побывать, о прекрасных городах и реках, о больших кораблях, пересекающих моря, и наконец так раззадорил Петера, что тому до смерти захотелось поездить по белу свету и посмотреть на все его диковинки.

— Да, вот это жизнь!.. — сказал он. — А мы-то, дураки, сидим весь век на одном месте и ничего не видим, кроме елок да сосен.

— Что ж, — лукаво прищурившись, сказал Михель-Великан. — И тебе пути не заказаны. Можно и постранствовать, и делом позаняться. Все можно — только бы хватило смелости, твердости, здравого смысла... Только бы не мешало глупое сердце!.. А как оно мешает, черт побери!.. Вспомни-ка, сколько раз тебе в голову приходили какие-нибудь славные затеи, а сердце вдруг дрогнет, заколотится, ты и струсишь ни с того ни с сего. А если кто-нибудь обидит тебя, да еще ни за что ни про что? Кажется, и думать не о чем, а сердце ноет, щемит... Ну вот скажи-ка мне сам: когда тебя вчера вечером обозвали обманщиком и вытолкали из трактира, голова у тебя заболела, что ли? А когда судейские описали твой завод и дом, у тебя, может быть, заболел живот? Ну, говори прямо, что у тебя заболело?

— Сердце, — сказал Петер.

И, словно подтверждая его слова, сердце у него в груди тревожно сжалось и забилося часто-часто.

— Так, — сказал Михель-Великан и покачал головой. — Мне вот говорил кое-кто, что ты, покуда у тебя были деньги, не жалея, раздавал их всяким побирушкам да попрошайкам. Правда это?

— Правда, — шепотом сказал Петер.

Михель кивнул головой.

— Так, — повторил он опять. — А скажи мне, зачем ты это делал? Какая тебе от этого польза? Что ты получил за свои деньги? Пожелания всяких благ и доброго здоровья! Ну и что же, ты стал от этого здоровее? Да половины этих выброшенных денег хватило бы, чтобы держать при себе хорошего врача. А это было бы гораздо полезнее для твоего здоровья, чем все пожелания, вместе взятые. Знал ты это? Знал. Что же тебя заставляло всякий раз, когда какой-нибудь грязный нищий протягивал тебе свою помятую шляпу, опускать руку в карман? Сердце, опять-таки сердце, а не глаза, не язык, не руки и не ноги. Ты, как говорится, слишком близко все принимал к сердцу.

— Но как же это сделать, чтобы этого не было? — спросил Петер. — Сердцу не прикажешь!.. Вот и сейчас — я бы так хотел, чтоб оно перестало дрожать и болеть. А оно дрожит и болит.

Михель засмеялся.

— Ну еще бы! — сказал он. — Где тебе с ним справиться! Люди покрепче и те не могут совладать со всеми его прихотями и причудами. Знаешь что, братец, отдай-ка ты его лучше мне. Увидишь, как я с ним управлюсь.

— Что? — в ужасе закричал Петер. — Отдать вам сердце?.. Но ведь я же умру на месте. Нет, нет, ни за что!

— Пустое! — сказал Михель. — Это если бы кто-нибудь из ваших господ хирургов вздумал вынуть из тебя сердце, тогда ты бы, конечно, не прожил и минуты. Ну, а я — другое дело. И жив будешь и здоров, как никогда. Да вот поди сюда, погляди своими глазами... Сам увидишь, что бояться нечего.

Он встал, отворил дверь в соседнюю комнату и поманил Петера рукой:

— Входи сюда, приятель, не бойся! Тут есть на что поглядеть.

Петер переступил порог и невольно остановился, не смея поверить своим глазам.

Сердце в груди у него так сильно сжалось, что он едва перевел дыхание.

Вдоль стен на длинных деревянных полках стояли рядами стеклянные банки, до самых краев налитые какой-то прозрачной жидкостью.

А в каждой банке лежало человеческое сердце. Сверху на ярлычке, приклеенном к стеклу, было написано имя и прозвище того, в чьей груди оно раньше билось.

Петер медленно пошел вдоль полок, читая ярлычок за ярлычком. На одном было написано: «сердце господина начальника округа», на другом — «сердце главного лесничего». На третьем просто — «Иезекиил Толстый»... на пятом — «король танцев».

Дальше подряд стояли шесть сердец скупщиков хлеба, три сердца богатых ростовщиков, два таможенных сердца, четыре судейских...

Словом, много сердец и много почтенных имен, известных всей округе.

— Видишь, — сказал Михель-Великан, — ни одно из этих сердец не сжимается больше ни от страха, ни от огорчения. Их бывшие хозяева избавились раз навсегда от всяких забот, тревог, неприятностей и прекрасно чувствуют себя, с тех пор как выселили из своей груди беспокойного жильца.

— Да, но что же теперь у них в груди вместо сердца? — спросил, запинаясь, Петер, у которого голова пошла кругом от всего, что он видел и слышал.

— А вот что, — спокойно ответил Михель

Он выдвинул какой-то ящик и достал оттуда каменное сердце.

— Это? — переспросил Петер, задыхаясь, и холодная дрожь пробежала у него по спине. — Мраморное сердце?.. Но ведь от него, должно быть, очень холодно в груди?

— Конечно, оно немного холодит, — сказал Михель, — но это очень приятная прохлада. Да и зачем, собственно, сердце непременно должно быть горячим? Зимой, когда холодно, вишневая наливка греет куда лучше, чем самое горячее сердце. А летом, когда и без того душно и жарко, ты не согласишься, как славно освежает такое мраморное сердечко. А главное — оно-то уж не забьется у тебя ни от страха, ни от тревоги, ни от глупой жалости. Очень удобно!

Петер пожал плечами.

— И это все, зачем вы меня позвали? — спросил он у великана. — По правде сказать, не того я ожидал от вас. Мне нужны деньги, а вы мне предлагаете камень.

— Ну, я думаю, ста тысяч гульденов хватит тебе на первое время, — сказал Михель. — Если сумеешь выгодно пустить их в оборот, ты можешь стать настоящим богачом.

— Сто тысяч!.. — закричал, не веря своим ушам, бедный угольщик, и сердце его забилося так сильно, что он невольно придержал его рукой. — Да не колотись ты, неугомонное! Скоро я навсегда разделаюсь с тобой... Господин Михель, я согласен на все! Дайте мне деньги и ваш камешек, а этого бестолкового барабанщика можете взять себе.

— Я так и знал, что ты парень с головой, — дружески улыбаясь, сказал Михель. — По этому случаю следует выпить. А потом и делом займемся.

Они уселись за стол и выпили по стакану крепкого, густого, точно кровь, вина, потом еще по стакану, еще по стакану, и так до тех пор, пока большой кувшин не опустел совсем.

В ушах у Петера зашумело, и, уронив голову на руки, он заснул мертвым сном.

Петера разбудили веселые звуки почтового рожка. Он сидел в прекрасной карете. Лошади мерно стучали копытами, и карета быстро катилась. Выглянув из окошка, он увидел далеко позади горы Шварцвальда в дымке синего тумана.

Сначала он никак не мог поверить, что это он сам, угольщик Петер Мунк, сидит на мягких подушках в богатой барской карете. Да и платье на нем было такое, какое ему и во сне не снилось... А все-таки это был он, угольщик Петер Мунк!..

На минуту Петер задумался. Вот он первый раз в жизни покидает эти горы и долины, поросшие еловым лесом. Но почему-то ему совсем не жалко уезжать из родных мест. Да и мысль о том, что он оставил свою старуху мать одну, в нужде и тревоге, не сказав ей на прощание ни одного слова, тоже нисколько не опечалила его.

«Ах да, — вспомнил он вдруг, — ведь у меня теперь каменное сердце!.. Спасибо Михелю-Голландцу — он избавил меня от всех этих слез, вздохов, сожалений...»

Он приложил руку к груди и почувствовал только легкий холодок. Каменное сердце не билось.

«Ну относительно сердца он сдержал свое слово, — подумал Петер. — А вот как насчет денег?»

Он принялся осматривать карету и среди вороха всяких дорожных вещей нашел большую кожаную сумку, туго набитую золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах.

«Ну, теперь все в порядке», — подумал Петер и уселся поудобнее среди мягких кожаных подушек.

Так началась новая жизнь господина Петера Мунка.

Два года ездил он по белу свету, много видел, но ничего не заметил, кроме почтовых станций, вывесок на домах да гостиниц, в которых он останавливался.

Впрочем, Петер всегда нанимал человека, который показывал ему достопримечательности каждого города.

Глаза его смотрели на прекрасные здания, картины и сады, уши слушали музыку, веселый смех, умные беседы, но ничто его не занимало и не радовало, потому что сердце у него всегда оставалось холодным.

Только и было у него удовольствия, что сытно есть и сладко спать.

Однако все кушанья ему почему-то скоро приелись, а сон стал бежать от него. И ночью, ворочаясь с боку на бок, он не раз вспоминал о том, как хорошо ему спалось в лесу около угольной ямы и как вкусен был жалкий обед, который приносила из дому мать.

Ему никогда теперь не бывало грустно, но зато не бывало и весело.

Если другие смеялись при нем, он только из вежливости растягивал губы.

Ему даже казалось иногда, что он просто разучился смеяться, а ведь прежде, бывало, его мог насмешить всякий пустяк.

В конце концов ему стало так скучно, что он решил вернуться домой. Не все ли равно, где скучать?

Когда он снова увидел темные леса Шварцвальда и добродушные лица земляков, кровь на мгновение прилила к его сердцу, и ему даже показалось, что он сейчас обрадуется. Нет! Каменное сердце осталось таким же холодным, как было. Камень — это камень.

Вернувшись в родные места, Петер раньше всего пошел повидаться с Михелем-Голландцем. Тот встретил его по-приятельски.

— Здорово, дружище! — сказал он. — Ну что, хорошо съездил? Повидал белый свет?

— Да как вам сказать... — ответил Петер. — Видел я, разумеется, немало, но все это глупости, одна скука... Вообще должен вам сказать, Михель, что этот камешек, которым вы меня наградили, не такая уж находка. Конечно, он меня избавляет от многих неприятностей. Я никогда не сержусь, не грущу, но зато никогда и не радуюсь. Словно я живу наполовину... Нельзя ли сделать его хоть немного поживее? А еще лучше — отдайте мне мое прежнее сердце. За двадцать пять лет я порядком привык к нему, и хоть иной раз оно и пошаливало — все же это было веселое, славное сердце.

Михель-Великан расхохотался.

— Ну и дурак же ты, Петер Мунк, как я погляжу, — сказал он. — Ездил-ездил, а ума не набрался. Ты знаешь, отчего тебе скучно? От безделья. А ты все валишь на сердце. Сердце тут решительно ни при чем. Ты лучше послушай меня: построй себе дом, женись, пусти деньги в оборот. Когда каждый гульден будет у тебя превращаться в десять, тебе станет так весело, как никогда. Деньгам даже камень обрадуется.

Петер без долгих споров согласился с ним. Михель-Голландец тут же подарил ему еще сто тысяч гульденов, и они расстались друзьями...

Скоро по всему Шварцвальду пошла молва о том, что угольщик Петер Мунк воротился домой еще богаче, чем был до отъезда.

И тут случилось то, что обычно бывает в таких случаях. Он

опять стал желанным гостем в трактире, все кланялись ему, спешили пожать руку, каждый рад был назвать его своим другом.

Стекольное дело он бросил и начал торговать лесом. Но и это было только для вида.

На самом деле он торговал не лесом, а деньгами: давал их взаймы и получал назад с лихвою.

Мало-помалу половина Шварцвальда оказалась у него в долгу.

С начальником округа он был теперь запанибрата. И стоило Петеру только заикнуться, что кто-то не уплатил ему деньги в срок, как судейские мигом налетали на дом несчастного должника, все описывали, оценивали и продавали с молотка. Таким образом, каждый гульден, который Петер получил от Михеля-Голландца, очень скоро превратился в десять.

Правда, сначала господину Петеру Мунку немного докучали мольбы, слезы и упреки. Целые толпы должников днем и ночью осаждали его двери. Мужчины умоляли об отсрочке, женщины старались слезами смягчить его каменное сердце, дети просили хлеба...

Однако все это уладилось как нельзя лучше, когда Петер обзавелся двумя огромными овчарками. Стоило спустить их с цепи, как вся эта, по выражению Петера, кошачья музыка» мигом прекращалась.

Но больше всего досаждала ему «старуха» (так называл он свою мать, госпожу Мунк).

Когда Петер вернулся из странствий, снова разбогатевший и всеми уважаемый, он даже не зашел в ее бедную хижину.

Старая, полуголодная, больная, она приходила к нему во двор, опираясь на палку, и робко останавливалась у порога.

Просить у чужих она не смела, чтобы не позорить своего богатого сына, и каждую субботу приходила к его дверям, ожидая подавания и не решаясь войти в дом, откуда один раз ее уже выгнали.

Завидя старуху из окна, Петер, сердито хмурясь, доставал из кармана несколько медяков, заворачивал их в клочок бумаги и, кликнув слугу, высылал матери. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему всякого благополучия, слышал, как, покашливая и постукивая палочкой, пробиравась она мимо его окон, но думал только о том, что вот опять понапрасну истратил несколько грошей.

Да что и говорить, теперь это был уже не тот Петер Мунк, бесшабашный весельчак, который без счета бросал деньги бродячим музыкантам и всегда был готов помочь первому встречному бедняку. Нынешний Петер Мунк хорошо знал цену деньгам и ничего другого не желал знать.

С каждым днем он делался все богаче и богаче, но веселее ему не становилось.

И вот, вспомнив совет Михеля-Великана, он решил жениться.

Петер знал, что любой почтенный человек в Шварцвальде с радостью отдаст за него свою дочь, но он был разборчив. Ему хотелось, чтобы все хвалили его выбор и завидовали его счастью. Он объехал весь край, заглянул во все углы и закоулки, посмотрел всех невест, но ни одна из них не показалась ему достойной стать супругой господина Мунка.

Наконец на одной вечеринке ему сказали, что самая красивая и скромная девушка во всем Шварцвальде — это Лизбет, дочь бедного дровосека. Но она никогда не бывает на танцах, сидит дома, шьет, хозяйничает и ухаживает за стариком отцом. Лучше этой невесты нет не только в здешних местах, но и на всем свете.

Не откладывая дела, Петер собрался и поехал к отцу красавицы. Бедный дровосек был очень удивлен посещением такого важного господина. Но еще больше удивился он, когда узнал, что этот важный господин хочет посвататься к его дочери.

Как было не ухватиться за такое счастье!

Старик решил, что его горестям и заботам пришел конец, и не долго думая, дал Петеру согласие, даже не спросив красавицу Лизбет.

А красавица Лизбет была покорной дочерью. Она беспрекословно исполнила волю отца и стала госпожой Мунк.

Но невесело жилось бедняжке в богатом доме ее мужа. Все соседи считали ее примерной хозяйкой, а господину Петеру она никак не могла угодить.

У нее было доброе сердце, и, зная, что в доме сундуки ломаются от всякого добра, она не считала за грех накормить какую-нибудь бедную старушку, вынести кружку квасу прохожему старику или дать несколько мелких монеток соседским детям на сласти.

Но когда Петер однажды узнал об этом, он весь побагровел от злости и сказал:

— Как ты смеешь швырять направо и налево мое добро? Забыла, что сама нищая?.. Смотри у меня, чтобы это было в последний раз, а не то...

И он так взглянул на нее, что сердце похолодело в груди у бедной Лизбет. Она горько заплакала и ушла к себе.

С тех пор всякий раз, когда какой-нибудь бедняк проходил мимо их дома, Лизбет закрывала окно или отворачивалась, чтобы не видеть чужой бедности. Но ни разу не посмела она послушаться своего сурового мужа.

Никто не знал, сколько слез она пролила по ночам, думая о холодном, безжалостном сердце Петера, но все знали теперь, что госпожа Мунк не даст умирающему глотка воды и голодному корки хлеба. Она прослыла самой скупой хозяйкой в Шварцвальде.

Однажды Лизбет сидела перед домом, пряла пряжу и напевала какую-то песенку. На душе у нее было в этот день легко и весело, потому что погода была отличная, а господин Петер уехал по делам.

И вдруг она увидела, что по дороге идет какой-то старенький старичок. Сгибаясь в три погибели, он тащил на спине большой, туго набитый мешок.

Старичок то и дело останавливался, чтобы перевести дух и стереть пот со лба.

«Бедный, — подумала Лизбет, — как трудно ему нести такую непосильную ношу!»

А старичок, подойдя к ней, сбросил на землю свой огромный мешок, тяжело опустился на него и сказал едва слышным голосом:

— Будьте милостивы, хозяйюшка! Дайте мне глоток воды. До того измучился, что просто с ног валюсь.

— Как же можно в ваши годы таскать такие тяжести! — сказала Лизбет.

— Что поделаешь! Бедность!.. — ответил старичок. — Жить-то ведь чем-нибудь надо. Конечно, такой богатой женщине, как вы, это и понять мудрено. Вот вы, наверно, кроме сливок, и не пьете ничего, а я и за глоток воды скажу спасибо.

Ничего не ответив, Лизбет побежала в дом и налила полный ковшик воды. Она хотела уже отнести его прохожему, но вдруг, не дойдя до порога, остановилась и снова вернулась в комнату. Отворив шкаф, она достала большую узорчатую кружку, налила до краев вином, и, прикрыв сверху свежим, только что испеченным хлебом, вынесла старику.

— Вот, — сказала она, — подкрепитесь на дорогу.

Старичок с удивлением посмотрел на Лизбет своими выцветшими, светлыми, как стекло, глазами.

Он медленно выпил вино, отломил кусочек хлеба и сказал дрожащим голосом:

— Я человек старый, но мало видел на своем веку людей с таким добрым сердцем, как у вас. А доброта никогда не остается без награды...

— И свою награду она получит сейчас же! — загремел у них за спиной страшный голос.

Они обернулись и увидели господина Петера.

— Так вот ты как!.. — проговорил он сквозь зубы, сжимая в руках кнут и подступая к Лизбет. — Самое лучшее вино из моего погреба ты наливаешь в мою самую любимую кружку и угощаешь каких-то грязных бродяг... Вот же тебе! Получай свою награду!..

Он размахнулся и изо всей силы ударил жену по голове тяжелым кнутовищем из черного дерева.

Не успев даже вскрикнуть, Лизбет упала на руки старика.

Каменное сердце не знает ни сожаления, ни раскаяния. Но тут же Петеру стало не по себе, и он бросился к Лизбет, чтобы поднять ее.

— Не трудись, угольщик Мунк! — вдруг сказал старик хорошо знакомым Петеру голосом. — Ты сломал самый прекрасный цветок в Шварцвальде, и он никогда больше не зацветет.

Петер невольно отшатнулся.

— Так это вы, господин Стекланный Человечек! — в ужасе прошептал он. — Ну, да что сделано, того уж не воротишь. Но я надеюсь, по крайней мере, что вы не донесете на меня в суд...

— В суд? — Стекланный Человечек горько усмехнулся. — Нет, я слишком хорошо знаю твоих приятелей — судейских... Кто мог продать свое сердце, тот и совесть продаст не задумавшись. Я сам буду судить тебя!..

От этих слов в глаза у Петера потемнело.

— Не себе меня судить, старый скряга! — закричал он, потрясая кулаками. — Это ты погубил меня! Да, да, ты, и никто другой! По твоей милости пошел я на поклон к Михелю-Голландцу. И теперь ты сам должен держать ответ передо мной, а не я перед тобой!..

И он вне себя замахнулся кнутом. Но рука его так и застыла в воздухе.

На глазах у него Стекланный Человечек вдруг стал расти. Он

рос все больше, больше, пока не заслонил дом, деревья, даже солнце. Глаза его метали искры и были ярче самого яркого пламени. Ондохнул — и палящий жар пронизал Петера насквозь, так что даже его каменное сердце согрелось и дрогнуло, как будто снова забилося. Нет, никогда даже Михель-Великан не казался ему таким страшным!

Петер упал на землю и закрыл голову руками, чтобы защититься от мести разгневанного Стеклянного Человечка, но вдруг почувствовал, что огромная рука, цепкая, словно когти коршуна, схватила его, подняла высоко в воздух и, завертев, как ветер крутит сухую былинку, швырнула оземь.

— Жалкий червяк!.. — загредел над ним громовой голос. — Я мог бы на месте испепелить тебя! Но, так и быть, ради этой бедной, кроткой женщины дарю тебе еще семь дней жизни. Если за эти дни ты не расскаешься — берегись!..

Точно огненный вихрь промчался над Петером — и все стихло.

Вечером люди, проходившие мимо, увидели Петера лежащим на земле у порога своего дома.

Он был бледен как мервец, сердце у него не билось, и соседи уже решили, что он умер (ведь они-то не знали, что сердце его не бьется, потому что оно каменное). Но тут кто-то заметил, что Петер еще дышит. Принесли воды, смочили ему лоб, и он очнулся...

— Лизбет!.. Где Лизбет? — спросил он хриплым шепотом.

Но никто не знал, где она.

Он поблагодарил людей за помощь и вошел в дом. Лизбет не было и там.

Петер совсем растерялся. Что же это значит? Куда она исчезла? Живая или мертвая, она должна быть здесь.

Так прошло несколько дней. С утра до ночи бродил он по дому, не зная, за что взяться. А ночью, стоило ему только закрыть глаза, его будил тихий голос:

— Петер, достань себе горячее сердце! Достань себе горячее сердце, Петер!..

Это был голос Лизбет. Он вскакивал, озираясь по сторонам, но ее нигде не было.

Соседям он сказал, что жена поехала на несколько дней навестить отца. Ему, конечно, поверили. Но ведь рано или поздно они узнают, что это неправда. Что сказать тогда? А дни, отпущенные ему, для того чтобы он раскаялся, все шли и шли, и час расплаты приближался. Но как он мог раскаяться, когда

его каменное сердце не знало раскаяния? Ах, если бы в самом деле он мог добыть себе сердце погорячей!

И вот, когда седьмой день был уже на исходе, Петер решил-ся. Он надел праздничный камзол, шляпу, вскочил на коня и поскакал к Еловой горе.

Там, где начинался частый ельник, он спешился, привязал лошадь к дереву, а сам, цепляясь за колючие ветки, полез наверх.

Около большой ели он остановился, снял шляпу и, с трудом припоминая слова, медленно проговорил:

*Под косматой елью,
В темном подземелье,
Где рождается родник, —
Меж корней живет старик.
Он неслышанно богат,
Он хранит заветный клад.
Кто родился в день воскресный,
Получает клад чудесный.*

И Стекланный Человечек появился. Но теперь он был весь в черном: кафтанчик из черного матового стекла, черные панталоны, черные чулки... Черная хрустальная лента обвивала его шляпу.

Он едва взглянул на Петера и спросил безучастным голосом:

— Что тебе надо от меня, Петер Мунк?

— У меня осталось еще одно желание, господин Стекланный Человечек, — сказал Петер, не смея поднять глаза. — Я хотел бы, чтобы вы его исполнили.

— Разве у каменного сердца могут быть желания! — ответил Стекланный Человечек. — У тебя уже есть все, что нужно таким людям, как ты. А если тебе еще чего-нибудь не хватает, проси у своего друга Михеля. Я вряд ли смогу тебе помочь.

— Но ведь вы сами обещали мне исполнить три желания. Одно еще остается за мной!..

— Я обещал исполнить третье твое желание, только если оно не будет безрассудным. Ну говори, что ты там еще придумал?

— Я хотел бы... Я хотел бы... — начал прерывающимся голосом Петер. — Господин Стекланный Человечек! Выньте из моей груди этот мертвый камень и дайте мне мое живое сердце.

— Да разве ты со мной заключил эту сделку? — сказал

Стеклянный Человечек. — Разве я Михель-Голландец, который раздаст золотые монеты и каменные сердца? Ступай к нему, проси у него свое сердце!

Петер грустно покачал головой:

— Ах, он ни за что не отдаст мне его.

Стеклянный Человечек помолчал с минуту, потом вынул из кармана свою стеклянную трубку и закурил.

— Да, — сказал он, пуская кольца дыма, — конечно, он не захочет отдать тебе твое сердце... И хотя ты очень виноват перед людьми, передо мной и перед собой, но желание твое не так уж глупо. Я помогу тебе. Слушай: силой ты от Михеля ничего не добьешься. Но перехитрить его не так уж трудно, хоть он и считает себя умнее всех на свете. Нагнись ко мне, я скажу, как выманить у него твое сердце.

И Стеклянный Человечек сказал Петеру на ухо все, что надо делать.

— Запомни же, — добавил он на прощание, — если в груди у тебя будет опять живое, горячее сердце и если перед опасностью оно не дрогнет и будет тверже каменного, никто не одолеет тебя, даже сам Михель-Великан. А теперь ступай и возвращайся ко мне с живым, бьющимся, как у всех людей, сердцем. Или совсем не возвращайся.

Так сказал Стеклянный Человечек и скрылся под корнями ели, а Петер быстрыми шагами направился к ущелью, где жил Михель-Великан.

Он трижды окликнул его по имени, и великан явился.

— Что, жену убил? — сказал он, смеясь. — Ну и ладно, поделом ей! Зачем не берегла мужнино добро! Только, пожалуй, приятель, тебе придется на время уехать из наших краев, а то заметят добрые соседи, что она пропала, поднимут шум, начнутся всякие разговоры... Не оберешься хлопот. Тебе, верно, деньги нужны?

— Да, — сказал Петер, — и на этот раз побольше. Ведь до Америки далеко.

— Ну, за деньгами дело не станет, — сказал Михель и повел Петера к себе в дом.

Он открыл сундук, стоявший в углу, вытащил несколько больших свертков золотых монет и, разложив их на столе, стал пересчитывать.

Петер стоял рядом и ссыпал в мешок сосчитанные монеты.

— А какой ты все-таки ловкий обманщик, Михель! — сказал он, хитро поглядев на великана. — Ведь я было совсем поверил, что ты вынул мое сердце и положил вместо него камень.

— То есть как это так? — сказал Михель и даже раскрыл рот от удивления. — Ты сомневаешься в том, что у тебя каменное сердце? Что же, оно у тебя бьется, замирает? Или, может быть, ты чувствуешь страх, горе, раскаяние?

— Да, немного, — сказал Петер. — Я прекрасно понимаю, приятель, что ты его попросту заморозил, и теперь оно понемногу оттаивает... Да и как ты мог, не причинив мне ни малейшего вреда, вынуть у меня сердце и заменить его каменным? Для этого надо быть настоящим волшебником!..

— Но уверяю тебя, — закричал Михель, — что я это сделал! Вместо сердца у тебя самый настоящий камень, а настоящее твое сердце лежит в стеклянной банке, рядом с сердцем Иезекиила Толстого. Если хочешь, можешь посмотреть сам.

Петер засмеялся.

— Есть на что смотреть! — сказал он небрежно. — Когда я путешествовал по чужим странам, я видел много диковин и почище твоих. Сердца, которые лежат у тебя в стеклянных банках, сделаны из воска. Мне случалось видеть даже восковых людей, не то что сердца! Нет, что там ни говори, а колдовать ты не умеешь!..

Михель встал и с грохотом отбросил стул.

— Иди сюда! — крикнул он, распахивая дверь в соседнюю комнату. — Смотри, что тут написано! Вот здесь — на этой банке! «Сердце Петера Мунка»! Приложи ухо к стеклу — послушай, как оно бьется. Разве восковое может так биться и трепетать?

— Конечно, может. Восковые люди на ярмарках ходят и говорят. У них внутри есть какая-то пружинка.

— Пружинка? А вот ты у меня сейчас узнаешь, что это за пружинка! Дурак! Не умеет отличить восковое сердце от своего собственного!..

Михель сорвал с Петера камзол, вытащил у него из груди камень и, не говоря ни слова, показал его Петеру. Потом он вытащил из банки сердце, подышал на него и осторожно положил туда, где ему и следовало быть.

В груди у Петера стало горячо, весело, и кровь быстрее побежала по жилам.

Он невольно приложил руку к сердцу, слушая его радостный стук.

Михель поглядел на него с торжеством.

— Ну, кто был прав? — спросил он.

— Ты, — сказал Петер. — Вот уж не думал, признаться, что ты такой колдун!

— То-то же!.. — ответил Михель, самодовольно ухмыляясь. — Ну, теперь давай — я положу его на место.

— Оно и так на месте! — сказал Петер спокойно. — На этот раз ты остался в дураках, господин Михель, хоть ты и великий колдун. Я больше не отдам тебе моего сердца.

— Оно уже не твое! — закричал Михель. — Я купил его. Отдавай сейчас же мое сердце, жалкий воришка, не то я раздавлю тебя на месте!

И, стиснув свой огромный кулак, он занес его над Петером. Но Петер даже головы не нагнул. Он поглядел Михелю прямо в глаза и твердо сказал:

— Не отдам!

Должно быть, Михель не ожидал такого ответа. Он отшатнулся от Петера, словно споткнулся на бегу. А сердца в банках застучали так громко, как стучат в мастерской часы, вынутые из своих оправ и футляров.

Михель обвел их своим холодным, мертвящим взглядом — и они сразу притихли.

Тогда он перевел взгляд на Петера и сказал тихо:

— Вот ты какой! Ну полно, полно, нечего корчить из себя храбреца. Уж кто-кто, а я-то знаю твое сердце, в руках держал... Жалкое сердечко — мягкое, слабенькое... Дрожит небось со страху... Давай-ка его сюда, в банке ему будет спокойнее.

— Не дам! — еще громче сказал Петер.

— Посмотрим!

И вдруг на том месте, где только что стоял Михель, появилась огромная скользкая зеленовато-бурая змея. В одно мгновение она обвилась кольцами вокруг Петера и, сдавив его грудь, словно железным обручем, заглянула ему в глаза холодными глазами Михеля.

— Отдаш-ш-шь? — прошипела змея.

— Не отдам! — сказал Петер.

В ту же секунду кольца, сжимавшие его, распались, змея исчезла, а из-под земли дымными языками вырвалось пламя и со всех сторон окружило Петера.

Огненные языки лизали его одежду, руки, лицо...

— Отдашь, отдашь?.. — шумело пламя.

— Нет! — сказал Петер.

Он почти задохнулся от нестерпимого жара и серного дыма, но сердце его было твердо.

Пламя сникло, и потоки воды, бурля и бушующая, обрушились на Петера со всех сторон.

В шуме воды слышались те же слова, что и в шипении змеи, и в свисте пламени: «Отдашь? Отдашь?»

С каждой минутой вода подымалась все выше и выше. Вот уже она подступила к самому горлу Петера...

— Отдашь?

— Не отдам! — сказал Петер.

Сердце его было тверже каменного.

Вода пенистым гребнем встала перед его глазами, и он чуть было не захлебнулся.

Но тут какая-то невидимая сила подхватила Петера, подняла над водой и вынесла из ущелья.

Он и очнуться не успел, как уже стоял по ту сторону канавы, которая разделяла владения Михеля-Великана и Стеклянного Человечка.

Но Михель-Великан еще не сдался. Вдогонку Петеру он послал бурю.

Как подкошенные травы, валились столетние сосны и ели. Молнии раскалывали небо и падали на землю, словно огненные стрелы. Одна упала справа от Петера, в двух шагах от него, другая — слева, еще ближе.

Петер невольно закрыл глаза и ухватился за ствол дерева.

— Грози, грози! — крикнул он, с трудом переводя дух. — Сердце мое у меня, и я его тебе не отдам!

И вдруг все разом стихло. Петер поднял голову и открыл глаза.

Михель неподвижно стоял у границы своих владений. Руки у него опустились, ноги словно вросли в землю. Видно было, что волшебная сила покинула его. Это был уже не прежний великан, повелевающий землей, водой, огнем и воздухом, а дряхлый, сгорбленный старик в ветхой одежде плотогона. Он оперся на свой багор, как на костыль, вобрал голову в плечи, съежился...

С каждой минутой на глазах у Петера Михель становился все меньше и меньше. Вот он стал тише воды, ниже травы и наконец совсем прижался к земле. Только по шелесту и колебанию стебельков можно было заметить, как он уполз червяком в свое логово.

... Петер еще долго смотрел ему вслед, а потом медленно побрел на вершину горы к старой ели.

Сердце у него в груди билось, радуясь тому, что оно опять может биться.

Но чем дальше он шел, тем печальнее становилось у него на

душе. Он вспомнил все, что с ним случилось за эти годы, — вспомнил старуху мать, которая приходила к нему за жалким подаванием, вспомнил бедняков, которых травил собаками, вспомнил Лизбет... И горькие слезы покатались у него из глаз.

Когда он подошел к старой ели, Стекланный Человечек сидел на мшистой кочке под ветвями и курил свою трубочку.

Он посмотрел на Петера ясными, прозрачными, как стекло, глазами и сказал:

— О чем ты плачешь, угольщик Мунк? Разве ты не рад, что в груди у тебя опять бьется живое сердце?

— Ах, оно не бьется, оно разрывается на части, — сказал Петер. — Лучше бы мне не жить на свете, чем помнить, как я жил до сих пор. Матушка никогда не простит меня, а у бедной Лизбет я даже не могу попросить прощения. Лучше убейте меня, господин Стекланный Человечек, — по крайней мере, этой постыдной жизни наступит конец. Вот оно, мое последнее желание!

— Хорошо, — сказал Стекланный Человечек. — Если ты этого хочешь, пусть будет по-твоему. Сейчас я принесу топор.

Он неторопливо выколотил трубочку и спрятал ее в карман. Потом встал и, приподняв мохнатые колючие ветви, исчез где-то за елью.

А Петер, плача, опустился на траву. О жизни он нисколько не жалел и терпеливо ждал своей последней минуты.

И вот за спиной у него раздался легкий шорох.

«Идет! — подумал Петер. — Сейчас всему конец!»

И, закрыв лицо руками, он еще ниже склонил голову.

— Петер Мунк! — услышал он голос Стекланного Человечка, тонкий и звонкий, как хрусталь. — Петер Мунк! Оглянись вокруг в последний раз.

Петер поднял голову и невольно вскрикнул. Перед ним стояли его мать и жена.

— Лизбет, ты жива! — закричал Петер, задыхаясь от радости. — Матушка! И вы тут!.. Как мне вымолить у вас прощение?!

— Они уже простили тебя, Петер, — сказал Стекланный Человечек. — Да, простили, потому что ты раскаялся от всего сердца. А ведь оно у тебя теперь не каменное. Воротись домой и будь по-прежнему угольщиком. Если ты станешь уважать свое ремесло, то и люди будут уважать тебя, и всякий с радостью пожмет твою почерневшую от угля, но чистую руку, даже если у тебя не будет бочек с золотом.

С этими словами Стекланный Человечек исчез.

А Петер с женой и матерью пошел домой.

От богатой усадьбы господина Петера Мунка не осталось и следа. Во время последней бури молния ударила прямо в дом и сожгла его дотла. Но Петер нисколько не жалел о своем потерянном богатстве.

До старой отцовской хижины было недалеко, и он весело зашагал туда, вспоминая то славное время, когда был беспечным и веселым угольщиком...

Как же удивился он, когда увидел вместо бедной, покривившейся хижины новый красивый домик. В палисаднике цвели цветы, на окошках белели накрахмаленные занавески, а внутри все было так прибрано, словно кто-то поджидал хозяев. В печке весело потрескивал огонь, стол был накрыт, а на полках вдоль стен переливалась всеми цветами радуги разноцветная стеклянная посуда.

— Это все подарил нам Стекланный Человечек! — воскликнул Петер.

И началась новая жизнь в новом домике. С утра до вечера Петер работал у своих угольных ям и возвращался домой усталый, но веселый — он знал, что дома его ждут с радостью и нетерпением.

За карточным столом и перед трактирной стойкой его больше никогда не видели. Но свои воскресные вечера он проводил теперь веселее, чем раньше. Двери его дома были широко открыты для гостей, и соседи охотно заходили в дом угольщика Мунка, потому что их встречали хозяйки, гостеприимные и приветливые, и хозяин, добродушный, всегда готовый порадоваться с приятелем его радости или помочь ему в беде.

А через год в новом домике произошло большое событие: у Петера и Лизбет родился сын, маленький Петер Мунк.

— Кого ты хочешь позвать в крестные отцы? — спросила у Петера старуха мать.

Петер ничего не ответил. Он смыл угольную пыль с лица и рук, надел праздничный кафтан, взял праздничную шляпу и пошел на Еловую гору. Возле знакомой старой ели он остановился и, низко кланяясь, произнес заветные слова:

*Под косматой елью,
В темном подземелье...*

Он ни разу не сбился, ничего не забыл и сказал все слова как надо, по порядку, от первого до последнего.

Но Стекланный Человечек не показывался.

— Господин Стекланный Человечек! — закричал Петер. — Мне ничего не надо от вас, я ни о чем не прошу и пришел сюда только для того, чтобы позвать вас в крестные отцы к моему новорожденному сыночку!.. Слышите вы меня, господин Стекланный Человечек?

Но кругом все было тихо. Стекланный Человечек не отозвался и тут.

Только легкий ветер пробежал по верхушкам елей и сбросил к ногам Петра несколько шишек.

— Ну что ж, возьму на память хоть эти еловые шишки, если уж хозяин Еловой горы не хочет больше показываться, — сказал сам себе Петер и, поклонившись на прощание большой ели, пошел домой.

Вечером старая матушка Мунк, убирая в шкаф праздничный кафтан сына, заметила, что карманы его чем-то набиты. Она вывернула их, и оттуда выпало несколько больших еловых шишек.

Ударившись об пол, шишки рассыпались, и все их чешуйки превратились в новенькие блестящие талеры, среди которых не оказалось ни одного фальшивого.

Это был подарок Стекланного Человечка маленькому Петеру Мунку.

Еще много лет в мире и согласии прожила на свете семья угольщика Мунка. Маленький Петер вырос, большой Петер состарился.

И когда молодежь окружала старика и просила его рассказать что-нибудь о прошлых днях, он рассказывал им эту историю и всегда кончал ее так:

— Знал я на своем веку и богатство и бедность. Беден я был, когда был богат, богат — когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью — да зато сердце человечесье.

ОСКАР УАЙЛЬД

МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА

Как-то раз двое бедных Лесорубов возвращались домой, пробираясь через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, стоял лютый мороз. И на земле и на деревьях лежал толстый снежный покров, и когда Лесорубы пробирались сквозь

чащу, маленькие обледеневшие веточки обламывались от их движений, а когда они приблизились к Горному Водопаду, то увидели, что он неподвижно застыл в воздухе, потому что его поцеловала Королева Льда.

Мороз был так лют, что даже звери и птицы совсем растерялись от неожиданности.

— Уф! — проворчал Волк и запрыгал между кустами, поджав хвост. — Какая чудовищная погода! Не понимаю, куда смотрит правительство.

— Фью! Фью! Фью! — просвиристели зеленые Коноплянки. — Старушка Земля умерла, и ее одели в белый саван.

— Земля готовится к свадьбе, а это ее подвенечный наряд, — прошептали друг другу Горлилки. Их маленькие розовые ножки совершенно окоченели от холода, но они считали своим долгом придерживаться романтического взгляда на мир.

— Вздор! — проворчал Волк. — Говорю вам, что во всем виновато правительство, а если вы мне не верите, я вас съем. — Волк обладал очень трезвым умом и в споре никогда не лез за словом в карман.

— Ну, что касается меня, — сказал Дятел, который был прирожденным философом, — я не нуждаюсь в физических законах для объяснения явлений. Если вещь такова сама по себе, то она сама по себе такова, а сейчас адски холодно.

Холод в самом деле был адский. Маленькие Белочки, жившие в дупле высокой ели, все время терли друг другу носы, чтобы хоть немного согреться, а Кролики съжились в комочек в своих норках и не смели выглянуть наружу. И только большие рогатые Совы — одни среди всех живых существ — были, по-видимому, довольны. Их перья так обледенели, что стали совсем твердыми, но это их нисколько не смущало, они таращили свои огромные желтые глаза и перекликались друг с другом через весь лес:

— У-уу! У-уу! У-уу! У-уу! Какая нынче восхитительная погода!

А двое Лесорубов все шли и шли через бор, ожесточенно дуя на замерзшие пальцы и топая по обледенелому снегу тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Один раз они провалились в глубокий, занесенный снегом овраг и вылезли оттуда белые, как мукомолы, когда те стоят у крутящихся жерновов; а в другой раз они поскользнулись на твердом гладком льду замерзшего болота, вязанки хвороста у них рассыпались, и пришлось им собирать их и заново увязывать; а еще как-то им почуди-

лось, что они заблудились, и на них напал великий страх, ибо им было известно, что Снежная Дева беспощадна к тем, кто засыпает в ее объятиях. Но они возложили свои надежды на заступничество Святого Мартина, который благопритствует всем путешественникам, и вернулись немного обратно по своим следам, а дальше шли с большей осмотрительностью и в конце концов вышли на опушку и увидели далеко внизу в долине огни своего селения.

Они очень обрадовались, что выбрались наконец из леса, и громко рассмеялись, а долина показалась им серебряным цветком и Луна над ней — цветком золотым.

Но, посмеявшись, они снова стали печальны, потому что вспомнили про свою бедность, и один из них сказал другому:

— С чего это мы так развеселились? Ведь жизнь хороша только для богатых, а не для таких, как мы с тобой. Лучше бы нам замерзнуть в бору или стать добычей диких зверей.

— Ты прав, — отвечал его товарищ. — Одним дано очень много, а другим — совсем мало. В мире царит несправедливость, и благами она одаряет лишь немногих, а вот горе отмеряет щедрой рукой.

Но пока они сетовали так на свою горькую долю, произошло нечто удивительное и странное. Прекрасная, необычайно яркая звезда упала с неба. Она покатилась по небосводу меж других звезд, и когда изумленные Лесорубы проводили ее взглядом, им показалось, что она упала за старыми ветлами возле небольшой овчарни, неподалеку от того места, где они стояли.

— Слушай! Да ведь это же кусок золота, надо его разыскать! — разом закричали оба и тут же припустились бежать — такая жажда золота их обуяла.

Но один из них бежал быстрее другого, перегнал своего товарища, пробрался между ветлами... И что же он увидел? На белом снегу и вправду лежало что-то, сверкающее, как золото. Лесоруб подбежал, наклонился, поднял этот предмет с земли и увидел, что он держит в руках плащ из золотой ткани, причудливо расшитый звездами и ниспадающий пышными складками. И он крикнул своему товарищу, что нашел сокровище, упавшее с неба, и тот поспешил к нему, и они опустились на снег и расправили складки плаща, чтобы достать оттуда золото и разделить его между собой. Но увы! В складках плаща они не обнаружили ни золота, ни серебра, ни других сокровищ, а увидели только спящее дитя. И один Лесоруб сказал другому:

— Все наши надежды пошли прахом, нет нам с тобой удачи! Ну какая польза человеку от ребенка? Давай оставим его здесь и пойдем своим путем, ведь мы люди бедные, у нас и своих детей хватает, и мы не можем отнимать у них хлеб, чтобы отдавать его другим.

Но второй Лесоруб отвечал так:

— Нет, нельзя совершить такое злое дело — оставить это дитя замерзать тут на снегу, и хоть я не богаче тебя и у меня еще больше ртов просит хлеба, а в горшках тоже не густо, все равно я отнесу этого ребенка к себе домой, и моя жена позаботится о нем.

И он осторожно поднял ребенка, завернул его в плащ, чтобы защитит от жгучего мороза, и зашагал вниз с холма к своему селению, а его товарищ очень подивился про себя такой его глупости и мягкосердечию.

А когда они пришли в селение, его товарищ сказал:

— Ты взял себе ребенка, так отдай мне плащ, ты же должен поделиться со мной находкой.

Но тот отвечал ему:

— Нет, не отдам, потому что этот плащ не твой и не мой, а принадлежит только ребенку, — и, пожелав ему доброго здоровья, подошел к своему дому и постучал в дверь.

Когда жена отворила дверь и увидела, что это ее муженек возвратился домой целый и невредимый, она обвила руками его шею, и поцеловала его, и сняла с его спины вязанку хвороста, и отряхнула снег с его сапог, и пригласила его войти в дом.

Но Лесоруб сказал жене:

— Я нашел кое-что в лесу и принес тебе, чтобы ты позаботилась о нем. — И он не переступил порога.

— Что же это такое? — воскликнула жена. — Покажи скорее, ведь у нас в доме пусто, и мы во многом нуждаемся.

И тогда он распахнул плащ и показал ей спящее дитя.

— Увы мне! — горестно прошептала жена. — Разве у нас нет собственных детей, что тебе, хозяин, понадобилось сажать к нашему очагу подкидыша? А может, он принесет нам несчастье? И кто его знает, как надо за ним ухаживать? — И она очень рассердилась на мужа.

— Да ты послушай, ведь это Дитя-звезда, — отвечал муж и рассказал жене удивительную историю о том, как он нашел этого ребенка.

Но это ее не успокоило, и она начала насмехаться над ним и бранить его:

— Наши дети сидят без хлеба, а мы будем кормить чужого ребенка? А о нас кто позаботится? Нам кто даст поесть?

— Но ведь господь заботится даже о воробьях и дает им пропитание, — отвечал муж.

— А мало воробьев погибает от голода зимой? — спросила жена. — И разве сейчас не зима?

На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поежилась и сказала мужу:

— Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студеный ветер, я совсем замерзла.

— В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа, — сказал муж.

И жена не ответила ему ничего, только ближе пододвинулась к огню.

Но прошло еще немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и ее глаза были полны слез. И тогда он быстро вошел в дом и положил ребенка ей на колени. А она, поцеловав ребенка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребенка янтарное ожерелье и тоже спрятала.

Итак, Дитя-звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился все красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были как лепестки нарцисса, а губы — как лепестки алой розы, и глаза — как фиалки, отраженные в прозрачной воде ручья. И он был строен, как цветок, выросший в густой траве, где не ступала нога косца.

Но красота его принесла ему только зло, ибо он вырос себялюбивым, гордым и жестоким. На детей Лесоруба, да и на всех прочих детей в селении он смотрел сверху вниз, потому что, говорил он, все они низкого происхождения, в то время как он — знатного рода, ибо происходит от Звезды. И он помыкал детьми и называл их своими слугами. Он не испытывал сострадания к беднякам или к слепым, недужным и увеч-

ным, он швырял в них камнями и прогонял их из селения на проезжую дорогу и кричал им, чтобы они шли побираться в другое место, после чего ни один из нищих, кроме каких-нибудь самых отчаявшихся, не осмеливался вторично прийти в это селение за милостыней. И он был точно околдован своей красотой и издевался над всеми, кто был жалок и безобразен, и выставлял их на посмешище. Себя же он очень любил и летом в безветренную погоду часто лежал у водоема в фруктовом саду священника и глядел на свое дивное отражение, и смеялся от радости, любуясь своей красотой.

Лесоруб и его жена не раз бранили его, говоря:

— Мы-то ведь не так поступили с тобой, как поступаешь ты с этими несчастными, обездоленными судьбой, у которых нет ни одной близкой души на свете. Почему ты так жесток к тем, кто нуждается в участии?

Но Мальчик-звезда не внимал их словам, только хмурился и усмеялся презрительно, а потом бежал к своим сверстникам и помыкал ими как хотел. И его сверстники слушались его, потому что он был красив, быстроног и умел плясать, и петь, и наигрывать на свирели. И куда бы Мальчик-звезда ни повел их, они следовали за ним, и что бы он ни приказал им сделать, они ему повиновались. И когда он проткнул острой тростинкой подслеповатые глаза крота, они смеялись, и когда он швырял камнями в прокаженного, они смеялись тоже. Всегда и во всем Мальчик-звезда был их вожакom, и они стали столь же жестокосердны, как и он.

И вот как-то раз через селение проходила одна несчастная нищенка. Одежда ее была в лохмотьях, босые ноги, израненные об острые камни дороги, все в крови — словом, была она с самым бедственным состоянием. Изнемогая от усталости, она присела отдохнуть под каштаном.

Но тут увидел ее Мальчик-звезда и сказал своим товарищам:

— Гляньте! Под прекрасным зеленолистым деревом сидит отвратительная грязная нищенка. Пойдем прогоним ее, потому что она противна и безобразна.

И с этими словами он подошел к ней поближе и начал швырять в нее камнями и насмехаться над ней, а она поглядела на него, и в глазах ее отразился ужас, и она не могла отвести от него взгляда. Но тут Лесоруб, который стругал жерди под навесом, увидел, что делает Мальчик-звезда, подбежал к нему и стал его корить, говоря:

— Воистину у тебя каменное сердце, и жалость тебе неведома. Что сделала тебе эта бедная женщина, почему ты гонишь ее отсюда?

Тогда Мальчик-звезда покраснел от злости и сказал:

— А кто ты такой, чтобы спрашивать меня, почему я так поступаю? Я тебе не сын и не обязан тебя слушаться.

— Это верно, — отвечал Лесоруб, — однако я пожалел тебя, когда нашел в лесу.

И тут нищая, услышав эти слова, громко вскрикнула и упала без чувств. Тогда Лесоруб поднял ее и отнес к себе в дом, а его жена принялась ухаживать за ней. И когда женщина очнулась, Лесоруб и его жена поставили перед ней еду и питье и сказали, что они рады предоставить ей кров.

Но женщина не хотела ни есть, ни пить и спросила Лесоруба:

— Правду ли ты сказал, что нашел этого мальчика в лесу? И с того дня минуло десять лет, не так ли?

И Лесоруб ответил:

— Да, так оно и было, я нашел его в лесу, и с того дня минуло уже десять лет.

— А не нашел ли ты вместе с ним еще чего-нибудь? — воскликнула женщина. — Не было ли у него на шее янтарного ожерелья? И не был ли он закутан в золотой плащ, расшитый звездами?

— Все верно, — отвечал Лесоруб. И он вынул плащ и янтарное ожерелье из сундука и показал их женщине.

И когда женщина увидела эти вещи, она расплакалась от радости и сказала:

— Этот ребенок — мой маленький сын, которого я потеряла в лесу. Прошу тебя, пошли за ним скорее, ведь в поисках его я обошла всю землю.

И Лесоруб с женой вышли из дома и стали звать Мальчика-звезду и сказали ему:

— Войди в дом, там ты найдешь свою мать, которая ждет тебя.

И Мальчик-звезда, исполненный радости и изумления, вбежал в дом. Но когда он увидел ту, что ждала его там, он презрительно рассмеялся и сказал:

— Ну, а где же моя мать? Я не вижу здесь никого, кроме этой противной нищенки.

И женщина ответила ему:

— Я — твоя мать.

— Ты, должно быть, лишилась рассудка! — гневно вскричал Мальчик-звезда. — Я не твой сын, ведь ты же нищенка, ты уродлива и одета в лохмотья. Ну-ка убирайся отсюда, чтоб я не видел больше твоего мерзкого лица!

— Но ведь ты же в самом деле мой маленький сынок, которого я родила в лесу! — вскричала женщина и, упав перед ним на колени, простерла к нему руки. — Разбойники украли тебя и оставили погибать в лесу... — плача, проговорила она. — Но я сразу узнала тебя, как только увидела, и узнала вещи, по которым тебя можно опознать, — золотой плащ и янтарное ожерелье. И я молю тебя: пойдем со мной, ведь, разыскивая тебя, я обошла весь свет. Пойдем со мной, мой сын, потому что я нуждаюсь в твоей любви.

Но Мальчик-звезда не шевельнулся; он наглухо затворил свое сердце, чтобы ее жалобы не могли туда проникнуть, и в наступившей тишине слышны были только горестные стенания женщины.

Наконец Мальчик-звезда заговорил, и его голос звучал холодно и презрительно.

— Если это правда, что ты моя мать, — сказал он, — лучше бы тебе не приходить сюда и не позорить меня, ведь я думал, что моей матерью была Звезда, а не какая-то нищенка, как ты говоришь мне. Поэтому убирайся отсюда, чтобы я никогда тебя больше видел.

— Увы, сын мой! — вскричала женщина. — Неужели ты не поцелуешь меня на прощание? Ведь я столько претерпела мук, чтобы найти тебя!

— Нет, — сказал Мальчик-звезда, — ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя.

Тогда женщина встала и, горько рыдая, скрылась в лесу, а Мальчик-звезда, увидав, что она ушла, очень обрадовался и побежал играть со своими товарищами.

Но те, поглядев на него, начали смеяться над ним и сказали:

— Да ведь ты мерзок, как жаба, и отвратителен, как гадюка. Убирайся отсюда, мы не хотим, чтобы ты играл с нами! — И они выгнали его из сада.

Тогда Мальчик-звезда задумался и сказал себе:

— Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив.

И он пошел к водоему и поглядел в него, но что же он увидел!

Лицом он стал похож на жабу, а тело его покрылось чешуей, как у гадюки. И он бросился ничком на траву, и заплакал, и сказал:

— Не иначе, как это мне наказание за мой грех. Ведь я отрекся от моей матери и прогнал ее, я возгордился перед ней и был с ней жесток. Теперь я должен отправиться на поиски и обойти весь свет, пока не найду ее. А до тех пор не будет мне ни отдыха, ни покоя.

Тут подошла к нему маленькая дочка Лесоруба, и положила ему руку на плечо, и сказала:

— Это еще не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя.

Но он сказал ей:

— Нет, я был жесток к моей матери, в наказание мне и случилось это несчастье. Поэтому я должен уйти отсюда и бродить по свету, пока не найду своей матери и не вымолю у нее прощения.

И он побежал в лес и начал громко призывать свою мать, прося ее вернуться к нему, но не услышал ответа. Весь день он звал ее, а когда солнце закатилось, прилег на груду листьев и уснул, и все птицы и звери оставили его, потому что знали, как жестоко он поступил, и только жаба разделяла его одиночество и охраняла его сон да гадюка медленно проползла мимо.

А наутро он встал, сорвал несколько кислых ягод с дерева, съел их и побрел через дремучий лес, горько плача. У всех, кто бы ни повстречался ему на пути, он спрашивал, не видали ли они его матери.

Он спросил Крота:

— Ты роешь свои ходы под землей. Скажи, не видал ли ты моей матери?

Но Крот отвечал:

— Ты выколот мне глаза, как же я мог ее увидеть?

Тогда он спросил у Коноплянки:

— Ты взлетаешь выше самых высоких деревьев и можешь видеть оттуда весь мир. Скажи, не видала ли ты моей матери?

Но Коноплянка отвечала:

— Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать?

И маленькую Белочку, которая жила в дупле ели оди-
одинешенька, он спросил:

— Где моя мать?

И Белочка отвечала:

— Ты убил мою мать: может быть, ты разыскиваешь свою, чтобы убить ее тоже?

И Мальчик-звезда опустил голову, и заплакал, и стал просить прощения у всех божьих тварей, и углубился дальше в лес, продолжая свои поиски. А на третий день, пройдя через весь лес, он вышел на опушку и спустился в долину.

И когда он проходил через селение, дети дразнили его и бросали в него камнями, и крестьяне не позволяли ему даже соснуть в амбаре, боясь, что от него может сесть плесень на зерно, ибо он был очень гадок с виду, и приказывали работникам прогнать его прочь, и ни одна душа не сжалась над ним. И нигде не мог он ничего узнать о нищенке, которая была его матерью, хотя вот уже три года бродил он по свету, и не раз казалось ему, что он видит ее впереди на дороге, и тогда он принимался звать ее и бежал за ней, хотя острый щебень ранил его ступни и из них сочилась кровь. Но он не мог ее догнать, а те, кто жил поблизости, утверждали, что они не видели ни ее, ни кого-нибудь похожего с виду, и потешались над его горем.

Три полных года бродил он по свету и нигде никогда не встречал ни любви, ни сострадания, ни милосердия; весь мир обошелся с ним так же, как поступал он сам в дни своей гордыни.

И вот однажды вечером он подошел к городу, расположенному на берегу реки и обнесенному высокой крепостной стеной, и приблизился к воротам. Хотя он очень устал и натрудил ноги, все же он хотел войти в город. Но воины, стоявшие у ворот на страже, скрестили свои алебарды и грубо крикнули ему:

— Что нужно тебе в нашем городе?

— Я разыскиваю мою мать, — отвечал он, — и молю вас, дозвоьте мне войти в город, ведь может случиться, что она там.

Но они стали насмехаться над ним, и один из них, тряся черной бородой, поставил перед ним свой щит и закричал:

— Воистину твоя мать возрадуется, увидев тебя, ведь ты безобразней, чем жаба в болоте или гадюка, выползшая из топи! Убирайся отсюда! Убирайся! Твоей матери нет в нашем городе.

А другой, тот, что держал в руке желтый стяг на древке, сказал ему:

— Кто твоя мать и почему ты разыскиваешь ее?

И он отвечал:

— Моя мать живет подаянием, так же как и я, и я обошелся с ней очень дурно и молю тебя: дозвожь мне пройти, чтобы я мог испросить у нее прощения, если она живет в этом городе.

Но они не захотели его пропустить и стали колоть своими пиками.

А когда он с плачем повернул обратно, некто в кольчуге, разукрашенной золотыми цветами, и в шлеме с гребнем в виде крылатого льва приблизился к воротам и спросил воинов, кто тут просил дозволения войти в город. И воины отвечали ему:

— Это нищий и сын нищенки, и мы прогнали его прочь.

— Ну и зря, — рассмеявшись, сказал тот, — мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина.

А в это время мимо проходил какой-то страшный и злой с виду старик и, услышав эти слова, сказал:

— Я заплачу за него эту цену, — и, заплатив ее, взял Мальчика-звезду за руку и повел в город.

Они прошли много улиц и подошли наконец к маленькой калитке в стене, затененной большим гранатовым деревом. И старик коснулся калитки яшмовым перстнем, и она отворилась, и они спустились по пяти бронзовым ступеням в сад, где цвели черные маки и стояли зеленые глиняные кувшины. И тогда старик вынул из своего тюрбана узорчатый шелковый шарф, и завязал им глаза Мальчику-звезде, и повел его куда-то, толкая перед собой. А когда он снял повязку с его глаз, Мальчик-звезда увидел, что он находится в темнице, которая освещалась фонарем, повешенным на крюк.

И старик положил перед ним на деревянный лоток ломоть заплесневелого хлеба и сказал:

— Ешь.

И поставил перед ним чашу с солоноватой водой и сказал:

— Пей.

И когда Мальчик-звезда поел и попил, старик ушел и запер дверь темницы на ключ и закрепил железной цепью.

На следующее утро старик, который на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего на берегу Нила, вошел в темницу, хмуро поглядел на Мальчика-звезду и сказал:

— В том лесу, что неподалеку от ворот этого города гяуров, скрыты три золотые монеты — из белого золота, из желтого золота и из красного золота. Сегодня ты должен принести мне монету из белого золота, а если не принесешь, получишь сто плетей. Поспеши, на закате солнца я буду ждать тебя у калитки моего сада. Смотри принеси мне монету из белого золота, или тебе будет плохо, потому что ты мой раб и я уплатил за тебя цену целой чаши сладкого вина. — И он завязал глаза Мальчику-звезде шарфом узорчатого шелка, и вывел его из дома в сад, где росли черные маки, и, заставив подняться на пять бронзовых ступенек, отворил с помощью своего перстня калитку.

И Мальчик-звезда вышел из калитки, прошел через город и вступил в лес, о котором говорил ему Волшебник.

А лес этот издали казался очень красивым, и мнилось, что он полон певчих птиц и ароматных цветов, и Мальчик-звезда радостно углубился в него. Но ему не довелось насладиться красотой леса, ибо, куда бы он ни ступил, повсюду перед ним поднимался из земли колючий кустарник, полный острых шипов, и ноги его обжигала злая крапива, и чертополох колот его своими острыми, как кинжал, колючками, и Мальчику-звезде приходилось очень плохо. А главное, он нигде не мог найти монету из белого золота, о которой говорил ему Волшебник, хотя и разыскивал ее с самого утра до полудня и от полудня до захода солнца. Но вот солнце село, и он побрел домой, горько плача, ибо знал, какая участь его ожидает.

Но когда он подходил к опушке леса, из чащи до него долетел крик — казалось, кто-то взывает о помощи. И, позабыв про свою беду, он побежал на этот крик и увидел маленького Зайчонка, попавшего в силоч, расставленный каким-то охотником.

И Мальчик-звезда сжалился над Зайчонком, и освободил его из силка, и сказал ему:

— Сам я всего лишь раб, но тебе я могу даровать свободу.

А Зайчонок ответил ему так:

— Да, ты даровал мне свободу, скажи, чем могу я отблагодарить тебя!

И Мальчик-звезда сказал ему:

— Я ищу монету из белого золота, но нигде не могу найти ее, а если я не принесу ее своему хозяину, он прибьет меня.

— Ступай за мной, — сказал Зайчонок, — и я отведу тебя туда, куда тебе нужно, потому что я знаю, где спрятана эта монета и зачем.

Тогда Мальчик-звезда последовал за маленьким Зайчонком.

И что же он увидел? В дупле большого дуба лежала монета из белого золота, которую он искал. И Мальчик-звезда безмерно обрадовался, схватил ее и сказал Зайчонку:

— За услугу, которую я оказал тебе, ты облагодарил меня сторицей, и за добро, что я для тебя сделал, ты воздал мне стократ.

— Нет, — отвечал Зайчонок, — как ты поступил со мной, так и я поступил с тобой. — И он проворно поскакал прочь.

Теперь следует сказать, что у городских ворот сидел Прокаженный. Лицо его скрывал серый холщовый капюшон, и глаза его горели в прорезях словно угли, и когда он увидел приближавшегося к воротам Мальчика-звезду, он загремел своей деревянной миской, и зазвонил в свой колокольчик, и крикнул ему:

— Подай мне милостыню, или я должен буду умереть с голоду, ибо они изгнали меня из города и нет никого, кто бы сжалился надо мной!

— Увы! — вскричал Мальчик-звезда. — У меня в кошельке есть только одна-единственная монета, и если я не отнесу ее моему хозяину, он прибьет меня, потому что я его раб.

Но Прокаженный стал просить его и молить и делал это до тех пор, пока Мальчик-звезда не сжалился над ним и не отдал ему монету из белого золота.

Когда же он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монету из белого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

— У меня ее нет.

И тогда Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и поставил перед ним пустой деревянный лоток для хлеба:

— Ешь.

И поставил перед ним пустую чашу:

— Пей.

И снова бросил его в темницу. А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты не принесешь мне монету из желтого золота, то навсегда останешься моим рабом и получишь от меня триста плетей.

Тогда Мальчик-звезда направился в лес и целый день искал там монету из желтого золота, но нигде не мог найти ее. А когда закатилось солнце, он опустился на землю и заплакал. И пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок, которого он освободил из силка.

И Зайчонок спросил его:

— Почему ты плачешь? И что ты ищешь в лесу?

И Мальчик-звезда отвечал:

— Я ищу монету из желтого золота, которая здесь спрятана, и если я не найду ее, мой хозяин прибьет меня и навсегда оставит у себя в рабстве.

— Следуй за мной! — крикнул Зайчонок и поскакал через лес, пока не прискакал к небольшому озеру. А на дне озера лежала монета из желтого золота.

— Как мне благодарить тебя? — сказал Мальчик-звезда. — Ведь вот уж второй раз, как ты выручаешь меня.

— Ну и что ж, зато ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно поскакал прочь.

И Мальчик-звезда взял монету из желтого золота и поспешил в город. Но Прокаженный увидел его на дороге, и побежал ему навстречу, и упал перед ним на колени, крича:

— Поддай мне милостыню, или я умру с голоду!

Мальчик-звезда сказал ему:

— У меня в кошельке нет ничего, кроме монеты из желтого золота, но если я не принесу ее моему хозяину, он прибьет меня и навеки оставит у себя в рабстве.

Но Прокаженный молил его сжалиться над ним, и Мальчик-звезда пожалел его и отдал ему монету из желтого золота.

А когда он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монету из желтого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

— У меня ее нет.

И Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и заковал его в цепи, и снова вверг в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если ты сегодня принесешь мне монету из красного золота, я отпущу тебя на свободу, а если не принесешь, я убью тебя.

И Мальчик-звезда отправился в лес и целый день разыскивал там монету из красного золота, но нигде не мог ее найти. Когда же стемнело, он сел и заплакал. И пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок.

— Монета из красного золота, которую ты ищешь, находится в пещере, что у тебя за спиной. Перестань же плакать и возрадуйся, — сказал Зайчонок.

— Как могу я отблагодарить тебя! — воскликнул Мальчик-звезда. — Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды.

— Но ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно усакал прочь.

А Мальчик-звезда пошел в пещеру и в глубине ее увидел монету из красного золота. Он положил ее в свой кошелек и поспешил вернуться в город. Но когда Прокаженный увидел его, он стал посреди дороги и громко закричал, взывая к нему:

— Отдай мне монету из красного золота, или я умру!

И Мальчик-звезда снова пожалел его и отдал ему монету из красного золота, сказав:

— Твоя нужда больше моей.

Однако сердце его сжалось от тоски, ибо он знал, какая страшная судьба его ожидает.

Но чудо! Когда проходил он городские ворота, воины низко склонились перед ним, отдавая ему почести и восклицая:

— Как прекрасен господин наш!

А толпа горожан следовала за ним, и все твердили:

— Воистину не найдется никого прекраснее во всем мире!

И Мальчик-звезда заплакал и сказал себе:

— Они смеются надо мной и потешаются над моей бедой.

Но так велико было стечение народа, что он сбился с дороги и пришел на большую площадь, где стоял королевский дворец.

И ворота дворца распахнулись, и навстречу Мальчику-звезде поспешили священнослужители и знатнейшие вельможи города и, смиренно поклонившись ему, сказали:

— Ты — наш господин, которого мы давно ожидаем, и сын нашего государя.

А Мальчик-звезда сказал им в ответ:

— Я не королевский сын, я сын бедной нищенки. И зачем говорите вы, что я прекрасен, когда я знаю, что вид мой мерзок?

И тогда тот, чья кольчуга была разукрашена золотыми цветами и на чьем шлеме гребень был в виде крылатого льва, поднял свой щит и вскричал:

— Почему господин мой не верит, что он прекрасен?

И Мальчик-звезда посмотрелся в щит. И что же он увидел? Его красота вернулась к нему, и лицо стало таким же, каким было прежде, только в глазах своих он заметил что-то новое, чего раньше никогда в них не видел. А священнослужители и вельможи преклонили перед ним колена и сказали:

— Было давнее пророчество, что в этот день придет к нам тот, кому суждено править нами. Так пусть же господин наш возьмет эту корону и этот скипетр и станет нашим королем, справедливым и милосердным.

Но Мальчик-звезда отвечал им:

— Я недостойн этого, ибо я отрекся от матери, которая носила меня под сердцем, и теперь ищу ее, чтобы вымолить у нее прощение, и не будет мне покоя, пока я не найду ее. Так отпустите же меня, ибо я должен вновь отправиться странствовать по свету, и нельзя мне медлить здесь, хоть вы и предлагаете мне корону и скипетр.

И, сказав это, он отвернулся от них и обратил свое лицо к улице, тянувшейся до самых городских ворот. И что же он увидел? Среди толпы, оттеснившей стражу, стояла нищенка, которая была его матерью, а рядом с ней стоял Прокаженный. И крик радости сорвался с его уст, и, бросившись к своей матери, он осыпал поцелуями раны на ее ногах и оросил их слезами. Он склонил свою голову в дорожную пыль и, рыдая так, словно сердце его разрывалось, сказал:

— О мать моя! Я отрекся от тебя в дни моей гордыни. Не отринь же меня в час моего смирения! Я питал к тебе ненависть... Одари же меня любовью! Я отверг тебя. Прими же свое дитя...

Но нищенка не ответила ему ни слова.

И он простер руки к Прокаженному и припал к его стопам, говоря:

— Трижды оказал я тебе милосердие. Умоли же мою мать ответить мне хоть единый раз.

Но Прокаженный хранил безмолвие.

И снова зарыдал Мальчик-звезда и сказал:

— О мать моя, это страдание мне не по силам! Даруй мне свое прощение и позволь вернуться в наш лес.

И нищенка положила руку на его голову и сказала:

— Встань!

И Прокаженный положил руку на его голову тоже и сказал:

— Встань!

И он встал с колен и посмотрел на них. И что же! Перед ним были Король и Королева. И Королева сказала ему:

— Вот твой отец, которому ты помог в час нужды.

А Король сказал:

— Вот твоя мать, чьи ноги ты омыл своими слезами.

И они пали в его объятия, и осыпали его поцелуями, и отвели во дворец, где облекли его в дивные одежды и возложили на его голову корону и дали ему в руки скипетр, и он стал властелином города, который стоял на берегу реки. И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сирых и одевал нагих, и в стране его всегда царили мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию — и спустя три года он умер. А преемник его был тираном.

МОРИС МЕТЕРЛИНК

СИНЯЯ ПТИЦА

Удивительная история, рассказанная в этой книге, произошла в одном селении, неподалеку от густого-густого леса. На краю этого селения, у лесной опушки, приютилась хижина дровосека.

Вот там-то все и началось...

Дровосек был беден, но в доме у него было очень опрятно и уютно, особенно сегодня, накануне Рождества. В очаге еще теплился огонь, на столе горела лампа. Дети дровосека, Тильтиль и Митиль, крепко спали в своих кроватях, а по разным сторонам большого шкафа лежали, свернувшись клубком, Пес и Кот.

Жена дровосека зашла посмотреть, как спят дети. Она поправила одеяльца, закрыла оконные ставни, потушила лампу и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

В темной комнате стояла тишина, только стенные часы отстукивали «тик-так» да трещал сверчок за очагом.

Сквозь щели ставен начал пробиваться свет. Он становился все ярче, ярче... А на столе вдруг сама собой зажглась лампа!

Тильтиль проснулся, присел на постели и окликнул сестру:

— Ты спишь, Митиль? Смотри-ка, мама забыла потушить лампу!

— Нет, не сплю, — ответила Митиль сонным голосом. — Послушай, сегодня рождество, да?

— Вечно ты все путаешь! Рождество завтра. Но уже сегодня дети получают подарки. Только нам с тобой все равно ничего не достанется. Другое дело — богатые дети, те, что живут в доме напротив. Их наверняка ждут замечательные рождественские подарки. Смотри, через щелочки ставен виден свет. Это из их окон. У них зажгли елку. И музыка играет, слышишь? Пойдем посмотрим!

Брат и сестра вскочили с кроватей, открыли ставни и взирались на скамью у окна. Вся комната так и залилась светом!

— Видишь, какая нарядная елка! А свечей-то сколько! — воскликнул Тильтиль.

— Ничего я не вижу, — сказала жалобно Митиль. — Ты один всю скамью занял!

— Ну ладно, сейчас пододвинусь. Теперь видишь? Какие игрушки! Как их много! И сабли, и солдатики, и пушки.

— А куклы? — спросила Митиль. — Куклы там тоже есть?

— Какие еще куклы?! Кому они нужны, твои куклы? Нет, конечно. Ты лучше посмотри на стол. Чего там только нет! Пирожные, конфеты, сладости, фрукты...

— Когда я была совсем-совсем маленькая, я один раз ела пирожное, — вздохнула Митиль.

— Я тоже. Это очень вкусно.

— Неужели они все это съедят? — шепнула Митиль. — И нам ничего не оставят?

— Глупая ты, Митиль. Конечно, съедят. Да не болтай, лучше смотри. Кажется, там начинаются танцы. Вот веселье так веселье!

— Как красиво! — захлопала Митиль в ладоши. — Все такие нарядные!

Тут за дверью послышались шаги, и дети притихли.

— Кто это? — встревожилась Митиль.

— Наверное, папа. Скорее в кровати!

Не успели брат и сестра соскочить со скамьи, как дверь медленно открылась и в комнату вошла старенькая старушка в зеленом платье и красном чепце. Крошечного росточка, горбатенькая, с большим крючковатым носом.

— Не у вас ли, дети, спряталась Синяя Птица? — раздался скрипучий голос старушки.

— Синяя Птица? У нас нет Синей Птицы, — ответили брат с сестрой в один голос. — А зачем вам она?

— Мне очень нужна Синяя Птица. Я ищу ее для внучки. Она, к несчастью, заболела.

— А что с ней случилось? — спросил Тильтиль.

— Да не знаю, она такая бледненькая, все время грустит о чем-то. Думаю, только Синяя Птица поможет моей внучке снова стать здоровой и веселой. Не зря ведь говорят, что волшебная Синяя Птица приносит людям счастье. Да вот найти ее очень-очень нелегко. А вы догадались, кто я такая?

— Вы немного похожи на госпожу Берленго, нашу соседку, — неуверенно пробормотал Тильтиль.

Ух, как рассердилась старушка!

— Нисколько я на нее не похожа, ничуть! Я фея Берилюна и хочу, чтобы вы мне помогли. Сейчас же отправляйтесь в путь и разыщите Синюю Птицу. Я дам вам в помощь вот это. Смотрите!

Из кармана юбки старушка достала зеленую шапочку, украшенную пряжкой с алмазом.

— Если надеть эту шапочку и осторожно повернуть алмаз, увидишь то, что обычно закрыто для людских глаз. Люди разучились видеть по-настоящему. Вот ты небось думаешь, — повернулась старушка к Тильтилю, — что я старая и некрасивая. И все вокруг кажется тебе убогим и неприглядным. А ну-ка, надень шапочку!

Тильтиль надел шапочку, тихонько повернул алмаз на пряжке, и что же?

Горбатенькая старушка в тот же миг превратилась в молодую, прекрасную женщину. А серые камни, из которых были сложены стены хижины, засветились таинственным голубым светом.

— Что случилось? Почему вдруг стало так светло и красиво? Словно наш дом построен из драгоценных камней, — удивился Тильтиль.

— Ничего особенного, просто волшебный алмаз помог увидеть тебе скрытую сущность вещей, можно сказать, их душу. Сейчас, мой мальчик, ты еще больше удивишься.

И правда! Все вокруг задвигалось, ожило.

Из очага выскочило вертлявое красное существо и принялось скакать по комнате.

— Кто это? Кто это? — испугались дети.

— Не узнаете? А ведь это ваш старый знакомый, Огонь. Знайте, с ним надо быть осторожнее. У него ужасный нрав. Теперь, с помощью волшебного алмаза, вам предстоит узнать душу Огня.

— А толстячок? Такой славный, румяный? Я видела, он вылез из квашни. Какой важный! — засмеялась Митиль.

— Это Хлеб. Он и в самом деле важная особа. Уж вам ли, дети, не знать его! Смотрите! Сахар! Этот белоснежный красавец так и искрится, словно сделан из снега! А робкое существо в пышном платье — Молоко. Взгляните, как медленно выбирается оно из кувшина. Унылая дама в струящихся одеждах — Вода. С помощью волшебного алмаза я оживила их всех, вы подружитесь с ними и хорошенько узнаете их. Смотрите! Вода уже затеяла ссору с Огнем. Да, это вечные противники, ничего с ними не поделаешь.

Комната все наполнялась и наполнялась странными существами. Путаясь у всех под ногами, прыгали смешные круглые человечки — это ожили Чашки, Миски и Тарелки.

У брата с сестрой рты открылись от изумления. Они во все глаза смотрели на чудеса.

Тем временем проснулись Кот и Пес. Странно! Оба они будто выросли! Какие большие! Ростом с человека!

Пес, не раздумывая, кинулся к Тильтилю и, встав на задние лапы, принялся обнимать его.

— Здравствуй, мое божество! Наконец-то я могу говорить с тобой! Я лаял, я вилял хвостом, но ты не понимал меня. Теперь я могу сказать человеческим языком, как я люблю тебя! Хочешь, сделаю что-нибудь удивительное? Хочешь, позабавимся?

— Ну как, узнаешь своего четвероногого приятеля Тило? — улыбнулась фея Берилюна.

А вот Кот неспешно потянулся, разгладил усы и только тогда неторопливо подошел к Митиль.

— Здравствуйте, милая барышня, — сказал он вкрадчиво. — Вы сегодня прекрасно выглядите, еще лучше, чем всегда.

— Неужели это Тилетто? — удивилась Митиль.

— Да, — кивнула фея. — Теперь ты по-настоящему узнаешь Кота, его душу и сердце. Ну, поцелуй же его!

— И я! Я тоже хочу поцеловать мое божество! — радостно закричал Тило. — И малютку Митиль! Всех-всех хочу расцеловать! Гав! Гав! Как я рад! Впрочем, я все-таки немножко подразню Тилетто! Гав! Гав!

Кот выгнул спину и зашипел.

— Я, милостивый государь, не желаю вас знать, — фыркнул он презрительно. — Вы невежа!

— А ты хитрюга и злока! — отозвался Пес.

Фея Берилюна погрозила ему:

— Перестань сейчас же! Прекратите ссору! Не то я навеки отправлю вас обоих в Царство Молчания.

Пес и Кот притихли. Притихли и все остальные, кто находился в комнате.

Вдруг раздался звон стекла — это со стола упала лампа. Из нее вырвалось пламя и тут же превратилось в девушку необычайной красоты. На ней было длинное прозрачное одеяние.

— Кто это? — обомлел Тильтиль. — Королева?

— Это принцесса! — захлопала в ладоши Митиль. — Я знаю! Прекрасная, сказочная принцесса!

— Это не королева и не принцесса, — сказала фея Берилюна. — Это Душа Света. Ты права, Митиль, она прекрасна.

За стеной соседней комнаты, где спали родители Тильтиля и Митиль, слышались тяжелые шаги.

— Папа! Он проснулся от наших голосов! Сейчас придет сюда, — испугался Тильтиль.

— Поверни алмаз на шапочке! — шепнула фея. — Только осторожней. И все наши гости тотчас исчезнут.

Но Тильтиль заторопился и повернул волшебный алмаз слишком резко.

— Что ты наделал! — воскликнула фея. — Теперь они не успеют спрятаться!

Стены, сиявшие голубым светом, снова померкли, и в полутьме все недавно ожившие существа заволновались, забегали, заторопились.

Самыми проворными оказались Чашки, Миски и Тарелки — они мигом прыгнули обратно на посудную полку. Вода металась в поисках крана, а Молоко — кувшина. Огонь кидался из угла в угол, никак не мог найти очаг. А толстяку Хлебу не удавалось влезть в квашню. Сахар то и дело жалобно вскрикивал. Ему казалось, что все так и норовят измять его пышную бумажную мантию. Даже ловкий Тилетто, как ни старался, не мог добраться до своего уголка у шкафа. И только Пес нарочно медлил, так не хотелось ему расставаться с Тильтилем.

— Мое божество, я еще здесь! — выкрикивал он. — Давай поговорим.

Тут опять слышались шаги за стеной.

— Теперь уж медлить нельзя, — проговорила фея, снова превратившись в старушку. — Придется вам всем отправиться

вместе с Тильтилем и Митиль на поиски Синей Птицы. Скорее из хижин! Мы выйдем через окно!

Все, толкаясь, бросились к окну. Огонь и Вода тут же поздорили. И Пес не выдержал — цапнул Кота за хвост, а тот злобно фыркнул в ответ. Наконец все выбрались наружу и столпились возле хижины.

— Мне страшно! Я не хочу никуда идти! Лучше вернемся домой! — захныкала маленькая Митиль.

— Как тебе не стыдно! — укорил сестру Тильтиль. — Сейчас же перестань плакать. Неужели тебе не жаль больной девочки феи Берилюны? Разве ты не хочешь помочь ей?

Митиль вытерла слезы и послушно взяла брата за руку.

— Будьте мужественны! — напутствовала фея детей. — Дорога вам предстоит нелегкая. На поиски Синей Птицы вас поведет Душа Света, доверьтесь ей. Говорят, Синюю Птицу прячет у себя во дворце Царица Ночи. Ступайте туда. Правда, самой Душе Света нельзя входить во дворец, она подождет вас неподалеку. Во владениях Царицы Ночи вам придется одним искать Синюю Птицу.

Тем временем Кот отвел в сторону Огонь, Воду, Хлеб, Сахар, Молоко и Пса и повел такую речь:

— Слушайте меня внимательно! Знаете ли вы, что всем нам грозит гибель? Царица Ночи — моя давняя покровительница, она не раз говорила мне, что стоит Человеку найти Синюю Птицу, и он постигнет Главную Тайну Жизни, которую так тщательно скрывает от него Царица Ночи. Всё и все окажутся в вечном подчинении у Человека. Вспомните, мы были свободны, пока Человек не добрался до нас! Вода и Огонь были неподвластны Человеку, а что сделалось с ними теперь! Воду заточили в кран, Огонь — в очаг. А мы, потомки могучих хищников?.. Как Человек обошелся с нами? Сделал из нас послушных домашних животных. Нет, надо во что бы то ни стало помешать Тильтилю и Митиль найти Синюю Птицу. Даже если для этого придется пожертвовать их жизнью.

— Что? Что такое? Да как ты смеешь! — возмутился Пес. — А ну-ка повтори, что ты сказал!

— Замолчи, тебе никто не давал слова, — прикрикнул на Тило Хлеб. — Кот прав. Конечно, мы прежде всего должны подумать о себе.

— Да-да, уважаемый Кот совершенно прав. И уважаемый Хлеб тоже, — поспешил добавить Сахар.

— Как ты глуп! — не сдержался Пес. — Человек — самое

главное существо на земле! А наше дело — служить ему. Я признаю власть Человека. Да здравствует Человек!

— Да, пожалуй, вы правы, уважаемый Пес, — проговорил Сахар неуверенно.

— Нет! Прав я, а не Пес, — заявил Кот решительно. — Подумайте о себе! Тсс! Оставьте спор, фея Берилюна и Душа Света идут сюда. Душа Света сочувствует Человеку — значит, она тоже наш враг.

— Что тут происходит? — проговорила фея строго. — Вы как-то странно притихли. И шепчетесь, как заговорщики. В путь! Приказываю вам всем повиноваться Душе Света.

— Именно это я и говорил, — молвил Кот сладким голосом. — Я призывал всех к послушанию, а Пес мешал мне говорить.

— Ах ты скверный лгун! — возмутился Тило. — Ну погоди у меня!

Митиль кинулась защищать Тилетто:

— Не смей, не смей трогать мою киску!

Тильтиль тоже был недоволен:

— Тило, перестань сейчас же, нам теперь не до драк.

— Мое божество! Ты же не знаешь, что он...

— Довольно! Прекратите! — вмешалась фея Берилюна. — Время дорого, пора в путь. Ты, Хлеб, понесешь клетку для Синей Птицы. Помните все, что я вам сказала. — Фея вдруг замолчала, что-то обдумывая. — Но нельзя же отправляться в дальний путь в ночных рубашках. Вам следует одеться, — сказала она затем. — Да и всем остальным тоже. Отправляйтесь ко мне во дворец, там найдется все, что нужно, на любой вкус. Кот проведет вас туда, он хорошо знает дорогу.

— Да! Я знаю дорогу! — откликнулся Кот.

— Вот и отлично. Поторапливайтесь! А я...

В то же мгновение фея Берилюна вновь превратилась в старушку в зеленом платье и красном чепце.

— А я пойду к моей больной внучке, — раздался скрипучий старушечий голос. — Она долго оставалась одна, без меня. Наверное, очень соскучилась.

И фея тут же исчезла.

Дети и их спутники, под предводительством Кота, тотчас двинулись в путь и вскоре оказались подле дворца феи Берилюны.

Дворец сиял великолепием, но разглядывать его путешес-

твенникам было некогда, ведь фея просила поторопиться. В одной из бесчисленных комнат дворца они увидели огромную коллекцию одежд. Каких только нарядов здесь не было! Выбери, что душе угодно!

Кот надел черное шелковое трико с пышным белым воротником — он сразу смекнул, как все это пойдет к его черной шелковистой шерстке!

Пес стал проворно надевать все, что выглядело повеселее: красный фрак, черные панталоны, лакированные башмаки.

Огонь тоже расфрантился вовсю: ему очень понравились багровый, сверкающий плащ на золотой подкладке и шляпа с султаном из огненных языков.

Хлеб долго подыскивал себе что-либо подходящее и наконец остановился на роскошном парчовом халате, который, правда, с трудом запахнулся на его толстеньком животике. За поясом у него торчал ятаган, а на голове красовался высокий тюрбан. Хлеб был очень доволен собой и все приговаривал:

— Ну как? Хорош я? Хорош?

Вода выбирала себе наряд очень долго, пока не остановилась на чудесном голубовато-зеленом платье с прозрачным отливом.

— Посмотрите-ка! Платье Воды пахнет сыростью, — насмешливо произнес Огонь. — Наверное, она без зонтика прогулялась под дождем.

— Что вы сказали? — нахмурилась Вода.

— Так, ничего, — пробурчал Огонь.

— Мне слышалось, что вы упомянули некий длинный красный нос. Помнится, я недавно видела его на чьей-то физиономии.

— Полно, перестаньте ссориться, — вмешался Кот. — Нас ждут дела поважнее. А где Душа Света? Все еще выбирает себе наряд?

— Фея утверждает, что она и так очаровательна, где уж тут найти что-нибудь подходящее, — сказал Хлеб язвительно.

— Пусть наденет абажур! — зло рассмеялся Огонь.

Прекрасной Душе Света и в самом деле было трудно подобрать для себя наряд, и все же нашлось как раз то, что ей подошло более всего: бледно-золотое платье с тускло мерцающими серебряными блестками.

Наряд Сахара выглядел очень забавно — шелковый белосиний балахон, немного напоминающий бумагу, в какую в торговую лавках заворачивали сахарные головы.

— А Тильтиль и Митиль? Они еще не готовы? — заговорили вдруг все разом.

Брат и сестра давно уже оделись и терпеливо ожидали остальных. Тильтиль надел костюм Мальчика с пальчик: темно-красные штаны, белую рубашку, коричневую жилетку; Митиль — костюм Красной Шапочки: белую кофточку, длинную темную юбку и, конечно, красную шапочку!

— Ну, теперь, кажется, все готовы, пора отправляться в путь, — провозгласил Кот.

Едва они вышли из дворца, появились фея Берилюна, вновь юная и прекрасная.

— Друзья мои! — обратилась она к детям. — Мне вдруг подумалось, а не заглянуть ли вам поначалу в волшебную Страну Воспоминаний? Кто знает, может быть, Синяя Птица окажется как раз там. К сожалению, доступ в Страну Воспоминаний навечно закрыт для меня, и вам, Тильтиль и Митиль, придется отправиться туда совсем одним. А на случай, если вы повстречаете там Синюю Птицу, захватите с собой клетку. Хлеб, дай, пожалуйста, клетку Тильтилю. Сейчас я сделаю так, что мы окажемся совсем-совсем неподалеку от Страны Воспоминаний.

Фея Берилюна взмахнула волшебной палочкой, и дети удивленно оглянулись — все вокруг вдруг разом переменялось.

— Скажите, у вас есть бабушка и дедушка? — наклонилась фея Берилюна к Тильтилю и Митиль.

— У нас были и дедушка, и бабушка, но они умерли. — Мальчик грустно вздохнул.

— А вы помните их?

— Конечно! Мы их очень любили! — хором ответили брат и сестра.

— И часто вы вспоминаете о бабушке и дедушке?

— Да! Да!

— Вот сегодня вы снова увидите их.

— Как? Ведь они умерли! — удивился Тильтиль.

— В Стране Воспоминаний умершие люди спят глубоким, спокойным сном. Но стоит живым вспомнить о них, и спящие просыпаются, оживают. Всякий раз, когда вы вспоминаете бабушку и дедушку, вы как будто снова видите их живыми, не правда ли?

— Да, это верно, — согласился Тильтиль. — Но ведь не по-настоящему.

— Разумеется, в жизни так не бывает. Но в волшебной Стране Воспоминаний все возможно. Вы повидаетесь с бабушкой и дедушкой, поговорите с ними. Я знаю, они вас ждут. Идите прямо. Тильтиль, поверни алмаз на шапочке, и, как только вы увидите большое дерево с дощечкой на нем, знайте: вы вступили в Страну Воспоминаний. Только не забудьте, что вернуться оттуда вам следует ровно за пятнадцать минут до того, как часы пробьют девять раз. Стоит вам задержаться лишь на мгновение, и случится беда — останетесь там навсегда. Живым людям нельзя слишком долго находиться в волшебной Стране Воспоминаний. Знай, Тильтиль, чтобы снова оказаться на том самом месте, где мы сейчас стоим, тебе следует лишь повернуть алмаз на шапочке. Но сделать это ты должен ровно за пятнадцать минут до того, как часы пробьют девять раз. Запомни это, мой мальчик, и будь точен. Душа Света встретит вас. Слушайтесь ее во всем! А теперь до свидания, друзья!

И фея Бериллюна исчезла.

Тильтиль и Митиль взялись за руки и неуверенно зашагали. Тотчас перед ними встал густой туман и закрыл все собой. А когда он рассеялся, ребяташки увидели высокий, могучий дуб с дощечкой на нем.

— Вот и дерево с дощечкой! — обрадовался Тильтиль. — Интересно, что там написано?

Брат и сестра подошли к дубу.

— Дощечка прибита слишком высоко, — огорчился Тильтиль. — погоди, Митиль, сейчас я влезу на пенёк и прочту. Да, так и есть. Здесь написано: «Страна Воспоминаний».

— Значит, она здесь и начинается? — спросила Митиль.

— Да, вон стрелка показывает, куда идти.

— А где же бабушка с дедушкой?

— За туманом. Мы сейчас придем к ним.

— А я ничего не вижу! — недовольно наморщила носик Митиль. — Мне холодно! Не хочу я больше путешествовать! Хочу домой!

— Не хнычь, пожалуйста. У тебя, как у Воды, глаза на мокром месте. Гляди, туман рассеивается! Смотри, Митиль, вон они, дедушка и бабушка!

— Да, вижу. Это они. Сидят на скамье около крыльца и улыбаются нам! — обрадовалась Митиль.

Брат с сестрой подбежали к дому.

— Бабушка! Дедушка! Это мы, Тильтиль и Митиль! Мы пришли вас проведать!

— Вы вспомнили о нас, милые внучата, — ласково проговорила бабушка. — Как это славно! Вы неплохо выглядите, и одежда на вас опрятная. Мама, видно, хорошо за вами ухаживает. И чулки на вас целые. Раньше, бывало, я их частенько штопала.

— Отчего вы не навещаете нас, дети? — вздохнул дедушка. — Повидаться с вами такая радость. Не забывайте о нас!

— А правда, что вы все время спите? — спросил Тильтиль.

— Да, мы погружены в сон до тех пор, пока кто-нибудь из вас, живых, не подумает, не вспомнит о нас, — объяснил дедушка. — В общем-то, хорошо поспать, когда жизнь прожита достойно. Но и просыпаться время от времени тоже приятно. Какая радость повидать вас! Дайте-ка мне получше вас разглядеть. Ты вырос, Тильтиль. Ишь как вытянулся! И ты, малышка Митиль, тоже подросла, скоро совсем большая станешь.

— Какие вы стали румяные! — суежилась бабушка. — А сладкое по-прежнему любите? Помнишь, Тильтиль, как ты объелся моим яблочным пирогом?

— С тех пор я ни разу его не ел. Нынешним летом у нас яблоки вовсе не уродились. А вот грядок на огороде стало побольше. Правда, очень уж они зарастают.

— Только у нас, дети, ничто не меняется.

Тильтиль внимательно вглядывался то в дедушку, то в бабушку.

— В самом деле, вы оба ничуть не изменились.

— Мы не меняемся. А вот вы растете, я это сразу заметил, — проговорил дедушка. — Ну-ка, проверим. Помнишь, Тильтиль, мы на двери насечку сделали? Становись сюда да держись прямее. А?! На четыре пальца вырос! Теперь ты, Митиль. Вот молодец! Подросла на целых четыре с половиной пальца!

Войдя в дом, Тильтиль огляделся:

— Все-все по-старому! Вон часы. Это я отломал кончик у большой стрелки.

— И отбил краешек у суповой миски, — добавил дедушка.

— И пробуравил эту дырку в двери, — вспомнил мальчик.

— Да, ты у нас тут порядком набедокурил. Видишь сливу под окном? Стоило мне, бывало, отойти — и ты уже на дереве. Вы с Митиль любили полакомиться сливами.

— Смотрите! Дрозд! Наш старый дрозд! — воскликнула Митиль. — Он еще поет?

Дрозд неподвижно сидел на ветке сливы. И вдруг он ожил и громко запел.

— Вот видишь, — сказала бабушка. — Стоило тебе о нем подумать, как он ожил.

Тильтиль внимательно пригляделся к птице и удивился: дрозд был совершенно синий!

— Послушайте, да ведь он синий-синий! — поразился Тильтиль. — Наверно, это и есть та самая Синяя Птица, которую мы должны принести фее Берилюне! Что же вы мне не сказали сразу, что она у вас? Какая синяя! Бабушка, дедушка, подарите мне ее!

— Что ж, пожалуйста, — сказал дедушка. — Ты как полагаешь, жена?

— Подарим детям дрозда, — согласилась бабушка. — Нам он совсем не нужен. Да и не поет совсем. Все спит.

— Можно посадить его в клетку? — затараторил Тильтиль. — Пойдите, а где клетка?

Мальчик сбегал к дереву, близ которого оставил клетку, схватил ее и посадил туда дрозда.

— Вы дарите мне его? Правда? Представляю себе, как обрадуется фея! И Душа Света тоже!

— Знаешь, я боюсь, как бы птица не улетела от вас, — медленно проговорил дедушка. — Она давно отвыкла от шума и суеты.

Часы на стене громко пробили половину девятого.

— Ой! — вскрикнул Тильтиль. — Уже поздно! Я совсем забыл про время и чуть не опоздал. Фея Берилюна сказала, что мы должны вернуться точно без четверти девять. Пожалуй, нам пора идти обратно. А впрочем... Раз Синяя Птица уже у меня, побудем еще немного в этой замечательной Стране Воспоминаний.

— Да-да, побудьте с нами подольше, дети. Посидите еще немного. Мы так давно не видели вас.

— И все-таки надо идти, — вздохнул Тильтиль. — Фея Берилюна очень добра к нам. Я ей обещал. Не плачь, бабушка, мы скоро опять придем навестить вас.

Ребятишки расцеловали бабушку и дедушку. Тильтиль схватил клетку с птицей и, взяв Митиль за руку, собрался было уходить, но снова кинулся назад, опять начал прощаться, обещал навещать к бабушке и дедушке как можно чаще.

Раздался бой часов.

— Ой, что я наделал! Уже без четверти девять! — испугался мальчик.

Он проворно повернул алмаз на своей шапочке, и... все исчезло в густом тумане.

— Сюда, сюда, — торопил сестру Тильтиль. — Я помню, дерево с дощечкой должно быть где-то здесь.

— Вот оно, — обрадовалась Митиль. — Но где же Душа Света?

— Не знаю.

Мальчик взглянул на птицу в клетке.

— Митиль! Митиль! Птица уже не синяя. Она стала черной! Значит, она могла быть синей только в Стране Воспоминаний!

На глазах у Митиль выступили слезы:

— Мне очень страшно и холодно.

В то же мгновение появилась Душа Света.

— Не бойтесь, дети, я с вами. Тильтиль, ты чуть-чуть не опоздал. Еще бы немного... Значит, настоящей Синей Птицы в Стране Воспоминаний нет, настоящая Синяя Птица всегда остается синей. А теперь снова в путь, будем искать Синюю Птицу. Я поведу вас ко дворцу Царицы Ночи.

Тем временем хитрый Кот, воспользовавшись темнотой, оставил путешественников и со всех ног бросился бежать, чтобы раньше остальных добраться до дворца Царицы Ночи. Кот хотел предупредить об опасности, которая грозила им обоим.

Усталый, измученный, Кот примчался во дворец и бессильно опустился на мраморные ступени у входа.

Царица Ночи, в длинном черном покрывале, прекрасная, но грозная и мрачная, подошла к Коту:

— Что с тобой? Исхудал... Грязный по самые усы... Опять подрался с кем-нибудь?

— Нет, мне теперь не до драк, — уныло буркнул Кот. — Ох, едва успел обогнать их. Да боюсь, что поздно, теперь ничем не поможешь.

— Что случилось? Говори толком, — потребовала Царица Ночи.

— Случилось ужасное! — воскликнул Кот. — Ты уже слышала про Тильтиля, сына дровосека. И знаешь о волшебном алмазе. Так вот, алмаз у Тильтиля, и мальчишка идет сюда. Он идет за Синей Птицей! И если мы не перехитрим его, он завладеет Главной Тайной Жизни. Понимаешь? А Душа Света на стороне Человека. Она проведала, что настоящая Синяя Птица, та, что не боится дневного света, прячется здесь, среди Лунных Птиц Сновидений. Но так как сама Душа Света не

может появиться в твоих владениях, она направила во дворец детей. Я знаю, ты не в силах помешать Человеку, и, значит, он раскроет Главную Тайну. Просто ума не приложу, что делать. Если Человеку удастся овладеть настоящей Синей Птицей, всем нам гибель...

— Что творится! — заволновалась Царица Ночи. — Трудные настали времена, что и говорить. Человек и так ж завладел многими Тайнами, но ему все мало, он хочет захватить их еще и еще. Неужели он отнимет у меня все? Что случилось с моими слугами? Ужасы дрожат от страха. Призраки разбежались. Болезни захворали.

— Да-да, дела у нас неважные, — нахмурился Кот. — Только мы с тобой не сдаемся и боремся с Человеком. Но слышишь? Они уже здесь! Впрочем, Тильтиль и его сестра всего-навсего дети. Неужели мы не справимся с ними? Не сумеем запугать их и обмануть? Давай впустим их во дворец, покажем все, откроем все двери, да только не ту, за которой живут Лунные Птицы Сновидений.

Царица Ночи молча кивнула головой и прислушалась: кто-то неспешно подходил к дворцу.

— Что это? Почему так шумно? Разве дети не одни? Кто с ними? Их там много?

— Сначала у них было много спутников, — объяснил Кот, — но Вода в дороге заболела и осталась в Лесу, а Огонь не может сюда войти, он ведь в родстве с Душой Света. Молоко сразу же скисло, пришлось Тильтилю расстаться и с ним. Остались Хлеб и Сахар, но они, в общем-то, на нашей стороне. К сожалению, Пес тоже здесь — он от детей ни на шаг. Это злейший наш враг, но как от него избавиться?

Тильтиль, Митиль, Хлеб, Сахар и Пес уже поднимались по ступеням мраморной лестницы.

Кот выбежал им навстречу.

— Сюда, сюда, — принялся он угодливо кланяться. — Я уже известил Царицу Ночи, она рада вас видеть.

Тут появилась и сама Царица Ночи.

— Добрый день, — вежливо поклонился Тильтиль.

— Добрый день? — рассердилась Царица Ночи. — Что это значит? Не понимаю. Мне следует говорить «Добрая ночь» или, в крайнем случае, «Добрый вечер».

— Извините, — смутился Тильтиль. — Я не нарочно, я не знал...

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо прервала его Царица

Ночи. — Кот сообщил мне, что вы пожаловали сюда за Синей Птицей. Это правда?

— Да. Скажите, пожалуйста, где она сейчас?

— Не знаю, не знаю. Здесь ее нет.

— Как? — воскликнул Тильтиль. — Душа Света сказала, что Синяя Птица здесь, она не станет говорить неправду. Дайте мне, пожалуйста, ключи от всех дверей в вашем дворце, я сам поищу Синюю Птицу.

— Нет! Я хранительница всех Тайн Природы, и мне не подобает отдавать ключи кому не следует, — заявила решительно Царица Ночи. — Я отвечаю здесь за все.

— Вы не имеете права отказывать Человеку, я знаю, — произнес Тильтиль уверенно.

— Кто сказал тебе об этом? — рассердилась Царица Ночи.

— Душа Света.

— «Душа Света»! «Душа Света»! Только и слышу! И зачем она вмешивается не в свое дело? — возмутилась Царица Ночи.

— Давай-ка я отниму у нее ключи, а? — выступил вперед Пес.

— Веди себя пристойно, — приказал ему Тильтиль и снова обратился к разгневанной Царице Ночи: — Сударыня, дайте мне ключи.

— А есть ли у тебя знак, что ты имеешь на это право?

— Да, вот он, — ответил Тильтиль и указал на волшебный алмаз на шапочке.

— Если так... — Царица Ночи была весьма недовольна: ей очень не хотелось подчиняться Человеку. — Что ж, вот ключи от дверей во дворце. Но если случится несчастье, пеняй на себя. А тебя предупредила.

— А разве это опасно? — заволновался Хлеб.

— Еще бы! — пожала плечами Царица Ночи. — Ведь за дверями таятся Бедствия, Ужасы, Войны, Болезни и прочие Страшные Тайны — все, что от века угрожает Человеку. Я едва справлюсь с ними, держу их на запоре. Беда людям, если кто-нибудь из этих непокорных Ужасов или Болезней вырвется на волю.

— Позвольте полюбопытствовать, — спросил Хлеб, — а как избежать этой опасности?

— Никак. Это невозможно, — сурово ответила Царица Ночи.

Тильтиль взял ключи из рук Царицы Ночи и смело направился ко входу. За ним шагали все остальные. И скоро оказа-

лись в огромном зале с колоннами, вдоль стен которого тянулись тяжелые бронзовые двери.

— Начнем отсюда, с самой крайней, — решил Тильтиль и повернулся к Царице Ночи: — Что там такое?

— Призраки. Я давно не выпускала их наружу.

— Что ж, посмотрим. — И Тильтиль решительно вставил ключ в замочную скважину. — А ты не потерял клетку для Синей Птицы? — обратился он к Хлебу.

— Нет-нет, она цела, и... и мне вовсе не страшно, — пролепетал Хлеб. — А может, сначала просто заглянуть в замочную скважину? На всякий случай.

— Да, в самом деле, — поддержал его Сахар. — Я тоже так считаю.

— Я у вас совета не спрашиваю. — И Тильтиль стал поворачивать ключ.

Митиль вдруг заплакала:

— Я боюсь! Я хочу домой!

— Перестань, Митиль, не будь трусишкой, — пристыдил девочку брат. — Ну, я открываю.

Едва мальчик открыл дверь, как оттуда сразу же выскочило несколько Призраков. В одну минуту они разбежались по залу и спрятались за колоннами.

Хлеб от страха уронил клетку и забился в угол зала, Сахар прижался к стене, а Митиль спряталась за спину брата. Только Пес не покинул своего маленького хозяина.

— Запри дверь скорее! — крикнула Царица Ночи Тильтилю. — Не то выскочат все остальные Призраки, и мы не сможем их изловить. Им наскучило сидеть взаперти. Человек давно их не боится, даже потешается над ними. А тех Призраков, что выбежали, надо немедленно загнать обратно. Незачем им бродить по земле. Да помогите же мне!

— Помоги ей, Тило, — приказал Тильтиль.

Пес с громким лаем кинулся на Призраков.

— Гав! Гав! Ну-ка обратно!

Призраки в испуге шарахнулись прочь, но Царица Ночи тотчас огромным бичом согнала их к двери. В следующее мгновение Тильтиль уже запирает дверь.

— А где же Хлеб? Где Сахар? Где вы, друзья? — крикнул мальчик.

— Мы здесь, мы у входа, мы караулили, чтобы Призраки не убежали, — откликнулись Хлеб и Сахар.

Впрочем, один Призрак все-таки остался в зале и теперь вдруг помчался туда, где прятались храбрецы Хлеб и Сахар.

— Ай-ай-ай! — завопили они и бросились врассыпную.

Тильтиль остановил их:

— Назад! Куда вы? Кого вы испугались? Да они нисколько не страшные, они просто смешные!

С помощью Пса и Тильтиля Царица Ночи загнала и этого Призрака обратно.

— Вот видите, Синей Птицы здесь нет, — сухо молвила она.

— А что за второй дверью? — спросил Тильтиль.

— И там ее нет, поверьте мне, — сказала Царица Ночи. — Впрочем, поступай как хочешь. Но знай, там скрываются Болезни.

— Это опасно?

— Нет, — ответила Царица Ночи. — Бедняжки еле ноги таскают. Уж сколько лет Человек упорно борется с ними.

Тильтиль распахнул дверь настежь.

И что же? Никто не появился.

— Где они? Почему никого не видно? Почему Болезни не хотят выходить на волю? — удивился мальчик.

— Я же тебе сказала, они хворают, отощали, ослабли. Можно сказать, доктора их извели. Ну войди туда и посмотри сам. Но только на одну минуту.

Тильтиль шагнул за дверь и сразу вернулся.

— Ух какие они хилые! Головы не поднимают, еле шевелятся. У ваших Болезней, сударыня, вид очень болезненный.

Но вдруг некое существо, в домашних туфлях, халате и в ночном колпаке, выскочило из-за двери и принялось бегать по залу.

— Ой, какой-то малыш выскочил! Кто это, кто? — оторопел Тильтиль.

— Не надо его бояться. Это самый незначительный из недугов, его зовут Насморк. Врачи не больно-то донимают малыша, вот потому он бодрее других.

Царица Ночи подозвала к себе крошку в халате и туфлях.

— Поди-ка сюда, слишком рано ты выскочил, поторопился.

Малыш недовольно зачихал, засморкался и нехотя поплелся обратно.

Тильтиль тотчас запер за ним дверь.

— Да, Синей Птицы здесь не видно, — сказал Тильтиль. — Попробуем открыть третью дверь. Что там?

Царица Ночи остановила его:

— Берегись, там — Войны! Никогда еще они не были так ужасны, жестоки и безжалостны, как теперь. Если хоть одна из них вырвется... Лучше не искушай судьбу! Правда, они стали такими толстыми, неповоротливыми... И все же следует быть осторожней. Чуть приоткрой дверь, взгляни и скорей захлопни!

Тильтиль опасливо отворил дверь, заглянул в узкую щель и тут же отшатнулся в ужасе.

— Закрывайте! Скорее закрывайте, запирайте покрепче! Они меня увидели! Они уже идут, ломаются в дверь!

— Помогите! — крикнула Царица Ночи. — Войны очень сильны, справиться с ними трудно. Попробуем захлопнуть дверь все вместе. Ну вот, кажется, и все. Еще бы секунда... Ты видел их, Тильтиль?

— Да-да! Они отвратительны, ужасны. Огромные, страшные чудовища.

— Теперь ты сам понимаешь, что Синей Птицы там нет. Залети она сюда, Войны мгновенно задушили бы ее. Ну как, не пора ли тебе прекратить эти бесполезные поиски? Ты же видишь, в моем дворце нет Синей Птицы.

— Я должен все осмотреть, — решительно произнес Тильтиль. — Так повелела Душа Света.

— Опять Душа Света! Сама-то она не пожаловала ко мне во дворец. Видно, побоялась.

— Ей нельзя сюда, вы же знаете. Давайте перейдем к следующей двери. Что там?

— Там заперты Ужасы.

— Можно заглянуть? — спросил Тильтиль.

— Да, это не опасно, они давно присмирели.

Тильтиль осторожно открыл дверь и заглянул внутрь.

— Да там никого нет! — воскликнул он в недоумении.

— Ужасы там, но они попрятались, — объяснила Царица Ночи. — Они вконец запуганы Человеком. А все-таки покажитесь, не бойтесь! — приказала она.

Несколько Ужасов, тощих и унылых, робко приблизились к двери.

— Ничуть не страшно, — рассмеялся Тильтиль. — Какие-то чучела! Только малыши могут их испугаться. Ведь ты не боишься, Митиль? — наклонился он к сестре.

— Нет, — неуверенно прошептала Митиль, но все же спряталась за спину брата: она ведь была еще маленькая.

— Ну вот и молодец, — похвалил Тильтиль девочку. — Не трусь, это самое главное. — Затем он снова обратился к Царице

Ночи: — Скажите, пожалуйста, сударыня, а что за той, средней, дверью?

— Не отпирай ее, — проговорила Царица Ночи строго.

— Почему? Опять какие-нибудь опасности? Что там такое? Я непременно хочу туда заглянуть.

— Нельзя.

— Почему?

— Я повторяю тебе: нельзя! — рассердилась Царица Ночи. — Это запрещено.

— Запрещено? Кем? Может быть, Синяя Птица как раз там? Душа Света говорила мне...

— Послушай, дитя мое, — голос Царицы Ночи зазвучал удивительно ласково. — Я выполнила все твои желания, я была очень внимательна к тебе. Но поверь, эту дверь отпирать не следует. Тебе грозит неминуемая гибель! Остановись, не искушай судьбу. Мне жаль тебя, ведь ты так молод.

— Но почему, почему? — допытывался Тиль-Тиль. — Что же все-таки там такое?

— Самое жуткое, самое ужасное. То, чего следует страшиться более всего. Ни один из тех, кто посмел открыть эту дверь, не вернулся оттуда живым. Стоит заглянуть внутрь, и ты погиб. Впрочем, поступай как знаешь. Я больше не желаю находиться здесь. Я удаляюсь в свою башню.

— Не надо, не надо, Тиль-Тиль! — отчаянно заплакала Митиль. — Не открывай! Я не хочу! Я не хочу!

— Сжался над нами! — завопил Хлеб и рухнул на колени.

— Не губи, не губи нас! — жалобно хныкал Сахар.

— Ты всех нас обрекаешь на неминуемую гибель, — проворчал Кот.

— Я должен, понимаете, должен открыть эту дверь. А вдруг именно там находится Синяя Птица? — проговорил Тиль-Тиль решительно. — Сахар и Хлеб, возьмите-ка Митиль за руки и отведите подальше. Уходите все. Я останусь один. Я не боюсь!

— Бегите! Спасайтесь! — крикнула Царица Ночи. — Скорее! Не то будет поздно. А я удаляюсь.

— Подожди открывать, дай нам хотя бы отбежать подальше, — умолял Хлеб.

— Постой! Не открывай! — закричали Митиль, Сахар и Хлеб и спрятались за колоннами.

Кот тоже отошел от двери и тотчас исчез.

Перед громадной бронзовой дверью остались стоять двое — Тильтиль и Пес.

— Мне ничуть не страшно, — проговорил Тило, тяжело дыша (бедняга храбрился изо всех сил). — Я остаюсь с тобой, мое божество. Я тебя не оставлю в беде.

— Ты молодец, Тило, молодец, — похвалил Тильтиль своего верного друга. — Вдвоем нам не страшно. А теперь будь что будет. Я открываю.

Тильтиль сунул ключ в замочную скважину. У всех, кто прятался за колоннами, вырвался крик ужаса. Но едва только ключ повернулся, высокие створки двери распахнулись, и перед мальчиком открылся прекрасный сад. Свет луны освещал все вокруг. И птицы, дивные, ярко-синие птицы порхали повсюду.

Ошеломленный Тильтиль стоял молча и неподвижно.

— Как здесь чудесно! Сколько птиц! Какие они синие-синие! Митиль! Тило! Идите скорее сюда! Помогите мне! Их можно наловить сколько угодно! Они ручные и не боятся нас! Да идите же!

Первой подбежала Митиль, за ней к Тильтилю подошли остальные. В чудесном, волшебном саду оказались все, кроме Кота и Царицы Ночи.

А Тильтиль не переставал удивляться:

— Смотрите! Птицы сами летят мне в руки! Как их много! Митиль, Митиль, лови их! Тило, будь осторожен! Как бы не поранить их!

— Я поймала семь птиц! Какие они синие! — торжествовала Митиль. — Но они вырываются из рук!

— Я тоже набрал их слишком много, — отозвался Тильтиль. — Они хлопают крыльями, улетают! И у Тило вон сколько их, видишь? Пойдемте скорее. Душа Света нас ждет. То-то она обрадуется!

Тильтиль, Митиль и Пес выбежали из сада. Птицы бились в руках у ребятишек, держать их было очень трудно. Однако Хлеб и Сахар не сочли нужным помочь детям. Будто ничего не замечая, они неторопливо шагали следом к выходу из зала.

Тем временем Царица Ночи и Кот тихо подошли к саду.

— Неужели они поймали Синюю Птицу? — взволнованно прошептала Царица Ночи.

— Нет-нет, успокойся. Синяя Птица сидит по-прежнему на лунном луче, я отлично ее вижу отсюда. Сидит слишком высоко, Тильтилю до нее не дотянуться.

А Тильтиль, Митиль и Пес уже бежали к поджидавшей их Душе Света.

— Удалось ли вам поймать Синюю Птицу? — издали спросила она.

— Да, да! — закричали дети наперебой. — И даже не одну! Там их тысячи. Погляди, сколько мы наловили!

Но что случилось? У птиц бессильно свесились головки и поникли крылья.

Что это?

Птицы погибли!

— Они мертвые! — в ужасе закричал Тильтиль. — Кто их убил? Бедные, бедные птицы!

И мальчик горько заплакал. Душа Света нежно обняла его:

— Не плачь, дружок. Это Лунные Птицы Сновидений. Они не выносят дневного света, оттого и погибли. Той, единственной, настоящей Синей Птицы, для которой дневной свет не страшен, ты еще не поймал. Не унывай, мы ее найдем. По всей видимости, ее прячут во дворце Царицы Ночи. Я не удивлюсь, если узнаю, что она была среди Лунных Птиц Сновидений и ты ее не заметил. А может быть, она вылетела из сада и теперь находится в лесу. Кто знает...

Тильтиль положил бездыханных птиц на землю, грустно взглянул на них, отер слезы, взял сестру за руку и сказал уже спокойнее:

— Мы будем искать дальше и разыщем настоящую Синюю Птицу. Пойдемте! Но где же Огонь?

— Ушел куда-то, — молвила Душа Света. — Ему надоело нас ждать.

— А Кот? Он остался во дворце?

— Нет-нет, я здесь, я с вами. — И Кот сбегал вниз по мраморной лестнице. — Я вас не оставляю, дорогие друзья.

Душа Света задумалась.

— А не улетела ли Синяя Птица в Волшебный Сад? Ведь там обитают все Земные Радости. Вполне возможно, что она там. Да-да, надо немедленно отправиться туда. Тило, Хлеб и Сахар пойдут с вами. Что касается Кота... Как он сам пожелает. Дорога туда длинная и нелегкая.

— Он струсит, это ясно, — зарычал Пес.

— Я хотел бы только сначала навестить кое-кого из моих друзей. Они здесь неподалеку. А потом я непременно догоню вас. — И Кот быстро свернул в сторону.

— Отвиливает! Отвиливает! Так я и знал! — крикнул ему вдогонку Пес.

— Тише! — остановила его Душа Света. — Сейчас не время для пререканий. В дорогу!

Путь был долог, все очень устали. Наконец впереди показалась белая ограда, за которой виднелись большие деревья с густой зеленой листвой. А ведь стояла зима!

— Вот чудеса-то, — прошептал Тильтиль.

— Мы у цели, — молвила Душа Света. — Войдемте же в Волшебный Сад.

Узорчатые ворота Сада широко распахнулись, и что же? Там царило настоящее солнечное лето! Голубело небо, зеленела трава, пышно цвели цветы.

И сразу же навстречу путникам выбежала целая толпа прелестных малюток. Их нежные личики излучали доброту и радость.

— Ой, какие они милые! — воскликнул Тиль-Тиль. — И как их много! Кто это?

В ответ раздались веселые восклицания и смех:

— Здравствуй, Тильтиль! Здравствуй! Ты, кажется, нас не узнаешь?

— Как можно узнать, если я вижу вас впервые?

В ответ снова зазвенел веселый смех:

— Но мы же всегда с тобой, Тильтиль! Мы делаем все, чтобы твоя жизнь была легкой и приятной!

— Да... — протянул Тильтиль неуверенно. — Кажется, я что-то припоминаю. А как вас зовут?

И тут зазвенел целый хор голосов:

— Я — Радость Быть Здоровым!

— Я — Радость Дышать Воздухом!

— Я — Радость Голубого Неба!

— Я — Радость Зеленого Леса!

— Я — Радость Солнечных Дней!

— Я — Радость Весны!

— Я — Радость Бегать По Росе Босиком!

— Я — Радость Любить Родителей!

— Я — Радость Материнской Ласки!

Последний голосок прозвучал звонче всех, и был он самым очаровательным, самым нежным.

— Ну как, Тильтиль, тебе нравится здесь? — улыбнулась Душа Света.

— Конечно, — кивнул Тильтиль.

— Это Первый Волшебный Сад. Он предназначен для детей. А дальше тянутся Волшебные Сады для взрослых. Там тоже обитают Радости — Радость Великой Любви, Радость Любимого Труда, Радость Выполненного Долга, Радость Любования Красотой. И еще много-много других прекрасных Радостей. Но пока вход в те Сады для тебя закрыт, мой мальчик. Когда вырастешь, ты обязательно побываешь там, я уверена. А сейчас нам пора. Синей Птицы здесь нет, я уже проверила. Значит, надо продолжать поиски.

Тильтиль и Митиль очень неохотно покинули Волшебный Сад.

И снова начался трудный путь, снова все вокруг стало позимнему сумрачно и холодно. Дети шагали долго и упорно, но Синей Птицы так нигде и не встретили.

— Ее нет, — опечалился Тильтиль. — Да разве станет она жить в таких холодных, пустынных местах?!

Не успел мальчик это проговорить, как словно из-под земли перед путниками встала стена Леса. Лес был такой глухой и дремучий, что казалось, впереди простерлась неодолимая преграда. Но едва дети вышли к опушке, они сразу повеселели, потому что в Лесу было хорошо и вокруг по-летнему зеленела трава.

— Вот славно! Опять как в Волшебном Саду! — обрадовался Тильтиль. — Как знать, не здесь ли скрывается Синяя Птица! Надо все осмотреть вокруг, пробраться в самую глухую чащу!

— Нет, — возразила Душа Света. — Сейчас вы никуда не пойдете. Видите, как стемнело? Надо отдохнуть. И вам, и мне. Вот взойдет солнце, и мы отправимся дальше, а пока отдохните. Я же оставлю вас на время.

Едва Душа Света исчезла, появился Кот. Подойдя к Тильтилю, он проворчал:

— Вообрази, я заблудился, еле нашел вас. Ты, конечно, прав. Нечего терять время, нужно сейчас же отправляться в путь. Ты вполне взрослый, чтобы поступать по собственному разумению. Ни к чему позволять Душе Света командовать нами. Хочешь, я побегу вперед, разужаю, что и как? Хочешь?

Тильтиль кивнул головой, и Кот тут же скрылся в лесной чаще.

В самой глубине Леса Кот остановился, опасливо огляделся и вдруг обратился к Деревьям, без усталости отвечивая им поклоны:

— Здравствуйте, уважаемые Деревья!
Деревья в ответ зашелестели листьями:

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Уважаемые Деревья, я пришел к вам с печальной вестью. Сюда идет наш общий недруг — Тильтиль. Сын того самого дровосека, который причинил вам столько зла. Этот дерзкий мальчишка ищет Синюю Птицу. Ты, кажется, хотел спросить меня о чем-то, Тополь? Да, у Тильтиля есть волшебный алмаз, и с его помощью он может снять обет молчания с вас, уважаемые Деревья! Поймите, если Тильтиль найдет Синюю Птицу, мы окажемся в полном повиновении у Человека.

Ветви Дуба зашелестели с таким шумом, словно по ним пронесся вихрь.

— А, старина Дуб! Как поживаешь? — повернулся Кот к лесному великану. — Хвораешь? Ревматизм замучил? Это из-за того, что у тебя внизу слишком много сырого мха. Что ты сказал? Да, ты, конечно, прав, колебаться нам нечего, надо воспользоваться случаем и уничтожить мальчишку. Что ты говоришь? И его сестру? Да, и ее тоже. Кто еще с ними? К сожалению, этот несносный грубиян Пес, но от него не так-то легко избавиться. Подкупить его? Это невозможно. Уж сколько раз пытался я переманить его на нашу сторону, да все впустую.

Тут громко затрепетали листья высокого Бука, и Кот повернулся к нему.

— Здравствуй, Бук, здравствуй, приятель! Ты спрашиваешь, есть ли кто с детьми? Да, на поиски Синей Птицы с ними вместе отправились Огонь, Хлеб и Сахар. Но они все на нашей стороне. Правда, Хлеб не очень надежен, да и Огонь не всегда с вами любезен, но их можно уговорить. А ведет их всех Душа Света, она-то благоволит к Человеку. Правда, сюда, в лесную глушь, она не заглядывает. Мне удалось убедить Тильтиля улизнуть от нее и немедленно отправиться в Лес. Случай представляется редкий. Нельзя его упустить. Понимаете?

Деревья согласно закачали ветвями, дружно зашумели листьями.

— Что? Что? Я не могу понять, когда вы говорите разом. Ах, вот вы о чем. Да, вы совершенно правы, надо оповестить всех Зверей, Птиц и Домашних Животных. Где Кролик? Пусть бьет сбор, созывает всех сюда.

Кот не успел договорить, как из-за кустов выскочил Кролик.
— А, ты здесь? Отлично. Ну, действуй, да поживее. Уже слышны голоса Тильтия и Митиль. Они идут сюда.

И в самом деле, вскоре в чашу вошли Тильтьиль, Митиль и Пес.

Кот с подобострастным видом побежал им навстречу.

— Наконец-то! Я вас заждался. Мой маленький повелитель, я предупредил о твоём приходе. Могу сообщить, что все обстоит наилучшим образом: Синяя Птица здесь! Считаю, что она у нас в руках. Я только что послал Кролика бить сбор. Надо созвать всех Зверей и Птиц Леса. Им будет приятно повидать тебя и выразить свое величайшее почтение. Думаю, они вот-вот окажутся здесь. Слышишь, как трещат сучья? Я вижу, они остановились. Вероятно, оробели, не смеют подойти. Да, кстати, мой маленький повелитель, я бы хотел сказать тебе кое-что.

— Говори.

— Нет, не при всех. Лучше бы с глазу на глаз.

Кот отвел Тильтия в сторону и зашептал:

— Зачем ты привел с собой Пса? Он же со всеми перессорится. И с Деревьями не поладит. Его ужасный нрав давно известен.

— Он сам увязался за нами, — бросил Тильтьиль. — А ну-ка, Тило, поди прочь! — крикнул он Псу. — Убирайся отсюда, надоедливое создание!

— Что? Я — надоедливое создание?! Чем я провинился перед тобой, мое божество?

— Говорят тебе, убирайся прочь! Понял? Здесь тебе делать нечего. Ты всем нам надоел. От тебя столько шума!

— Я буду молчать и только издали поглядывать на тебя. Позволь мне остаться, не прогоняй! — умолял Пес.

— Как ты терпишь такое непослушание? — подстрекал Кот Тильтия. — Возьми-ка палку да стукни его хорошенько.

Тильтьиль поднял с земли палку и замахнулся на Пса, но Митиль схватила брата за руку:

— Что ты! Разве можно прогонять Тило? Я его не отпущу. Мне без него страшно, я тогда всего боюсь.

Пес кинулся к Митиль и благодарно обнял девочку:

— Какая ты хорошая и добрая! Какая ласковая и милая!

— Дурацкое, неприличное поведение! — злобно прошипел Кот. — Впрочем, что можно ожидать от этого невежи? Ну погоди, еще посмотрим, чья возьмет. Послушай, Тильтьиль,

поверни-ка алмаз! Хочешь оживить Деревья? Хочешь узнать, о чем они говорят? Но будь осторожен!

Тильтиль тихонько повернул волшебный алмаз на зеленой шапочке, и сразу же Деревья обрели дар речи — они зашумели, затрепетали, задвигались. Они ожили, Тильтиль освободил их, кончилось вековое молчание Деревьев.

Первым заговорил Тополь:

— Я знаю, кто это. Это люди, только они еще маленькие. Но вижу я их впервые.

— И мне они незнакомы, — прошелестела Липа.

— Как незнакомы? Уж кому-кому, а вам-то надо бы их знать. Ведь вы, Липы, всегда держитесь поближе к человеческому жилью, — проворчал Бук.

— Нет, я их не знаю. Я хорошо помню многих влюбленных. Они часто прогуливаются под моими ветвями в теплые лунные ночи.

— Кто это такие, в самом деле? Деревенские нищие? — проговорил Каштан высокомерно.

— Вы что-то уж очень зазнались, сударь, — поддел его Тополь. — С тех пор как ваша родня расселилась на городских бульварах, вы о себе невесть что возомнили.

Тут послышался плаксивый голос Ивы:

— Это мальчишка и девчонка, вот это кто. Мне ли не знать их? Они мне, несчастной, все ветви пообломали.

— Да тише вы! — рассердился Тополь. — Дайте сказать Дубу. Он самый старший из нас и все разъяснит.

Дуб качнул ветвями, и в ту же минуту в его листве Тильтиль заметил птицу — прекрасную ярко-синюю птицу.

— Ай, смотрите! — обрадовался Тильтиль. — Вон там, высоко, почти у самой вершины Дуба, сидит Синяя Птица! Я сейчас достану ее.

Но Дуб глухо, по-стариковски скрипнул:

— Кто ты такой?

— Поклонись Дубу и держись повежливей, — шепнул Кот Тильтилю. — Это весьма уважаемый старец.

— Я — Тильтиль, — поклонился мальчик. — Сын дровосека. Можно мне взять у вас Синюю Птицу?

— Ты Тильтиль, сын дровосека?

— Да.

— Твой отец причинил много зла моей семье. Он извел шестьсот моих сыновей, четыреста семьдесят пять дядей и

теток, тысячу двести двоюродных братьев и сестер, двенадцать тысяч правнуков!

— Так много? Не может быть! Отец рубит Деревья, это правда, но лишь из нужды — чтобы топить печь да немного поленьев продать богатым. Тем мы и живем. А иначе мы бы с голоду умерли. Я ничего в Лесу не рублю, только валежник подбираю, когда помогаю отцу.

— А зачем ты ломаешь ветви? И обрываешь листья? И разоряешь птичьи гнезда? Ты тоже наш обидчик! — гневно закричали остальные Деревья все разом.

— Да нет, что вы! Я в жизни не разорил ни одного гнезда! И лес я люблю и всегда берегу. Может, и есть такие злые, глупые люди, которые нарочно причиняют вам вред, но я...

— Не верим! Не верим! Не верим! — расшумелись Деревья.

— Помолчите! — прозвучал властный голос Дуба. — Я сам поговорю с мальчишкой. Зачем ты пришел сюда, Тильтиль? Зачем оживил нас?

— Простите за беспокойство, сударь, но Кот сказал, что в вашем Лесу обитает Синяя Птица. Я теперь и сам вижу...

— Выходит, ты отлично знаешь, что такое Синяя Птица. Да, Синяя Птица — это Счастье Человека. Ты хочешь овладеть ею, чтобы она принесла счастье людям. Но тогда Человек окончательно поработит нас.

— Да нет же, нет! Я ищу Синюю Птицу для внучки феи Берилюны. Бедная девочка тяжело больна, она так несчастна.

— Довольно! — резко оборвал Тильтиля Дуб. — Все это пустые слова, мы им не верим. Но почему я не слышу Зверей, Птиц и Домашних Животных? Где они? Этот разговор их тоже касается. Нам, Деревьям, не следует брать на себя всю меру ответственности. Когда люди узнают о том, как мы разделились с Тильтилем и Митиль, нам несдобровать. Нечего Зверям и Птицам оставаться в стороне! Пусть отвечают за все наравне с нами!

— Звери, Птицы и Домашние Животные совсем рядом, — возвестил Тополь.

Он был выше всех других Деревьев и поэтому первым увидел приближающуюся к опушке Леса процессию.

Впереди всех шагал Бык, за ним ступали чередой Конь, Вол, Корова, Волк, Баран, Свинья, Коза, Петух, Осел, Медведь.

— Все ли теперь в сборе? — поинтересовался Дуб.

— К сожалению, не все, — опустил глаза Кролик. — Курица

высиживает яйца, Заяц убежал куда-то, я не смог его найти. Олень болен. Лисица тоже нездорова. Я звал Гуся, но до него так и не дошло, о чем идет речь, а Индюк ни с того ни с сего рассердился и наотрез отказался явиться сюда. Больше никого из Зверей и Птиц я не видел. Все они куда-то подевались.

— Это меня крайне огорчает, — проскрипел Дуб. — Кое-кто, я вижу, хотел бы уклониться от ответственности. Ну что ж! Тем не менее нас собралось достаточно. Так слушайте же меня, лесные братья! Этот мальчишка решил завладеть Синей Птицей. Он хочет вырвать у нас Великую Тайну Жизни. Мы с вами хорошо знаем Человека, знаем, какая участь ожидает нас, если Синяя Птица окажется у него в руках. Поэтому прочь все колебания! Нечего и раздумывать, как нам следует поступить в столь ответственный час. Пока не поздно, надо действовать. Тильтиль должен погибнуть!

— Что такое? Я не понимаю, о чем это он? — недоуменно пожал плечами мальчик.

Пес оскалил зубы и, подойдя к Дубу, грозно зарычал:

— Видишь, какие у меня клыки? Ах ты, старая развалина!

— Послушайте, он оскорбляет нашего почтенного старца! — возмутился Бук.

— Гоните Пса прочь! — повелел Дуб. — Он предатель, и ему нет места среди нас!

Кот подошел к Тильтилю и настойчиво потребовал:

— Да убери же ты Пса! Видишь, как все складывается! В остальном положишься на меня. Я сумею уладить это недоразумение. Только поскорее прогони Пса, он нам все дело испортит.

— А ну-ка, Тило, вон отсюда! Я кому говорю? — потребовал мальчик.

— Мое божество, я уйду, если ты прикажешь, но позволь сперва разорвать моховые туфли этого злущего старикана Дуба!

— Замолчи! — вконец рассердился Тильтиль. — Уходи немедленно! Сколько раз я должен повторять?

— Ладно, ухожу. Но если что, только крикни!

Кот опять зашептал на ухо Тильтилю:

— Лучше бы привязать его, а то он тут такое натворит! Стоит прогневить Деревья, и все может кончиться для нас очень плохо.

— Как же быть? — растерялся Тильтиль. — У меня нет с собой ни цепи, ни веревки.

— А вот взгляни-ка на Плющ! Видишь, какие крепкие у него стебли? Лучше всяких веревок. Хоть кого удержат.

Тило медлил уходить и продолжал гневно рычать.

— Я ухожу, но скоро вернусь, не сомневайтесь! Я тебе еще покажу, старая гнилушка! — крикнул он Дубу. — Я понял, в чем тут дело. Это все Кот! Опять что-то нашептываешь? — рывкнул он на Тилетто. — Новые гадости готовишь? Сейчас я тебе покажу! Ррр... ррр... ррр...

— Видишь? Он грубит всем и каждому, он неисправим, — повернулся Кот к Тильтилю.

— Да, правда. Он всех нас перессорит, — кивнул мальчик и обратился к Плющу: — Сударь, свяжите Пса, пожалуйста.

Плющ робко приблизился к Тило и опасливо спросил:

— А если он меня укусит?

— Не укушу. Если пожелаешь, даже расцелую, — проворчал Пес. — А ну, подойди-ка поближе! Куча старых веревок! Я тебя проучу!

— Тило, ко мне! — приказал Тильтиль, грозя Псу палкой.

Тило подполз к Тильтилю, завилял хвостом.

— Что прикажешь, мое божество?

— Слушайся Плюща. Дай себя связать, а не то смотри у меня!

Тило покорно лег на землю и, пока Плющ связывал его, не переставал рычать:

— Связывать меня! Зачем? Мое божество, он опутал мне лапы, он душит меня!

— Сам виноват, вот теперь и получай. В другой раз будешь вести себя приличней.

— Напрасно ты позволил меня связать, мое божество. Поверь, они затеяли что-то недоброе. Берегись! Ай, он опутывает мне пасть! Я не смогу говорить!

И Пес умолк.

— Привяжите его к моему большому корню, к тому, что справа. Да покрепче, — повелел Дуб Плющу и Буку.

Деревья старательно выполнили его приказание.

— Так. Достаточно ли крепко привязан Пес? Потом мы решим, как поступить с этим изменником. А сейчас, когда мы избавились от нежелательного свидетеля, приступим к делу. Теперь мы сильны и обрели возможность вершить суд над Человеком. Пусть он наконец почувствует нашу силу. Человек всегда был с нами жесток и своеволен и никогда не щадил нас. Сегодня мы ему за все отплатим.

— Да! Да! — закричали Деревья, Звери и Птицы. — Смерть ему! Смерть! Прикончить его! Растоптать! Уничтожить! И сейчас же! Немедленно!

— Что это Деревья так раскричались? Почему сердятся Звери и Птицы? Я что-то не пойму, — обратился Тильтиль к Коту.

— Пустяки, не обращай внимания. Просто они в дурном настроении. Понимаешь, в Лесу нынче слишком сыро, вот они и тревожатся. Не беспокойся, я все улажу.

— Я вижу, вы все согласны со мной, и это меня радует, — обратился Дуб к Деревьям, Зверям и Птицам. — Мальчишке и девчонке надо придумать такую казнь, чтобы мы остались вне подозрения.

— Да в чем тут дело? Что все это значит? — вконец потерял терпение Тильтиль. — Мне давно надоела их болтовня. Синяя Птица спрятана у тебя в ветвях, Дуб, и ты должен отдать мне ее.

Бык выступил вперед и предложил:

— Давайте я забодаю мальчишку! Это дело пустяковое.

— Нет, их следует повесить — и мальчишку, и его сестру — на моем самом высоком суку, — вмешался Бук.

— А я для этого скручу петлю, — подхватил Плющ. — Я на такие дела мастер.

— Нет, лучше всего утопить их в реке. Согласны? — торопливо предложила Ива.

— Нет-нет, — сказала Липа примирительным тоном. — Это уж слишком! Они же дети. Можно отлично избавиться от них по-другому. Я опутаю их ветвями, и они окажутся в темнице.

— Кто это посмел возразить мне? — снова раздался окрик Дуба. — Кажется, я слышу Липу? Да, так оно и есть. И среди нас нашелся отступник! Еще немного, и ты окажешься в одной компании с Плодовыми Деревьями. Те давно изменили нам, стали, по сути, служить Человеку, и за это мы презираем их.

— Сдается, что перво-наперво надо съесть девчонку, — прохрюкала Свинья, и ее маленькие глазки жадно заблестели. — Представляю себе, какая она вкусная!

— Нет, вы только послушайте, что она говорит! — возмутился Тильтиль. — Ну подожди же, дрянь ты эдакая! Вот уж действительно Свинья!

— Ума не приложу, что с ними происходит! — притворно удивился Кот. — Кажется, дело принимает неприятный оборот.

— Тише, замолчите все! Сейчас главное — решить, кто из нас нанесет первый удар по Человеку, — заявил Дуб.

— Ты! Конечно, ты, — льстиво вымолвила Сосна. — Ты старейший среди нас и наш повелитель.

— Увы, я слишком стар и слаб. Мои ветви засыхают и почти не повинуются мне. Я полагаю, ты, Сосна, вечнозеленая и бодрая, должна начать первая.

— Покорно благодарю! — торопливо откликнулась Сосна.— Но я отклоняю эту честь, пусть у меня не будет завистников. По-моему, после нас с тобой самым достойным является Бук.

— Нет, — возразил Бук, — мне это не по силам. У меня, видите ли, весь ствол источен червями... Может, Вяз?

— Я бы с удовольствием, — заскрипел Вяз, — но я еле стою. Вчера ночью Крот вывихнул мне не один корешок. Лучше это дело поручить Тополю.

— Мне? Да вы что! У меня такое нежное строение. К тому же мне нездоровится. Вот Осина...

— Я? Да я в жестокой лихорадке! Меня ужасно знобит. Разве не видите, как трепещут мои листья? Я не в состоянии и шагу шагнуть.

— Позор! — разгневался Дуб. — Жалкие трусы! Вы все боитесь Человека! Даже слабые, беззащитные дети внушают вам страх. Тогда я сам, старый и больной, расправлюсь с нашим заклятым врагом!

И Дуб двинулся прямо на Тильтиля. Но мальчик не растерялся, он выхватил из кармана нож и поднял его над головой.

Деревья разом испустили вопль ужаса:

— Берегись! Берегись! У мальчишки нож! Это почти что топор! Погибнешь!

— Как?! Испугались? Вы боитесь! Боитесь Человека? Позор нам, Деревьям! Тогда пусть Звери и Домашние Животные расправятся с Человеком, ведь это и их враг!

— Отлично, отлично! — заревел Бык. — Согласен. Я его в один миг забодаю.

Бык опустил рога, но Корова и Вол удержали его:

— Остановись, несчастный! Добром это не кончится. И расхлебывать кашу придется нам, Домашним Животным. Не лезь в дела Зверей!

Но Бык никак не мог уговориться и все ревел:

— Тогда не пускайте меня! Держите крепче! Не то я за себя не отвечаю! Всех сейчас разнесу!

Маленькая Митиль дрожала от страха, и Тильтиль прикрикнул на нее:

— Да будет тебе! Отойди подальше и не бойся, у меня нож, а

это уже кое-что. Оказывается, и Домашние Животные злы на нас!

— Ну конечно! — мотнул головой Осел. — Еще как злы! Долго же ты соображал!

— А что плохого мы вам сделали? Кажется, никого не обижали.

— Ничего, равным счетом ничего, мой милый, — проблеял Баран. — Вы только съели моего братишку, двух сестер, трех дядей, тетку и бабушку с дедушкой. Ровным счетом ничего. Погоди, вот сейчас повалю тебя, тогда увидишь, что я тоже не из беззубых. И рога у меня имеются.

— А у меня копыта, да еще какие! — подхватил Осел.

— Найдутся и получше твоих, — вмешался Конь и горделиво заржал. — Мигом расправлюсь. Загрызть мальчишку или затоптать?

И Конь решительно двинулся на Тильтиля, но стоило мальчику замахнуться ножом, как Конь оторопел от страха и во весь дух помчался прочь.

— Давайте нападём на них все вместе, — предложила Свинья Медведю и Волку. — Вы наступайте спереди, а я сзади. Повалим детей, затопчем насмерть, а потом разделим добычу.

— Хорошо! Отвлеките их! — лязгнул зубами Волк и присел, готовый вот-вот броситься на Тильтиля.

Мальчик сжимал в руке нож и мужественно защищал сестру. Силы его иссякали, и, видя это, Деревья и Звери осмелели, стали со всех сторон подбираться к Тильтилю. Каждый так и норовил ударить его. Что делать? Что делать?

— Тило! Тило! Ко мне, Тило! Помоги мне, Кот! — громко позвал Тильтиль.

— Я бы и рад тебе помочь, да не могу, у меня вывихнута лапка, — донесся откуда-то издалека фальшивый голос Кота.

Тильтиль продолжал храбро отражать натиск Деревьев и Зверей, но силы его были уже на исходе.

— Помогите! — снова закричал мальчик. — Тило! Их так много. Я больше не могу. Тило!

И тут из-за кустов выскочил Пес. Обрывки стеблей Плюща волочились за ним. Пес бросился к Тильтилю, закрыл его собой и яростно принялся кусать всех, кто посмел обидеть Тильтиля и Митиль.

— Это тебе! А это тебе! Не бойся, мое божество, я им покажу! Зубы-то у меня крепкие, острые. Что, Медведь, здорово я тебя

куснул? А теперь ты, Свинья, получай. Быка я крепко наказал! Нравится тебе, дурень? Дубу тоже хорошо от меня досталось. Славно я с ними расправляюсь, верно? Ага! Кое-кто уже удирает. Ай! Это Ива стукнула меня, да еще как! Кажется, лапу мне сломала.

Деревья, Звери и Домашние Животные яростно насакивали на Пса, злоба переполняла их:

— Отступник! Изменник! Брось Человека, глупец!

— Ну уж нет! Это вы глупцы, а не я. Человек превыше всего на земле! Я от него никогда не отступлюсь! Я его верный друг навеки! Получайте, получайте!

Небо начало светлеть, а схватка все продолжалась. Как ни стойко защищались Тильтиль и Пес, Деревья и Звери все наступали. Мальчик изнемог от напряжения и упал, обессиленный.

— Больше не могу. Мы погибли!

— Нет, мы спасены! — радостно завопил Пес. — Я слышу, сюда идет Душа Света! Видишь, как порозовело небо? Мы спасены! Враги трусили, они бегут! Ура!

— Душа Света! Душа Света! Скорее сюда! Помоги! — закричал Тильтиль, увидев, что вдалеке и в самом деле показалась Душа Света.

— Что случилось? Ах, глупыш! Как же ты не догадался? Поверни алмаз, и они тотчас умолкнут.

Тильтиль повернул волшебный алмаз, и в то же мгновение Деревья застыли, Звери скрылись в глубине Леса — Лес принял свой обычный безмятежный вид, а Домашние Животные спокойной чередой направились к деревне.

Тильтиль поднялся с земли и с изумлением оглянулся по сторонам.

— Все убежали, исчезли. И Деревья стоят как ни в чем не бывало. Что это с ними стряслось? Словно взбесились.

— Они давно в обиде на Человека. Ведь, признаться, немало вреда нанесли им люди, многие из них беспощадны к Природе. Деревья и Звери видят теперь врага в каждом Человеке. Ты оказался один против всех, — объяснила Душа Света.

— Да. Хорош бы я был, не будь у меня ножа и верного Тило. Счастье иметь такого друга! Милый Тило, как тебе досталось! Вся пасть в крови. И лапу повредил. Очень болит?

— Самую малость. Ничего, скоро заживет, — приободрился Пес. — А вот тебе, мое божество, наверное, очень-очень больно.

— Пройдет, — усмехнулся Тильтиль. — Главное, что Митиль они не тронули. А где же наш Тилетто? Что-то я его не вижу.

В ту же минуту из-за кустов вышел, прихрамывая, Кот.

— Ах, какая была схватка! — воскликнул он. — До сих пор опомниться не могу. Бык так боднул меня в живот, что чуть не убил на месте. Следов, может, и не видно, но боль ужасная. А Дуб так ударил меня, что, кажется, повредил мне лапу.

— Интересно какую, — насмешливо фыркнул Пес. — Ты вроде охромел на все четыре.

Митиль погладила Тилетто по голове.

— Бедный, бедный мой Котик. Но где же ты пропадал, Тилетто? Тебя что-то не было видно.

— Ах, меня ранили в самом начале. Только я хотел поддать Свинье... Это отвратительное создание посмело заявить, что намерено тебя съесть. Ужас! Вот тут-то Дуб и ударил меня.

— Ах ты лгун! погоди, погоди, я еще поговорю с тобой с глазу на глаз, дай время. Ррр... ррр... Я с тобой разделаюсь! Ррр... ррр... ррр... — не переставал рычать Пес.

— Видишь, он меня опять обижает, — захныкал Кот и, забыв про хромоту, во всю прыть кинулся под защиту Митиль. — Вечно так. Какая несправедливость!

— Оставь его в покое, Тило, — сказала Митиль. — Право, ты все-таки грубиян.

— Не время ссориться, не время сводить счеты, — молвила Душа Света. — Друзья мои, вы измучены и нуждаетесь в отдыхе. Давайте выбираться из Леса, тем более что на опушке нас поджидают друзья.

Тильтиль и Митиль обрадовались встрече с Хлебом, Сахаром, Огнем и Водой.

— Куда вы пропали? — удивленно спрашивали Тильтиль и Митиль Огонь и Воду. — Мы уж решили, что вы нас совсем покинули.

— Как можно подумать такое? — запротестовала Вода. — Я отлежалась в Лесу, почувствовала себя лучше и поспешила за вами. Всегда готова помочь, если...

— А я, как вы сами понимаете, — прервал ее Огонь, — не в состоянии сопровождать вас повсюду. Я мог бы ненароком подпалить что-нибудь. Но я все время следовал за вами на случай, если...

— Хорошо, хорошо, — остановила их Душа Света. — Теперь поговорим о другом.

Тильтиль внимательно всмотрелся в прекрасный лик Души Света.

— Что с тобой? — спросил он ее. — Ты так печальна и бледна.

— Мне грустно, дружок, потому что скоро нам придется расстаться.

— Расстаться? Как! А кто же поведет нас дальше? Ведь мы еще не нашли Синей Птицы. Фея Бериллюна рассердится на меня.

— Нет, она поймет, что ты сделал все, что было в твоих силах. Но ты очень устал. И твоя сестра тоже, да и все остальные. Вам нужен хороший отдых. Приближается момент, когда необходимо снова повернуть волшебный алмаз на твоей шапочке — пусть все станет как прежде. А теперь, друзья, прощайтесь.

Первым выступил Хлеб:

— Дорогие Тильтиль и Митиль, вы больше не услышите моего голоса, но я всегда буду с вами — за завтраком, обедом и ужином. Я ваш преданный друг, ведь без меня вы и за стол не садитесь.

— Милые, милые детки, — проговорил Сахар самым сладким своим голоском, — если мое присутствие доставляло вам иной раз радость, вспоминайте обо мне всякий раз, когда...

— Уж очень вы разговорились, — вспыхнул Огонь. — Можно подумать, что только от вас одних радость и польза. А я? А теплая печка? А горячий суп? Разве это ничего не стоит? Я поцелую вас на прощание! — И Огонь бросился к детям.

— Осторожнее! — вскрикнул Тильтиль. — Ты мне нос обжег.

— Ай! И мне тоже! Как горячо! — испугалась Митиль.

— Огонь груб и невоспитан! Никаких манер, — молвила Вода, презрительно глядя на Огонь. — Вот я, мои милые, поцелую вас по-другому. Я не причиню боли.

— Она вас промочит насквозь, берегитесь! — усмехнулся Огонь.

— Не слушайте его, — продолжала Вода. — Я всегда буду добра к вам и ласкова. Вы увидите меня в реке, в фонтане, в ручье. Прислушайтесь к журчанию моих струй, и вы услышите меня.

— Добра и ласкова! — возмутился Огонь. — А наводнения? А потопа? Хороша доброта!

— Опять ссоритесь. Перестаньте! Как вам не стыдно? Ссо-

риться в момент расставания! Дело ли это?! — упрекнула Душа Света извечных неприятелей — Огонь и Воду. — То спорите вы, то Пес и Кот...

— А где же наши Тило и Тилетто? Куда они запропастились? Их давно не видно и не слышно. Где они? — забеспокоился Тильтиль.

В ту же минуту из-за кустов выскочил взъерошенный Кот. Он мчался с громким, отчаянным мяуканьем, а за ним гнался Пес, угощая Кота крепкими тумаками.

— Получай, получай, ты заслужил это сполна! — выкрикивал Пес. — Еще и не то будет! Еще и не так тебе от меня достанется!

Тильтиль и Митиль бросились разнимать их. Мальчик оттащивал Пса, а девочка пыталась загородить собой Кота.

— Что случилось? Из-за чего это вы? — недоумевали дети.

— Вы же знаете, он мой всегдашний обидчик! — притворно застонал Кот. — А ведь я ничего такого ему не сделал...

— Ах ты скверный лгун! Ррр... ррр... ррр...

— Мне стыдно за вас, — укорила Душа Света Кота и Пса. — Вы разве забыли, что мы прощаемся с детьми?

Едва услышав эти слова, Пес бросился к Тильтилю и Митиль, стал обнимать и целовать их.

— Нет, нет, я не хочу расставаться с вами! Я хочу всегда разговаривать с тобой, мое божество! Ведь теперь ты будешь лучше понимать меня, правда? Ты узнал меня! Отныне моя душа открыта для тебя! Я буду всегда вас слушаться. И тебя, милая девочка. Можете на меня положиться. Мое божество, я готов на все! Хочешь, сделаю что-нибудь необыкновенное? Хочешь, поцелую Тилетто?

Кот невозмутимо прихорашивался, он важно расправлял усы, вылизывал шерстку.

— А ты, Тилетто? Ничего не желаешь нам сказать? Разве ты нас не любишь? — спросил Тильтиль.

— А что попусту болтать? — Голос Кота прозвучал весьма холодно. — Разумеется, люблю, но ровно столько, сколько вы того заслуживаете.

— Теперь и я прощаюсь с вами, дорогие Тильтиль и Митиль. Хочу поцеловать вас на прощание, — молвила Душа Света.

Тильтиль и Митиль с плачем кинулись к ней:

— Нет, дорогая, милая! Оставайся с нами! Ну как же нам быть без тебя?

— Увы, тут я не властна. Впрочем, я расстаюсь с вами совсем ненадолго. Знайте, если Человек благороден и честен, сияние Света и Добра не покидает его до самого конца жизни, а это значит, что я всегда буду с вами, друзья мои. И когда вы увидите светлый лунный луч, или ласково мигающую звездочку, или ясную зарю, или даже обыкновенную керосиновую лампу. Но ближе всего я буду к вам, если ваши дела и помыслы честны и чисты. Не плачьте! Вам надо вернуться домой. Там вас ждут отец и мать, они так любят вас. Видите вон ту чудесную зеленую поляну неподалеку от развесистого дуба? Трава там мягкая, как пух. Отдохните немного. Густая листва убережет вас от жарких солнечных лучей, и вы сладко выспитесь.

Тильтиль опасливо покосился на дерево:

— После всего того, что случилось в Лесу...

Душа Света улыбнулась:

— Не бойся, оно тебя не обидит. Деревья опять бессильны перед тобой. Ну, поверни алмаз, пора!

Тильтиль вздохнул и послушно повернул волшебный алмаз.

Все исчезло — Душа Света, Тило, Тилетто. На поляне остались только Тильтиль и Митиль. Девочка спокойно легла на траву и крепко заснула. Тильтиль печально огляделся.

— Нет, мне не заснуть. Как все это грустно! Впрочем, я прилягу, отдохну немного.

Он лег на траву, закрыл глаза...

Солнышко все-таки добралось до мальчика. Яркий луч скользнул по лицу Тильтиля, он зажмурился, потом открыл глаза.

— Какое яркое солнце, — пробормотал Тильтиль. — Должно быть, уже поздно.

— Конечно, поздно! — услышал мальчик веселый голос. — Уже восемь часов пробило. Вставайте, вставайте, лежебоки! Наступило Рождество! Ишь как разоспались!

Тильтиль быстро вскочил:

— А где же Душа Света? Где она?

— Душа Света? Кто это?

— Это ты, мама?

— А кто же еще? Я вижу, ты не совсем проснулся. Ну-ка вставай живее, одевайся. И сестру пора будить. Митиль! Митиль! Вставай, малышка! Вот ведь какая соня, никак ее не добудишься. Ну наконец глаза открыла. Пора подниматься!

— Мамочка, дорогая! — вдруг воскликнул Тильтиль. — Как давно я тебя не видел! Как я соскучился! Давай поцелуемся, еще, еще! Послушай, ведь я в своей кровати и это наш дом!

— Да что с тобой? Очнись! Никак не придешь в себя. Уж не захворал ли? Ну-ка покажи язык! Как будто в порядке. Тогда вставай, надевай куртку, штанишки — вон они лежат на стуле.

— Как? Я в ночной рубашке?

— Конечно. Кто же спит одетым?

— Я же путешествовал в костюме Мальчика с пальчик...

— Путешествовал? Да что ты болтаешь?

— Мама, ведь мы с Митиль уходили очень надолго! Нас вела Душа Света. И Хлеб с нами был, и Сахар, и Вода, и Огонь. Тило и Тилетто тоже. Вода с Огнем и Тило с Тилетто все время ссорились. Ты не сердись, что мы ушли из дома без спроса и так надолго? Ты не скучала? Понимаешь, это было очень важно. Не могли же мы не послушаться феи Берилюны! Скажи, а как папа? Здоров?

— Или ты еще не проснулся, или бредишь и, значит, все-таки болен.

— Да нет же, мама! Это, наверное, ты спишь, а не я!

— Я сплю? Я с раннего утра на ногах, еще до зари встала. И печь истопила, и хлеб испекла. Вволю наработалась.

— Спроси у Митиль, она тебе скажет, что я говорю чистую правду. Митиль, правда я ничего не выдумываю?

Митиль сидела на постели, протирая глаза и удивленно осматриваясь.

— А где же Душа Света? Мы опять дома, да? — пробормотала она. — Мамочка, здравствуй! Ты знаешь, в Лесу Деревья и Звери чуть не убили нас. Если бы не Тило и Душа Света...

— И дочка бормочет какую-то чепуху! Душа Света, Душа Света... Деревья... Нет, с вами что-то неладно, — не на шутку встревожилась мать.

Открыв дверь, она крикнула в соседнюю комнату:

— Отец! Поди-ка сюда! Ребятишки болтают что-то несуразное, ничего не пойму. Боюсь, не захворали ли оба? Взгляни на них.

Отец вошел, поглядел на детей, улыбнулся:

— На больных они вовсе не похожи. Видишь, какие румяные? Детишки наши вполне здоровы. Просто заспались, вот и все. Вставайте живей, лежебоки! Пора завтракать.

Тильтиль и Митиль удивленно переглянулись и стали одеваться. Потом принялись бегать по комнате, весело переговариваясь:

— Смотри-ка, Вода опять льется из крана!

— А Хлеб на столе!

— А Молоко в кувшине! И вовсе не кислое!

— Огонь тоже на своем месте!

— Все-все как прежде. Вон Тило у порога грызет косточку. Тило, милый, доброе утро!

Пес замахал хвостом, оставил косточку и лизнул руку мальчику.

— И я очень люблю тебя, дорогой Тило, — шепнул Тильтиль на ухо Псу. — Теперь я знаю наверняка, что ты мой верный, испытанный друг.

— А мой Тилетто тоже здесь! Вон лакает молоко из миски. — И Митиль подбежала к Коту. — Тилетто, милый! — Она стала гладить его по спине. — Мой славный, хороший котик!

Тилетто на секунду оторвался от миски, недовольно мяукнул и опять принялся за молоко.

Мать озабоченно поглядывала на ребятишек:

— Что с вами, дорогие мои? Ничего не понимаю. Вчера сама укладывала вас в постели, вы были совершенно здоровы.

— Мы и сейчас здоровы, мама, не беспокойся, — ласково улыбнулся Тильтиль. — Просто мы очень долго искали Синюю Птицу, а Душа Света нам помогала...

— О господи, — в страхе прошептала мать.

В эту самую минуту раздался стук в дверь, и в комнату вошла старушка, крошечного росточка, горбатенькая, с большим крючковатым носом.

— Здравствуйте, дорогие соседи! — проговорила старушка скрипучим голосом. — Поздравляю вас с Рождеством!

— Здравствуйте, госпожа Берленго, — ответила хозяйка. — И мы поздравляем вас с праздником!

— Послушай, да ведь это фея Берилюна! — шепнул Тильтиль на ухо сестре. — Узнаешь?

— Узнаю, — тоже шепотом ответила Митиль.

— А я зашла к вам огонька попросить, печку разжечь. Что-то нынче холодно, да и супу хочу наварить ради праздника.

— Госпожа Берилюна, мы не нашли Синюю Птицу, — выступил вперед Тильтиль.

— Госпожа Берленго, ты хочешь сказать, — поправила мальчика старушка.

— Не слушайте их, сударыня, они оба еще спросонья болтают невесть что.

— Ну хорошо, пусть будет госпожа Берленго, если вы так желаете. Видите ли, мы не нашли Синюю Птицу, — настойчиво повторил Тильтиль.

— Но мы очень старались, госпожа фея Берилюна, — добавила Митиль.

— Слышите? Слышите, государыня? Они называют вас феей! И дочка тоже! Меня очень беспокоит, что дети повторяют это в один голос!

— Ничего, пустяки, пройдет. Я знаю, это бывает. Нынче полнолуние. Стоят яркие лунные ночи, вот дети и увидели лунные сны. С моей внучкой такое тоже случается. Она-то у меня очень больна.

— А как сейчас? Получше ей?

— Да как сказать? Не очень. С постели не встает. Доктор говорит, слаба, надо пить лекарства. Но я-то знаю, чем можно ей помочь, знаю, что никаких лекарств не требуется. Нынче она опять о том же заговорила, все просит подарить ей Синюю Птицу. Подари да подари к Рождеству.

— Да-да, помню. Ей очень нравилась птица Тильтиля. Девочка глаз с нее не спускала. Послушай, сынок, может, ты подаришь ей свою горлицу?

— Что подарить, мама?

— Какой бестолковый! Подари девочке горлицу. Ведь не так уж она тебе нужна, верно?

— Конечно. Я отдам ей мою горлицу. Где клетка? Ну да, на своем месте, у окна. Видишь, Митиль, клетка та самая, которую нес Хлеб, помнишь? Ой, Митиль! Посмотри! Моя горлица совсем синяя! Раньше она такой не была. Верно, сестра? Послушай, а может, это и есть настоящая Синяя Птица? Мы так долго ее искали, так мучились, а она все время была здесь, дома! Вот радость-то! Сейчас сниму клетку...

Тильтиль влез на стул, снял высоко висевшую клетку с горлицей и передал ее старушке.

— Вот, госпожа фея Берилюна. Вернее, госпожа Берленго. Это настоящая Синяя Птица. Отнесите ее вашей больной девочке.

— Правда? Ты отдаешь горлицу? И тебе не жаль? Какой славный, добрый мальчик! Спасибо! То-то обрадуется моя внучка! Побегу скорее домой. Я еще загляну к вам. Спасибо!

Старушка ушла, а в комнату вошел отец.

— Папа, скажи, что стало с нашей хижинкой? — удивился Тильтиль. — Как будто все по-прежнему, а все-таки лучше, красивее. Ты что-нибудь переделал?

— Да нет, сынок, все как и раньше.

— У нас в доме так хорошо, так уютно! — Тильтиль подбежал к окну. — А лес какой огромный, красивый! Я рад! Я счастлив!

— И я! — выкрикнула Митиль.

Ребятишки весело запрыгали по комнате.

— Что это вы так расшумелись? — сказала мать. — Потише!

Но отец остановил ее:

— Ничего, пусть резвятся. Дети играют. Значит, здоровы.

В дверь опять постучали, и вошла бабушка соседка. На этот раз она была не одна, женщина держала за руку прелестную девочку.

— Свершилось настоящее чудо! — Бабушка не могла скрыть своего волнения. — Внучка встала с постели! Да что там встала! Она бегает, прыгает, танцует, поет! Как только девочка увидела горлицу Тильтиля, ее словно подменили. Ожила, ожила! Совсем другая! Мы пришли поблагодарить вас.

Тильтиль внимательно взглянул на девочку и вдруг повернулся к сестре:

— Митиль! Смотри! Как она похожа на Душу Света!

— Да, очень, — согласилась Митиль. — Только ростом гораздо меньше.

— Конечно, меньше, но это ничего, она еще подрастет.

А девочка подошла к Тильтилю и, смущенно улыбаясь, сказала:

— Спасибо тебе. Я так рада.

— И я рад. А ты покормила горлицу?

— Нет еще. Я не знаю, чем ее кормить.

— Она все ест. Зерно, хлебные крошки, кузнечиков. Это славная, красивая птица. Правда?

— Очень, очень красивая, — засмеялась девочка. — И такая синяя-синяя! А как она ест?

— Как все птицы — клюет. Сейчас я тебе покажу. Насыплю ей зерна, и ты сама увидишь. Дай-ка мне клетку.

Девочка медленно протянула клетку. Видно было, что ей не хотелось и на мгновение расставаться с горлицей. А Тильтилю не терпелось показать, как она клюет. Второпях он слишком

широко открыл дверцу клетки, птица тут же выпорхнула наружу, прыгнула к открытой двери и исчезла.

— Бабушка! — зарыдала девочка в отчаянии. — Она улетела, она улетела, моя Синяя Птица!

— Не плачь, я непременно ее поймаю, — сказал Тильтиль уверенно. — Теперь-то я знаю, где ее искать. Далеко ей не улететь. У тебя будет Синяя Птица, я обещаю. Ну поверь мне!

Девочка улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Я верю тебе, Тильтиль.

ДЖАН ЛУИДЖИ БЕРТИ

ЗИМНЯЯ ВЕДЬМА

Жила-была злая ведьма. Она любила зиму и ненавидела лето. В длинные туманные ночи, когда землю схватывало льдом, она появлялась на деревенских тропках, за крепостными стенами, и пускалась в пляс. Танцевала она неуклюже, переваливаясь с боку на бок и кружась на месте. Мела метель, деревья зябко ежились на ветру, а ведьма была рада-радешенька и хитро ухмылялась. Ничего, мол, я вам всем, и людям и растениям, скоро покажу, как умею веселиться.

Никто ведьму близко не видел — запоздалые путники, слышав ее адский смех, прятались поскорее в ближайшем домике. Звали ведьму Лютанция.

Но вот наступала весна, ведьма танцевала все реже и реже, все медленнее и неохотнее. Она больше не вопила от восторга, а лишь жалобно стонала и гневно вскрикивала. Еще бы! Ведь ей вместе с приходом весны приходилось исчезать. А она не хотела. И все же как только в засохшей листве расцветали фиалки, зеленела трава на склонах под дубами, а теплый мартовский ветерок колыхал перышки синиц и говорливых сорок, ведьма отправлялась в далекий путь. Ее мучила злоба, и она старалась умертвить и фиалки, и синиц, и сорок, и даже могучие дубы.

Много лет крестьяне и крестьянки так боялись злую ведьму Лютанцию, что не поливали виноградную лозу, не клали яйца под наседок в те дни, когда она была рядом. Стоило ведьме дотронуться до цветка, и он увядал, до виноградной лозы — и

она погибала, до яиц — и из них уже не вылуплялись цыплята.

Но однажды ведьме Лютанции встретился на дороге молодой крестьянин, который ее не испугался. Он-то и задумал ночью вырвать у ведьмы ее таинственное оружие. Звали его Приметто — первенец, и был он самым младшим из десяти братьев, один беднее другого. Рос Приметто худеньким, ловким и скорым на выдумку. На деревья он влезал так быстро, словно за спиной у него крылья. Даже через самую густую, непроходимую чащу пробирался. Вот в такой чаще он и свел дружбу с добрыми гномами. Они открыли ему много тайн, но про ведьмину тайну молчали. Появлялись гномы в лесу днем, а с приближением ночи в страхе убегали прочь.

— Друзья мои, дорогие, — спросил у них однажды Приметто, сидя на ветке вяза, — кто такая Лютанция и почему у нее столько непонятной силы?

Гномы от ужаса чуть не попадали с вяза на землю.

— Лютанция?! — воскликнули они хором. — Да она же злющая ведьма! Она убивает весной цветы и деревья, птиц и зверей, едва те родились. У нее ледяное сердце, черные, узловатые руки и крючковатые пальцы, а ее голос грозен, как завывание зимнего ветра в поле.

— Я Лютанции не боюсь! И хочу с ней сразиться! — отвечал им Приметто. — Но откуда у нее берется столько силы? — снова спросил он.

— У нее есть волшебный гребень.

— Что? — не понял Приметто и вслед за гномами соскользнул с вяза на землю.

— Костяной гребень, — объяснили гномы, дрожа мелкой дрожью. — Им Лютанция дотрагивается до всего, что хочет уничтожить.

Теперь Приметто знал, в чем сила ведьмы, и вскоре придумал, как ее одолеть.

Он купил красивый цветок розмарина и посадил его в ямку рядом с глубоким-преглубоким колодцем возле своего дома. Срубил длинный гибкий прут и вечером залег у колодца в засаде. Затаился и стал ждать, когда появится ведьма.

Прошла одна ночь, долгая и тоскливая, а ведь не появилась. На другую ночь ведьма тоже не пришла. Настала третья ночь.

Приметто полдня спал, чтобы потом ночью не заснуть. Но все равно ночью его одолевал сон.

— Не должен я засыпать, не должен, — упрямо твердил Приметто и даже щипал себя за ноги, чтобы не задремать.

Часы летели, холод становился все нестерпимее. «А вдруг ведьма вообще не придет? — с испугом подумал Приметто. — Нет, придет». Он весь сжался в комок и стал еще пристальнее вглядываться во тьму. И тут из кустов выплыла тень и начала подкрадываться к колодцу. В зыбком свете луны Приметто разглядел ведьму Лютанцию. Он крепко сжал в руке прут и прошептал: «Вот она, Лютанция! Наконец-то».

А на ведьму даже взглянуть и то было страшно. В дырявом платье, штопаном-перештопаном, скрюченная, худющая, она походила на ствол покосившегося оливкового дерева. Белые волосы стояли торчком и казались листьями кустарника, схваченного коркой льда. Горбоносая, с морщинистыми щеками, она то и дело потирала острый, волосатый подбородок. Приметто похолодел от ужаса. Но прута из рук не выпустил.

Ведьма подошла к колодцу и злорадно усмехнулась. Вынула из волос костяной гребень и дотронулась им до цветка розмарина. В тот же миг Приметто изо всех сил хлестнул прутом ведьму по руке. Гребень выскользнул у нее из пальцев и упал на дно колодца. Лютанция закричала яростно, потом застонала. Но вот в глазах у нее сверкнул дьявольский огонь, и она бросилась на Приметто.

— Проклятый мальчика, гнусный, подлый мальчишка! — завопила она. — Сейчас я с тобой расправлюсь!

А Приметто уже быстрее ветра мчался к дому.

Лютанция заметалась, задергалась, снова подбежала к колодцу. Но даже всемогущей ведьме не под силу достать гребень из глубокого-преглубокого колодца. Тогда ведьма в два прыжка подскочила к дому и стала молотить своими ручищами по двери.

— Я заледеню твои руки, а твои ноги одереveneют! — грозила она.

Приметто спиной привалился к двери и не давал ее открыть.

А ведьма все колотила и колотила в дверь. Она начала было поддаваться, но тут удары стали слабеть, а потом и вовсе прекратились.

Приметто подскочил к оконцу и увидел, что уже занимается рассвет. Он совсем выбился из сил, свалился на пол и заснул.

Когда днем его разбудила мать, он сразу и не понял, приснилось ли ему все это или же случилось наяву.

Но только с того дня никто больше не встречал зимой злую ведьму Лютанцию.

Дом с волшебными окнами

ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

одном доме жили две девочки — Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки». А потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?»

Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку — да спать не хочется; ей бы покушать — да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать — да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальет; да еще какая затейница: коли вода нечиста, так свернет лист бумаги, наложит в нее угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальет в нее воды, а вода-то, знай, проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить, а не то и рубашки шить да кроить да еще рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер — день прошел.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строга и сердитая, говорит:

— Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведро утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватила за веревку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мной и пойдет!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху. Идет она дальше. Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питались, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнет головой — от волос иней сыплется, духом дохнет — валит густой пар.

— А! — сказал он. — Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно я уж ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

— Знаю я, зачем ты пришла, — говорит Мороз Иванович, — ты ведро в мой студенец¹ опустила; отдать тебе ведро отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, — прибавил Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; подика приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

---

¹ Студенец — колодец со студеной, очень холодной водой.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь из льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звездочками; солнышко на них сияло, и все в доме блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтоб старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби белье полощут: и холодно, и ветер в лицо, и белье замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

— Ничего, — сказал Мороз Иванович, — только снегом пальцы потри, так и отойдут, не ознобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зеленая травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

— Вот ты говоришь, — сказала она, — что ты старик добрый, а зачем ты зеленую травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

— Не выпускаю потому, что еще не время; еще трава в силу не вошла. Осенью крестьяне ее посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы ее захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да еще сам прилег на нее, чтобы снег ветром не разнесло; а вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберет да на мельницу отвезет; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечешь.

— Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, — сказала Рукодельница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович, — мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студеная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то ведь, я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить — истопят, а трубу закрыть — не закроют или и

закрывать закроют, да не вовремя, когда еще не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем еще я в окошко стучусь, чтоб никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нет шубки, да дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут Добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке, да и лег почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготвила, платье у старика починила и белье выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготвил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

— Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделие деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в ведерко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да сверх того вот тебе на память брильянтик — косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, ухватила за веревку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидев ее, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку-кукареки!

У Рукодельницы в ведерке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала все, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом промолвила:

— Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделие получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да белье штопай, так и ты горсть пяточков зарабатываешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревку да и бух прямо ко дну. Смотрит — перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

— Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмет, тот со мной и пойдет.

А Ленивица ему в ответ:

— Да, как бы не так! Мне себя утомлять — лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь — сам выскочишь.

Идет она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

— Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питаемся, студеной росой обмывались; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет.

— Да, как бы не так! — отвечала Ленивица. — Мне себя утомлять — ручки поднимать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

— Что тебе надобно, девочка? — спросил он.

— Пришла я к тебе, — отвечала Ленивица, — послужить да за работу получить.

— Дельно ты сказала, девочка, — отвечал старик, — за работу деньга следует, только посмотрим, какова еще твоя работа будет. Поди-ка взбей мою перину, а потом кушанье изготвь, да платье мое повычини, да белье повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает:

«Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и не невзбитой перине уснет».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лег в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень ей было посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас — все по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да, чтоб большого труда себе не давать, как все было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да еще кваску подлила, а сама думает:

«Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке все вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатерть не подостлала.

Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

— Хорошо ты готовишь, — заметил он, улыбаясь. — Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел, да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лег отдохнуть, да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и белье не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и белье разбирать; да и тут беда: платье и белье Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так ее и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал да еще спать ее уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе:

«Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

— Да какая же была твоя работа? — спросил старичок. — Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

— Да, как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целых три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: жить и служить — разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперед пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку — пребольшой брильянт.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

— Вот, — говорит, — что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький брильянтик, а целый

слиток серебряный, вишь, какой тяжелый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

*Кукареку-кукурекулька,
У Ленивицы в руках ледяная сосулька!*

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставление.

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

ДВА БРАТА

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте как вкопанные, но все-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь. Даже огромные старики деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий, по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперед по лесу, и каждое дерево на своем участке знал он по имени.

В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него все шло хорошо, а дома бедного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему — семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил, братья ссорились каждый день, как чужие.

И вот однажды — было это двадцать восьмого декабря утром — позвал лесничий сыновей и сказал, что елки к Новому году он им не устроит. За елочными украшениями надо ехать в город. Маму послать — ее по дороге волки съедят. Самому ехать — он не умеет по магазинам ходить. А вдвоем ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать

отца, что он не обидит Младшего и что дома все будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

— Ты даешь мне слово? — спросил отец.

— Даю честное слово, — ответил Старший.

— Хорошо, — сказал отец. — Три дня нас не будет дома. Мы вернемся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное — за брата. Ты ему будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три обеда, три завтрака и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать.

А отец принес дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвонели, полозья закрипели, и родители уехали.

Первый день прошел хорошо. Второй — еще лучше.

И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-Морехода». И дошел он до самого интересного места, когда появляется над кораблем птица Рок, огромная, как туча, и несет она в когтях камень величиною с дом.

Старшему хочется узнать, что будет дальше, а Младший слоняется вокруг, скушает, томится. И стал Младший просить брата:

— Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так и начинались. Младший скучал без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал: «Оставь меня в покое!»

И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул: «Оставь меня в покое!» — вытолкнул его во двор и запер дверь.

А ведь зимой темнеет рано, и во дворе стояла уже темная ночь. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал:

— Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца.

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал:

«Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пушу его обратно. За это время ничего с ним не случится».

И он сел в кресло и стал читать и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь.

Старший вскочил и закричал:

— Что же это! Что я наделал! Младший там на морозе, один, не одетый!

И он бросился во двор.

Стояла темная-темная ночь, и тихо-тихо было вокруг.

Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил.

Тогда Старший зажег фонарь и с фонарем обыскал все закоулки во дворе.

Брат пропал бесследно.

Свежий снег запорошил землю, и на снегу не было следов Младшего. Он исчез неведомо куда, как будто его унесла птица Рок.

Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощения.

Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики.

«Наши возвращаются, — подумал с тоскою Старший. — Ах, если бы все передвинулось на два часа назад! Я не выпнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

А бубенчики звенели все ближе и ближе; вот стало слышно, как фыркает лошадь, вот заскрипели полозья, и сани въехали во двор. И отец выскочил из саней. Его черная борода на морозе покрылась инеем и теперь была совсем белая.

Вслед за отцом из саней вышла мать с большой корзинкой в руке. И отец и мать были веселы: они не знали, что дома случилось такое несчастье.

— Зачем ты выбежал во двор без пальто? — спросила мать.

— А где Младший? — спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

— Где твой младший брат? — спросил отец еще раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повел в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший все рассказал родителям.

Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло, а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

— Одевайся, — сказал отец тихо. — Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

— Что же, мы теперь совсем без детей останемся? — спросила мать, плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дому.

Он шел и звал брата, шел и звал, но никто ему не отвечал. Знакомый лес стеной стоял вокруг, но Старшему казалось, что он теперь один на свете. Деревья, конечно, живые существа, но разговаривать они не

умеют и стоят на месте как вкопанные. А кроме того, зимою они спят крепким сном. И мальчику не с кем было поговорить. Он шел по тем местам, где часто бегал с младшим братом. И трудно было ему теперь понять, почему это они всю жизнь ссорились, как чужие. Он вспомнил, какой Младший был худенький, и как на затылке у него прядь волос всегда стояла дыбом, и как он смеялся, когда Старший изредка шутил с ним, и как радовался и старался, когда Старший принимал его в свою игру. И Старший так жалел брата, что не замечал ни холода, ни темноты, ни тишины. Только изредка ему становилось очень жутко, и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший, правда, был уже большой мальчик, двенадцати лет, но рядом с огромными деревьями в лесу он казался совсем маленьким.

Вот кончился участок отца и начался участок соседнего лесничего, который приезжал в гости каждое воскресенье играть с отцом в шахматы. Кончился и его участок, и мальчик зашагал по участку лесничего, который бывал у них в гостях только раз в месяц. А потом пошли участки лесничих, которых мальчик видел только раз в три месяца, раз в полгода, раз в год. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший шагал, шагал, шагал все быстрее и быстрее.

Вот уже кончились участки таких лесничих, о которых Старший только слышал, но не встречал ни разу в жизни. А потом дорожка пошла все вверх и вверх, и, когда рассвело, мальчик увидел: кругом, куда ни глянешь, все горы и горы, покрытые густыми лесами.

Старший остановился.

Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко легкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в ушах. Потом он задрожал от радости — не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашелся и отец гонится за Старшим в сани, чтобы отвезти его домой?

Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

— Пойду и узнаю, что там за звон, — сказал Старший.

Он шел час, и два, и три. Звон становился все громче и громче. И вот мальчик очутился среди удивительных деревьев. Высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стекла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели.

Мальчик пошел дальше и увидел прозрачные елки, прозрачные березы, прозрачные клены. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев.

Мальчик подошел к березе и отломил веточку. И, пока он ее разглядывал, веточка растяла, как ледяная сосулька.

И Старший понял: лес, промерзший насквозь, превратившийся в лед, стоит вокруг. И растет этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

— Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? — спросил Старший.

— Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

Мальчик оглянулся.

Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце.

А старик, помолчав, повторил отчетливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

— Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил. Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда. Ты знаешь, кто я?

— Вы как будто Дедушка Мороз? — спросил мальчик.

— Отнюдь нет! — ответил старик холодно. — Дедушка Мороз — мой сын. Я проклял его: этот здоровяк слишком добродушен. Я — Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И старик пошел вперед, неслышно ступая по льду своими мягкими белоснежными валенками.

Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порывлся в снег, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щелкнул замок, и тяжелые ледяные ворота открылись в холме.

— Следуй за мной, — повторил старик.

— Но ведь мне нужно искать брата! — воскликнул мальчик.

— Твой брат здесь, — сказал Прадедушка Мороз спокойно. — Следуй за мной.

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном пустом ледяном зале. Сквозь открытые настежь высокие двери виден был следующий зал, а за ним еще и еще. Казалось, что нет конца этим просторным пустынным комнатам. На стенах светились круглые ледяные фонари. Над дверью в соседний зал на ледяной табличке была вырезана цифра «2».

— В моем дворце сорок девять таких залов. Следуй за мной, — приказал Прадедушка Мороз.

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но старик даже не обернулся. Он мерно шагал вперед и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца.

Посреди этого зала стояла высокая белая печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось погреться.

Но в печке этой ледяные поленья горели черным пламенем. Черные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом.

И Прадедушка Мороз опустился на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени.

— Садись рядом, померзнем, — предложил мальчику.

Мальчик ничего не ответил.

А старик уселся поудобнее и мерз, мерз, мерз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки.

Тогда Прадедушка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжег их ледяными спичками.

— Ну, а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобою, — сказал он мальчику. — Ты. Должен. Слушать. Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой.

И Прадедушка Мороз продолжал отчетливо и гладко:

— Ты. Выгнал. Младшего брата. На мороз. Сказав. Чтобы он. Оставил. Тебя. В покое. Мне нравится этот поступок. Ты любишь покой так же, как я. Ты останешься здесь навеки. Понял?

— Но ведь нас дома ждут! — воскликнул Старший жалобно.

— Ты. Останешься. Здесь. Навеки, — повторил Прадедушка Мороз.

Он подошел к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно. Из снега на ледяной пол посыпались птицы. Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

— Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое, — сказал старик.

— Они мертвые? — спросил мальчик.

— Я успокоил их, но не совсем, — ответил Прадедушка Мороз. — Их следует вертеть перед печкой, пока они не станут совсем прозрачными и ледяными. Займись. Немедленно. Этим. Полезным. Делом.

— Я убегу! — крикнул мальчик.

— Ты никуда не убежишь! — ответил Прадедушка Мороз твердо. — Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что — он удержит тебя здесь, а впоследствии ты привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытой дверцей печки. Он поднял с полу дятла, и руки у него задрожали. Ему казалось, что птица еще дышит. Но старик, не мигая, смотрел на мальчика, и мальчик угрюмо протянул дятла к ледяному пламени.

И перья несчастной птицы сначала побелели как снег. Потом вся она стала твердой как камень. А когда она сделалась прозрачной как стекло, старик сказал:

— Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедушка Мороз неподвижно стоял возле. Потом он осторожно уложил ледяных птиц в мешок и спросил мальчика:

— Руки у тебя не замерзли?

— Нет, — ответил он.

— Это я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — сказал старик. — Но помни! Если. Ты. Ослушаешься. Меня. То я. Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь.

И Прадедушка Мороз, взяв мешок, ушел в глубину дворца, и мальчик остался один.

Где-то далеко-далеко захлопнулась со звоном дверь, и эхо перекатилось по всем залам.

И Прадедушка Мороз вернулся с пустым мешком.

— Пришло время удалиться ко сну, — сказал Прадедушка Мороз. И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала.

Прошло две-три минуты, и мальчику показалось, что кто-то заводит карманные часы. Но он понял вскоре, что это тихонько храпит во сне Прадедушка Мороз.

Утром старик разбудил его.

— Отправляйся в кладовую, — сказала он. — Двери в нее находятся в левом углу зала. Принеси завтрак номер один. Он стоит на полке номер девять.

И мальчик пошел в кладовую. Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И Старший принес на ледяном блюде завтрак номер один.

И котлеты, и чай, и хлеб — все было ледяное, и все это надо было грызть или сосать, как леденцы.

— Я удаляюсь на промысел, — сказал Прадедущка Мороз, окончив завтрак. — Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свидания, мой юный ученик.

И Прадедущка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался наконец до сорок девятого зала и остановился как вкопанный.

Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра «49». Последний зал был заперт наглухо.

— Младший! — крикнул старший брат. — Я пришел за тобой. Ты здесь?

«Ты здесь?» — повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промерзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную кору, но пальцы его скользили и срывались. Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба.

И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошел Прадедущка Мороз.

И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнем несчастных замерзших птиц, белок и зайцев.

Так и пошли дни за днями.

И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном: чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую. Он ворочал мешки с замороженной капустой, с замороженным зерном, с замороженными орехами, надеясь найти топор. И он нашел его наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал, и наяву и во сне, все об одном, все об одном.

А старик хвалил мальчика за спокойствие. Стоя у печки неподвижно, как столб, глядя, как превращаются в лед птицы, зайцы, белки, Прадедущка Мороз говорил:

— Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова. С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говорили просто, а Прадедушка Мороз как будто читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы.

Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю.

— Ах; как тихо, как прекрасно было тогда жить на белом, холодном свете! — рассказывал он, и его ледяные усы и борода звенели тихонько. — Я был тогда молод и полон сил. Куда исчезли мои дорогие друзья — спокойные, солидные, гигантские мамонты! Как я любил беседовать с ними! Правда, язык мамонтов труден. У этих огромных животных и слова были огромные, необычайно длинные. Чтобы произнести одно только слово на языке мамонтов, нужно было потратить двое, а иногда и трое суток. Но. Нам. Некуда. Было. Спешить.

И вот однажды, слушая рассказы Прадедушки Мороза, мальчик вскочил и запрыгал на месте, как бешеный.

— Что значит твое нелепое поведение? — спросил старик сухо.

Мальчик не ответил ни слова, но сердце его так и стучало от радости.

Когда думаешь все об одном и об одном, то непременно в конце концов придумаешь, что делать.

Спички!

Мальчик вспомнил, что у него в кармане лежат те самые спички, которые ему дал отец, уезжая в город.

И на другое же утро, едва Прадедушка Мороз отправился на промысел, мальчик взял из кладовой топор и веревку и выбежал из дворца.

Старик пошел налево, а мальчик побежал направо, к живому лесу, который темнел за прозрачными стволами ледяных деревьев. На самой опушке живого леса лежала в снегу огромная сосна. И топор застучал, и мальчик вернулся во дворец с большой вязанкой дров.

У ледяной дубовой двери в сорок девятый зал мальчик разложил высокий костер. Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся.

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала так, что больно было смотреть, но вот наконец вся она покрылась

мелкими водяными капельками. И когда костер погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла.

— Ага! — сказал он и ударил по двери топором. Но ледяной дуб по-прежнему был тверд как камень.

— Ладно! — сказал мальчик. — Завтра начнем сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедушка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костер разгорелся, мальчик протянул птицу к огню.

Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул, и глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

— Здравствуй! — сказал ей мальчик, чуть не плача от радости. — погоди, Прадедушка Мороз! Мы еще поживем!

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, белок и зайцев. Он устроил своим новым друзьям снеговые домики в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он устилал мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по ночам было холодно зато потом, у костра, и птицы, и белки, и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра.

Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом он играл с ними у огня или рассказывал о своем брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, что и птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принес вязанку дров, развел костер и уселся у огня. Но никто из его друзей не вышел из своих снеговых домиков.

Мальчик хотел спросить: «Где же вы?» — но тяжелая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня.

Это Прадедушка Мороз подкрался к нему, неслышно ступая своими белоснежными валенками.

Он дунул на костер, и поленья стали прозрачными, а пламя черным. И когда ледяные дрова догорели, дубовая дверь стала такую, как много дней назад.

— Еще. Раз. Попадешься. Заморожу! — сказал Прадедушка Мороз холодно. И он поднял с пола топор и запрятал его глубоко в снег своей шубы.

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя заснул как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осторожно мялкими лапками барабанит по его щеке.

Мальчик открыл глаза. Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почували опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на выручку к своему другу.

Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снег шубы Прадедушки Мороза и долго рылись там. И вдруг что-то зазвенело тихонечко.

— Оставьте меня в покое, — пробормотал во сне старик.

И белки спрыгнули на пол и подбежали к мальчику.

И он увидел: они принесли в зубах большую связку ледяных ключей.

И мальчик все понял.

С ключами в руках бросился он к сорок десятому залу. Друзья его летели, прыгали, бежали следом.

Вот и дубовая дверь.

Мальчик нашел ключ с цифрой «49». Но где замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно.

Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся ползать по двери вниз головою. И вот он нашел что-то. И чирикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень.

И дятлы терпеливо застучали своими твердыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырехугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась. А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину.

И он вставил ключ и повернул его, и замок щелкнул, и упрямая дверь открылась наконец со звоном.

И мальчик, дрожа, вошел в последний зал ледяного дворца. На полу горами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой, и слезы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом. Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слезы на щеках — все было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:

— Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждет! Скорее бежим домой!

Не дождавшись ответа, Старший схватил своего ледяного брата на руки и побежал осторожно по ледяным залам к выходу из дворца, а друзья его летели, прыгали, мчались следом.

Прадедушка Мороз по-прежнему крепко спал. И они благополучно выбрались из дворца.

Солнце только что встало. Ледяные деревья сверкали так, что больно было смотреть. Старший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего. И вдруг громкий крик раздался позади.

Прадедушка Мороз кричал тонким голосом так громко, что дрожали ледяные деревья:

— Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно. Старший почувствовал, что у него холодеют ноги, леденеют и отнимаются руки. А Младший печально глядел прямо перед собой, и застывшие слезы его блестели на солнце.

— Остановись! — приказал старик.

Старший остановился.

И вдруг все птицы прижались к мальчику близко-близко, как будто покрыли его живой теплой шубой. И Старший ожил и побежал вперед, осторожно глядя под ноги, из всех сил оберегая младшего брата.

Старик приближался, а мальчик не смел бежать быстрее: ледяная земля была такая скользкая! И вот когда он уже думал, что погиб, зайцы вдруг бросились кубарем под ноги злому старику. И Прадедушка Мороз упал, а когда поднялся, то зайцы еще раз и еще раз свалили его на землю. Они делали это, дрожа от страха, но надо же было спасти лучшего своего друга.

И когда Прадедушка Мороз поднялся в последний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедушка Мороз заплакал от злости.

И когда он заплакал, сразу стало теплее.

И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг и ручьи бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор, почки набухли на деревьях.

— Смотри — подснежник! — крикнул Старший радостно. Но Младший не ответил ни слова. Он по-прежнему был неподвижен, как кукла, и печально глядел прямо перед собой.

— Ничего. Отец все умеет делать! — сказал Старший Младшему. — Он оживит тебя. Наверное оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался, как вихрь, от радости. Ведь все-таки брата он нашел.

Вот кончились участки лесничих, о которых мальчик только слышал, и замелькали участки знакомых, которых мальчик видел раз в год, раз в полгода, раз в три месяца. И чем ближе было к дому, тем теплее становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-

птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умеют, но и они шумели радостно: ведь листья распустились, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся.

На дне ямки, под старым кленом, куда не заглядывало солнце, лежал подтаявший темный снег.

И Старший упал.

И бедный Младший ударился о корень дерева.

И с жалобным звоном он разбился на мелкие кусочки.

Сразу тихо-тихо стало в лесу.

И из снега вдруг негромко раздался знакомый тоненький голос: — Конечно! От меня. Так. Легко. Не уйдешь!

И Старший упал на землю и заплакал так горько, как не плакал еще ни разу в жизни. Нет, ему нечем было утешиться, не на чем было успокоиться.

Он плакал и плакал, пока не уснул с горя как убитый.

А птицы собрали Младшего по кусочкам, и белки сложили кусочек с кусочком своими цепкими лапками и склеили березовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой теплой шубкой. А когда взошло солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слезы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали теплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали черными. И прядь волос на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз и другой и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах.

Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку.

А тот открыл глаза и спросил как ни в чем не бывало:

— А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и оба брата помчались домой.

Мать и отец сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и суровое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

— Как птицы громко кричат сегодня, — сказала мать.

— Обрадовались теплу, — ответил отец.

— Белки прыгают с ветки на ветку, — сказала мать.

— И они тоже рады весне, — ответил отец.
— Слышишь?! — вдруг крикнула мать.
— Нет, — ответил отец. — А что случилось?
— Кто-то бежит сюда!
— Нет! — повторил отец печально. — Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит.
Но мать была уже во дворе и звала:
— Дети, дети!
И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки.
Родители бросились к ним навстречу.
И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления.
Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем черной, как прежде. И отец помолодел от этого лет на десять.
С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень-очень редко, но все-таки бывает.
И с тех пор они жили счастливо.
Правда, Старший говорил изредка брату:
— Оставь меня в покое.
Но сейчас же добавлял:
— Ненадолго оставь, минут на десять, пожалуйста. Очень прошу тебя.
И Младший всегда слушался, потому что братья жили теперь дружно.

ЭСФИРЬ ЭМДЕН

ДОМ С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НОВЫЙ ГОД

*Снег на улице хрустит,
Сон на саночках катит.*

На стекле была нарисована морозная елочка, и смутно виднелась сквозь ее мохнатые серебряные ветви широкая вечерняя улица.

В высоких домах зажигались окна — одно за другим, как гирлянды лампочек на елке.

Кто-то забыл у ворот саночки. Два человека торопливо шли по мостовой и размахивали руками.

В самом конце улицы, там, где начинался бульвар, все сливалось в мохнатое, белое, пушистое... Шел снег.

В комнате пахло хвоей. Большая елка стояла в углу, и стеклянные шары тускло поблескивали на ней.

Давно уже пора было зажигать елку, но мама еще не вернулась с работы. Ее вызвали в больницу в пять часов, а теперь... Таня посмотрела на часы — маленькая стрелка приближалась к девяти.

Опять весь вечер без мамы! А сегодня Новый год. Правда, мама сказала, что она постарается прийти пораньше и они вместе зажгут елку и чтоб Сережа никуда не уходил. Он и не уходит никуда, сидит дома. Да ведь молчит все время, не разговаривает! Только спросил один раз: «Кушать не хочешь? Ну, посмотри картинки, мама скоро придет...»

Нет, не идет мама, и Сережа не разговаривает, и картинки все уже старые, знакомые. Скучно. Таня прислонилась к спинке дивана и задумалась.

Какой хороший Новый год был в прошлый раз! Мама и папа были дома. Пришли знакомые ребята и принесли волшебный фонарь. А в фонаре были картинки про медведя, и про лису, и про дедову избушку...

Отчего это в комнате вдруг посветлело?..

— Сережа, посмотри, у нас окошко светится! Отчего это, Сережа?

— Это от фонаря, — сказал Сережа, не оборачиваясь.

Он барабанил пальцами по замерзшему стеклу и тихонько насвистывал какой-то марш. В другой вечер он давно нашел бы себе занятие и уж непременно между делом не раз подразнил сестру, но сегодня даже ссориться не хотелось. И правда, что за неудачный Новый год! Мама весь вечер на работе, а его оставила дома, с Танюшкой. И отца нет — он со своим начальником уехал прокатывать по зимнему пути новую машину.

Сережа оглянулся на сестру и тихонько направился в свой угол, где было его хозяйство: рейки, планки, гайки, старый футбольный мяч с заплатой на боку... У Танюшки свой угол — там живут всякие девчоночьи игрушки: молчаливые, неподвижные куклы (а одна уже такая старая, ватная, что даже Таня с ней не играет), неуклюжие байковые медведи, мячики, запрятанные в сетки...

Но маневр не удался: Таня, задумчиво сидевшая на диване и как будто даже задремавшая, живо вскочила и подбежала к брату:

— Ты что будешь делать, а, Сережа?

— Да ничего особенного, — скучным голосом сказал Сережа, пряча за спину руки с молотком и гвоздями.

— Я посмотрю, хорошо?

— Да ты все сто раз видела! Ну шла бы к своим куклам... Ладно, ладно, только не хнычь, пожалуйста! Садись вот сюда и не мешай, хорошо?

— Хорошо, хорошо, не буду мешать. Ты это что, ты машину будешь делать, да?

— Я сказал — сиди тихонько...

Поблескивают на елке шары. За окном падает снег. В углу, за перевернутым стулом, строится необыкновенная машина.

У нее кузов автомобиля и пропеллер самолета. У нее горделивая труба красавца парохода и капитанский мостик. «Право на борт! — командует капитан. — Отплываем! Улетаем! Поехали!»

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСТЬЯ

*Это снилось всем ребятам,
Даже бабушке когда-то.*

Снег падал и падал не переставая. Может быть, он уже спрятал весь дом от чужих любопытных глаз. Может быть, он тихонько раскачивал дом направо — налево, направо — налево... Потому что лампа тоже раскачивалась и нельзя было не мигая смотреть на нее.

И, наверно, потому стук слышали не сразу. Он доносился как будто издалека, как будто в дверь стучали молоточком, обернутым в вату.

— Кто там? — спросила Таня и на цыпочках подбежала к двери.

За дверью что-то шуршало, и ответ нельзя было разобрать. Таня отперла замок, и тепло обитая дверь мягко приоткрылась. Никого!

Таня выглянула — дверь подъезда была открыта. И она ясно увидела, как вереница маленьких белых мышей промчалась мимо подъезда. Или это был снег?

Но в эту минуту прямо в дверь влетело целое облако густого морозного пара.

— Приехали, — сказал тихий голос, и в этом облаке прямо в дверь квартиры вошла старушка гостья.

Она топала валенками, отряхивала снежинки, густо облепившие шубу, и сердито поглядывала из-под белого заснеженного платка.

— Здравствуйте! — робко сказала Таня.

— Ну, здравствуй, здравствуй, — проворчала гостья. — Я уж думала, ты не узнаешь меня.

— А разве вы у нас бывали? — удивилась Таня.

Гостья сердито на нее посмотрела и пробормотала:

*Не играют — забывают,
Забывают — не играют.*

Таня широко открытыми глазами смотрела на гостью.

— Как вы сказали?

— Не надо спать, — проворчала гостья, — тогда все услышишь.

— А я не сплю, я жду маму.

— Ах, ты ждешь маму? — смягчилась гостья. — Так имей в виду, что мама тоже ждет вас! Тебя и твоего брата. Она сама не может прийти.

— Почему? — огорчилась Таня.

Гостья опять рассердилась.

— Вот сидят они и ждут, будто ноги не идут! — пробормотала она. — Как будто сами ходить не могут! А мама устала, а мама весь день на ногах, а мама ждет их после работы!

— Так мы пойдем к ней, бабушка! Где она?

Но старушка, не отвечая, забежала по комнате. Она семенила мелкими шажками, заглядывала во все углы и бормотала:

*Недалёко, недалечко —
Там на улицу крылечко,
И на улицу окно,
Да волшебное оно!*

— Волшебное окно? — повторила с восторгом Таня. — А почему?

Старушка три раза обернулась вокруг себя и опять очень быстро забормотала:

— Так блестит и так сверкает, все дороги освещает, освещает все пути и домой велит идти. Там такие разговоры, там лежат игрушек горы. Ваша мама у окна, ждет детей своих она.

— Ой, бабушка, где это окошко? — закричала Таня. — Где этот дом?

А старушка продолжала бормотать, но уже не так быстро:

*Там волшебное окно,
И, по правде, не одно.
Этот дом найти сумеете,
В этот дом войти посмейте!*

— Да как его найти? Бабушка!
А старушка свое:

*Не бояться, не бежать,
Только, чур, не опоздать!*

И, мягко пробежав по комнате, она открыла входную дверь. Сережа вздрогнул от холода и, потягиваясь, с удивлением посмотрел на старушку гостью.

А та сейчас же обернулась:

— Эй, мальчик, не слышал меня?

*Не бояться, не бежать,
Только, чур, не опоздать!*

Сережа молча кивнул головой. Он не мог понять, откуда взялась эта странная гостья.

— Мы не будем бояться, — горячо сказала Таня. — Правда, Сережа?.. Только вдруг мы опоздаем и не найдем маму?

— А вы поезжайте на машине! — быстро сказала гостья и показала рукой на Сережин угол.

Сережа вскочил со стула.

— Она еще не готова, — сказал он. — Откуда вы про нее знаете?

Старушка погрозила ему:

— Это что еще такое? Он машину не достроил, а теперь пора идти. Может, выстроишь в пути?

И она выбежала из двери. А в комнату снова ворвалось белое облако морозного пара, и дети слышали, как сквозь сон, слова уходящей гостьи:

— Торопитесь, торопитесь, не опоздайте... Берегитесь Ледяного Ветра. Он захочет оставить вас в Старом году...

— Сережа, ты слышал? — сказала Таня шепотом. — «Берегитесь Ледяного Ветра...»

— Одевайся потеплее, — сказал Сережа сурово. — Нам надо торопиться, уже скоро десять часов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОМ С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ

*Мы из дому ушли вдвоем,
А на дворе метель метет.
Как нам найти желанный дом?
Куда дорога приведет?*

Только три часа назад дети шли по этой улице с последними елочными покупками, но узнать ее теперь было почти невозможно.

Что стало с улицей? Что стало с домами, с воротами? Что стало со знакомым, как собственные саночки, бульваром?

Снег плясал вокруг фонарей, и длинные фонари смешно отмахивались от него и прижимались к домам, а дома неслись прямо к незнакомому белому лесу, неизвестно откуда появившемуся в конце улицы.

Сережа и Таня шли, крепко взявшись за руки, чтобы не потерять друг друга в этом снежном вихре.

На секунду ветер утих, и они ясно увидели у самого фонаря блестящие, сияющие окна большого дома. Они так ярко освещали улицу, что Таня закричала:

— Дом с волшебными окнами! Сережа, скорей! — и потянула брата за руку.

С трудом им удалось пробиться сквозь снег, но они увидели самый обыкновенный дом — шестиэтажный, новый. Все окошки одинаковые, и за всеми окошками — елки.

— Ой, Сережа, он не волшебный! — грустно сказала Таня. — Он самый обыкновенный. И мамы в окошке нет.

— Идем дальше, — решительно сказал Сережа.

Ребята пробивались сквозь снег то вправо, то влево, но дома с волшебными окнами не было, а снег валил все гуще и гуще, и за его густой сеткой скоро уже нельзя было разглядеть ничего, кроме очертаний незнакомого леса вдаль.

И вдруг дети увидели впереди себя мчащиеся вихрем саночки. Их везла вереница белых мышей, а в саночках сидела и, обернувшись, махала рукой старушка в заснеженной шубе и в большом пуховом платке.

— Бабушка! — крикнула Таня. — Это та самая бабушка, что к нам приходила!

Таня побежала за саночками, но споткнулась о какой-то сучок и упала, не выпуская Сережиной руки. И оба они покатились по снегу куда-то вниз.

— Держись за меня! — успел только крикнуть Сережа.
Но Таня уже вскочила на ноги и с изумлением оглядывалась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ЛЕСУ

*На серебряных дорожках
Рассыпает месяц крошки.
Если клюнет крошку птица,
Станет птица серебриться.*

*Месяц, месяц, посвети,
Нам вперед пора идти!*

Они стояли в лесу, в совершенно белом и тихом лесу. Прямо вперед уходила освещенная месяцем дорожка. Нельзя было не ступить на нее.

Снежные великаны-деревья сторожили дорожку. Они молча пропустили детей, но чуть только Танины ботинки захрустели по дорожке, как первое же дерево сказало немного надтреснутым голосом:

— Не хрустите по хворосту!

— А как же нам идти? — сказала Таня и сделала еще один шаг вперед.

— Не хрустите по хворосту! — повторило второе дерево. — Поднимите сучок.

Таня сейчас же наклонилась и нашла на дорожке два заиндевевших сучка. И Сережа нашел два таких же, только немного побольше. Но не успел он их взять в руки, как сучки превратились в блестящие коньки! И Танины — тоже.

Сережа быстро надел свою пару. До чего ж удобны, до чего легки!

На таких коньках не трудно взять первый школьный приз!

Но что делать с Танюшкой? Ведь она же еще не умеет кататься.

А Таня уже скользит на своих коньках — и как хорошо! Да еще кричит:

— Эй, Сережа, догоняй!

И вот они побежали вдвоем по гладкой ледяной дорожке. Они легко и быстро скользили по ней, а в ушах у них звучала совсем не знакомая им песенка:

*Унесут коньки чудесные
Прямо в страны неизвестные,
В страны елочных чудес —
В новогодний зимний лес.*

А в лесу кто-то рубил дрова. И Таня первая заметила за деревьями маленького старичка в тулупе и подшитых валенках. Старичок работал и мурлыкал себе под нос:

*Нарублю-ка я дровишек
Для девчонок и мальчишек,
Чтобы стало им теплей,
Чтобы стало веселей.*

Таня, на удивление Сереже, ловко затормозила.

— Дедушка, — закричала она, — как нам выйти из лесу?

Старичок медленно выпрямился и посмотрел на детей.

— Я бы вас провел, милые, да ведь я на работе, с работы не уйдешь.

— А какая у вас работа, дедушка? — спросила Таня.

— Да вот дров нарублю, а потом замораживать пойду. Окна вот сегодня уже все заморозил, да еще работа задана... — И старичок вздохнул.

— Ой, дедушка, вы умеете окошки замораживать? — с восхищением сказала Таня. — А какая еще у вас работа?

Но Сережа недоверчиво смотрел на старичка.

— Дед смеется над тобой, а ты веришь, — сказал он негромко.

Старичок, нахмутив косматые брови, разглядывал Сережу.

— Ишь ты, какой недоверчивый! — спокойно сказал он. — У меня, девушка, вот еще какая работа: двое ребятишек тут должны, говорят, пройти, так мне велено их заморозить.

— Почему, дедушка? — испуганно шепнула Таня.

— А потому, милая, что они ищут чего не надо! — И старичок зашептал, тревожно оглядываясь по сторонам: — Дом с волшебными окнами ищут! А хозяин мой их туда не пустит, нет... Мой хозяин не любит, чтобы дети туда ходили.

— Да почему же, дедушка?

— А потому, что туда Новый год приходит, детям счастье приносит. А мой хозяин не любит счастливых детей, нет, не любит.

Старичок еще раз боязливо посмотрел по сторонам и снова зашептал:

— Он уже сколько детей изловил на своем веку! Как увидит веселого мальчишку или девчонку, так сейчас поймают. А уж куда он их потом деваает, не знаю.

Сережа крепко взял сестренку за руку. Он слушал теперь деда внимательно и настороженно.

— А кто ваш хозяин, дедушка? — насупившись, спросил он.

— Мой хозяин, милые, господин Ледяной Ветер.

— Господин Ледяной Ветер... — повторила Таня. — Как странно... А тебя как зовут, дедушка?

— А я Морозкой зовусь, милые, Морозкой.

— Морозкой? — обрадовалась Таня. — Так ведь ты совсем не страшный, дедушка Морозко! За что же ты хочешь тех ребят заморозить?

— А вы уж не те ли дети будете? — подозрительно спросил Морозко. — Сказано было: мальчик в шапке-ушанке и девочка в белой шубке. Так и есть — те самые. Стойте, я вас сейчас заморожу!

— Дедушка, не дурите, — твердо сказал Сережа. — Вы лучше нам покажите дорогу. И что это у вас за хозяин, не пойму! Зря вы его слушаетесь.

— Ох, милые, дурной хозяин, — вздохнул Морозко. — И тулуп у меня прохудился, и валенки дырявые, а новых не допросишься никак. Все говорит — не полагается, не отслужил еще. А мне уж, милые, да-авно на пенсию пора...

— Каррр! — закричала сидевшая на дереве ворона. — Карр! Рразболтался, старый дуррак!

— Заморожу! — крикнул Морозко и замахнулся на ворону.

А дети побежали дальше.

— Эй, милые, — крикнул им вдогонку Морозко, — погодите, дорогу покажу!..

Но только дети обернулись к Морозке, как вдруг струя ледяного ветра пронеслась по лесу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОСПОДИН ЛЕДЯНОЙ ВЕТЕР

Он холоднее всех на свете,

Он — ледяной, жестокий ветер.

Стало так холодно, что сердце готово было остановиться. Пальцы оледенели и перестали слушаться.

Морозко исчез, и дети остались совсем одни в лесу. Даже вороны куда-то попрятались.

— Куда же нам идти? — сказала Таня, задыхаясь и закрывая лицо руками.

Она ступила разок и споткнулась.

— Что, опять разучилась кататься? — сказал Сережа. — Снимай скорей коньки, тут на них не проедешь.

— Это дедка набросал тут своих ледяшек. Вот еще глупый-то! — сказала Таня, снимая коньки. — Куда же нам теперь идти? Сережа, ты найдешь дорогу?

— Конечно, найду, — сказал Сережа, прислушиваясь. — Подожди, кто-то идет. Сейчас все узнаем.

Из-за деревьев вышел очень высокий, худой человек в длинном бесцветном плаще. Он шел так быстро, что полы его длинного плаща разлетались по сторонам.

Когда он проходил мимо детей, эти длинные, разлетающиеся полы задели их, и Таня тихо охнула и зябко поежилась. Но высокий человек быстро прошел дальше и даже не оглянулся.

— Послушайте! — крикнул ему вдогонку Сережа. — Вы толкнули мою сестру!

— Это ничего, Сережа, — испуганно шепнула Таня. — Ты спроси у него лучше дорогу.

— Сам найду, — сказал Сережа.

Высокий человек неожиданно остановился.

— Вот как? — сказал он насмешливо.

— Мы, кажется, заблудились, — дрогнувшим голосом сказала Таня.

— Мне это совершенно безразлично, — процедил человек в бесцветном плаще.

— Можно, мы пойдем за вами?

— Это не мое дело.

— Таня, не ходи за ним! — И Сережа схватил сестру за руку.

Но Таня умоляюще взглянула на него:

— Ой, Сережа, я боюсь! Ведь мы заблудились. Мы не найдем маму! А он все-таки взрослый.

Делать было нечего, и Сережа, нахмурившись, пошел по следам незнакомца в бесцветном плаще.

Почему этот человек ему так не нравился, Сережа сам не понимал. Человек как человек, только странный какой-то. Идет впереди, а сквозь него все видно. И холодно как за ним идти!

Таня крепко держалась за Сережину руку, поспевала за ним изо всех сил. Но человек в бесцветном плаще шел так быстро, как будто летел!

Когда становилось особенно скользко, он взмахивал длинными руками. Тане показалось, что от этого становилось еще холодней.

Морозко набросал тут, наверно, много ледяшек, потому что Таня все время спотыкалась, и, если б не Сережа, она, наверно, не раз упала бы. Но человек в бесцветном плаще ни разу не обернулся.

Впереди был овраг и через него мостик. Незнакомец быстро прошел по мостику и остановился.

Дети тоже остановились. Пройти вдвоем по узенькому скользкому мостику было невозможно.

— Сережа, иди, — сказала Таня, — а потом ты поможешь мне.

Но Сережа крепко держал сестренку за руку.

— Я боюсь оставить тебя тут одну, — сказал он.

И вдруг порыв ледяного ветра снова налетел на детей. Они прижались друг к другу, но ветер хлестал в лицо, сбивал с ног, а человек в бесцветном плаще махал им издали руками и что-то выкрикивал. Слова его сливались с завыванием ветра, и их нельзя было разобрать.

— Он хочет помочь нам, — сказала Таня. — Сережа, иди ты первый! — И она выпустила руку брата.

— Думай только о себе, — холодно отчеканил человек в бесцветном плаще и зашагал дальше. — Дом с волшебными окнами уже близко, — глухо сказал он, не оборачиваясь.

И тут Сережа увидел, как за деревьями что-то засияло, заискрилось, заблестело. Какой дворец стоял там! Весь в хрустальных узорах, весь в переливах звезд!

За окнами сверкала елка, и Сереже показалось даже, что мама стоит на крыльце в своей теплой серой шубке и машет ему рукой...

— Мама! — Сережа так и кинулся к ней.

Но вдруг в ушах у него зазвенело. С треском, с хрустом, со звоном рассыпался на кусочки дворец. И вот уже нет ничего, а все еще что-то дребезжит и скрипит — это издевается, хохочет незнакомец.

От этого смеха Сереже стало так страшно, что он даже зажмурился и закричал:

— Таня, где ты? Я иду за тобой!

А когда он открыл глаза, человека в бесцветном плаще уже не было и только почему-то раскачивались верхушки великанов-елей.

А Таня прыгала на той стороне, похлопывая варежками.

— Танюшка, это ты? — радостно закричал Сережа. — Никуда не уходи, я сейчас переведу тебя!

— Только скорей, — крикнула Таня, — холодно!

— А мне почему-то стало теплее, — сказал Сережа.

Сразу утих ветер, и человек в бесцветном плаще перестал махать руками.

На уроках физкультуры Сережа был всегда одним из первых. Он осторожно и ловко прошел по скользкому мостику.

Теперь надо было найти хорошую палку и протянуть ее Тане.

Но вдруг человек в бесцветном плаще взмахнул руками. Сразу подул резкий ветер, и мостик обрушился вниз!

— Что же вы сделали? — задыхнувшись, крикнул Сережа. — Моя сестра там осталась!

Человек в бесцветном плаще обернулся и посмотрел на Сережу. Ух, каким ледяным взглядом он смерил его с ног до головы!

— А не все ли тебе равно? — сказал он наконец.

— Как вы можете так говорить! Ведь она там одна осталась!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МИХАЙЛОМ ИВАНЫЧЕМ

*Вот кончается дорожка,
Вот и дом на крепких ножках.
Ладно скроен,
Крепко сбит.
Что за дом
В лесу стоит?*

Тут дети слышали знакомый стук топора, и им сразу стало веселее.

— Дедушка Морозко, ау! — крикнула Таня.

А Морозко уже шел по лесу, топоча своими подшитыми валенками, и вез за собой санки, полные блестящих, покрытых инеем дровишек. А на дровишках лежали две длинные тонкие жердочки.

— Дедушка Морозко! — снова крикнула Таня. — Смотри, у нас мостик провалился!

— А я-то что ж, — ворчливо отозвался Морозко, — а я тут при чем?

— Дедушка, постыдитесь! — сказал Сережа. — Что вам стоит! Дайте мне эти жердочки!

— Ну, а я что ж, не даю? — покрихтев, сказал Морозко.

Сережа быстро перекинул жердочки через овраг, а Морозко подул на них, и жердочки сразу превратились в крепкий ледяной мостик.

— Что, хороша работка? — похвалился Морозко.

Сережа молча кивнул головой, и оба они протянули Тане руки.

— Ишь ты, как замерзла! — посочувствовал Морозко, когда Таня с их помощью перешла мостик. — Садись-ка теперь в мои санки, а ты, милый, помоги сестренку везти.

Таня забралась в санки. Сережа и Морозко взяли за веревку, и санки понеслись по ледяной дорожке.

— Карр! Карр! — закричала, свесив голову, ворона. — Харроший старрикан! Харроший!..

— Заморожу! — крикнул Морозко, замахиваясь.

И ворона с испуганным карканьем улетела.

А в конце дорожки, меж высоких снежных елей, показался бревенчатый приземистый дом.

Вот санки остановились у крыльца, и большой бурый медведь показался на пороге.

— Добро пожаловать, гости! — сказал он грубым голосом.

А из-за медведя осторожно выглядывала остренькая рыжая мордочка.

— Здравствуйте, миленькая девочка! — сказала лисичка. — Входите, входите, пожалуйста. Ой, мои бедненькие, как вы озябли! А у нас тепло-тепло. Входите, мои золотые!

Санки оставили у крыльца, и Морозко, Сережа и Таня вошли в медвежий дом.

А у медведя в доме и правда было очень тепло. В большой печке потрескивали дрова, и отсветы огня плясали на темных бревенчатых стенах. А по стенам был развешан всякий нужный в хозяйстве бобыля инструмент: пила-одноручка, топор, рубанок. Сережа сразу заметил их и с интересом смотрел на медведя. На нем большой рабочий фартук. Что же он мастерит?

А Михайло Иваныч, как только впустил гостей, так сейчас же ушел в угол и принялся за работу. Он подчищал рубанком длинные белые палки с загнутыми концами. От палок хорошо пахло свежим деревом.

— Лыжи! — сказал Сережа. — Вот здорово! Михайло Иваныч лыжи делает!

Сережа с уважением смотрел на медведя и так и не отходил от него. И Таня примостилась тут же на лавочке.

— Михайло Иваныч, а вы только лыжи делаете? — спросил Сережа.

Медведь помолчал, подумал.

— А что ж еще?

— А можно такие большие лыжи сделать, с санками, чтобы впереди — лыжник, а сзади, в санях, пассажир?

— Это какой же, например, пассажир?

— Да вот она, например. — И Сережа показал на сестру.

— Такие санки с умом надо делать, — сказал медведь, подумав, — а то тяжелы будут, не свезешь. А сам не пробовал сделать?

Сережа замялся.

— Он пробовал! — воскликнула Таня. — Он знаете какую машину делает: она и летает и плавает... Ой, Сережа, ты что толкаешься?

— А ты не болтай!

— Что ж за машина такая? — заинтересовался медведь. — В лесу проедет или как?

— Она еще не готова, Михайло Иваныч, — вздохнул Сережа, — а нам очень нужно спешить, мы очень торопимся!

— Это куда же? — осведомился медведь.

— К маме! — сказала Таня. — В дом с волшебными окнами!.. Ой, Сережа, ты что это сегодня толкаешься?

— А ты не болтай!

Но медведь сделал вид, что ничего не слышал. Он продолжал строгать, и дети, не спуская глаз, смотрели на его работу.

— Сколько стружек! — тихонько сказала Таня. — И какие они хорошенькие, желтые!

— А хотите, миленькая девочка, я вам этих стружек в корзиночку насыплю? — засуетилась лисичка.

Таня вопросительно посмотрела на Сережу.

— Ерунда! — засмеялся Сережа. — Зачем нам стружки?

— Ну, тогда яблочков покушайте! Вкусненьких! Мороженоных! — И лисичка побежала в погреб.

А Сережа попросил не без робости:

— Михайло Иваныч, можно мне построгать немножко эти лыжи?

— Отчего же, — помолчав, согласился медведь. — Построгай малость. Быстрее справимся.

Михайло Иваныч оставил работу, отошел к печке и стал

раскуривать от уголька свою черную трубку. Сидит у печки, раскуривает трубочку, а сам одним глазом смотрит на Сережу.

А Сережа с увлечением принялся строгать.

Чши! Чши! — запел рубанок в Сережиных руках.

Потрескивают дрова в печке, медведь трубочку покуривает, Сережа строгаёт лыжи, а Таня на лавочке сидит и то на огонь смотрит, то на Сережу. Хорошо бы он поскорей лыжи сделал! Очень к маме хочется!

А Морозко согрел у печки руки и стал большой иглой зашивать дыру в валенке.

— «Не полагается!» — ворчал он, разглядывая валенок. — Ишь ты, «не полагается»... Сколько служу, а новых валенок не выслужил...

Михайле Иванычу, видно, давно надоела Морозкина воркотня, и он громко запел:

*Я лыжи детям делаю,
Прочней вам не сыскать.
Секрет таков: лишь смелые
Их могут надевать.
Трусишка в яму упадет,
А смелый на гору взойдет!*

— А куда на них можно дойти? — тихонько спросила Таня.

— А это смотря по тому, кто наденет, — подумав, пробасил медведь.

— Да куда хочешь, милая, — сказал Морозко.

— А если я надену? — сказала Таня. — Я ведь еще плохо езжу. — Она посмотрела на брата и вздохнула.

— Не беда — дорога научит, — пробурчал медведь.

— Научит, научит, — подтвердил Морозко, откусывая нитку.

— Нам ведь торопиться надо, дедушка, — сказала Таня. — Мы очень торопимся! Нас мама ждет, — прошептала она, оглядываясь на Сережу, который продолжал строгать.

Морозко повертел в руках валенок — ох, и старый же! — и, словно нехотя, словно ни к кому не обращаясь, посоветовал:

— А вы Михаила Иваныча попросите, он вам самые быстрые лыжи даст!

— Даст, миленькая девочка, даст, — пропела лисичка.

Она вернулась из погреба с лукошком, полным белых, подернутых морозцем антоновских яблок, с деревянной чашкой, в которой краснела клюква.

— Кушайте, миленькие, кушайте! — угощала она детей.

Таня попробовала: до чего же вкусно! Клюква пересыпана не то снежком, не то сахаром — так и хрустит на зубах! А яблоки с кислинкой и такие холодные, что сразу заболели зубы. Но все равно вкусно!

— Таня, простудишься! — строго сказал Сережа. — Мама тебе не разрешает есть холодное!

А сам с удовольствием ел яблоко. Ой, какое холодное — в руке и то долго не удержишь!

— Кушайте, миленькие, кушайте! — суетилась лисичка. — У нас яблок много! Михайло Иваныч у нас такой запасливый хозяин, такой хороший!

— Да не юли ты! — прикрикнул на нее медведь. — Пойди лучше малого побуди — что он все спит да спит!

— Иду, иду! — засуетилась лисичка и юркнула за пестрый ситцевый полог.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЛЮШЕВЫЙ ПРИЕМЫШ

*Мишка, спи,
Не сопн.
Лапа Мишкина, усни,
Лапа будет трогать сны.
По мху
сту-
пать,
По-
хру-
сты-
вать...
Ухо Мишкино, усни,
Ухо будет слушать сны.
Будут сниться Мишке
Шор-
шур-
шишки...*

Лисичка юркнула за полог и не возвращается. А Тане так хочется посмотреть, что там!

Она и заглянула в щелочку.

А там стоит колыбелька! Вся резная, деревянная.

Таня немножко раздвинула полог:

— Можно мне маленького посмотреть?

— Можно, миленькая девочка, можно, — разрешила лисичка и впустила Таню.

А за пологом в деревянной колыбельке сладко спал плюшевый медвежонок.

— Ой, какой хорошенький! — умилилась Таня. — А как его зовут?

— Мишуткой зовут, миленькая девочка, — сказала лисичка. — Маленький еще, вот и спит все.

— И что за малый! — проворчал за занавеской Морозко. — Все спит да спит, хоть бы разок проснулся!

— Ой, ну какой хороший! — восхищалась Таня. — А откуда он у вас, дедушка Морозко?

— На дороге нашел, милая. — И Морозко понизил голос. — Я ведь тут не живу, только погреться захожу. В обед да в свой выходной, если хозяин отпустит. Мне малого и девать-то некуда. А Михайло Иваныч сказал: «Я возьму!» А он мужик серьезный, мастер хороший, я его и уважил. Да что толку? Вот и няньку нашли, юлу такую, а дитя все спит да спит!

— А можно, я попробую его разбудить? — сказала Таня.

Она вынула медвежонка из колыбельки и прижала его к себе.

Медвежонок был теплый, плюшевый, сонный... Когда Таня прижалась к нему щекой, ей показалось, что он вздохнул... Нет, не просыпается. И глаза закрыты!

Сережа просунул голову за занавеску.

— Таня, — сказал он, — нам надо идти! Вот заигралась и все забыла! Как маленькая! А я уже кончил работу!

— Ой, не забыла, Сереженька, что ты! Только мне медвежонок жалко... А ты лыжи сделал? Правда?

— Помог немного. А теперь идти надо. Ты смотри, уж ночь совсем!

— Сейчас пойдем, вот сейчас!.. Ну еще минутку подожди!

Лисичка подперла лапкой щеку, смотрит на Таню и вздыхает:

— Ой, погостили бы у нас еще немножко! Мы бы с вами, миленькая девочка, вместе мальшца нянчили, вместе хозяйничали. И в «дурачка» бы с вами играли вечером, и на саночках катались днем...

Таня слушает сладкие лисичкины речи и прижимает к себе медвежонка. А Сереже становится жалко сестру — на дворе такой мороз, а здесь хорошо, тепло...

— Знаешь что, Таня, — говорит он, — я пойду один, а потом мы с мамой придем за тобой.

Таня сразу вскакивает с места. Теплой, сонной дремы как не бывало.

— Ой, что ты, Сережа, разве можно? Ведь мама ждет нас! Пойдем скорей!

— Да куда вы пойдете, миленькая девочка? — запричитала лисичка. — На дворе снега сколько навалило!

— Замолчи, юла! — прикрикнул на нее Морозко. — Михайло Иваныч им лыжи даст, живо доедут.

— Готовы! — рывкнул медведь, кладя на стол две пары отличных лыж. — Вдвоем делали... А то не управиться бы. — И он кивнул на Сережу.

Таня положила медвежонка в колыбель. И снова вынула. Она никак не могла с ним расстаться.

А Морозко о чем-то шептался с Михайлом Иванычем.

— Ладно. Пускай берет! — вдруг пробасил медведь и снова взялся за работу.

И больше он ни на кого не смотрел и словно забыл о детях.

Но Таня уже все поняла: ей разрешили взять медвежонка с собой!

— Малому свежий воздух полезен, — сказал Морозко. — На обратном пути занесешь.

— Занесу, дедушка Морозко! — радостно согласилась Таня, прижимая к себе медвежонка.

— А вот ему игрушка на дорожку. Возьмите, миленькая девочка, — прошептала лисичка, вздыхая.

И подала Тане тугой красно-синий мячик. И откуда она его взяла? Может, тоже нашла на дороге?

Морозко, насупив седые брови, сердито посмотрел на лисичку, и та сейчас же юркнула к себе за полог.

— До свидания! — сказала ей вслед Таня.

Пестрый полог, усыпанный ягодками клюквы, заколебался, плутовская рыжая мордочка высунулась оттуда и сейчас же исчезла. До свидания, лисичка, кто знает, встретишься ли ты еще нам на пути.

Дети взяли лыжи, простились с хозяевами и вышли на крыльцо.

Морозко, побряхтев, надел тулуп и тоже вышел — проводить их да заодно посмотреть, все ли в порядке в лесу.

А на краю крыши сидел, свесив ножки, месяц и шелкал подсолнушки.

Увидев Морозка, месяц испугался и, быстро перебирая ножками, полез на трубу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У ВОРОТ ИГРАЛОЧКИ

*Мы звонкие ворота
Игрушечной страны,
Скажи скорей нам, кто ты,
Какие видишь сны.*

Хороший был, видно, мастер Михайло Иваныч.

А может, и не мастер тут был причиной, а дорога. Но только не успели дети опомниться, как взлетели на высокую гору.

Далеко позади остался бревенчатый медвежий дом и старый лес вокруг него. А впереди виднелся незнакомый город.

На городских воротах сидел месяц. Он кивнул детям своей остроконечной шапочкой, как знакомым, и блестящим пальцем показал на ворота.

Дети приподнялись на цыпочки и увидели дом с волшебными окнами!

Они быстро скатились с горы и подошли к воротам.

— Давай снимем лыжи, — сказал Сережа, — а то они унесут нас сразу на другой конец города.

Дети начали снимать лыжи, а когда выпрямились, месяца на воротах уже не было — опять ускакал куда-то.

Сережа постучался в ворота, но никто не откликнулся.

Ворота были заперты, и столько снега лежало наверху, как будто их не открывали уже очень давно.

Сережа постучал сильнее. Снег посыпался с ворот, закружился в воздухе, и вдруг ворота качнулись, заскрипели и стали раздвигаться и сдвигаться, как большая гармоника.

Они раздвигались и скрипели:

*Мы ворота, мы не спим,
Мы скрипим, скрипим, скрипим!*

— Сережа, ты слышишь? — шепотом сказала Таня. — Ворота поют!

— Не поют, а скрипят, — сказал Сережа. — А про что скрипят, непонятно.

— А я понимаю, — сказала Таня. — Ты слушай, слушай хорошенько!

Тут ворота опять заскрипели, и теперь даже Сережа услышал песенку, которую они пели.

А пели они вот какую скрипучую песенку:

*Скрипеть нам не велели,
Но скрыть неведомогу:
Скрипучие качели
Скрипят у нас в саду.*

*Скрипят на ветках груши, —
Послушай, как скрипят!
В саду Страна игрушек,
Но нет в саду ребят!*

*Скрипеть нам не велели,
А петь мы не хотим.
Скрипеть нам не велели,
А мы скрипим, скрипим!*

— Вот видишь! — сказал Сережа. — Какая же это песня? Один скрип!
— А мне все-таки нравится! — сказала Таня. — Ведь они приглашают нас войти!

Она попробовала заглянуть в сад в то время, как ворота раздвинулись. Ей показалось, что она увидела деревья и на деревьях — груши, о которых пели ворота.

А за деревьями был дом — Таня снова его увидела! Чудесный дом с блестящими окнами!

И только она его увидела, как услышала знакомые быстрые слова:

*Там такие разговоры,
Там лежат игрушки горы,
Этот дом найти сумеете,
В этот дом войти посмейте!*

— Дом с волшебными окнами! — закричала Таня. — Он за этими воротами, посмотри, Сережа!

Но ворота, словно дразнясь, захлопнулись перед самым Сережиным носом! Они еще разок проскрипели:

*Мы ворота, мы не спим,
Мы скрипим, скрипим, скрипим! —*

и больше уже не раздвигались.

— Что же нам теперь делать? Сережа, придумай что-нибудь!

— «Придумай»! Тут надо действовать, а не придумывать!

И Сережа попробовал открыть задвижку, но ворота только поскрипели в ответ.

— Дай-ка я, — сказала Таня.

Одной рукой она держала медвежонка, в другой был зажат мячик.

И Таня, недолго думая, кинула мячик в ворота.

Мячик стукнулся в самую середину, в самую задвижку! И вдруг ворота начали открываться!

Мячик быстро отскочил обратно, в Танины руки. А ворота открывались все шире и шире, и скрипели, и пели открываясь. Они пели свою песенку совсем громко, во весь голос, но песенка у них теперь была другая. И вот что они пели:

*Направо и налево —
Везде лежит она,
Игралочка, Игралочка,
Чудесная страна.*

*Возьмешь игрушку в руки —
Откроется она,
Игралочка, Игралочка,
Чудесная страна.*

И на словах «чудесная страна» за широко распахнувшимися воротами открылась странная, волшебно освещенная улица.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДВА МЕДВЕДЯ

*И дети будут песни петь,
Рассказывать спросонок
О том, как был суров медведь
И ласков медвежонок.*

Снег был голубой, и розовый, и зеленый — это освещали улицу маленькие смешные фонарики, похожие на погремушки.

Улица была чистенькая, блестящая, совсем новая, а дома на ней были похожи почему-то на аккуратные картонные коробки, расставленные и разложенные вдоль мостовой.

Но дома с волшебными окнами не было.

А ведь только что Таня так ясно видела этот дом! И думала, что вот сейчас встретится с мамой!

Надо было снова отправляться на поиски. А улица была совсем тихая. Улица спала.

Дети шли, взявшись за руки, и попадали то в зеленые, то в красные, то в желтые лужи яркого света, разлитого по мостовой. Танины ботики становились то зелеными, то желтыми — Таня даже потрогала их рукой, чтоб узнать, не пристала ли к ним краска.

Дети дошли до конца улицы и остановились. Все было тихо, все окна и двери были закрыты.

— Как тут крепко спят! — сказала Таня. — Мы простоим всю ночь на улице.

— Ерунда! — сказал Сережа. — Разбудим!

Они стояли возле домика с остроконечной крышей. Таня часто рисовала такие дома в своих тетрадках.

— Постучи, Сережа! — сказала она.

Сережа тихонько стукнул в маленькое неосвещенное окно.

— Постой тихо, — сказал он. — Я что-то слышу. В этом доме кто-то живет!

Но Таня ничего не слышала.

— Отоприте, пожалуйста! — сказала она, соскучившись, и тоже стукнула в окошко. — Нам очень нужно у вас что-то спросить.

Тут и она услышала какие-то звуки. Похоже было, что в домике кто-то сладко храпит.

— Мишутка, маленький, — сказала Таня, прижимая к себе медвежонка, — почему это нас не пускают? Ты озябнешь тут на улице.

Она не могла понять, как это случилось, но медвежонок в ответ потерял своей теплой плюшевой щекой о ее щеку и толкнул лапой окошко!

Храп прекратился, слышалось сонное ворчание, и густой бас спросил:

— Кто там?

— Мы, — ответила Таня. — Сережа и я.

— «Сережа и я»!.. — проворчал бас. — Почему же это «Сережа и я» должны по ночам будить честных людей?

В ту же минуту крыша отделилась от домика и стала подниматься. А под нею поднималась большая байковая медвежья голова.

— Зачем пожаловали? — грозно спросила она у ребят. — Молчат! Да вы что, игрушечные, что ли? Вы что молчите?

— Не кричите на маленьких, — сказал вдруг чей-то мягкий, бархатный голосок.

Нет, это был не Сережин голос. Таня тревожно оглянулась.

— Они немножко вас испугались, — продолжал тот же голосок, и медвежонок мягко спрыгнул с Таниных рук и подошел вперевалялочку к домику.

— Ну, наконец-то я услышал разумную человеческую речь! — проворчал медведь. — Что же вам нужно, малыш?

— Мы ищем дом с волшебными окнами, — сказал медвежонок и очень вежливо попросил: — Покажите нам, пожалуйста, где он!

— Сережа, ты слышал? — шепнула Таня. — Мишутка разговаривает! Такой маленький и так хорошо говорит!

— Ну прямо примерный ребенок! — недовольно поморщившись, сказал Сережа. — Уж будто мы сами не можем спросить дорогу!

Да, плюшевый медвежонок Сереже, очевидно, не очень нравился... Да и какой мальчик Сережиного возраста стал бы водить компанию с таким существом!

Но надо сказать, что и байковый медведь уже недовольно косился на медвежонка.

— На нашей улице нет такого дома, — проворчал он. — И вообще я не желаю с вами разговаривать, малыш. Вы, видно, стали уже совсем ручным.

И тут громко захлопнулась крыша, закрыв дом и медвежью голову.

— Это совсем еще дикий медведь, — извиняющимся тоном сказал медвежонок. — Придется нам пойти дальше.

Но в этот момент крыша снова приподнялась, и байковый медведь сердито закричал:

— Ищите — и найдете! Понятно?

И крыша с шумом захлопнулась снова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДЕДУШКА МЯЧ И БАБУШКА КУКЛА

*Там окошки голубые,
Дым над маленькой трубой.
В этот дом вошли впервые
В раннем детстве мы с тобой.*

— Сережа! — воскликнула Таня. — Сережа, смотри!

Дети только что свернули в переулок, и что за странный это был городок — на улице Большого Медведя еще была зима, а тут начиналось лето!

Зеленые липы росли вдоль переулка — такие зеленые и плоские, словно лопатки, воткнутые ручками в землю.

А среди лип стоял дом. Когда это дети бывали в нем? Может быть, давно-давно, когда были еще совсем маленькими... Или он приснился им когда-то?..

У ворот стояли саночки, запряженные белыми мышами. Наверно, они приехали издалека, потому что на полозьях был настоящий снег.

Саночки стояли, и белые мыши спали. Наверно, они быстро мчались из далекой страны и очень устали.

Ограда вокруг дома была сделана из цветных очиненных карандашей — зеленых, красных, синих.

Не колышками ли этой ограды раскрашивали дом — так он был ярок и цветист!

А может быть, его построили сразу из разноцветных кубиков.

Башенка на доме походила на пеструю пирамидку. Когда Таня была совсем маленькой, она называла такую пирамиду «так-так», потому что, складывая ее для Тани, мама всегда приговаривала: «Так... так...»

Может быть, и эту башенку сложила мама? Может быть, она где-то здесь, поблизости?

На открытом окне висела клетка с птицами. Птицы спали. Но в домике, видно, не спали. Там, наверно, топили печь, потому что дым из трубы так и валил и улетал прямо в небо цветными прозрачными шариками.

— Вот бы мне такой шар! — вздохнула Таня.

— Хочешь, поймаю? — спросил Сережа.

И домик и шары ему, видно, нравились.

— Подожди, давай посмотрим сначала... Ой, Сережа, ты погляди, — сказала Таня, — у всех шариков на боку нарисованы петухи! Наверно, в печке жарят петуха. Да, Сережа?

— Может быть, — согласился Сережа. — Хотелось бы мне знать, для чего это из клетки висит такая длинная нитка?

Тут он ловко дернул нитку, и птицы сейчас же проснулись и застучали носами.

— Кто там? — спросил мягкий голос, и в окошке показалась аккуратная ватная старушка. — Входите, детки, входите, — ласково сказала она. — Дедушка, гляди-ка, кто пришел!..

И в другом окне сейчас же показалась совершенно круглая, белая как лунь голова.

Голова выглянула так стремительно, что чуть не выпрыгнула в окно вместе с дедушкой.

— Дедушка Мяч! — крикнул Сережа и подпрыгнул от восторга.

— Бабушка Кукла!.. — засмеялась Таня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЕДУШКА МЯЧ ДАЕТ ДЕТЯМ НАСТАВЛЕНИЯ

*Я к бою был всегда готов,
Я прыгал выше облаков!*

Не успела открыться дверь, как прямо в объятия дедушки Мяча прыгнул Мишуткин красно-синий мячик.

Какие тут начались прыжки и восклицания! Да и как же было не обрадоваться красно-синему мячику — ведь он попал в свой родной дом, к собственным бабушке и дедушке.

И тут сразу оказалось, что его зовут Булька и что он прыгает по полу на коротеньких, толстеньких ножках и энергично размахивает толстенькими ручками. И как это они у него появились?

А хохотал он так громко, что в домике все звенело и рюмки так и подскакивали в буфете, так и подпрыгивали вместе с чашками.

— Хо-хо-хо! — кричал Булька. — Я очень доволен! Я очень доволен! Ой, сейчас лопну! — и прыгал на шею к дедушке Мячу и бабушке Кукле.

А Таня прижималась к бабушке Кукле и заглядывала ей в глаза:

— Бабушка Кукла, ведь это вы приезжали к нам на саночках? Это вас везли белые мыши?

— Может быть, девочка, может быть... Ведь я побывала в гостях у всех детей на свете...

— Значит, и у нас были?

— Значит, и у вас.

— И мою маму знаете?

— И твою маму знала когда-то. И твою бабушку тоже.

— Ой, даже бабушку знали? Как интересно! А какая она была, моя бабушка? Я ее не помню.

— О, она была очень хорошая девочка.

— Бабушка — девочка? — удивилась Таня. — Вы ее знали, еще когда она была девочкой?

— Ну, ведь я только с девочками и дружу. Знаешь, старушкам со мной почему-то неинтересно разговаривать, хоть я сама уже бабушка! — И она засмеялась.

— И мамам неинтересно?

— Да, дружок мой, им со мной скучно.

— Ой, а мне с вами так интересно! — воскликнула Таня. — Почему это, бабушка Кукла?

— Да потому, что ты еще маленькая, — ласково сказала бабушка Кукла. — Но мне, по правде говоря, казалось, что и ты меня уже начала забывать... Как когда-то твоя мама. — И она пробормотала тихонько:

*Не играют — забывают,
Забывают — не играют...*

Тане эти слова показались очень знакомыми. Право, она уже слышала их однажды! Ей очень хотелось расспросить об этом бабушку Куклу, но Булька не дал им поговорить. Он снова прыгнул на шею к бабушке Кукле, и та наконец рассердилась:

— Вот баловник! Весь в деда — минутки на месте не посидит!.. Садитесь, детки, садитесь, отдохните с дороги.

— Разве можно сидеть на одном месте? — кричал Булька. — Разве можно сидеть на одном месте?

— И можно и должно, — кротко сказал медвежонок. — И дети устали, и я бы поспал.

Он оглянулся, разыскивая теплое местечко, и направился вперевалочку к печке.

— Вовсе мы не устали, — сказал Сережа, — это сам ты соня!..

Но бабушка Кукла уже накрыла на стол и вынимала из печки какое-то очень ароматное и, должно быть, вкусное кушанье.

— Кушайте, детки, кушайте, — приговаривала она, усаживая гостей. — Это песочные пирожные, я пеку их всегда из самого свежего песка.

— Молодец, бабушка! — крикнул Булька.

— Хозяюшка! — крикнул дедушка Мяч и так подпрыгнул на стуле, что все пирожные рассыпались и на блюде осталась только горка чистого золотистого песка.

— Вот я вас! — рассердилась бабушка Кукла. — Не дадут детям поесть!..

Но больше всех огорчился медвежонок — уж он-то, видно, любил полакомиться.

Бабушка Кукла дала ему большой кусок сахара, и только тогда он успокоился.

— Вы, может быть, приляжете, детки? — сказала бабушка Кукла.

— Да, я тоже думаю, что детям нужно отдохнуть, — облизываясь, сказал медвежонок.

— Вот еще паинька какой выискался! — рассердился Сережа. — Недаром все время с девчонками водится. Нам, дедушка, надо идти. Мы ищем дом с волшебными окнами, — решительно прибавил он. — Там наша мама ждет нас!

— Разве можно сидеть на одном месте? — выпалил, подскакивая, Булька.

— Да подожди ты! — прикрикнул на Бульку дедушка Мяч.

Как только Сережа сказал про дом с волшебными окнами, дедушка Мяч сразу стал серьезным.

— Дом с волшебными окнами? — сказал он. — Слыхал я о нем! Слыхал! И воевал я из-за него, дети! Воевал!

— Как, дедушка, разве вы были военным? — удивился Сережа.

— А как же! — подпрыгнул дедушка Мяч. — Я много дрался на своем веку! Я получил не одну рану! Бабушке пришлось-таки повозиться, зашивая их! Она мастерица на такие заплаты!

— Да, — вздохнула бабушка Кукла, — ты был неугомонный драчун, дедушка, ты без толку совал свою голову во всякую драку.

— Ну-ну, — сказал дедушка Мяч, — потише, бабушка!.. Когда я был молодым, вот таким, как Булька, я и правда любил подраться! Но и тогда, дети, — запомните это! — я дрался только на стороне ребят! Я всегда был ребячьим другом! Я любил движение! Любил детский смех! Я любил справедливые игры! Если кто-нибудь в игре обижал слабого, если какой-нибудь трус исподтишка подставлял на поле игры подножку, я обрушивался ему прямо на голову! Я бил его без пощады!

И дедушка Мяч так стукнул по столу своей сильной рукой, что даже бабушка Кукла подпрыгнула на месте.

— А ты не шуми, не шуми, — заворчала она, — тут тебе не враги.

— Тут не враги, а врагов они скоро встретят! — строго сказал дедушка Мяч и посмотрел на ребят.

А Сережа так и впился в него глазами и даже вскочил со стула.

— Какие враги? — закричал он, сжимая кулаки. — Где они?

— Эге! А ты, кажется, уже готов подраться, — сказал дедушка Мяч. — Ну что ж, правильно! Молодец!

И дедушка Мяч так стукнул кулаком по столу, что задремавший медвежонок чуть не свалился со стула. Хорошо, что бабушка Кукла вовремя подхватила его. А Булька от восторга так подпрыгнул, что перелетел через стол. Бабушка Кукла шлепнула его, отчего он еще разок подпрыгнул, и усадила на место.

— У-у, опять развоевался, старый! — заворчала она на деда. — И внука сбиваешь, и мальчику зачем-то голову морочишь. Да какие тут враги, да где они?

Дедушка Мяч подмигнул Сереже — не обращай, мол, на нее внимания — и сказал серьезно:

— Эх, бабка, бабка, и когда ты уму-разуму научишься? Ведь уже не маленькая, кажется. Ты слушай, мальчик: дом с волшебными окнами здесь! У нас! В Стране игрушек! Но дорога к нему заколдована. И стережет ее наш самый страшный враг — Оловянный Генерал!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПЕРВЫЕ СЛУХИ ОБ ОЛОВЯННОМ ГЕНЕРАЛЕ

*Он ненавидел
Шум и смех,
Он ненавидел
Всё и всех.*

Странные вещи рассказал детям дедушка Мяч. Он рассказал им, что Оловянный Генерал ненавидит всякое веселье, шутки и смех.

Говорят, что за всю свою жизнь он ни разу не улыбнулся! От чужих улыбок у него начинается сердцебиение. А если кто-нибудь громко засмеется, то у Оловянного Генерала начинается припадок бешенства.

А ведь самые веселые на свете люди — это дети!

И вот Оловянный Генерал ворвался в Страну игрушек. Он хотел ее всю уничтожить! Чтобы не было больше веселых игрушек у детей, чтобы выросли из них злые и мрачные люди.

— Но нет! — Дедушка Мяч стукнул по столу кулаком. — Не удалось ему это! Не вышло! Мы отстояли свою страну. Да не всю... Оловянному Генералу удалось захватить у нас Город забытых игрушек. Что и говорить, невеселый это город — ведь в него никогда не заглядывают дети. Да мы-то с бабушкой нет-нет, а заходили туда — на старину поглядеть-подивиться, а чему-нибудь и поучиться. И наших мастеров туда водили. А теперь в этом городе Оловянный Генерал. Теперь там его порядки...

И дедушка Мяч мрачно покачал головой.

Сережа, насупившись, слушал деда.

— Какие же у него порядки, дедушка Мяч?

— А вот какие.

И дедушка Мяч рассказал ребятам об этом странном городе Оловянного Генерала.

Говорят, что Оловянного Генерала раздражает даже тиканье часов, которое напоминает ему о том, что идет время, что в мире что-то движется, и поэтому он приказал остановить все часы в своем городе.

В его городе совсем не движется время, в его городе никогда не наступает Новый год, и беда тому, кто попадет к Оловянному Генералу: он навсегда останется в Старом году.

Но тот, кто сумеет выбраться из Города забытых игрушек, тот непременно найдет дом с волшебными окнами, потому что на самом пути к нему стоит печальный город Оловянного Генерала.

Ходят слухи, что пробраться через Город забытых игрушек могут только дети — настоящие живые дети, которые не побоятся Оловянного Генерала и его хитрых слуг.

Нелегко придется этим детям: Оловянный Генерал жесток и коварен, а слуги его хитры; говорят, что на службе у него состоит сам разбойник Ветер.

Когда-то он бродяжил по большим дорогам и пел вольные разбойничьи песни, но Оловянный Генерал заманил его к себе, посулил ему несметные богатства и поселил в его сердце жадность. С тех пор стал разбойник Ветер ледяным и коварным.

Говорят даже, что Оловянный Генерал научил его принимать человеческий облик!

И беда тем детям, которые встретят его на пути.

— Мы уже встретили его, дедушка Мяч, — сказала Таня. — Нам было так холодно в лесу, и он чуть не увел от меня Сережу!..

— Мальчик, ты слышишь, что говорит твоя сестра? — подскочил дедушка Мяч. — Она не ошиблась?

— Нет, она правду говорит, — решительно сказал Сережа. — Это был Ледяной Ветер!

— И вы не испугались? Молодцы, ребята! — закричал дедушка Мяч. — Ну что, старая, видишь теперь, кто ребятам не дает идти вперед, кто хочет разлучить их с матерью! Да они не испугались. Молодцы!

И дедушка Мяч подскочил к ребятам:

— Так вы, может, и Оловянного Генерала не побоитесь? И через Город забытых игрушек пойдете?

— Ну конечно, пойдём, — сказал Сережа и сердито посмотрел на разбушевавшегося деда. — Что мы, трусишки, что ли?

— Э, нет, не трусишки, — сказал дедушка Мяч. — Храбрые ребята! Молодцы! И ты и твоя сестра. Но вот ведь какая штука: у Оловянного-то Генерала войско! У Оловянного Генерала пушки! Машины! А у тебя что есть, мальчик?

Сережа сжал кулаки:

— Мы все равно пойдём! Эх, если б тут была моя машина! Дедушка Мяч подпрыгнул.

— Машина? А какая? — живо спросил он.

Но Сережа покачал головой:

— Она еще не достроена.

— Так, так, — сказал дедушка Мяч и вдруг обернулся к бабушке Кукле. — Ты что это там шепчешь, старая?.. Как — ничего? Я слышал, ты сказала: «А теперь пора идти, может, выстроишь в пути!»

— Да слышалось тебе, слышалось, — сказала бабушка Кукла. — А вы, ребятки, собирайтесь в путь. Мой совет вам — не бояться, не бежать...

— Только, чур, не опоздать, — тихонько подхватила Таня. — Мишутка, дай мне лапу. Булька, не скачи так! Ты устанешь, а нам надо далеко идти... — И она оглянулась на брата. — Сережа, а вдруг мы будем очень долго искать этот дом, — грустно сказала она, — и опоздаем на встречу... и никогда не увидим маму...

— Пустяки! — закричал дедушка Мяч. — В нашей стране время летит быстрее, чем везде!

— Старые люди говорят, — прибавила бабушка Кукла, — что за игрой не замечаешь времени.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

КУДА ИСЧЕЗ РЕЗИНОВЫЙ КРОКОДИЛ?

*Скользкий, гладкий и зеленый,
Раздраженный, обозленный,
Он в шкафу у вас живет.
Если вы его надули
И оставили на стуле —
Он со стула уползет.
Поскорей его найдите,
Поскорей его закройте!*

Было уже совсем светло, когда дети вышли из дома дедушки Мяча и бабушки Куклы. Жизнь так и кипела на ровных улицах и в блестящих коробках-домиках.

Куда идти? Направо? Налево? Вперед?

Дети остановились — надо было перейти улицу. А по мостовой катились без остановки большие деревянные грузовики, нагруженные пестрым строительным материалом. Они везли его на большую площадку, где блестящий новенький экскаватор загребал свежий желтый песок и опрокидывал его в грузовик. А рядом с экскаватором было сложено очень много разноцветных кирпичиков — видно, тут собирались строить большой новый дом. Немного подальше лежали аккуратные, чистенькие стены и крыши складных домиков. И на месте стройки развевался красный флажок — совсем такой же, какой остался у Тани дома!

Маленькие легкие автомашины с пронзительным криком «би-би» мчались вперед и назад. Таня с трудом удерживала рвавшегося им навстречу Бульку.

Неторопливой трусцой бежали ослики, навьюченные пачками леденцов и печенья. Медвежонок только сладко облизывался, глядя на них.

И вдруг посреди улицы грузно прошел, покачивая головой, большой серый слон. Вероятно, поблизости был зверинец. А может быть, цирк.

И действительно, очень скоро дети услышали о цирке.

Как только они перешли мостовую, из подворотни прямо им под ноги выскочил веселый лохматый щенок с пачкой газет в зубах.

— Необычайная ав-вария! — звонко протявкал он. — Сбе-

жал крокодил! Из циркового бассейна удрал Резиновый Крокодил! Что смотрит зав? Ав! Ав!

Дети невольно остановились.

— Вот это да! — сказал Сережа. — Таня, ты слышала? Вот уж не думал, что резиновые крокодилы умеют бегать!

— Ой, они, наверно, очень хитрые! — сказала Таня и опасно посмотрела по сторонам. — Сережа, а как ты думаешь, куда это мог сбежать Резиновый Крокодил?

— А вы не знаете? — крикнул, пробегая мимо, маленький, совершенно розовый мальчик в блестящей зеленой кепке. — Все наши мальчики и девочки знают, куда убежал Резиновый Крокодил, а вы не знаете!.. Э-э, не знаете!..

Он показал ребятам блестящий розовый язычок и побежал дальше.

— Стой! — крикнул Сережа. — Подожди! — И он схватил малыша за руку.

— Ты что хватаешься? — обиженно пропищал розовый мальчик. — Отпусти меня, слышишь?

— Слышу, — сказал Сережа, — сейчас отпущу. Только сначала покажи нам дорогу в Город забытых игрушек.

Розовый мальчик испуганно завертел головой:

— Вот еще! Стану я туда показывать дорогу!

И он снова попытался вырваться из Сережиных рук.

— У кого бы это спросить? — сказал Сережа, оглядываясь и не выпуская малыша.

— И никто вам не скажет! — пискнул тот. — Все наши девочки и мальчики сегодня в цирке!

В цирке? Таня и Сережа переглянулись. Вот интересно!

— А что там сегодня в цирке? — живо спросила Таня.

— А вы не знаете? Э-э, не знаете! — подразнился совсем уже осмелевший малыш. — Там сегодня Веселый Фокусник! Отпустите меня сейчас же, а то я опоздаю!

— Ой, как интересно! — обрадовалась Таня. — Сережа, отпусти его скорей!

Но только Сережа отпустил руку розового малыша и тот припустился бежать по улице, как из Таниных рук вырвался Булька и вприпрыжку помчался за розовым малышом.

— В цирк! — кричал он. — В цирк!

В несколько прыжков он догнал розового малыша, перепрыгнул через него и боднул головой проходившую мимо толстую даму в пышном платье.

— Караул! — закричала толстая дама. — Здесь дерутся!

Дети бросились догонять Бульку, и Тане удалось поймать его, но в этот момент возле них появился милиционер и козырнул им туго затянутой в белую перчатку рукой.

— Гражданин, — строго сказал он Бульке, — если вы будете баловаться на улице, мы будем вынуждены посадить вас в сетку.

Услышав страшное слово «сетка», Булька мгновенно затих и спрятался за Сережину спину.

— Он больше не будет, извините его, пожалуйста! — горячо заступилась Таня.

А Сережа молча, хоть и сердито, загородил Бульку.

— То-то! — сказал милиционер и поднял руку в белой перчатке.

Сейчас же помчались блестящие бесшумные автомобили и стрекочущие мотоциклетки. И вдруг по улице побежала целая толпа розовых мальчиков и девочек. Они увлекли детей за собой, и вскоре Сережа и Таня с Булькой и медвежонком уже стояли у входа... Сережа готов был поклясться, что у входа в шляпу!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В ЦИРКЕ

Смотри, какая круглая арена.

Ученый слон сюда сейчас придет.

Слона увидит каждый непременно,

А тигра — кто не трусит, только тот.

Это была самая настоящая большая соломенная шляпа, лежавшая на земле донышком книзу, полями кверху.

Конечно, на донышке была арена, а на полях сидели зрители.

И как ни торопились дети, они решили «самую чуточку» посмотреть представление. Будет что рассказать потом маме!

Подумать только — цирк в шляпе!

Дети устроились в одной из лож на полях и стали с любопытством осматриваться.

Что тут было! Обезьянки в белых передничках бегали по рядам и раздавали мороженое. Веселый и пестрый народ шумел

на скамьях: тут были и краснощекие девочки с косичками, в накрахмаленных платьихах — наверно, школьницы, — и слонята, и утята, и Кот в сапогах! На нем была зеленая бархатная шляпа с пером, и он очень важничал, но Таня заметила, что он кивнул ей, и даже покраснела от удовольствия.

Еще тут были очень веселые пестрые Матрешки, и поросята, и мохнатый белый щенок, и рыжая лисичка с пушистым хвостом, и даже розовые грудные младенцы в колясочках, и маленькие медвежата в нагрудничках — они ели мороженое и толкали друг друга лапами.

На самой верхней скамейке толкался и щелкал подсолнушки какой-то парнишка в разноцветных штанах, и это очень сердило толстую белую зайчиху в ситцевом сарафане.

Булька так прыгал на своем месте, что несколько раз сваливался на головы сидевших впереди, но народ тут был добродушный, никто не обижался, и десятки рук подбрасывали Бульку обратно на его место.

И вдруг заиграл оркестр!

Это был настоящий оркестр — с настоящим дирижером и настоящими музыкантами, но куда веселее тех оркестров, которые приходилось слышать детям.

Дирижер так подсказывал на своем месте, что можно было подумать, будто он на резинке.

Он дирижировал не только руками, но и длинным носом, которым тут же стучал по голове сфальшививших музыкантов.

Да ведь это был Петрушка! Таня его сразу узнала.

А музыканты? Они играли на тех самых инструментах, на которых умеют играть самые маленькие дети. Обезьянка вертела ручку органчика, паяц звенел тарелками, заяц барабанил, кукла-мальчик дудел в жестяную трубу, кукла-девочка стучала деревянным молоточком по ксилофону.

А большой байковый медведь, их старый нелюбезный знакомый, играл на гармонии.

Вот это была музыка!

Когда они начинали все вместе, некоторые слушатели зажимали уши и Сережа морщился, но Таня смеялась и хлопала в ладоши.

Но вот оркестр заиграл какой-то удивительно веселый марш, и на арену выбежали лошадки на колесиках. Они очень быстро мчались на одном месте, и зрители держали пари, кто из них быстрее останется на месте.

Двое рыжих утащили лошадок за хвосты, и ловкие гимнасты стали кувыркаться на трапециях: вверх — вниз, вверх — вниз!

И только они кончили, как сверху стал спускаться на арену большой серебряный шар.

Булька так и подскочил от восторга, а медвежонок тихонько толкнул Таню лапой.

— Не правда ли, это шоколадный шар? — вежливо спросил он. — Надеюсь, нам дадут по кусочку после представления?

Но Таня не успела ответить. Шоколадный шар, спустившись, сам раскрылся на две половинки, из него выпрыгнул летчик и весело кивнул детям. Он щелкнул пальцем по одной половинке шара, потом по другой, и они сейчас же разлетелись шоколадками прямо в восхищенно открытые рты зрителей.

— Веселый Фокусник! — закричали зрители.

Не кричал только медвежонок — ему было не до этого: он подбирал шоколадки, а заодно и обертки от мороженого.

А Веселый Фокусник поднял руку, чтобы зрители утихли, и неожиданно спросил:

— Смотреть умеете?

— Умеем! — закричали на скамейках.

— Сейчас проверю, — сказал Веселый Фокусник и вытащил из кармана юлу. — Какого цвета эта юла, мальчик? — спросил он, обращаясь прямо к Сереже, так что тот даже смутился от неожиданности.

— Двух цветов! — крикнул Булька, всегда выскакивавший вперед. — Двух цветов! Как я!

Сережа тихонько толкнул Бульку в бок, но все-таки повторил за ним:

— Двух цветов — желтого и синего.

— А сумеешь ты превратить ее в зеленую? — важно спросил Веселый Фокусник.

Сережа подумал и честно признался:

— Нет, пожалуй, не сумею.

— Ты не умеешь смотреть, мальчик, — строго сказал Веселый Фокусник и запустил юлу.

И что же — желто-синяя юла, как только начала вертеться, сейчас же превратилась в зеленую!

Ну конечно, Сережа не раз держал в руках такую юлу и запускал ее! И как только он не замечал до сих пор, что она меняет цвет?

А Веселый Фокусник вертел юлу и не то приговаривал, не то напевал:

*Погляди хорошенько, мой маленький друг,
Погляди поскорее вокруг!
Для того, кто внимательно смотрит, поверь,
Чудеса совершаются вдруг!*

*Только утром ты встанешь — открой свою дверь
И взгляни хорошенько кругом.
Это кто там рогатый? Какой это зверь?
Познакомься, дружок мой, с жуком.*

*Что еще разглядел? Золотую пчелу?
А куда улетела пчела?
Ну, а здесь ты увидел на гладком полу,
Как танцует простая юла.*

Пока Веселый Фокусник пел, юла как-то увернулась от него и побежала по арене. Пробегая мимо Тани, она весело улыбнулась ей.

— Ну и вертушка! — сказал Сережа пренебрежительно. — Еще вертлявей, чем ты!

— А я вовсе не вертушка, — обиделась Таня. — Смотри-ка, она вертится к нам! И как ловко! Я ни за что так не сумею!

Сережа снова посмотрел на маленькую балерину. А ведь правда, она очень ловко кружится!

А юла повертелась еще немного и уселась совсем близко от ребят, расправляя желто-синие складки своей деревянной юбочки.

Сережа засмотрелся на нее и вздрогнул от неожиданности, когда Веселый Фокусник крикнул ему:

— Эй, мальчик, брось мне парашют!

— У меня нет никакого парашюта! — удивленно сказал Сережа.

Но Веселый Фокусник уже вытаскивал у него из кармана носовой платок. Таня только ахнуть успела, а уж Веселый Фокусник ловко завязал по углам платка узелки, сложил его и подбросил вверх.

И вдруг платок раскрылся и плавно, как настоящий парашют, опустился на землю.

— Смотрите лучше! Смотрите лучше! — весело крикнул фокусник. — В каждой вещи — игра! В каждой игре — фокус!

Тут, конечно, и Таня вынула из кармашка свой носовой платок и попробовала сделать то же самое, и, представьте, получилось!

А Сережа поймал свой платок, расправил его и снова подбросил в воздух. И у него платок, как парашют, опустился вниз. Но на этот раз парашют опустился с пассажиром! На Сережином

платке спустился — кто бы вы думали? — Мишутка!

Таня, удивляясь и смеясь, подхватила его, и он тотчас же заснул у нее на руках. Да и как было не заснуть медвежонку, который съел столько сладкого!

Сережа стряхнул со своего платка сладкие крошки и спрятал его в карман.

А Веселый Фокусник продолжал проделывать чудеса с самыми простыми вещами.

Он снимал с шеи шарф, складывал его, и шарф неожиданно превращался в куклу, которая кивала ребятам, как знакомым.

Он привязывал к бумажке кусок резинки, и неожиданно то и другое вместе превращалось в вертолет, и маленький быстрый вертолет щелкал по носу зазевавшихся зрителей.

Конечно, Бульке досталось несколько раз, потому что от любопытства и нетерпения он не переставал подпрыгивать; но даже Мишук высунул пушистый сонный нос из-под Таниной руки и мигом сунул его обратно, увидев крошечные вертолеты над самой своей головой.

Один такой вертолет на резинке щелкнул Сережу по лбу, и когда тот взял его в руки, чтобы получше рассмотреть, то увидел, что бумажка сложена конвертом, а на конверте написано:

АДРЕС ДОМА С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ

Сережа быстро вскрыл конверт и прочел адрес:

Ехать на превращалке.

Остерегаться Резинового Крокодила.

Превращалка? Что это такое? Если на ней ездят — значит, это машина? А не похожа ли она... Не похожа ли она на его машину? На ту, что он строил? Ведь его машина тоже должна была превращаться и в самолет и в пароход. Но ведь она еще не достроена. И она осталась дома.

Сережа так задумался, что вздрогнул от неожиданности, когда Булька закричал:

— Довольно вам сидеть на одном месте! Все уже уходят!

И действительно, цирк опустел: они одни еще сидели в своей ложе.

Таня и Сережа уже начали привыкать к тому, что в этой стране все делалось очень быстро. Удивило их только то, что при выходе из цирка надо было предъявить билеты. А ведь впускали всех свободно, ничего не спрашивали!

Проверял билеты очень длинный худой человек в зеленой ливрее, с очень длинным зеленоватым лицом.

Он сразу кого-то напомнил детям.

— Сережа, смотри, он похож на того человека в лесу, — шепнула Таня. — На того, который хотел тебя увести!

А зеленый билтер уже протянул к ним руку за билетами, и Сережа стал спорить с ним:

— Вы неправильно поступаете! Всех пускали без билетов!

Но зеленый билтер неожиданно выхватил из Сережиных рук вертолет с запиской. Взглянув на него, он блеснул глазами и тут же отправил записку в рот.

— Ой! — вскрикнула Таня. — Что это он проглотил?

— Адрес! — закричал Сережа. — Адрес дома с волшебными окнами!

И вдруг Булька ринулся головой вперед на зеленого билтера.

— Крокодил! — завопил он.

Началась свалка. Раздались свистки милиционера.

— Держи его, держи! — кричали Сережа и Булька.

Но, когда милиционер явился и толпа раздвинулась, все увидели, что Булька держит в руках одну только зеленую ливрею, а Резиновый Крокодил успел ускользнуть! Со всеми билетами, а главное, с адресом, пусть не совсем понятным, но, наверно, точным адресом дома с волшебными окнами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СТАРЫЙ ФОНАРЩИК

Он зажигает фонари

Своей волшебной палочкой

И освещает до зари

Свою страну — Игралочку.

— Ну-ка, ребятки, пойдите сюда на минуту, — сказал чей-то старческий ласковый голос.

И дети увидели старика в мохнатой белой шубе и белой шапке, с длинной белой бородой.

— Мы не можем, мы торопимся, — серьезно сказал Сережа.

— Ну, минутка-то у вас найдется? — сказал старик, усмехаясь.

Таня вздохнула:

— Мы правда очень торопимся, дедушка. Но, может, вам нужно что-нибудь? Может, вас через дорогу перевести? Вы скажите!

Старик ласково улыбнулся Тане:

— Да нет, девочка, меня никуда не надо вести — я здешний сторож. А я сам, знаешь, хотел помочь вам. Я ведь видел, как этот плут проглотил ваш билет и как вы испугались! Билет-то нужный был, что ли?

— Очень нужный! — сказала Таня. — Там был адрес дома, который мы ищем. А у нас очень мало времени, нас мама ждет!

— Ждет, говоришь? — сказал сторож. — Значит, вам нужно

*не бояться, не бежать,
Только, чур, не опоздать!*

— Откуда вы знаете? — удивилась Таня.

Старик усмехнулся:

— Да уж знаю. А вы слушайте, ребятки. Я и правда могу помочь вам! У меня в хозяйстве сколько хочешь свободных минуток, я и поделиться могу с вами. Да еще кое-что для вас найдется! Пойдемте-ка! — И старик, взяв Таню за руку, повел ее по длинному цирковому коридору.

Сережа неохотно пошел за ними. Из головы у него не выходила пропавшая записка. Где взять превращалку? Как достроить свою машину и попасть к маме?

А Таня охотно шла с ласковым дедом. Его голос напомнил ей доброго деда Морозку, и это не удивило ее: она уже заметила, что в этой стране все кого-то напоминают.

А сам старик был очень похож на елочного деда Мороза, и Таня, не спуская глаз, смотрела на мешок, висевший у него за плечами.

Старик, заметив это, усмехнулся.

— Спички у меня там, доченька, — сказал он, — я фонарщик.

Оказалось, что сторож в ватной шубе елочного деда Мороза — еще и фонарщик в стране бабушки Куклы.

Он кормит и сторожит цирковых зверей, а по вечерам зажигает все красные, зеленые и синие фонарики, которые так красиво горели вчера вечером, когда дети пришли в Игралочку. По этим фонарикам все жители Игралочки, даже те, у которых нет часов, узнают, что наступил вечер и нужно ложиться спать.

А там как время в стране бабушки Куклы летит очень быстро, то у Старого Фонарщика всегда много дела: вот, кажется, совсем недавно он потушил фонари, а скоро уже их надо будет зажигать снова.

Рассказывая об этом, Старый Фонарщик вел детей по длинному цирковому коридору.

Булька скакал рядом с ним, суеился, баловался и попробовал даже выдернуть клочок из дедовой шубы. Тане пришлось потихоньку шлепнуть его. Булька ничуть не обиделся, отскочил в сторону и очутился перед клеткой, в которой сидела рыженькая лисичка, такая блестящая, словно моточек шелковых ниток.

Таня тоже остановилась перед клеткой, и лисичка сейчас же встала на задние лапки и сказала умильным голоском:

— Дедушка Фонарщик, выпусти!..

В соседней клетке вскочил на жердочку совершенно золотой петушок.

— Кукареку, дедка, выпусти! — закричал он.

Серенький заяц с бумажной морковкой во рту прыгнул пугливо вбок, а мрачный меховой волк начал грызть прутья клетки.

— Выпусти, дед! — ворчал он.

— Вы что, порядков не знаете? — укоризненно сказал Старый Фонарщик. — Вот настанет вечер, зажгу фонари, тогда и выпущу всех в лес, веселитесь хоть до утра.

— А утром? — спросила Таня.

— А утром опять в клетки — разве можно таким зверям разгуливать днем по лесу?

Дети прошли вслед за Старым Фонарщиком длинный, идущий полукругом коридор и остановились перед низенькой дверкой.

Старый Фонарщик погрозил Бульке, чтоб не шумел, и прислушался. За дверью было тихо.

Старый Фонарщик осторожно постучался, и сейчас же целый хор тоненьких детских голосов нестройно откликнулся:

— Кто тут?

«Сколько их там?» — подумала Таня.

А дверь между тем открылась, и Старый Фонарщик пропустил детей вперед.

Куда же это они попали?

Комната такая маленькая, тесная, как вагонное купе, и, как вагонное купе или кладовая магазина, вся в полках. А на полках стоят, лежат и сидят, свесив ножки, крошечные девочки и мальчики, все совершенно белые и ватные!

— Дедушка пришел! — запищали они разом.

— Тише! — сказал Старый Фонарщик. — Это мои внучата, — пояснил он детям, во все глаза глядевшим на малюток.

— Дедушка, выпусти! — запищали внучата хором.

— Сколько раз вам говорил, — ответил Старый Фонарщик, — пока не зажгу фонари, не выпущу.

— В лес хотим! — пищали малютки. — В елочный лес!

— Цыц! — рассердился Старый Фонарщик. — Вот сейчас вас всех в шкаф запру!

Малыши испуганно пискнули и замолчали.

А Старый Фонарщик осторожно открыл большую коробку. В коробке были фонари. Розовые и красные, голубые и синие, оранжевые и желтые... Он осторожно откладывал их в сторону и все искал что-то в самой глубине коробки.

«Что же он там ищет? — подумала Таня. — Тут столько красивых фонарей!»

А Старый Фонарщик достал из глубины коробки блестящий серебряный фонарик и стал протирать его тряпочкой. Он искоса поглядывал на Булька, который нетерпеливо подпрыгивал возле Сережи.

— Эй, молодой человек, тут у меня не прыгать! — внушительно сказал старик. — Тут фонари.

И Булька с необычным для него послушанием сейчас же притих.

Медвежонок о чем-то шушукался с беленькими малышами — они, видно, прекрасно понимали друг друга.

Таня подошла к ним и прислушалась. Малыши сейчас же замолчали.

— Мишук, что тебе говорили малютки? — тихонько спросила Таня.

— Они не малютки, а минутки, — стал шептать медвежонок на ухо Тане. — Они первые минутки Нового года, но это большой секрет! Их никуда не выпускают, пока не пробьет двенадцать часов. Дедушка Фонарщик боится, что их поймает Оловянный Генерал, если они выбегут раньше времени. Но только это большой секрет.

Мишук очень гордился тем, что он первый узнал такой секрет, и Таня обещала никому не открывать его, но сама призадумалась: а вдруг зеленый билетер и сюда проберется и похитит у деда несколько веселых минуток? Может быть, он тоже служит у Оловянного Генерала, как и Господин Ледяной Ветер?

Старый Фонарщик все еще тщательно протирал серебряный фонарик и поглядывал на ребят из-под нависших белых бровей.

— Дедушка Фонарщик, — сказала Таня, — а вдруг этот зеленый крокодил проберется сюда?

— Э, нет, мы его не пустим, — сказал Старый Фонарщик. — Нам тут Резиновый Крокодил ни к чему!

— Ой, так это был тот самый Резиновый Крокодил, который убежал? — воскликнула Таня. — Убежал из цирка, а сам переоделся билетером и вернулся обратно! Зачем это он?

— Я уверен, что это один из слуг Оловянного Генерала! — сказал Сережа. — Они охотятся за нами. Правду сказал дедушка Мяч: они хотят разлучить нас с мамой! Но мы еще посмотрим, кто кого одолеет!

— Вот как? — сказал Старый Фонащик. — А вы, ребята, не горюйте. Достаньте только себе превращалку, и все будет в порядке!

— Превращалку? — повторил Сережа. — Конечно, превращалку! Так и в письме было написано! Только где ее взять?

— А Резинового Крокодила берегитесь, — продолжал Старый Фонащик, как будто не слыша, что сказал Сережа. — Берегитесь Оловянного Генерала. И помните, что наш славный дедушка Мяч всегда придет вам на помощь. А я дам вам в дорогу вот этот серебряный фонарик. Он очень хороший. Смотрите не разбейте его. Когда вам станет темно, поднимите его над головой. А дорогу найдете сами.

— Спасибо, дедушка Фонащик! — сказала Таня и бережно взяла в руки серебряный фонарик.

А Сережа молча, по-мужски, пожал руку старику.

Медвежонок мягко поклонился деду, а Булька чуть не прыгнул ему на шею, но Старый Фонащик сердито отмахнулся от него, и все поспешно вышли в коридор.

В коридоре было темно, они наткнулись на что-то у самых дверей, и Таня чуть не выронила серебряный фонарик.

Она ухватилась свободной рукой за что-то холодное, скользкое... Зеленые глаза блеснули в темноте...

— Резиновый Крокодил! — вскрикнула Таня и подняла фонарик над головой.

Коридор осветился мерцающим светом, и дети увидели чью-то тень, проскользнувшую по коридору.

Сережа кинулся вслед, но зеленая тень мгновенно исчезла, как будто растаяла.

Да, очень возможно, что это снова был Резиновый Крокодил.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В ПОИСКАХ ПРЕВРАЩАЛКИ

Кружок, брусок и палка —

Готова превращалка.

Бабушка Кукла была права: время в Игралочке летело так быстро, как нигде!

Когда Сережа и Таня пошли вслед за Старым Фонарщиком, из цирка выходила толпа зрителей, а когда они вышли от Старого Фонарщика, то смешались с этой же самой толпой, по-прежнему выходявшей из цирка.

Можно было подумать, что, пока дети отсутствовали, не двигалась и толпа.

А может быть, это было действительно так.

В толпе Сережа снова заметил розового мальчика в блестящей зеленой кепке, с которым они познакомились по дороге в цирк.

Мальчик опять бежал так быстро, как будто снова спешил в цирк.

— Стой! — крикнул Сережа. — Я тебя все-таки поймал! Куда это ты опять бежишь?

— Пусти! — запищал розовый мальчик. — Ясное дело — я бегу в мастерскую превращалок. Все наши мальчики и девочки, наверно, давно уже там!

— Послушай, малыш, — сказал Сережа серьезно, — объясни ты мне, пожалуйста, толком, что такое превращалка? Нам это очень важно знать.

Но розовый мальчик недоверчиво посмотрел на него.

— Вы не знаете, что такое превращалка! — насмешливо сказал он. — Да об этом знают все наши мальчики и девочки! Про нее даже в песне поется!

И действительно, ребята слышали, как целая толпа малышей, бежавших по улице, пела:

Кружок, брусок и палка —

Готова превращалка.

Хочешь — будет самолет,

Хочешь — будет пароход,

Хочешь — будет грузовик.

Что ты хочешь — назови!

Ребята пели эту песню на бегу и на бегу размахивали какими-то блестящими белыми чурками, кружками и палочками.

«Как у Сережи!» — подумала Таня и вместе с Сережей побежала вслед за толпой маленьких мастеров. Но, хоть и привыкли наши ребята к быстроте этого веселого города, все же они никак не могли поспеть за бегущими мальчиками и девочками.

Маленькие мастера, не сделавшие, видно, ни шагу, пока Сережа и Таня были в гостях у Старого Фонарщика, стали

при них настоящими скороходами! А Таню к тому же очень задерживал медвежонок — он все время на ходу засыпал, валился на землю и лежал там, мирно посапывая.

Вот уже веселая толпа маленьких мастеров завернула за угол и пропала из виду, а Таня все еще пыталась разбудить и поставить на ноги медвежонка, который заснул посреди дороги.

— Таня, я сейчас его отшлепаю! — нетерпеливо пригрозил Сережа. — Скорей бежим в мастерскую!

— Ой, сейчас, Сереженька, сейчас! Ты не сердись, ведь он еще маленький! Вставай, Мишук, вставай! Вы бегите, мы вас сейчас догоним!

— Ну уж нет, пойдем все вместе! — сердито сказал Сережа.

— Вперед! — кричал Булька. — Оставьте этого соню! Вперед! За превращалкой!

— Вам нужна превращалка? — неожиданно спросил чей-то крадчивый голос.

— Нужна! — крикнул Булька, прежде чем Сережа и Таня успели ответить.

— Пожалуйста! — И высокий незнакомец в зеленых очках и низко надвинутой на лоб шляпе протянул Бульке небольшой пакет и сейчас же скрылся за углом.

— Булька, верни! — крикнул Сережа.

Но Булька уже разорвал пакет, а Таня с любопытством наклонилась над ним.

— Неужели это настоящая превращалка? — с удивлением спросила она. — Кружок? Да, тут кружок...

— Это просто часы, — сказал Сережа, — только неизвестной марки.

— Да, какие-то странные, — прошептала Таня. — Как тихо они тикают! Совсем не слышно...

— Дай-ка я заведу их! — И Сережа взял часы.

Но, как только он дотронулся до завода, пружинка с еле слышным звуком оборвалась.

— Остановились! — испуганно сказала Таня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ГОРОД ЗАБЫТЫХ ИГРУШЕК

*И окна и двери закрыты,
Над городом — серый туман.
И в городе этом забытом
С друзьями не встретиться нам.*

Внезапно все изменилось. Стало так тихо, как будто приближалась гроза.

Это была не та тишина, которую дети слышали ночью в спящем городе бабушки Куклы.

Та тишина была теплая, ласковая. Так тихо бывает в детской, когда маленькие дети уже спят и сонное их дыхание смешивается с мурлыканьем кошки.

Нет, эта тишина была тревожной, гнетущей. Все кругом приняло синеватый, мрачный оттенок.

А вдалеке, как в тумане, виднелись очертания серых тяжелых ворот. И дети медленно направились к ним.

Никто как будто не сторожил этих ворот, только неподвижная серая сова сидела наверху.

Тане показалось, что она моргнула глазами, когда они подошли, но Сережа ничего не заметил.

Он дернул нитку, висевшую у совы на шее, и вдруг серые веки поднялись, серые крылья захлопали, и сова захрипела:

*Это Город забытых игрушек,
Это Город забытых игрушек.
Здесь не любят веселых гостей.
Мы поставим вас всех на колени,
Не будите минувшего тени,
Уходите отсюда скорей!*

— На колени? — с возмущением сказал Сережа. — Как бы не так!

Он еще раз сильно дернул нитку и отпустил ее. Сова резко хлопнула крыльями и замолчала. Глаза ее закрылись. Она снова как будто не видела детей.

— Идемте! — решительно сказал Сережа и первый вошел в ворота.

Таня шла за ним следом и вела за руку медвежонка, а другой рукой крепко держала серебряный фонарик. Булька тихонько подпрыгивал позади.

Серая улица глядела на них слепыми окнами серых домов, изъеденными временем седыми каменными стенами.

Дети шли, медленно пробираясь в тумане. Он висел в воздухе пепельной дымкой, и сквозь эту дымку Таня увидела старинный замок с остроконечными башнями. Стрельчатые окна замка тускло поблескивали.

— Сережа, может, это дом с волшебными окнами? — неуверенно спросила Таня.

Сережа внимательно всматривался в туман. Теперь и он разглядел замок.

— Уж очень он мрачный! — сказал Сережа. — Но окна в нем и правда как будто волшебные.

Дети направились к замку, но он начал отодвигаться от них в туман.

Отошли назад — замок снова стал на свое место.

— Ой! — закричал вдруг Булька.

Он прыгнул вперед и стукнулся головой обо что-то невидимое. И сейчас же туман стал быстро рассеиваться. Он светлел и светлел, и дети увидели, что у дороги стоит большой ящик, покрытый потускневшим от времени лаком.

Замок как будто растаял в тумане. Но на стенках ящика были нарисованы причудливые окна, лесенки, мосты.

Из окон выглядывали нарядные дамы в старинных напудренных прическах и завитые мальчики в шелковых куртках с кружевными воротниками.

— Какой хорошенький ящик! — сказала Таня. — Помнишь, Сережа, мы видели такой в музее игрушек. Когда его заводили, в нем играла музыка!

— Попробуем, — сказал Сережа и нажал какую-то пуговку на крышке ящика.

Крышка начала медленно открываться, и в ящике раздалась очень тихая и нежная, похожая на звон серебряных колокольчиков музыка.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ФАРФОРОВЫЙ ПРИНЦ

*Мы старинные игрушки —
Дамы, принцы и пастушки.*

— Какие хорошенькие человечки! — сказала Таня, заглядывая в ящик. — И как славно они танцуют!

Фарфоровые дамы и кавалеры жеманно передвигались под музыку и слащаво улыбались Тане.

— Хорошенькие? — возмутился Сережа. — А по-моему, они просто кривляки!

— Ну, Сережа, зачем ты так говоришь! — обиделась Таня. — А сам смотришь на них!

— Конечно, смотрю, — сказал Сережа. — Мне просто хочется узнать, отчего это они танцуют. Тут, наверно, какой-то механизм.

И Сережа нагнулся над ящиком. Но только он хотел дотронуться до одного из человечков, как вдруг танец прекратился, фарфоровые человечки разбежались по углам, а музыкальный ящик начал вызванивать песенку:

*Мы старинные игрушки —
Дамы, принцы и пастушки.
Динь-донь!
Если тронешь нас — как блюдца,
Наши ручки разобьются.
Не тронь!
Мы фарфоровы, мы тонки.
Уходите прочь, девчонки,
От нас!
Если тронешь нас — как блюдца,
Наши ножки разобьются
Сейчас!
Опустите снова крышку,
Отпустите нас, мальчишка!
Динь-дон!..*

— Ни за что не опущу крышку! — сказал Сережа. — Я еще и стенку открою!

— Смотри-ка, Сережа, в стене ключ! — сказала Таня.

Сережа повернул ключ — и вдруг крышка захлопнулась, а стена ящика открылась перед ним, как дверь.

И вот Сережа, Таня, медвежонок и Булька гуськом, осторожно вошли в эту дверь и остановились.

Перед ними была комната, уставленная старинной золоченой мебелью.

В комнате никого не было. Танцующие человечки куда-то исчезли. Только на больших золоченых часах стояли непод-

вижные фарфоровые фигурки. Но в комнате все время что-то звенело.

— Интересно, что это звенит? — сказал Сережа, оглядываясь.

Булька снова повеселел и стал прыгать по шелковым креслам с выгнутыми позолоченными спинками.

От его прыжков звон усилился.

Теперь звенело за самой Сережиной спиной, и он быстро обернулся.

В углу за буфетом стоял, притаившись, мальчик Сережиного возраста в голубом шелковом костюме. Желтые волосы, завитые крупными локонами, падали на его плечи.

Нежно-розовое, какого-то фарфорового оттенка лицо было искажено страхом.

Мальчик дрожал всем телом и, как это ни странно, звенел от этой дрожи. К ногам его прижималась крошечная белая собачонка.

— Ай! — завизжал он, увидев Сережу. — Не трогайте меня, добрый мальчик, умоляю вас, не трогайте меня!

Собачонка завизжала вместе с ним.

— Да я вовсе и не собираюсь вас трогать, — удивленно сказал Сережа. — И чего это вы так дрожите? Холодно вам, что ли?

Бум! Это Булька опрокинул стул с золоченой спинкой и подскочил к буфету.

— Ай-ай! — завизжал еще громче мальчик с фарфоровым лицом. — Уберите его! Уберите его прочь! Мяч разобьет меня! — И он затопал ногами и зарыдал.

— Да вы просто трусишка! — сказал Сережа, с любопытством разглядывая дрожавшего от страха мальчика. — Булька, не смей тут прыгать! Таня, подойди сюда, пожалуйста!

Сережа еще раз с презрительным сожалением взглянул на рыдвшего мальчика и отошел в сторону. Таня, наверно, сумеет лучше, чем он, успокоить этого странного мальчишку.

И действительно, при виде Тани фарфоровое лицо мальчика сразу изменилось.

— Какая хорошенькая девочка! — протянул он и церемонно раскланялся перед ней.

Таня никогда еще не видела таких длинных поклонов. Мальчик с фарфоровым лицом отставил назад ногу и, низко склонившись перед Таней, поднял высоко над головой свою голубую шелковую шляпу.

— Вы принцесса? — спросил он.

— Нет, что вы! — сказала Таня, краснея.

— Значит, вы герцогиня? — спросил мальчик с фарфоровым лицом, поднимая голову.

— Конечно, нет, — ответила, улыбаясь, Таня.

— Графиня? Баронесса? — отрывисто спрашивал мальчик.

— Да нет же, нет! — засмеялась Таня.

Мальчик с фарфоровым лицом выпрямился и, снисходительно глядя на Таню, спросил:

— Но, может быть, вы фрейлина?

— Что это такое — фрейлина? — шепнула Сереже Таня.

— Это, кажется, так называли королевских служанок, — ответил Сережа. — Как он смеет думать, что ты королевская служанка!

Мальчик с фарфоровым лицом стоял неподвижно, надменно глядя на Сережу и Таню.

— Откуда вы явились, — сказал он презрительно, — что даже не знаете, кто такие фрейлины? И как вы смели войти без разрешения в мои покои?

— Сережа, он гонит нас! — с удивлением сказала Таня.

— Пускай попробует! — сказал Сережа. — А мне с этим типом и разговаривать неохота. Скажи ему, что у нас давно уже нет ни принцев, ни принцесс. Их всех разогнали еще до нашего рождения.

— Хотелось бы мне посмотреть хоть на одного живого принца! — вздохнув, сказала Таня.

— Смотрите, — снисходительно произнес мальчик с фарфоровым лицом. — Я последний принц из династии Фарфорового дома. За мою жизнь дрожит все королевство.

— Ты сам дрожишь больше всех! — неожиданно закричал Булька, все время злившийся, что дети так церемонятся с этим трусишкой.

— Как вы смеее?! — закричал Фарфоровый Принц. — Уберите прочь этого негодяя! Разбейте его на мелкие кусочки!

— Хо-хо! — захохотал Булька. — Меня-то не разобьешь, а вот тебя...

И он скакнул прямо к Фарфоровому Принцу.

— Булька, назад! — крикнули одновременно Сережа и Таня.

— Смотри-ка, Сережа, он в обмороке!..

— Подведите меня к окну, — прошептал Фарфоровый Принц, вцепившись в Танину руку.

— Вы хотите подышать свежим воздухом? — И Таня, осторожно положив в карман фонарик, подвела принца к окну.

Принц сейчас же высунулся в окно и долго не оборачивался.

— Пойдем, Таня, — сказал Сережа, — мы все равно не узнаем ничего путного от этого трусишки.

— Пугнуть бы его напоследок! — захохотал Булька и прыгнул прямо к белой собачонке.

Та завизжала совсем как принц, побежала к окну и, споткнувшись о стул, разлетелась на мелкие кусочки.

— Булька! — крикнул Сережа.

— Как тебе не стыдно! — огорченно сказала Таня. — Извините его, пожалуйста! — обратилась она к принцу.

Тот стоял у окна и дрожал. Лицо его было уже не розового, а какого-то зеленоватого цвета.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — процедил он сквозь зубы и снова обернулся к окну.

— Я думала, он больше огорчится, — удивленно шепнула Сереже Таня.

— Идем скорей! — вдруг сказал Сережа, хватая Таню за руку. — Я заметил сейчас, что он подал кому-то в окно знак!

Таня схватила дремавшего на золоченом стуле медвежонка, и дети бросились к дверям.

— Не извольте беспокоиться! — захихикал вдруг Фарфоровый Принц. — Дверь заперлась, как только вы вошли сюда. В моем замке секретные замки.

И он захихикал еще громче.

— Булька, прыгай в окно, — крикнул Сережа, — и мчись к нашим! Засада!

— Не пущу! — завизжал Фарфоровый Принц.

Но Булька уже перескочил через его голову.

За окном послышалась суматоха, удары, чьи-то проклятия... Потом все стихло.

— Ускакал! — сказал Сережа. — Таня, дай мне руку и ничего не бойся. Сейчас они придут сюда.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ОЛОВЯННЫЙ ГЕНЕРАЛ

*— Вы подумайте, солдаты,
Разве дети виноваты?
Вы подумайте, солдаты,
Сколько горя от войны!
— Оловянные солдаты!
Думать вовсе не должны.*

Сейчас же послышался гулкий топот множества ног. Дом окружали со всех сторон.

— Сережа! — сказала Таня.

Сережа обернулся.

— Танечка, — сказал он ласково, — Танюша, милая... (Никогда еще брат не называл ее так.) Танюша, только не унижай себя перед ними, не плачь, они все равно не сжалятся.

— Сережа, а мама? Нет, нет, я уже ничего... Только ты крепче держи меня за руку.

Одугловатое лицо с оловянными глазами показалось в дверях.

— Генерал! — восторженно взвизгнул Фарфоровый Принц. — Наконец-то!

— Обыскать! — глухо сказал Оловянный Генерал, не глядя на принца.

И в комнату вошли, стуча сапогами и как-то странно переставляя ноги, оловянные солдаты во главе с оловянным офицером.

Они грубо обшарили Сережу, Таню и медвежонка.

— Найдено оружие! — щелкнув шпорами, доложил оловянный офицер и подал Оловянному Генералу Сережин перочинный ножик.

— Но ведь это простой перочинный нож! — сказал Сережа.

Он заставил себя взглянуть прямо в лицо Оловянному Генералу, и ему показалось, что сердце его сжали железными тисками. Пустые оловянные глаза смотрели куда-то в пустоту позади Сережи.

— Взять! — отчеканил глухой голос.

И сейчас же оловянные солдаты окружили Сережу и Таню.

— Ведь мы же маленькие! Солдаты! Подумайте сами! — сказала Таня, обнимая испуганно прижавшегося к ней Мишутку.

— Оловянные солдаты думать вовсе не должны, — сказал в пустоту глухой голос. — Эти дети виновны. Предать их суду!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

МУДРЕЦЫ С КАЧАЮЩИМИСЯ ГОЛОВАМИ

За часом час, весь день-деньской

Они качают головой.

У них на все один ответ —

Они всегда ответят: «Нет!»

Дети ожидали чего угодно, но то, что они увидели в следующую минуту, было так неожиданно, что даже Мишутка вздрогнул и прижался к Тане.

В дверь важно входил маленький человечек с огромной головой. При каждом его шаге голова качалась то вправо, то влево.

За ним шли еще несколько человечков, но те, очевидно, были не такие важные, так как головы у них раскачивались немножко потише.

— Суд идет! — провозгласил фарфоровый мопс, сидевший все время на шкафу, и странные человечки остановились посреди зала.

— Мудрецы! Судите их строже! — взвизгнул Фарфоровый Принц.

— Приведите подсудимых! — тонким голоском откликнулся Главный Мудрец.

Два человечка с раскачивающимися головами сейчас же стали около детей.

— Мы не подсудимые, — сказала Таня, — мы дети.

— Подсудимые дети! — пропищал Главный Мудрец. — У вас головы не раскачиваются, значит, вы не имеете права на отрицание. Право отрицать имеем только мы, мудрецы с качающимися головами. Кто мудрее всех на свете? Тот, кто все отрицает. А наши головы все время отрицают все на свете!..

И Главный Мудрец так сильно закачал головой, что Сережа подумал: «Сейчас она свалится с плеч!»

— Подсудимые дети, — продолжал Главный Мудрец, немного успокоившись, — почему вы стоите, взявшись за руки и прижимаясь друг к другу?

— Потому что нам вместе не страшно, — сказала Таня. — Когда мы вместе, мы не боимся вас. Вместе всегда легче.

Главный Мудрец повернулся к Сереже.

— И ты утверждаешь это? — насмешливо спросил он.

— Конечно, — ответил Сережа.

— Первое преступление! — провозгласил Главный Мудрец. — Мудрецы! Эти дети утверждают, что на свете есть дружба. Так ли это, мудрецы?

Маленькие человечки сейчас же отрицательно закачали головами.

— Вы видите? — торжествующе взвизгнул Главный Мудрец. — Дружбы на свете нет! И за ваше первое преступление вы понесете должное наказание.

— Отпустите нас, — сказала Таня, — нас мама ждет!

— Откуда ты знаешь, что мама ждет вас? — иронически улыбаясь, спросил второй мудрец.

— Потому что она любит нас, — сказала Таня, с удивлением глядя на мудрецов.

— И ты утверждаешь это? — взвизгнул Главный Мудрец, обращаясь к Сереже.

— Конечно! — ответил Сережа.

— Второе преступление! — пропищал в восторге Главный Мудрец. — Мудрецы! Эти дети утверждают, что на свете есть любовь. Так ли это, мудрецы?

Маленькие человечки еще сильнее закачали головами.

— Вы видите? — захихикал Главный Мудрец. — Любви на свете нет! И за свое легкомысленное утверждение вы понесете должное наказание.

Таня взглянула на Сережу. Ее немного удивляло, что Сережа молчит и как-то странно смотрит на судей. А Главный Мудрец еще раз хихикнул и, снова обращаясь к Тане, сказал:

— Ну, что же ты еще хочешь сказать в свое оправдание?

— Я не знаю, в чем мне оправдываться, — сказала Таня. — Я всегда говорю правду. Я говорю вам, что мама ждет нас. Она ждет нас в доме с волшебными окнами.

Мгновенно наступило молчание. Главный Мудрец, надувшись и покраснев, как индюк, силился что-то сказать, но не мог — так он злился. Голова его болталась то вправо, то влево, как маятник, и у Тани даже зарябило в глазах от этого мелькания.

— Подсудимые дети! — пропищал наконец Главный Мудрец. — Милость фарфоровых мудрецов неистощима — мы даем вам право на одно отрицание. Вы имеете право раз в жизни воспользоваться им, но воспользуйтесь им умно. Мы требуем, чтобы вы сказали, что дома с волшебными окнами нет!..

— Он есть! — сказал Сережа. — И мы в него войдем, хотя бы нам пришлось разбить руки о его двери!

— Довольно! — завизжал неожиданно Фарфоровый Принц. — Я не могу больше их слышать — они разобьют нас! Посадите их немедленно в крепость!

— Сережа, я боюсь! — шепнула Таня, прижимаясь к брату.

— Не бойся! — сказал Сережа громко. — Разве ты не видишь, что это просто фарфоровые болванчики?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БОЙ

Трубы громко играют

И песню поют.

Эта громкая песня

Про лошадь мою,

Про коня боевого,

Лихого коня.

У него на подковах

Четыре огня!

Он летит, словно ветер,

Когда я пою.

Если недруга встретит —

Победит он в бою!

Сережу и Таню вели по пустынной улице. Дома глядели по-прежнему — глухими стенами. По-прежнему все окна были закрыты.

А позади детей слышался равномерный, равнодушный топот. Это шли оловянные солдаты.

Как странно передвигались оловянные солдаты, как странно они подергивали руками и ногами!

Вот дети под конвоем оловянных солдат и офицеров вышли на площадь, и высокая серая башня сразу выросла перед ними.

Вот заскрипел в замочной скважине огромный ключ и заскрежетала железная дверь... Зеленая морда выглянула из дверей и ухмыльнулась...

— Крокодил! — испуганно вскрикнула Таня.

И вдруг — бум! — ухнуло, грохнуло что-то вдали.

— Скорей! — глухо крикнул оловянный офицер.

Конвойные подтолкнули детей к железным дверям крепости. Крокодил уже схватил Таню за руку...

И вдруг выпустил ее и покачнулся — что-то стремительное, круглое, красно-синее с силой ударило его по голове и прыгнуло в руки детям.

— Булька, Булька, дорогой! — закричала Таня. — Откуда ты?
— Сверху! С самолета! — закричал Булька.

Блестящие серебряные самолеты летели над пустынными улицами, и мячи, мячи, мячи соскакивали с них без конца!

А стукнувшись о землю, мячи ничуть не ушибались — им такие прыжки были только полезны!

Дети оглянулись — ни конвойных, ни Крокодила уже не было. Только большая зеленая тряпка валялась на земле. Это было все, что осталось от Резинового Крокодила.

А мячи мчались вперед и вперед, перепрыгивая через заборы, через дома, и впереди всех скакал Булька, а Сережа и Таня с Мишуткой бежали вслед за ним.

Какой бой кипел на окраине города!

Глухо ухали оловянные пушки. Оловянные ядра летели со страшной быстротой.

Но ядра-мячи летели быстрее!

Они залетали в тыл врагам, они сбивали с ног всех неприятельских артиллеристов, они взвивались в воздух и сбивали на лету несущиеся прямо на детей оловянные ядра!

Оловянное войско двигалось мерным, неживым строем.

И вдруг прямо на оловянные ряды пошла вперевалочку сплоченная сердитая колонна.

— Мишук, медведи! — закричала Таня.

Ну конечно, это были плюшевые медведи, и впереди всех шел огромный бурый медведь — их старый нелюбезный знакомый.

Ух, как здорово он начал расталкивать лапами оловянных солдат!

— Конница! — закричал Сережа. — Конница, вперед!

Боевые деревянные кони помчались по полю навстречу врагам, и оловянные солдаты отступили и побежали, падая и увлекая за собой все оловянное войско.

И тогда, страшные и черные, как огромные гусеницы, поползли по полю оловянные танки.

И что это? Почему на эти страшные танки двинулись такие нестрашные, такие обыкновенные деревянные зеленые грузовики?

Черные танки не боятся этих грузовиков, они надвигаются прямо на них, вот сейчас они раздавят их!

— Ай-ай! — кричит Таня.

И вдруг по полю побежала целая толпа мальчиков и девочек Игрушечного города, тех самых, которые были в цирке, а потом убежали в мастерскую. В руках у ребят из Игрушечного города какие-то кружки, бруски и палки. Сережа бежит к ним навстречу, и они окружают его и совсем скрывают.

А черные танки надвигаются.

— Сережа! — кричит Таня. — Я боюсь!

— Иду-у! — отвечает где-то рядом Сережа. — Не бойся!

Вот черные танки подошли уже вплотную к грузовикам, и вдруг шоферы грузовиков нажали на маленькие рычажки, и — трах! — поднялись и захлопнулись над грузовиками крышки, и зеленые броневики идут прямо на врагов!

Впереди — головной броневик, ярко-зеленый, с красной звездой на боку.

И вдруг в него ударяется огромное оловянное ядро и пробивает в его броне брешь. Из броневика выглядывает водитель.

Да ведь это дедушка Мяч! Сам дедушка Мяч — водитель главного броневика! Сейчас враги окружают его, возьмут его в плен!

Но на помощь к нему бежит Сережа, а за ним маленькие мастера из Игрушечного города. Что это за удивительную машину катят они перед собой? Она похожа и на грузовик, и на пароход, и на самолет!

Дедушка Мяч сорвал со своей круглой головы шлем и размахивает им — он увидел чудесную машину!

И враги тоже увидели ее: черные танки поспешно уползают прочь.

А дедушка Мяч вскакивает в необыкновенную машину, похожую на грузовик, нажимает какой-то рычаг, и машина взлетает вверх, как самый лучший самолет!

— Превращалка! — кричит Сережа и прыгает и размахивает руками. — Превращалка! Ура!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВОТ И СКАЗКЕ КОНЕЦ

— Игралочка, да где ж она,

Игралочка, твоя страна?

Туда не ходят корабли,

На свете нет такой земли,

Ее ты выдумал!..
— Ну что ж,
На правду этот сон похож.

Дети стояли, взявшись за руки. Сонные, притихшие, жались к ним Булька и медвежонок.

На улицах было совсем темно, потому что наступила ночь, и пора, давно уже пора было возвращаться домой.

Враг был разбит, разбит в буквальном смысле слова — на мелкие кусочки. Бесславно окончил свои дни Резиновый Крокодил. Чудесная машина превращалка выручила детей. И друзья помогли им в пути.

Но дети знали, что Оловянный Генерал еще цел, а дом с волшебными окнами не найден.

— Как темно! — сказала Таня.

Она подняла руку, в которой крепко держала палочку с серебряным фонариком, и на осветившейся молочным светом улице дети увидели Старого Фонарщика.

Он шел в своей белой пушистой шубе и держал в руках простую палочку.

Вот он взмахнул ею, и — красные, зеленые, синие — вспыхнули сразу все фонари и осветили волшебным светом улицу игрушечного города.

И сейчас же тоненький-тоненький хор детских голосов раздался вокруг, и по улице побежала толпа крошечных белых малюток.

— В лес! В елочный лес! — кричали они.

А за белыми малютками бежали красные лисички, золотые петушки, мохнатые волки.

— В лес! В елочный лес! — кричали они.

— Пора отпустить друзей, — сказал голос Старого Фонарщика над самым Таниным ухом, и Таня сразу вспомнила свое обещание, данное доброму Морозке в старом лесу.

Она нежно поцеловала маленького медвежонка, который уже сладко спал у нее на руках, и передала его Старому Фонарщику.

— Отнесите его, пожалуйста, домой, — сказала она, — и кланяйтесь дедушке Морозке, и Михайлу Иванычу, и лисичке. Мы непременно придет к ним еще раз!

Булька прыгал то в Сережины, то в Танины руки и что-то горячо выкрикивал, но так торопился, что понять его было невозможно.

Вот и он ускакал за Старым Фонарщиком, и дети остались совсем одни.

В окошках гасли огни — это игрушки укладывались спать. Детям видно было, как сидят в креслах дедушка Мяч и бабушка Кукла и старые их белые головы клонятся от сна.

— До свидания, дедушка Мяч! — сказал Сережа.

— До свидания, бабушка Кукла! — сказала Таня.

— Спите спокойно — Оловянный Генерал далеко. А если он опять нападет на вас, мы придем на помощь!.. И в этот раз мы уже не выпустим его!..

— Прощай, Игралочка! Мы долго будем помнить тебя!

И Таня подняла еще выше свой серебряный фонарик.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ДОМА

Кто стреляет громче пушки?

Разноцветные хлопушки.

Елочная загадка

— Сережа! — воскликнула Таня.

Свет серебряного фонарика упал прямо на окна большого дома.

— Дом с волшебными окнами! — сказал Сережа. — Таня, там елка, смотри!

И вдруг все вспыхнуло сразу и засияло!..

По веткам побежали маленькие поезда из разноцветных лампочек — они мчались в самую гущу ветвей, и там, наверно, было самое интересное.

Золотой петух выскочил из своего домика и захлопал крыльями.

Рыжая лисичка, спрятавшись за веткой, глядела на него. А маленькие лыжники скользили по снежным дорожкам.

Ух, как заскрипели полозья! Это катил с самой верхушки вниз на красных саночках маленький дед Мороз!

Румяные персики были подернуты пушком; они раскачивались на ветках рядом с тяжелыми орехами и прозрачными бабочками...

А под елкой! Сколько там стояло подарков рядом с белым дедом Морозом, ухмылявшимся в усы! Всего нельзя было и разглядеть.

Но на самом видном месте лежал большой красно-синий мяч.

А у ствола елки сидел, прижавшись, плюшевый медвежонок и смотрел прямо на открытый ящик с каким-то кружками, брусками и палочками.

И вдруг — бум! — ударили тарелки Петрушки, запела музыка, захлопали хлопушки, веселые ребячьи лица замелькали вокруг елки, и тепло обитая дверь распахнулась прямо перед детьми.

— Да ведь это наша дверь! — сказала Таня.

— Да ведь это наш дом! — сказал Сережа.

А мама уже стояла на пороге и протягивала к ним руки.

Содержание

В ПЛЕНУ У СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН. ЁЛКА	7
ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН. СНЕГОВИК	14
ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН. СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА	19
ПЕТЕР КРИСТЕН АСБЬЕРНСЕН. ПЕР ГЮНТ	42
ПЕТЕР КРИСТЕН АСБЬЕРНСЕН. ВЕЧЕР, ПРОВЕДЕННЫЙ В ОДНОЙ НОРВЕЖСКОЙ КУХНЕ	47
САКАРИАС ТОПЕЛИУС. ЗИМНЯЯ СКАЗКА	56
САКАРИАС ТОПЕЛИУС. САМПО-ЛОПАРЕНОК	65
САКАРИАС ТОПЕЛИУС. ТРИ РЖАНЫХ КОЛОСА	79
САКАРИАС ТОПЕЛИУС. ЗВЕЗДОГЛАЗКА	84
АСТРИД ЛИНДГРЕН. ВЕСЕЛАЯ КУКУШКА	91

ЗА СИНЕЙ ПТИЦЕЙ

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН. ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ	99
ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУФ. ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ	151
ОСКАР УАЙЛЬД. МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА	194
МОРИС МЕТЕРЛИНК. СИНЯЯ ПТИЦА	210
ДЖАН ЛУИДЖИ БЕРТИ. ЗИМНЯЯ ВЕДЬМА	251

ДОМ С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ

ВЛАДИМИР ОДОЕВСКИЙ. МОРОЗ ИВАНОВИЧ	257
ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ. ДВА БРАТА	263
ЭСФИРЬ ЭМДЕН. ДОМ С ВОЛШЕБНЫМИ ОКНАМИ	276

ФЕЙЕРВЕРК ПОД РОЖДЕСТВО

Редактор Л. Хренникова

Художник Е. Рожкова

Технический редактор А. Щербаков

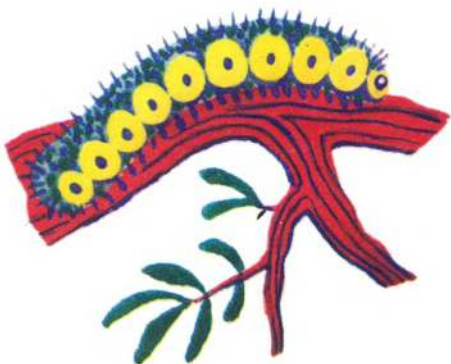
Корректор С. Цыганова

Сдано в набор 21.VI.93. Подписано в печать 23.VIII.93. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 28,6. Тираж 100000 (1-й з-д 1—50000). Заказ № 31302.

Полиграфкомбинат Государственного департамента Республики Молдова
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
277004, г. Кишинев, ул. Митрополита Петру Мовилэ, 35.

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Дорогой читатель!

ТОО «БИБЛИОПОЛИС» (г. Санкт-Петербург), фирма «РИТА» (г. Москва) и издательство «КИМОС—АРД» (г. Москва) приступили к выпуску 20-томной серии «Сказка за сказкой».

Серия откроет перед Вами безграничное богатство сказочного мира, который принадлежит всем нам, но прежде всего — нашим детям, — они и есть главный адресат наших книг.

Группа молодых художников подготовила красочное и оригинальное оформление серии, что в сочетании с известными и подчас малоизвестными сказками доставит детям истинную радость чтения.

В нашей серии:

Жил-был король...

Сказки писателей Европы

Золотая ладья

Сказки и легенды с лазурной Адриатики

Шутка черного лешего

Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе

Подарки феи

Сказки о феях, троллях и эльфах

Братец Лис и Братец Кролик

Сказочные истории из жизни птиц и зверей

Заколдованный халат

Арабские сказки, не вошедшие в «1001 ночь»

Джованнини и Пульчероза, а также Чиполлино и другие

Итальянские сказки

Великанья изба, колбасная крыша

В стране гор, великанов и змеев

Тринадцать заколдованных котов

Сказки народов Британии

Ширма с драконом

Японские сказки

и другие...

Заявки на оптовые поставки тиража принимаются:

Москва

☎ (095) 176-80-04

Санкт-Петербург

☎ (812) 110-15-12

**Наша серия - сказки всех
времен и континентов -
многотомная сказочная
энциклопедия для дома**